Мандловъ. 705

Р. ОРЖЕНЦКІЙ.

О-659

УЧЕНІЕ
ОБЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ЯВЛЕНІИ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ТЕОРІЮ ЦѢННОСТИ.

4291

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая, 43.
1903.

2-й экз

Прив 38

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

И. д. Ректора *А. Деревицкій*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о томъ, что такое экономическое явленіе, обращаетъ на себя мало вниманія; это объясняется тѣмъ, что можно открывать экономическіе законы, прилагать правильные методы къ изученію экономическихъ явленій, и не задаваясь вопросомъ о природѣ экономическаго явленія. Однако правильное рѣшеніе этого вопроса сразу дало бы критерій для оцѣнки прилагаемыхъ методовъ и получаемыхъ результатовъ и подвело бы прочный фундаментъ подъ теорію экономической науки.

Можно искать опредѣленія экономическаго явленія либо съ точки зрѣнія его конечной сущности, либо какъ реальнаго явленія. Въ первомъ случаѣ экономическое пришлось бы свести къ вещи въ себѣ, къ познавательной категоріи, міровой волѣ и тому подобнымъ сущностямъ, въ зависимости отъ той или другой философской исходной точки зрѣнія. Такое опредѣленіе не представляло бы однако правильнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ оно уясняло бы природу экономическаго явленія въ качествѣ только сущаго, а не въ качествѣ спеціально экономическаго. Экономическое должно быть опредѣлено, какъ реальное явленіе, съ которымъ приходится имѣть дѣло реальному человѣку въ реально данномъ мірѣ явленій.

Въ этомъ смыслѣ экономическое явленіе можетъ быть либо физическимъ явленіемъ, либо психическимъ. Взглядъ на экономическое, какъ на нѣчто матеріальное, является ходячимъ какъ въ жизни, такъ и въ теоріи. Однако напрасно стали бы мы

искать признака, дѣлающаго явленіе экономическимъ, среди физическихъ свойствъ вещей, и всѣ попытки въ этомъ направленіи оказываются неудачными. Экономичность явленій составляетъ проявленіе опредѣленнаго психическаго отношенія нашего къ вещамъ и процессамъ, и, такимъ образомъ, экономическое является психическимъ. Здѣсь открывается возможность снова ввести въ понятіе экономическаго явленія метафизическую сущность, но уже не черезъ самое экономическое явленіе, а черезъ психику человѣка, какъ субъекта этого явленія. Разсматривая хозяйственную дѣятельность, какъ дѣятельность, направленную къ цѣли, утверждаютъ или допускаютъ возможность, что цѣль является продуктомъ человѣка, какъ умопостигаемой сущности, не связанной закономъ причинности въ сферѣ своей абсолютной метафизической свободы. Но такъ какъ отъ метафизической свободы нѣтъ перехода къ реально данному міру причинной необходимости, то всѣ подобныя попытки, будучи метафизическими построеніями, выходятъ за предѣлы научной теоріи.

Сущность экономическаго должно искать въ особомъ отношеніи человѣка къ объектамъ. Вообще всякое отношеніе человѣка къ объектамъ выражается въ опредѣленіи значенія ихъ, оцѣнкѣ, и вытекающей отсюда дѣятельности. Цѣнность объектовъ, положительная и отрицательная, представляетъ собою то, что влечетъ человѣка къ однимъ объектамъ и отвращаетъ отъ другихъ. Но если цѣнность является, съ одной стороны, цѣлью, то, съ другой, она же репрезентируетъ собою и причину, производящую дѣйствіе человѣка. Цѣнность есть не что иное, какъ проекція чувства на объектъ, вызывающій это чувство въ психикѣ субъекта. Но чувство представляетъ собою тотъ именно необходимо и безусловно предшествующій моментъ, который опредѣляетъ направленіе воли. Такимъ образомъ то, что проицируется на объектъ, въ качествѣ цѣнности и цѣли, является въ тоже время и причиной дѣйствія. Хотя дѣйствіе безспорно стремится къ цѣли, но въ сущности цѣлесообразность

дѣйствій есть не что иное, какъ ихъ причинная обусловленность.

Цѣнность представляетъ собою внѣшнее объединенное выраженіе тѣхъ моментовъ, изъ которыхъ образуются какъ понятія цѣли, такъ и причины въ дѣятельности человѣка. Отсюда вытекаетъ, что особенности и классификація послѣдней должны найти себѣ адэкватное выраженіе къ особенностяхъ и классификаціи цѣнностей. Всѣ цѣнности мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: объекты цѣнностей одной категоріи не доступны волевому воздѣйствію, другой — поддаются такому воздѣйствію. Перваго рода цѣнности можно назвать эстетическими, такъ какъ на ихъ объекты переносится только чувство, цѣнности второго рода будутъ практическими, такъ какъ на ихъ объекты переходитъ и дѣятельность человѣка. Во главѣ практическихъ цѣнностей теоретически должно быть поставлено summum bonum, та величайшая цѣнность, которая могла бы обнять все интеллектуальное содержаніе и привести въ дѣйствіе всю волю человѣка. По своей абсолютно большей величинѣ эта цѣнность неизмѣрима и несравнима ни съ какою другою цѣнностью. За практическимъ отсутствіемъ такой абсолютной цѣнности, значеніе ея заступаетъ координированная система или случайное соперничество многихъ цѣнностей. Эти послѣднія, хотя и не абсолютно несравнимы, но не обладаютъ точной измѣримостью, благодаря тому, что интеллектуальныя содержанія ихъ сложны и не поддаются сведенію къ какой либо общей единицѣ, для нихъ вообще отсутствующей. Такого рода цѣнности мы можемъ назвать этическими въ широкомъ смыслѣ слова.

По мѣрѣ того, однако, какъ интеллектуальныя содержанія цѣнностей упрощаются и составляютъ все менѣе существенную часть цѣнностей, преобладающее значеніе получаютъ чувственные элементы цѣнностей, обладающіе достаточною сравнимостью, вслѣдствіе чего и самыя цѣнности становятся количественно сравнимыми, а затѣмъ, благодаря нѣкоторымъ добавоч-

нымъ условіямъ, и количественно измѣримыми. Такому особому свойству цѣнностей адэкватно соотвѣтствуютъ специфическія особенности поведенія людей по отношенію къ объектамъ цѣнностей, причемъ эти особенности какъ разъ и совпадаютъ съ тѣмъ, что мы считаемъ экономическимъ. Такого рода измѣримыя цѣнности мы можемъ назвать экономическими, и природою ихъ опредѣляются сущность и законы экономическихъ явленій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ и ОГЛАВЛЕНІЕ . . . . . I—VIII

А. ЧАСТЬ КРИТИЧЕСКАЯ . . . . . 1—128

§ 1. **Общія замѣчанія.** Трудность опредѣленія экономическаго явленія вслѣдствіе его сложности и отсутствія рѣзкой границы между экономическимъ и неэкономическимъ явленіемъ . . . . . 1—4

§ 2. **Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ понятія богатства**—Разногласія въ опредѣленіи понятія богатства. Опредѣленія Милля, Macvane'a, Clark'a, Ely, Marshall'a, Molinari, Cauwès'a. Непригодность понятія богатства для опредѣленія экономическаго явленія . . . . . 5—16

§ 3. **Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ понятія обмѣна.** Опредѣленіе Perry. Понятіе обмѣна, съ одной стороны, заключаетъ въ себѣ явленія и неэкономическія, съ другой, не охватываетъ экономическихъ явленій . . . . . 16—25

§ 4. **Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ понятія хозяйственной дѣятельности.** Gans-Ludassy отожествляетъ экономическую дѣятельность съ дѣятельностью вообще. Другіе опредѣляютъ экономическую дѣятельность по признаку цѣли, средствъ, экономическаго принципа или по комбинаціи этихъ признаковъ. Marshall опредѣляетъ экономическую дѣятельность измѣримостью мотивовъ. Критика: отожествленіе экономической дѣятельности съ дѣятельностью вообще и цѣлесообразнаго съ экономическимъ неправильно; характеръ цѣли и средствъ не даетъ удовлетворительнаго критерія для опредѣленія экономическаго явленія; понятіе экономическаго принципа не отдѣляетъ экономики отъ техники и въ своей обыкновенной формулировкѣ является общимъ принципомъ всякой цѣлесообразной дѣятельности. Необходимо различать принципъ неточной и точной соизмѣримости средствъ съ цѣлью, на что указываетъ Marshall . . . . . 26—77

§ 5. **Признакъ общественности въ опредѣленіи экономическаго явленія.** Большинство писателей считаютъ общественность необходимымъ признакомъ понятія экономическаго явленія. Признакъ обще-

Стр.

ственности усматриваютъ въ связи индивидовъ, создаваемой общностью страны, принадлежностью къ націи или народу (Mangold), государству, политическому союзу (Wagner), или вообще разными политическими, экономическими и историческими условіями (Schmoller, Knies и др.). Общественность какъ извѣстная сторона или послѣдствіе отношеній производства (Marx и его школа). Общество, какъ организмъ (Schäffle и др.). Теорія Stammler'a. Критика. Національность представляетъ собою явленіе сложное, неоднородное, научно невыясненное и для экономическаго явленія постороннее. Понятіе народа и государства не входитъ въ опредѣленіе экономическаго явленія. Отношенія на почвѣ производства и экономическія отношенія не тожественны. Опредѣленіе общества въ смыслѣ организма не приводитъ къ удачному результату и невѣрно. Опредѣленіе Stammler'a обнимаетъ только часть соціальныхъ явленій . . . . . 77—116

§ 6. Нѣкоторыя другія опредѣленія экономическаго явленія. Большое количество признаковъ не дѣлаетъ опредѣленія болѣе точнымъ, но легко можетъ привести къ противорѣчіямъ въ опредѣленіи (опредѣленіе Л. Ходскаго). Слишкомъ широкія опредѣленія. Dr. Grabski, сводя экономическое явленіе къ терминамъ познанія, не разрѣшаетъ задачи, а обходитъ ее и, сверхъ того, невѣрно опредѣляетъ признакъ общественности . . . . . 116—478

Б. ЧАСТЬ ДОГМАТИЧЕСКАЯ.

I. Предварительныя методологическія замѣчанія . . . . . 129—199

§ 1. Человѣкъ, какъ субъектъ. Подъ экономическимъ явленіемъ можно понимать только субъективное отношеніе человѣка къ внѣшнимъ объектамъ. Подчиненіе человѣка объективнымъ біологическимъ законамъ не устраняетъ специфической особенности аппарата субъективныхъ отношеній его къ внѣшнему міру, проявляющихся въ цѣлесообразно-сознательной дѣятельности. Нельзя отрицать реальности субъективныхъ отношеній, исходя изъ матеріалистическаго взгляда на психику. Функціональная зависимость между душой и тѣломъ. Изслѣдованіе психической стороны субъективныхъ отношеній человѣка въ внѣшнему міру составляетъ объектъ особаго изученія, не совпадающаго однако съ задачей психологіи . . . . . 129—143

§ 2. Причинность или цѣлесообразность? По мнѣнію Stammler'a, Münsterberg'a и др., явленія цѣлесообразной дѣятельности свободны отъ дѣйствія причинности. Доказательства подобнаго утвержденія неубѣдительны . . . . . 143—162

§ 3. Полный и неполный причинный рядъ. При изученіи явленій взаимодѣйствія среды и субъекта, мы можемъ устанавливать правильную зависимость между внѣшними, воздѣйствующими на субъекта, причинами и внѣшними же результатами его дѣйствій, или провести цѣпь причинъ и слѣдствій между этими двумя конечными пунктами черезъ психику субъекта. Въ первомъ случаѣ получаются

Стр.

емпирическіе и неконечные законы, во второмъ точные и конечные, но абстрактные и часто гипотетичные 162–170

§ 4. Воля и ея причины. Изученіе полнаго причиннаго ряда требуетъ уясненія механизма произвольной реакціи субъекта на внѣшнія воздѣйствія. Произвольныя дѣйствія суть проявленія воли. Причину воли составляетъ чувственная окраска интеллектуальныхъ процессовъ. Отрицаніе самостоятельности воли и сведеніе ея къ отраженію физіологическихъ процессовъ невѣрно . . . . . 170—186

§ 5. Раздвоеніе воли на оцѣнивающую и дѣйствующую. Интеллектуально-чувственное состояніе даетъ начало двумъ волевымъ процессамъ, изъ которыхъ одинъ приписываетъ это состояніе вызывающему его объекту, въ видѣ цѣнности; другой воздѣйствуетъ на объектъ. Цѣнность не есть результатъ дѣйствующей воли и не совпадаетъ съ интеллектуально чувственнымъ состояніемъ предшествующимъ волѣ . . . . . 186—199

II. Оцѣнка . . . . . 199—308

§ 1. Теоріи Meinong'a и Ehrenfels'a. Изложеніе и критика . 199–235

§ 2. Теорія цѣнности. Интеллектуальный процессъ, какъ основа чувства. Конфликтъ чувствъ одного и того же и противоположныхъ направленій и различной величины и исходъ его. Проицированіе чувства на объектъ . . . . . 235—258

§ 3. Чувство, какъ элементъ оцѣнки. Чувство съ психологической стороны, какъ отношеніе или состояніе представленій, свойство ощущеній и самостоятельная категорія. Чувство съ физіологической стороны, какъ самостоятельный нервный процессъ, отношеніе прихода къ расходу силъ или питанія къ расходу энергіи. Чувство съ біологической стороны: соотвѣтствіе чувства удовольствія съ полезнымъ и страданія съ вреднымъ. Смыслъ и значеніе чувства . . . . . 258—283

§ 4. Качество чувства. Качественныя различія чувства зависятъ отъ интеллектуальныхъ содержаній. Чувство по качеству однородно. Удовольствіе и страданіе—два направленія чувства, что явствуетъ изъ перехода удовольствія въ страданіе и компенсаціи ихъ 284–295

§ 5. Измѣримость чувства. Измѣримость психическихъ состояній. Законъ Weber-Fechner'a и возраженія. Эмпирическая количественная сравнимость чувствъ 295–308

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦѢННОСТЬ 308–339

§ 1. Основные признаки. Цѣнности внутреннія и внѣшнія. Цѣнности, недоступныя волевому воздѣйствію—эстетическія—и доступныя таковому—практическія. Цѣнности, не допускающія точнаго измѣренія, и цѣнности, точно количественно сравнимыя. Экономическія цѣнности . . . . . 308—317

§ 2. Крайняя или конечная цѣнность. Законъ Bernoulli и послѣдующія его изложенія. Крайняя цѣнность, ея уравненіе посредствомъ производства и обмѣна. Крайняя цѣнность въ постоянно

Стр.

пополняющемся запасѣ представляетъ естественную единицу мѣры цѣнности. Выраженіе этой единицы мѣры въ деньгахъ . . . . . 317—339

IV. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ. Критика различныхъ опредѣленій общества. Различіе соціальныхъ формъ и нормъ поведенія; тѣ и другія происходятъ изъ однообразнаго повторенія индивидуальныхъ дѣйствій. Соціальное поведеніе состоитъ изъ отвлеченныхъ отъ конкретныхъ случаевъ и объективировавшихся формъ и нормъ поведенія. Иллюстрація этого положенія на нѣкоторыхъ соціальныхъ явленіяхъ. Природа соціальныхъ явленій не мѣшаетъ примѣненію къ нимъ психологическаго метода изслѣдованія . . . . . 339—372

СПИСОКЪ АВТОРОВЪ . . . . . 373—376

Александру Аполлоновичу
Лапшину.

А. Часть критическая.

§ 1. Общія замѣчанія.

Вопросъ о томъ, что̀ составляетъ предметъ изученія въ политической экономіи, является столь же спорнымъ, какъ и многіе другіе вопросы этой науки [1]). Даже больше, — его можно считать просто неразрѣшеннымъ до сихъ поръ, чему будутъ представлены доказательства въ дальнѣйшемъ изложеніи. Такимъ образомъ получается нѣсколько парадоксальное на первый взглядъ положеніе, что есть наука, но нѣтъ пока точно опредѣленнаго ея объекта. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ цѣлый рядъ т. н. экономическихъ теорій, напримѣръ, теорію цѣнности, прибыли, рабочей платы, ренты, денегъ и т. д., то безспорно, что всѣ онѣ могутъ быть представлены въ видѣ системы согласованныхъ между собою истинъ, которую трудно назвать иначе, какъ наукой, и притомъ наукой, представляю-

---

[1]) *Domenico Berardi*, Sul carattere e sul metodo della Economia Politica, Bologna, 1894. *John Neville Keynes*, The scope and method of Political Economy, 1891. *Karl Knies*, Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, 1883. Dr. *Rudolf Stammler*, Wirtschaft und Recht, 1896. *Friedrich Julius Neumann*, Grundlagen der Volkswirtschaftslehre, 1889. 1 Abth. *Э. Вредень*, Курсъ политической экономіи, 1880, стр. 25—33, § 11, 12 *А. Я. Антоновичъ*, Курсъ политической экономіи. Лекціи, 1886, стр. 6—16, § 2. *С. Булгаковъ*, О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи, Научное Обозрѣніе, 1898, кн. 2. *Camillo Supino*, La definizione dell' Economia Politica, 1883. *A. E. Cherbuliez*, De l'objet et des limites de l'économie politique, Journ. d. écon., 1853, т. 36, стр. 360—391. *M. J. Garnier*, Du but et des limites de l' Econ. Pol. Journ. d. Econ. 1857, т. 16 (2 Ser.), стр. 5—33.

щей несомнѣнно самостоятельную отрасль знанія. Никто этого по существу не отрицаетъ, и если даже крайніе представители ново-историческаго направленія оспариваютъ научный характеръ теперешнихъ экономическихъ теорій, то они оспариваютъ лишь научность ихъ содержанія, но не отрицаютъ самой возможности экономической науки, если негодное, по ихъ мнѣнію, содержаніе существующихъ экономическихъ ученій будетъ замѣнено годнымъ и правильнымъ. При безспорномъ или, въ крайнемъ случаѣ, возможномъ существованіи самостоятельной экономической науки, совершенно неустановленнымъ является ея объектъ. Правда, никто не сомнѣвается въ томъ, что цѣнность, прибыль, рента, рабочая плата и т. д., все это явленія экономическія. Но что именно заключающееся въ нихъ дѣлаетъ ихъ экономическими явленіями—этого, по-видимому, никому до сихъ поръ не удалось показать съ достаточной убѣдительностью. Дѣло въ томъ, что явленія эти весьма сложны. Возьмемъ, напримѣръ, основное изъ нихъ — явленіе цѣнности. Конкретное осуществленіе этого явленія представляетъ собою цѣлую совокупность разнородныхъ элементовъ. Для проявленія цѣнности необходимы элементы внѣшняго міра — вещь, извѣстныя ея свойства, отношенія ея къ другимъ такимъ же вещамъ (количество вещей даннаго рода), отношеніе ея къ инымъ вещамъ (издержки производства); необходимы элементы духовнаго порядка — ощущенія, представленія, сужденія, чувства, проявленія воли; наконецъ, необходимы явленія общественнаго порядка — отношенія между людьми. Если мы будемъ характеризовать явленіе цѣнности всѣми этими моментами равносильно, то получится болѣе или менѣе точное изображеніе явленія, которое по своей полнотѣ признаковъ будетъ слишкомъ близко къ конкретному явленію и поэтому будетъ заключать болѣе или менѣе подробное описаніе, но не опредѣленіе или объясненіе явленія [1]). Необходимо поставить отдѣльные признаки въ извѣстную іерар-

[1]) Такимъ, напримѣръ, характеромъ отличается изложеніе теоріи цѣнности у *Fr. J. Neumann*'а, Die Begriffe Gut, Wert etc., въ Schönberg'a Handbuch etc. 2 Aufl., т. 1, стр. 163—173. Ср. по поводу невозможности описательнаго соединенія всѣхъ признаковъ въ опредѣленіи *G. Heymans*, Analitisch, syntetisch, въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 10 Jahrg. 1886, стр. 387.

хическую связь. Нужно найти между ними тотъ, который, появляясь среди всѣхъ остальныхъ, превращаетъ образующуюся такимъ образомъ совокупность признаковъ въ явленія экономическаго порядка. Съ этого именно момента начинаются всѣ противорѣчія: почти каждый экономистъ видитъ такой рѣшающій признакъ въ чемъ-либо иномъ.

Къ этому присоединяется другое затрудненіе. Признакъ или сумма признаковъ, придающіе явленію экономическій характеръ, не только скрыты въ массѣ другихъ, но и сами по себѣ обладаютъ, по-видимому, непостоянствомъ: путемъ незамѣтныхъ переходовъ они постепенно превращаются въ нѣчто отличное отъ себя, и такимъ образомъ грань между экономическимъ и неэкономическимъ становится неуловимой.

Представимъ себѣ, что рабочій получаетъ рабочую плату опредѣленнаго размѣра; и самое явленіе рабочей платы и размѣръ ея и причины того и другого — все это безспорно явленія экономическія. Представимъ себѣ далѣе, что нѣкоторый работодатель, въ силу какихъ бы то ни было причинъ, могъ бы найти для себя на рынкѣ тотъ же трудъ за плату меньшую; тѣмъ не менѣе, не особенно заботясь о своихъ интересахъ, онъ продолжаетъ предлагать и платить за прежній трудъ то же вознагражденіе; представимъ себѣ, далѣе, что онъ дѣлаетъ тоже, но уже не по инерціи и вслѣдствіе неособеннаго вниманія къ своимъ интересамъ, а вполнѣ сознавая возможность уменьшенія рабочей платы, но не желая воспользоваться этой возможностью вслѣдствіе симпатіи къ работнику; представимъ себѣ, наконецъ, что тотъ же работодатель пересталъ нуждаться въ услугахъ рабочаго, но, занимая его работой болѣе для виду, продолжаетъ платить ему прежнее вознагражденіе до пріисканія имъ новаго занятія. Въ первоначальномъ случаѣ рабочая плата опредѣляется отношеніемъ предложенія и спроса; въ первомъ видоизмѣненіи этого примѣра къ прежней причинѣ, опредѣляющей размѣръ вознагражденія, присоединяется нѣкоторая безпечность и невниманіе къ собственному интересу; далѣе это невниманіе замѣняется чувствомъ симпатіи, настоящая сфера проявленія котораго въ области этики, и, наконецъ, въ послѣднемъ примѣрѣ все вознагражденіе построено на началахъ этическихъ.

Остается ли явленіе вознагражденія рабочаго и причина его размѣра съ начала до конца явленіемъ экономическимъ, или же изъ экономическаго въ началѣ превращается въ неэкономическое въ концѣ, и, въ такомъ случаѣ, съ какого момента становится оно неэкономическимъ: тогда-ли, когда къ причинамъ, опредѣляющимъ размѣръ вознагражденія, присоединилось чувство симпатіи, или же еще раньше, когда на величину рабочей платы оказало уже вліяніе невниманіе къ собственному интересу? Въ то время, какъ одни видятъ здѣсь переходъ отъ явленія экономическаго къ явленію этическому, до котораго политической экономіи нѣтъ никакого дѣла, A. Wagner полагаетъ, что и первый и послѣдній случай представляютъ собою одинаково явленія экономическія, но лишь относящіяся къ различнымъ экономическимъ системамъ: первый — къ господствующей въ нашемъ строѣ системѣ полной и спеціальной возмездности; второй — къ системѣ каритативной, которая у насъ играетъ вспомогательную роль, но, сама по себѣ, представляетъ явленіе столь же экономическое, какъ и противоположная ей система возмездности [1]); Knies же и его единомышленники полагаютъ, что въ каждомъ т. н. экономическомъ явленіи экономическіе и неэкономическіе элементы такъ неразрывно связаны между собою, что отдѣлить одну сторону явленія, называть ее экономической и изучать отдѣльно отъ другихъ совершенно невозможно, и значило бы оперировать съ выдуманными явленіями, выдуманными мотивами, несуществующими людьми.

Эта сложность элементовъ, образующихъ экономическое явленіе, съ одной стороны, и, съ другой — постепенный переходъ явленія изъ такой формы, въ которой экономическій характеръ его несомнѣненъ и безспоренъ, въ другую, имѣющую съ первой нѣчто весьма сходное и въ тоже время нѣчто отличное,—эти обстоятельства дѣлаютъ опредѣленіе понятія экономическаго явленія затруднительнымъ и спорнымъ, а всѣ научныя попытки въ этомъ направленіи или совершенно неудовлетворительными или не вполнѣ удачными. Краткое обозрѣніе главныхъ опредѣленій предмета изученія политической экономіи покажетъ это съ достаточной убѣдительностью [2]).

---

[1]) *Wagner*, Grundlegung, 3 Aufl., 1 Th., § 299—301.

[2]) Въ этомъ обозрѣніи я не касаюсь всѣхъ тѣхъ споровъ въ опредѣленіи экономической науки, которые вытекаютъ изъ вопроса о дѣленія ея

§ 2. Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ понятія богатства.

Одно изъ довольно распространенныхъ и раннихъ по происхожденію опредѣленій политической экономіи исходитъ изъ понятія богатства [1]). Оно особенно часто встрѣчается у англійскихъ писателей, нерѣдко у французскихъ. Такъ *Милль* [2]) говоритъ: «Экономисты поставляютъ цѣлью своей науки изслѣдованіе о сущности *богатства*, законахъ его производства и распредѣленія» (стр. 1). Понятіе богатства онъ опредѣляетъ тремя признаками: полезностью, мѣновою цѣнностью и способностью сохраняться или накопляться, которую онъ называетъ матеріальностью богатства.

Такимъ образомъ по Миллю богатствомъ являются всѣ полезныя или пріятныя вещи, имѣющія мѣновую цѣнность (7, 11) и притомъ матеріальныя (61 | 62); согласно съ этимъ опредѣленіемъ, изъ понятія богатства исключаются вещи, не имѣющія мѣновой цѣны, иначе говоря, вещи, не обладающія покупной силой, т. е. всѣ тѣ, которыя могутъ быть получены въ любомъ количествѣ безъ труда или пожертвованій; далѣе исключаются личныя услуги, какъ блага нематеріальныя; съ другой стороны, включаются личныя качества рабочихъ, въ родѣ ловкости, энергіи и постоянства въ работѣ, такъ какъ опредѣленіе матеріальности, какъ способности сохраняться и накопляться, не мѣшаетъ Миллю называть эти качества матеріальнымъ богатствомъ, хотя онъ и самъ признаетъ такую терминологію нѣсколько странной (61—62).

Другіе авторы также опредѣляютъ политическую экономію, какъ науку о богатствѣ; но самое понятіе богатства опре-

---

на исторію, теорію и политику, о самостоятельности или несамостоятельности и научномъ значеніи каждой изъ этихъ частей, а также изъ вопроса о методѣ изученія экономическихъ явленій—историческомъ или дедуктивномъ, поскольку всѣ возникающіеся отсюда споры касаются лишь вопроса о цѣляхъ, направленіи, предѣлѣ изученія экономическихъ явленій, и о научной цѣнѣ результатовъ ихъ изученія, не затрагивая самаго вопроса о сущности того, что составляетъ предметъ такого изученія.

[1]) Терминъ этотъ встрѣчается уже въ заглавіяхъ общеизвѣстныхъ сочиненій Smith'a и Turgot.

[2]) *Милль*, Основанія политической экономіи, 1874, т. 1.

дѣляется ими нѣсколько иначе. По мнѣнію *Macvane'a* [1]), политическая экономія есть наука о *богатствѣ*; ея задача открытіе началъ, управляющихъ производствомъ и распредѣленіемъ богатства (11, 12). Но, въ противоположность Миллю, онъ не считаетъ мѣновой цѣнности признакомъ богатства, вслѣдствіе чего въ понятіе богатства имъ включаются не только вещи, произведенныя трудомъ, или имѣющіяся въ ограниченномъ количествѣ, но и естественныя свободныя блага, какъ вода, воздухъ свѣтъ, электричество, упругость пара, даже климатъ и географическое положеніе страны (39—41). Единственнымъ признакомъ богатства, по мнѣнію Macvane'a, является матеріальность благъ (36), понимаемая однако не въ смыслѣ сохраняемости и накопляемости, какъ у Милля, а въ смыслѣ непосредственной осязаемости или предметности. Благодаря этому, объемъ понятія богатства, значительно расширенный противъ Миллевскаго въ одномъ направленіи, устраненіемъ признака мѣновой цѣнности, теперь значительно сокращается болѣе узкимъ пониманіемъ матеріальности. Изъ понятія богатства исключаются личныя качества, полезныя для хозяйственной дѣятельности, такъ какъ они составляютъ часть насъ самихъ, а не часть нашего богатства. Еще менѣе эти качества могутъ быть чужимъ богатствомъ; иными словами, изъ понятія богатства исключаются права одного лица на личность или имущество другого, равно какъ и документы, въ которыхъ эти права удостовѣряются (38—39).

Clark [2]), подобно предшествующимъ авторамъ, считаетъ терминъ *богатство* вполнѣ подходящимъ для обозначенія предмета политической экономіи (3). Но въ опредѣленіи этого понятія расходится какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ. По его мнѣнію, богатство опредѣляется слѣдующими четырьмя признаками: оно полезно, присвояемо, объективно по отношенію къ тому, кто его производитъ и кто имъ пользуется, и матеріально (8—9); послѣдній терминъ онъ понимаетъ не въ смыслѣ прочности — durability, какъ Милль, и не въ смыслѣ осязаемости и предметности, подобно Macvane'у, а въ смыслѣ принадлежности

[1]) *Macvane*, The working principles of Political Economy, 1893.
[2]) *Clark*, The Philosophy of Wealth, 1894.

объекта богатства къ матеріальной природѣ, т. е. къ предметамъ, силамъ, процессамъ физическаго міра (15). Хотя, подобно Macvane'y, онъ не считаетъ мѣноспособность признакомъ богатства, но, въ противоположность этому автору, онъ исключаетъ изъ объема богатства блага общедоступныя и свободныя (3, 78). Исключая, вмѣстѣ съ Macvane'омъ, изъ богатства личныя качества—такъ какъ они суть «what he (т. е. the possesor) is, not what he has» (5) и не удовлетворяютъ признаку объективности, онъ, въ противоположность обоимъ упомянутымъ авторамъ, включаетъ въ понятіе матеріальнаго богатства какъ вещественныя блага, такъ и невещественныя, въ родѣ музыки, рѣчи оратора (5, 8)—все, что Милль считаетъ непроизводительными услугами, такъ какъ эти блага представляютъ собою усиліе, непремѣнно сопровождаемое нѣкоторымъ матеріальнымъ элементомъ, хотя и не всегда осязаемымъ, видимымъ и прочнымъ.

По мнѣнію *Ely* [1]), экономическая наука есть наука о соціальныхъ явленіяхъ, возникающихъ изъ дѣятельности человѣка, направленной къ пріобрѣтенію и пользованію *богатствомъ* (82); богатство обозначаетъ тоже, что и экономическое благо, оба термина могутъ быть употребляемы безразлично, хотя послѣдній точнѣе (93). Экономическія блага опредѣляются въ терминахъ, отличныхъ отъ терминовъ Милля, но по существу весьма сходно съ опредѣленіемъ богатства у Милля. Это суть блага, которыя обыкновенно и нормально могутъ быть получены только путемъ затраты усилій и которыя можно получить въ обмѣнъ за другія блага (91). Они бываютъ либо матеріальными (вещи), либо нематеріальными (полезныя въ экономической дѣятельности свойства человѣка) (92).

Не останавливаясь на другихъ опредѣленіяхъ экономической науки, исходящихъ изъ понятія богатства [2]), и способахъ

---

[1]) *Ely*, Outlines of Economics, 1897.

[2]) Напр., *Cairnes*, The Character and logical Method of Political Economy, 1875, стр. 7, 18, 19, 32, 34, 43 и *57*; *Keynes*, The Scope and Method of Political Economy, 1891, 90—*91*—97, §§ 4, 5; *Nicholson*, Principles of Political Economy, 1893, v. I, 3, 11, 37—47 (нематеріальное богатство—производство идей, 46); изъ французскихъ экономистовъ: *Ш. Жидъ*, Основы политической экономіи, пер. Шейниса, 1896, 6—7; Léon *Walras*, Elements

пониманія термина богатство, среди которыхъ трудно найти два вполнѣ между собою сходныхъ, упомянемъ въ заключеніе о попыткѣ примирить противорѣчивыя опредѣленія богатства, принадлежащей Marshall'ю.

Опредѣляя политическую экономію, какъ науку, съ одной стороны, о богатствѣ, а съ другой—о человѣкѣ (1), Marshall[1]) встрѣчается съ противорѣчіями въ опредѣленіи богатства, или, какъ онъ выражается, — съ нѣкоторымъ разногласіемъ мнѣній. чтобы разрѣшить это нѣкоторое разногласіе мнѣній, Marshall прибѣгаетъ къ довольно простому способу—употребленію термина богатство въ различныхъ смыслахъ: простомъ, переносномъ, узкомъ, широкомъ, самомъ широкомъ, достигая этимъ, разумѣется, лишь того, что существующія разногласія констатируются, но объектъ экономической науки нисколько не выясняется. Просто богатствомъ, по мнѣнію Marshall'я, являются: изъ вещей матеріальныхъ тѣ, которыя составляютъ объектъ частной собственности и подлежатъ денежной оцѣнкѣ, а потому могутъ быть передаваемы и обмѣниваемы (сюда принадлежатъ, между прочимъ, и долговыя обязательства); изъ вещей нематеріальныхъ—блага, служащія непосредственно для пріобрѣтенія матеріальнаго богатства, и притомъ внѣшнія (сюда относятся дѣловыя связи, организація дѣла). Богатство въ этомъ смыслѣ обнимаетъ собою кругъ вещей, которыя несомнѣннымъ образомъ входятъ въ область экономической науки (§ 2, 108—109). То обстоятельство, что эти вещи составляютъ несомнѣнный объектъ экономической науки, не мѣшаетъ Marshall'ю считать такимъ объектомъ, по мѣрѣ надобности, и другія вещи. Когда такая надобность представляется, соотвѣтствующія вещи включаются въ понятіе богатства, которое такимъ образомъ получаетъ новый объемъ и новое содержаніе и въ такомъ новомъ видѣ также служитъ объектомъ экономической науки. Такимъ образомъ для сравненія экономическаго положенія народовъ въ разное время и въ раз-

---

d'économie politique pure, 1874, 16, § 15; *Cauwès*, Cours d'économie politique t. 1, 1893 (richesses—это матеріальные предметы, которымъ общественно-раздѣленнымъ трудомъ придано свойство удовлетворять потребность (1—7). Среди итальянцевъ см. *Pantaleoni*, Principii di economia pura, 2 ed., 1894, 9, 14 (tutti i processi attinenti alla ricchezza . . . , но съ оговоркой см. стр. 13).

[1]) *Marshall*, Principles of Economies, v. 1, 2 ed., 1891.

ныхъ мѣстахъ необходимо такое понятіе богатства, которое относилось бы ко всему обществу, въ противоположность отдѣльнымъ его членамъ. Такимъ понятіемъ будетъ національное богатство, и получается оно такимъ образомъ, что къ прежнимъ составнымъ частямъ богатства въ простомъ смыслѣ присоединяются: со стороны матеріальныхъ благъ — вещи, составляющія публичную собственность (дороги, каналы, строенія и т. п.) и свободныя блага (рѣки), и со стороны нематеріальныхъ—государственное устройство (§ 5, 111, 112). По аналогіи съ этимъ, можно, въ случаѣ надобности, образовать понятіе космополитическаго богатства; оно относится къ національному такъ, какъ національное къ индивидуальному, и состоитъ изъ суммы національныхъ богатствъ съ присоединеніемъ благъ, составляющихъ общее достояніе всѣхъ народовъ (океанъ, наука, музыка, техническія изобрѣтенія и изъ литературныхъ произведеній только тѣ, которыя не теряютъ своего достоинства при переводѣ, остальныя составляютъ національное богатство) (§ 5, 113). Сверхъ того, иногда является надобность въ понятіяхъ богатства болѣе специфическаго, такъ сказать, объема; таковыми понятіями являются личное, индивидуальное и коллективное богатство. Личное богатство состоитъ изъ нематеріальныхъ благъ двоякаго рода: внѣшнихъ—дѣловыя отношенія и связи всякаго рода (эта категорія благъ входитъ также въ составъ богатства въ простомъ смыслѣ) и внутреннихъ: энергія, способности и привычки народа, способствующія промышленности (§ 3, 109—110); индивидуальное богатство—это богатство, принадлежащее отдѣльному лицу, коллективное—блага, не состоящія въ частной собственности (§ 5, 112; § 4, 111).

Насколько по внѣшней обстоятельности классификаціи разсужденія Marshall'я представляютъ попытку дать исчерпывающее понятіе о богатствѣ, настолько по внутренней логической сущности они безсодержательны. Что вполнѣ понятно: чѣмъ полнѣе развито ложное положеніе, тѣмъ очевиднѣе становится его несостоятельность. Уже основное понятіе богатства у Marshall'я — богатство въ простомъ смыслѣ — состоитъ изъ двухъ категорій вещей, не имѣющихъ общаго признака. Тоже повторяется и для всѣхъ прочихъ видовъ богатства. Богатство состоитъ изъ различныхъ категорій предметовъ; причемъ эти категоріи составляютъ богатство либо всѣ вмѣстѣ, либо въ из-

вѣстныхъ другъ съ другомъ соединеніяхъ. Но что дѣлаетъ вещь богатствомъ въ томъ или другомъ смыслѣ, для этого нѣтъ иного критерія, кромѣ того, что вещь входитъ въ область изученія экономической науки. Такимъ образомъ всякая вещь, по мѣрѣ надобности, является богатствомъ, какъ только она изучается въ политической экономіи; тогда какъ, съ другой стороны, область изученія въ политической экономіи опредѣляется кругомъ вещей, составляющихъ богатство.

Столь неудовлетворительный въ логическомъ отношеніи результатъ разсужденій Marshall'я о богатствѣ только въ нѣкоторой части можетъ быть отнесенъ на счетъ предпочтенія, отдаваемаго авторомъ примѣненію практически удобныхъ терминовъ, въ ущербъ логической точности, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти вещи несовмѣстимы; въ сущности же это не болѣе, какъ естественный и неизбѣжный результатъ полной непригодности понятія богатства для опредѣленія объекта экономической науки.

Богатство обнимаетъ собою извѣстный кругъ вещей: для того, чтобы составить объектъ особой науки, эти вещи должны обладать нѣкоторымъ особымъ характернымъ признакомъ, который дѣлалъ бы изъ нихъ явленіе особаго рода, признакомъ экономичности. Если пользоваться для опредѣленія экономической науки понятіемъ богатства, то и приходится искать этотъ признакъ въ вещахъ, такъ какъ богатство есть ничто иное, какъ совокупность вещей. Но политическая экономія не есть наука о вещахъ; это признаютъ и тѣ авторы, которые опредѣляютъ ее, какъ науку о богатствѣ. Политическая экономія—говоритъ Милль—есть наука нравственная и общественная: она изучаетъ экономическое состояніе націй, «поскольку оно зависитъ отъ причинъ нравственныхъ или психологическихъ, производимыхъ учрежденіями и общественными отношеніями или качествами человѣческой природы»[1]). Тоже Ely: экономическая наука есть вѣтвь соціологіи, она есть наука о тѣхъ соціальныхъ явленіяхъ, которыя возникаютъ изъ дѣятельности человѣка, направленной на пріобрѣтеніе богатства и пользованіе имъ[2]); это наука, главнымъ образомъ, если не исключительно,

1) ... 98

о человѣческихъ отношеніяхъ [1]). Съ особенной силой настаиваетъ на томъ, что экономическая наука имѣетъ дѣло не столько съ вещами, сколько съ человѣкомъ, Marshall; политическая экономія — говоритъ онъ — есть, съ одной стороны, наука о богатствѣ, съ другой и притомъ болѣе важной стороны—наука о человѣкѣ [2]), она есть часть соціальной науки, наука объ особомъ видѣ дѣятельности человѣка въ обществѣ [3]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Macvane [4]).

Но если это такъ, если экономическая наука не есть наука о вещахъ, или, по крайней мѣрѣ, не только о вещахъ, но и наука о человѣкѣ, о психическихъ или соціальныхъ явленіяхъ его жизни, то очевидно, что и признакъ экономическаго характера явленій не можетъ заключаться въ свойствахъ вещей, онъ долженъ быть отыскиваемъ въ чемъ-либо, что относится къ психической или соціальной сторонѣ человѣка. Поэтому попытка найти его въ свойствахъ вещей, т. е. тамъ, гдѣ его нѣтъ, непремѣнно должна остаться безъ результата. Самый грубый опытъ этого рода заключается въ исканіи экономическаго признака среди физическихъ свойствъ предметовъ; прочность, способность сохраняться и накопляться, предметность или осязаемость вещей, ихъ объективность, принадлежность ихъ къ явленіямъ, силамъ и процессамъ матеріальнаго міра — все это суть свойства физическія, и присутствіе ихъ никоимъ образомъ не можетъ вывести тѣ или другія вещи, ими обладающія, изъ круга явленій физическаго міра и сдѣлать ихъ явленіями иного, экономическаго порядка. Прочность или осязаемость вещи также мало можетъ сдѣлать ее явленіемъ экономическимъ, какъ красный цвѣтъ, или какое-либо химическое свойство не въ состояніи превратить тѣло, ими обладающее, въ явленіе эстетики или этики.

Не болѣе однако удачными будутъ и попытки отыскать экономическій признакъ въ нефизическихъ свойствахъ вещей.

---

[1]) op. cit., 83, 74.

[2]) op. cit., 1.

[3]) ib., 101.

[4]) op. cit., 12: объектъ науки—изученіе условій нашей борьбы за богатство.

Если мы станемъ опредѣлять принадлежность вещи къ богатству признакомъ мѣновой цѣнности, мѣноспособности, способности быть оцѣненной на деньги, мы допускаемъ другую ошибку. Мѣновая цѣнность, мѣноспособность, денежная оцѣнка — все это безспорно экономическія явленія. Слѣдовательно, опредѣляя экономическое явленіе этими признаками, мы опредѣляемъ экономическое черезъ экономическое. Приэтомъ мыслимы два случая; во-первыхъ, тотъ признакъ, которымъ мы опредѣляемъ принадлежность явленія къ экономическому порядку (будь то мѣноспособность, или способность къ денежной оцѣнкѣ, или что-либо другое), есть экономическій признакъ наиболѣе общій; тогда мы опредѣляемъ экономическое явленіе вообще черезъ экономическое явленіе наиболѣе общаго порядка; но въ чемъ заключается признакъ, дѣлающій это послѣднее экономическое явленіе явленіемъ экономическимъ — это остается нерѣшеннымъ. едва-ли однако такого рода явленіе, какъ мѣноспособность, можетъ притязать на признаніе его экономическимъ явленіемъ наиболѣе общаго типа; господствующее мнѣніе совершенно справедливо считаетъ его весьма характерной, но все же спеціальной формой экономическаго явленія; въ такомъ случаѣ, опредѣляя экономическое посредствомъ этой спеціальной формы, мы опредѣляемъ общее посредствомъ частнаго.

Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ юридическаго признака—способность быть объектомъ того или другого вида права собственности (богатство суть вещи, подлежащія праву частной собственности) или обязательственнаго права (богатство суть вещи, за которыя могутъ быть пріобрѣтаемы другія вещи) — представляетъ собою опредѣленіе такъ сказать симптоматическое. То обстоятельство, что къ однимъ явленіямъ прилагаются юридическія нормы, которыя не прилагаются къ другимъ явленіямъ, служитъ указаніемъ, что въ природѣ первыхъ явленій заключается нѣчто, чего нѣтъ въ природѣ вторыхъ; быть можетъ, это нѣчто какъ разъ и есть то именно, что дѣлаетъ явленіе экономическимъ, но въ чемъ это нѣчто состоитъ—этого юридическая норма не можетъ указать и не указываетъ.

Наиболѣе подходитъ къ опредѣленію экономическаго явленія признакъ полезности. Это видно изъ того, что всѣ эко-

номисты считаютъ этотъ признакъ существеннымъ для опредѣленія понятія объ экономическомъ, чѣмъ-то такимъ, безъ чего нельзя обойтись въ этомъ опредѣленіи. И совершенно справедливо. Это единственный признакъ изъ числа употребляемыхъ при опредѣленіи богатства, который въ состояніи вывести явленіе, имъ характеризуемое, изъ круга явленій физическаго міра и своею сущностью, а не симптоматически, характеризовать его, какъ нѣкоторую особую категорію. Полезность не есть физическое свойство вещи; это есть физическое свойство по отношенію къ человѣку; понятіемъ полезности человѣкъ впервые вводится въ кругъ экономическаго явленія, и въ этомъ именно заключается сознаваемая или несознаваемая причина, почему этотъ признакъ въ той или иной степени, но всегда и всѣми признавался необходимой составной частью экономическаго явленія. Однако полезность есть только отношеніе вещи къ человѣку; понятіе же экономическаго должно заключать больше; оно должно заключать въ себѣ и отношеніе человѣка къ вещи. Такимъ образомъ понятіе полезности проходитъ только половину пути въ направленіи опредѣленія экономическаго явленія.

Это обстоятельство служитъ причиной, что полезность сама по себѣ никогда не считалась признакомъ, достаточнымъ для образованія или уясненія экономическаго явленія. Правда, для некритическаго Molinari богатство отожествляется съ полезностью [1]); но communis opinio экономистовъ всегда прибѣгало къ пополненію этого признака другими. Однако, вмѣсто того, чтобы дополнить полезность — отношеніе вещи къ человѣку — ея естественной половиной — отношеніемъ человѣка къ вещи, экономисты, исходящіе изъ идеи богатства—этой совокупности вещей — пополняли ее либо различными физическими свойствами вещей, либо специфическими экономическими же признаками, либо симптоматически какой-либо правовой нормой.

Нѣсколько иначе поступаетъ Cauwès [2]). Для него понятіе полезности составляетъ исходную точку въ опредѣленіи экономическаго явленія: политическая экономія есть наука о полезномъ (l'Utile) (1). Но экономически полезное не есть простая

[1]) *Molinari*, Notions fondamentales d'économie politique, 1891, 44 и 56.

[2]) *Cauwès*, Cours d'éc. pol., t. 1, 1893.

полезность, т. е. свойство удовлетворять потребности, но полезность съ особой точки зрѣнія, а именно, пополненная признакомъ общественнаго раздѣленія труда: экономическая полезность есть свойство удовлетворять потребность, придаваемое матеріальнымъ предметамъ общественно-раздѣленнымъ трудомъ, и въ этомъ видѣ она тождественна съ богатствомъ (6); политическая же экономія есть наука, имѣющая своимъ объектомъ законы полезности въ приложеніи къ труду общества (7). Очевидно, здѣсь полезность пополняется идеей воздѣйствія человѣка на вещь въ особой специфической формѣ, а именно въ формѣ общественно-раздѣленнаго труда. Но воздѣйствіе человѣка на вещь есть уже само по себѣ особая форма его отношенія къ вещи; если же эта особая форма отношенія взята еще въ одномъ изъ частныхъ своихъ видовъ, то въ результатѣ получается признакъ, который не въ состояніи охватить всей сферы экономическаго въ его цѣлости; воздѣйствіе общественно-раздѣленнаго труда на вещь есть частное проявленіе нѣкотораго болѣе общаго начала, есть частное слѣдствіе нѣкотораго основного и общаго отношенія человѣка къ вещи.

Формулируя все изложенное, мы должны сказать, что существенный недостатокъ понятія богатства для опредѣленія сущности экономическаго явленія состоитъ въ исключительной объективности этого понятія, въ томъ, что оно заставляетъ искать экономическаго критерія въ свойствахъ самихъ вещей и, за невозможностью найти его въ физическихъ свойствахъ вещи, побуждаетъ обращаться то къ частнымъ, но особенно характернымъ экономичесмимъ же признакамъ, то къ юридическимъ нормамъ, приводя въ концѣ концовъ неизбѣжно къ полной тавтологіи: что экономическимъ является то, что составляетъ предметъ экономическаго изученія. Недостатокъ этотъ не есть случайность, присущая неудовлетворительной классификаціи вещей, или неудачному выбору признака тѣмъ или другимъ авторомъ; онъ есть неизбѣжное послѣдствіе ложной исходной точки. Равнымъ образомъ нельзя сводить различій въ пониманіи и опредѣленіи богатства къ реальнымъ различіямъ въ сущности самаго явленія богатства. Хотя Posnett[1]) без-

[1]) *Posnett*, The historical Method etc., 1881, 80.

спорно правъ, указывая на то, что богатство есть явленіе исторически измѣняющееся, но эта измѣняемость относится лишь къ матеріальному содержанію богатства—въ разныя эпохи различныя вещи образуютъ понятіе богатства; но во всѣ эпохи долженъ существовать общій формальный критерій богатства, также какъ идеи экономическаго явленія, по которому мы въ любую эпоху любое по содержанію явленіе можемъ отнести къ богатству или не къ богатству, къ экономическому или къ неэкономическому явленію.

Кромѣ указаннаго существеннаго недостатка, терминъ богатство представляетъ и другія болѣе частнаго характера неудобства. Укоренившееся въ обыденной рѣчи понятіе о богатствѣ непремѣнно заключаетъ въ себѣ идею количества; богатство есть либо абсолютно большое количество благъ, либо значительно бо̀льшее, сравнительно съ потребностями, либо бо̀льшее, сравнительно съ нѣкоторымъ нормальнымъ или среднемъ количествомъ [1]). Между тѣмъ экономическая идея богатства заключаетъ въ себѣ только качественный признакъ: всѣ вещи, сколько бы ихъ ни было и независимо отъ количества, суть богатство, какъ только онѣ обладаютъ опредѣленнымъ признакомъ. Поэтому для устраненія двусмысленности термина приходится говорить о томъ, что политическая экономія изучаетъ не только богатство, но и бѣдность [2]).

Далѣе, идея изобилія благъ, заключающаяся въ обыденномъ представленіи о богатствѣ, вызываетъ два различныхъ къ себѣ отношенія и ведетъ къ двумъ противоположнымъ, но одинаково ложнымъ взглядамъ на экономическую науку. Для обыденныхъ людей богатство, какъ изобиліе благъ земныхъ, есть благо и составляетъ желательнѣйшую цѣль стремленій; политическая экономія, какъ наука о богатствѣ, должна указывать вѣрнѣйшіе пути къ достиженію этой цѣли. Правда, никто теперь не смотритъ на экономику, какъ на искусство обогащать свое хозяйство, равнымъ образомъ отошелъ въ область

---

[1]) На это указываютъ, между прочимъ, Ely (Outlines, 93) и Cauwès (Cours, 1, 6); Clark (Philosophy, 4) исходитъ изъ этой идеи въ опредѣленіи богатства.

[2]) *Миллъ*, op. cit, l. c., 28.

преданій взглядъ на экономическую науку, какъ на отрасль камералистики, но въ политической экономіи продолжаютъ видѣть и нынѣ практическую науку, преподающую, якобы, правила, какъ содѣйствовать обогащенію націи или народа, и двусмысленное понятіе богатства вноситъ свою долю содѣйствія въ это смѣшеніе теоріи съ политикой, чистаго знанія съ цѣлесообразнымъ собраніемъ правилъ [1]). Съ другой стороны, моралисты учатъ, что богатство — зло, а слѣдовательно политическая экономія, изучая законы образованія богатства, содѣйствуетъ неэтическимъ стремленіямъ человѣка, и, безъ сомнѣнія, отчасти въ противовѣсъ такому злу, является стремленіе облагородить экономическую науку введеніемъ въ нее этическихъ началъ, путемъ болѣе или менѣе частаго напоминанія о существованіи и обязательности, наряду съ эгоистическимъ стремленіемъ къ личной выгодѣ, началъ и правилъ альтруистическаго свойства. И опять таки двусмысленность понятія богатства, какъ объекта экономической науки, сыграла извѣстную роль въ этомъ смѣшеніи экономической теоріи съ правилами добродѣтели, столь характернымъ для этической школы нѣмецкихъ экономистовъ.

Всѣ изложенныя соображенія должны привести къ выводу, что если терминъ богатство и употребляется нерѣдко для опредѣленія предмета экономической науки, то это можно объяснить развѣ силой традиціи, но никакъ не адэкватностью этого понятія съ идеей экономическаго явленія.

§ 3. Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ понятія обмѣна.

Рѣзкимъ противникомъ опредѣленія политической экономіи терминомъ богатство является Perry [2]). Хотя самъ онъ ясно видитъ, что экономическая наука имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, классифицируетъ и изучаетъ законы поведенія существъ, обладающихъ разумомъ, желаніями и волей (94), причемъ изу-

---

[1]) Задача политической экономіи состоитъ въ «изложеніи всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ *хорошее или дурное* состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ *предмету всеобщаго желанія людей, богатству*». *Милль*, l. c, 1.

[2]) *Perry*, Political Economy, 22 ed., 1895.

чаетъ человѣка не въ состояніи изолированномъ, но въ состояніи общества (108), тѣмъ не менѣе онъ не замѣчаетъ коренной непригодности объективнаго понятія богатства для опредѣленія психической или соціальной природы экономическаго явленія и весь недостатокъ этого термина ограничивается для него лишь фактомъ неудавшихся попытокъ точнаго его опредѣленія. Не задаваясь вопросомъ о причинахъ такой неудачи, Perry думаетъ избѣгнуть затрудненій, ограничивъ кругъ вещей, составляющихъ объектъ экономической науки, болѣе узкимъ и вполнѣ опредѣленнымъ, по его мнѣнію, понятіемъ вещей мѣноспособныхъ. Политическая экономія — говоритъ онъ — есть наука объ обмѣнахъ (90, 96); предметъ ея—вещи, которыя обмѣниваются, продаются и покупаются; мѣноспособность есть единственный признакъ, опредѣляющій принадлежность вещи къ явленіямъ, изучаемымъ въ экономической наукѣ (90—91, 96). При этомъ мѣноспособныя вещи изучаются единственно только съ точки зрѣнія обмѣна: пока вещь не продана, или не приготовлена къ продажѣ, политическая экономія не интересуется тѣмъ, какъ занимаются ею другія науки; послѣ того, какъ вещь продана, она опять теряетъ интересъ для политической экономіи, и ею могутъ заниматься другія науки, если это имъ нужно (96). Мѣноспособныя вещи—тоже, что вещи продажныя и тоже, что вещи цѣнныя (98), а цѣнность есть покупная сила, иначе говоря, цѣнность одной вещи есть способность покупать другія вещи (113) [1]).

Въ этомъ опредѣленіи объекта экономической науки безразлично употребляются, какъ тождественныя, два на самомъ дѣлѣ совершенно различныя понятія: обмѣниваемая вещь и обмѣнъ; но ни то, ни другое не въ состояніи вѣрно опредѣлить сущность экономическаго явленія. Уже было указано, что понятіе

---

[1]) Какъ указываетъ самъ Perry, опредѣленіе его совпадаетъ съ опредѣленіемъ Macleod'a и Bastiat. *Macleod*, The History of economics, 1896, говоритъ: предметъ политической экономіи—законы, управляющіе богатствомъ (22); свойство, дѣлающее предметъ богатствомъ—мѣноспособность (48); мѣноспособность—измѣримость въ деньгахъ (57); всѣ процессы, составляющіе область политической экономіи, состоятъ изъ ряда обмѣновъ, и политическая экономія можетъ быть опредѣлена какъ наука объ обмѣнѣ (Science of Exchange or Commerce)

мѣноспособной или обмѣниваемой вещи не можетъ служить опредѣленіемъ экономическаго явленія; что вообще критерій экономическаго не можетъ заключаться въ вещи и ея свойствахъ; что мѣноспособность есть тоже экономическое явленіе и сведеніе всякаго вообще экономическаго явленія къ одному не рѣшаетъ вопроса о томъ, что такое экономическое явленіе по своей сущности; и что, наконецъ, мѣноспособность нельзя считать хотя-бы даже общей формой всѣхъ экономическихъ явленій; это послѣднее обстоятельство будетъ доказано, когда рѣчь будетъ итти объ обмѣнѣ. Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ недостаткамъ признака мѣноспособности или обмѣниваемой вещи присоединяется еще и то, что признакъ этотъ вовсе не такъ точенъ, какъ думаетъ Perry. Дѣло въ томъ, что вещь является, по мнѣнію этого автора, объектомъ экономическаго изученія не только въ самый моментъ обмѣна, но и въ то время и въ томъ состояніи, когда она готова къ обмѣну или можетъ быть сдѣлана готовой (l. c., 96). Но терминъ приготовленія вещи къ возможному обмѣну страдаетъ очевидной неопредѣленностью и вызываетъ сомнѣнія въ двоякомъ направленіи: во-первыхъ, съ какого момента считать начало такого приготовленія—съ момента ли перваго приложенія труда къ вещи, съ момента ли завладѣнія ею, съ момента ли обращенія на нее впервые вниманія? ибо все это суть акты человѣческой дѣятельности, непрерывная цѣпь которыхъ приводитъ вещь къ факту обмѣна; во 2-хъ, если фактъ обмѣна замѣняется возможностью его, то возможность можетъ и не осуществиться, и возникаетъ вопросъ, будутъ ли тогда экономическими явленіями факты приготовленія вещи къ такому неосуществившемуся обмѣну?

Столь же неудовлетворительно и опредѣленіе области экономическаго терминомъ обмѣна. Понятіе обмѣна не совпадаетъ

(48—49). Ср. *Его же*, The principles of Economical Philosophy, 2 ed., v. 1, 1872, 169, 176. *Bastiat*, Oeuvres complètes, t. VI, 5-me éd., 1864, Harmonies économiques, IV, 93 и сл.: «l'échange, c'est l'Economie politique»... «Nous pouvons.. nous rendre des services réciproques... C'est la société. Les causes, les effets, les lois des ces échanges constituent l'économie politique et sociale», также стр. 141.

съ понятіемъ экономическаго явленія; съ одной стороны, оно шире, т. е. кромѣ явленій экономическихъ охватываетъ явленія и неэкономическія, съ другой стороны, оно не охватываетъ всѣхъ экономическихъ явленій.

Понятіе обмѣна шире понятія экономическаго явленія, потому что оно охватываетъ явленія взаимнаго обмѣна, основаннаго на симпатіи, чувствѣ долга или принужденіи. Люди часто оказываютъ другимъ—говоритъ Perry—то, что называется услугами, изъ симпатіи, расположенія, по чувству долга; но Perry думаетъ, что эти услуги отличаются отъ тѣхъ, которыя оказываются въ обмѣнѣ, тѣмъ, что онѣ даровыя, что ничего не требуется взамѣнъ; поэтому такого рода услуги относятся къ сферѣ этики и находятся внѣ области политической экономіи (l. c., 130). Обмѣнъ же имѣетъ мѣсто лишь при отношеніи взаимной возмездности между двумя услугами (131), и все, что отличается характеромъ взаимной возмездности относится къ области экономическихъ явленій.

Однако дѣйствительно ли услуги, оказываемыя изъ чувства симпатіи, долга и даже по принужденію, не расчитаны на возмездность, и не сопровождаются ли онѣ и на самомъ дѣлѣ возмездностью? Отрицать это значило бы отрицать очевидные факты. Разумѣется, хозяинъ, принимающій у себя гостя, не представляетъ ему счета за съѣденное и выпитое и не ждетъ отъ него на чай за свои хлопоты; онъ, быть можетъ, и не думаетъ о томъ, что гость заплатитъ ему въ свое время взаимнымъ гостепріимствомъ, но если бы тотъ при случаѣ уклонился отъ исполненія этого долга, то такого человѣка едва-ли кто-либо сталъ-бы приглашать къ себѣ иначе, какъ нуждаясь въ немъ, т. е. опять таки ожидая отъ него отвѣтной выгоды. Мы оказываемъ услуги другъ другу, не требуя за это платы; иной разъ мы довольствуемся нематеріальнымъ вознагражденіемъ, въ видѣ чувства благодарности и отвѣтной симпатіи; но если бы мы убѣдились, что нашъ предполагаемый другъ не отвѣчаетъ намъ при случаѣ ни взаимными услугами, ни благодарностью и расположеніемъ, то, при всемъ т. н. безкорыстіи нашего расположенія, отношенія дружбы были бы немыслимы, ибо сущность ихъ заключается во взаимномъ обмѣнѣ симпатій и услугъ. Даже любовь, чувство гораздо болѣе одностороннее, побуждаетъ къ услугамъ и жертвамъ лишь въ ожиданіи нѣкоторой отвѣтной

возмездности; жертвы, приносимыя безотвѣтной и безнадежной любовью, рѣдко встрѣчаются даже въ романахъ и, можно думать, никогда въ жизни. Но, разумѣется, никто не скажетъ, чтобы всѣ этого рода возмездныя фактически отношенія обмѣна услугъ были явленіемъ экономическимъ.

Цѣлый рядъ подобныхъ же возмездныхъ отношеній существуетъ въ явленіяхъ общественной жизни. Поэтъ, литераторъ, ученый, общественный и политическій дѣятель получаютъ за свой трудъ вознагражденіе по законамъ экономическимъ, иной разъ весьма значительное, и сверхъ того славу, со всѣми сопровождающими ее нематеріальными и матеріальными выгодами. Такимъ образомъ одна и таже услуга сопровождается двоякаго рода отвѣтнымъ возмездіемъ—экономическимъ и неэкономическимъ, ибо никто не станетъ отрицать, что слава, хотя пополняетъ или замѣняетъ собою экономическое вознагражденіе, сама однако не есть экономическое явленіе; а между тѣмъ сознательный расчетъ на это именно вознагражденіе заставляетъ многихъ приносить тяжелыя жертвы и оказывать услуги обществу. Тоже повторяется и въ сферѣ болѣе скромной. Чиновникъ, рабочій, служащій, безупречно исполняющій свою работу, расчитываетъ, требуетъ и фактически получаетъ нѣкоторое нематеріальное вознагражденіе со стороны общества и отдѣльныхъ его членовъ, въ видѣ опредѣленной степени почтенія, выражающагося въ признаніи его общественнаго положенія, а такое признаніе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ извѣстнаго рода дѣйствіяхъ и воздержаніи отъ другихъ дѣйствій, т. е. въ жертвахъ. Даже въ томъ случаѣ, когда извѣстныя услуги оказываются въ силу принужденія или по чувству долга, напримѣръ, при защитѣ отечества, услуга обществу сопровождается такого же рода нематеріальнымъ возмездіемъ.

Я не утверждаю, что всякое дѣйствіе человѣка расчитано на отвѣтное возмездіе со стороны другихъ людей или общества. Подвижники и моралисты оказываютъ услуги и приносятъ жертвы, не ожидая себѣ воздаянія ни въ этой жизни, ни, быть можетъ, и въ загробной; единственная награда за ихъ поведеніе заключается въ нихъ самихъ, въ ихъ сознаніи. Пусть даже обыкновенный человѣкъ по временамъ или въ извѣстныхъ случаяхъ поступаетъ также. Но это нисколько не опровергаетъ

того факта, что рядомъ съ такими поступками существуютъ и другіе, основанные на сознательномъ или безсознательномъ расчетѣ на отвѣтное воздаяніе, или, по крайней мѣрѣ, принимающіе такое воздаяніе, какъ фактъ, т. е. построенные по типу возмезднаго обмѣна услугъ.

Правда, эта возмездность услугъ сильно разнится отъ той, съ которой мы привыкли имѣть дѣло въ экономическомъ обмѣнѣ. Основное отличіе заключается въ томъ, что въ обмѣнѣ, который мы называемъ экономическимъ, мы имѣемъ дѣло съ точно опредѣленной эквивалентностью мѣнового отношенія, тогда какъ при обмѣнѣ услугъ въ области этической даяніе не соизмѣримо въ точности съ воздаяніемъ. Мы можемъ съ точностью расчитать, какое количество золота можно получить и получается въ обмѣнъ за одинадцатичасовую услугу рабочаго, или пудъ пшеницы; но нельзя указать точной мѣры того, сколько услугъ и жертвъ можно получить въ обмѣнъ за дружбу, или славы—за ученое открытіе. Разумѣется, мѣра есть и здѣсь, ибо посредственная диссертація не окружаетъ автора ореоломъ славы первокласснаго ученаго, а для общественной оцѣнки и соотвѣтствующаго неэкономическаго воздаянія за услуги, оказываемыя исполненіемъ обыденныхъ общественно-полезныхъ функцій (врача, фельдшера, учителя, музыканта, рабочаго и т. д.) существуетъ даже довольно точная общественная табель о рангахъ, тѣмъ не менѣе мѣра воздаянія здѣсь, будучи въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ менѣе уловимой, въ нѣкоторыхъ совсѣмъ неуловимой, всегда остается до крайности неопредѣленной, по сравненію съ точной мѣрой взаимныхъ услугъ въ экономическомъ обмѣнѣ.

Это отсутствіе точной соизмѣримости услугъ неэкономическихъ и присутствіе ея въ экономическомъ обмѣнѣ находитъ свое дальнѣйшее отраженіе въ способѣ и формѣ гарантій, которыми обеспечивается полученіе отвѣтнаго возмездія въ области экономическихъ и въ области этическихъ отношеній. И здѣсь и тамъ то, что слѣдуетъ за наши услуги, дается намъ обыкновенно по своимъ законамъ, скрытымъ отъ нашего вниманія подъ привычнымъ ходомъ вещей; вся разница заключается лишь пока въ точной или неточной соизмѣримости. Но какъ только является задержка въ полученіи отвѣтнаго возмездія, эта первоначальная разница проявляется въ различіи гарантій полученія должнаго. Въ обла-

сти экономической эти гарантіи столь же опредѣленны, какъ и размѣръ должнаго. Инстанція, присуждающая должное, способъ доказательствъ, порядокъ исполнительнаго полученія—все это опредѣленно и точно указано. Нельзя сказать, чтобы не существовало гарантій полученія возмездія въ области этическихъ отношеній. Общественная группа, воздавшая славу заслуженному писателю, обрушится всей силой общественнаго мнѣнія на того своего члена, который нарушитъ общее отношеніе своимъ поведеніемъ, а общественное неодобреніе, при всей своей кажущейся нематеріальности, не есть вещь, легко переносимая. Но общественное мнѣніе не составляетъ столь опредѣленной инстанціи, какъ окружный судъ, и способы обращенія къ нему, пріемы доказательствъ, использованіе признаннаго имъ,—все это нигдѣ ни кодифицировано и крайне неопредѣленно.

Разумѣется, если думать, что право, гарантирующее намъ полученіе должнаго въ экономическомъ обмѣнѣ, основано на томъ, что за каждой правовой нормой стоитъ на стражѣ солдатъ или полицейскій, то разница между гарантіей въ полученіи должнаго въ области экономической и этической станетъ больше. Нельзя однако не согласиться съ мнѣніемъ г. Петражицкаго [1]), что обоснованіе права на внѣшней физической принудительности есть фикція. Если же признать, что право есть лишь признанная нами норма поведенія, то воздаяніе должнаго въ области этической будетъ отличаться отъ воздаянія въ области экономической только степенью, но не сущностью, ибо и въ области этической фактъ воздаянія основанъ именно на признанной нами нормѣ.

Что въ области этической дѣйствительно имѣетъ мѣсто обмѣнъ услугъ, что этотъ обмѣнъ возмезденъ и по существу не отличается отъ возмезднаго обмѣна въ области экономическихъ явленій, это наглядно проявляется въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ, когда даянію въ обмѣнѣ этическомъ сообщается такая же гарантія по отношенію къ требованію отвѣтнаго воздаянія, какая существуетъ нормально для даянія въ экономическомъ обмѣнѣ. Это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда допускается матеріальное возмѣщеніе нравственнаго ущерба, напримѣръ, при квантификаціи денежнаго возмездія за обиду. Конструкція здѣсь

---

[1]) *Петражицкій*, Очеркъ философіи права, вып. 1, 1900, стр. 61 и сл.

такова: всякій человѣкъ имѣетъ право на неприкосновенность своей чести, т. е. на нѣкоторый минимумъ уваженія со стороны другихъ, въ силу того одного факта, что онъ человѣкъ; нарушеніе этого права есть нравственный ущербъ; нравственный ущербъ оцѣнивается на деньги и требуется съ обидчика; но если обиженный заслуживаетъ особаго почтенія, вознагражденіе за безчестіе должно быть больше; особое же почтеніе есть не что иное, какъ неэкономическое вознагражденіе за признанную общественной группой особую пользу общественной функціи лица. Такимъ образомъ неэкономическое воздаяніе за услуги, не поддающееся точному измѣренію, искусственно таксируется и требованіе его обеспечивается такими же гарантіями, какъ требованіе экономическаго долга.

Другой примѣръ неудачной, впрочемъ, попытки сообщить точную юридическую гарантію взаимному возмездному обмѣну услугъ въ области этической представляетъ наша 106 ст. гражданскихъ законовъ. Здѣсь мы имѣемъ рядъ услугъ со стороны мужа чисто этическаго свойства—мужъ любитъ свою жену, какъ собственное свое тѣло, живетъ съ нею въ согласіи, уважаетъ, защищаетъ, извиняетъ ея недостатки и облегчаетъ ея немощи—съ присоединеніемъ услугъ экономическаго свойства—доставляетъ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности; этому ряду услугъ со стороны мужа отвѣчаетъ рядъ услугъ со стороны жены тоже этическаго свойства съ нѣкоторой примѣсью экономическаго свойства (въ словахъ: «хозяйка дома»): жена повинуется мужу, какъ главѣ семейства, пребываетъ къ нему въ любви, почтеніи и неограниченномъ послушаніи, оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность, какъ хозяйка дома. Если мы отбросимъ экономическую сторону отношеній супруговъ, то останется обмѣнъ этическихъ услугъ: со стороны мужа—любовь, уваженіе, защита; со стороны жены—любовь, почтеніе, послушаніе. Разумѣется этотъ обмѣнъ услугъ существовалъ и существуетъ въ той или другой мѣрѣ во многихъ бракахъ. Обоюдная этическая возмездность этихъ услугъ обеспечивалась и обеспечивается всѣми тѣми гарантіями, какими вообще обеспечивается требованіе этическаго возмездія. Но въ свое время (1782 апрѣля 2 (15379) ст. 41 отд. VIII, IX)[1]) законодатель пожелалъ этой этической возмездности придать до-

[1]) Уставъ благочинія, правила обязательствъ общественныхъ.

бавочный способъ обезпеченія юридической нормы; при этомъ онъ однако не перевелъ неопредѣленной мѣры этическихъ услугъ на точную мѣру экономическаго интереса и тѣмъ фактически сдѣлалъ невозможной для супруговъ защиту своихъ этическихъ притязаній въ судѣ гражданскомъ, который организованъ такъ, что можетъ воздать должное только тогда, когда въ состояніи измѣрить это должное денежной единицей.

Рядомъ съ мѣновыми отношеніями чисто этическими и чисто экономическими въ понятіе обмѣна входятъ отношенія, въ которыхъ экономическій и неэкономическій элементъ находятся въ неразрывной связи. Это отношенія финансоваго хозяйства. Возмездность услугъ и жертвъ, приносимыхъ гражданами государству въ области финансовъ очевидна, а потому и невозможно отрицать здѣсь наличность возмезднаго обмѣна. Perry признаетъ этотъ послѣдній фактъ; но считая, что обмѣнъ есть исключительно признакъ экономическаго явленія, онъ принужденъ свести отношенія между гражданами и государствомъ къ отношеніямъ чисто экономическимъ. Если, съ точки зрѣнія плательщика налога—говоритъ онъ—обмѣнъ услугъ между нимъ и государствомъ представляется не добровольнымъ, то при болѣе точномъ анализѣ онъ оказывается добровольнымъ; ибо въ дѣйствительности народъ организуетъ для себя правительство, добровольно терпитъ его, и нѣтъ правительства, отдѣльнаго отъ воли народа (op. cit. 582). Но очевидно, что сведеніе отношеній между плательщикомъ налога и государствомъ къ типу простого экономическаго обмѣна оставляетъ безъ вниманія характерныя особенности этого отношенія. Въ то время, какъ во всякомъ другомъ экономическомъ обмѣнѣ эквивалентность услугъ точно опредѣлима, здѣсь отсутствуетъ и немыслима точная соразмѣрность между тѣмъ, что даетъ гражданинъ государству, и тѣмъ, что онъ отъ него получаетъ. Онъ платитъ опредѣленный налогъ (экономическая услуга) и несетъ не поддающіяся точной мѣрѣ личныя повинности (неэкономическая услуга); въ обмѣнъ же получаетъ совокупность благъ и услугъ, въ которой нѣтъ возможности отдѣлить неэкономическое отъ экономическаго, нѣтъ возможности подвести особый итогъ послѣднему. Вотъ почему Wagner совершенно справедливо охарактеризовалъ отношенія гражданъ къ государству въ области финансовъ, какъ относящіяся къ типу общей, генеральной возмездности, въ про-

тивоположность спеціальной возмездности чисто экономическихъ явленій обмѣна; но онъ неправильно считаетъ явленія общей возмездности особой категоріей экономическихъ явленій; невозможность точнаго соразмѣренія даянія съ воздаяніемъ не есть результатъ особаго характера экономическихъ явленій, но результатъ присутствія услугъ этическаго свойства рядомъ съ экономическими.

Итакъ, формулируя все изложенное, приходится повторить, что понятіе обмѣна не отдѣляетъ явленій экономическихъ отъ неэкономическихъ, охватывая и тѣ и другія; явленія экономическія отличаются въ области обмѣна отъ неэкономическихъ лишь особымъ свойствомъ взаимно обмѣниваемыхъ объектовъ и особымъ характеромъ гарантій. Въ этихъ слѣдовательно особенностяхъ и слѣдовало бы искать критерія экономическаго явленія, а не въ понятіи обмѣна.

Если такимъ образомъ явленіе обмѣна охватываетъ явленія неэкономическія, то, съ другой стороны, оно не охватываетъ всѣхъ экономическихъ явленій. Безспорно, явленія экономическаго обмѣна составляютъ группу наиболѣе характерныхъ явленій современнаго хозяйственнаго строя. Въ непосредственной или скрытой формѣ обмѣнъ составляетъ сущность большинства основныхъ экономическихъ явленій. Цѣна, деньги, кредитъ — суть непосредственныя проявленія обмѣна; явленія распредѣленія — рабочая плата, прибыль на капиталъ, рента, прибыль предпринимателя — сводятся къ законамъ обмѣна; но кромѣ этихъ явленій существуютъ однако и другія, не сводимыя къ обмѣну, а именно явленія оцѣнки, производства, потребленія[1]). Кромѣ того, обмѣнъ имѣетъ важное значеніе въ современномъ хозяйствѣ, но не въ хозяйствѣ вообще. Мыслимо замѣнить распредѣлительную функцію обмѣна въ хозяйствѣ какой-либо другой организаціей (началомъ коллективизма, коммунизма), а въ прошломъ уже существовала хозяйственная организація съ ничтожнымъ значеніемъ обмѣна — въ видѣ натуральнаго хозяйства. Все это доказываетъ, что понятіе обмѣна не пригодно для опредѣленія экономическаго явленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предмета экономической науки.

---

[1]) Perry самъ вводитъ въ область экономическаго изученія предшествующія обмѣну desires и послѣдующее satisfaction (op. cit., 124).

§ 4. Опредѣленіе экономическаго явленія посредствомъ понятія хозяйственной дѣятельности.

Если понятіе экономическаго явленія не заключается въ объективномъ элементѣ вещи или ея свойствъ, то слѣдовательно его надо искать въ чемъ-либо относящемся къ человѣку. Одно изъ весьма распространенныхъ опредѣленій политической экономіи усматриваетъ сущность экономическаго въ понятіи хозяйственной дѣятельности. Опредѣленія этого рода, имѣя общую основу въ понятіи дѣятельности человѣка, весьма различаются въ дальнѣйшихъ признакахъ, которыми они характеризуютъ эту дѣятельность, какъ экономическую и какъ объектъ особой категоріи явленій и особой науки. Между прочимъ, различія эти выражаются и въ томъ, что одни опредѣленія, исходя изъ понятія индивидуальной человѣческой дѣятельности и квалифицируя тѣмъ или другимъ признакомъ ея хозяйственный характеръ, на этомъ и останавливаются; тогда какъ другія отъ понятія индивидуальной хозяйственной дѣятельности тѣмъ или инымъ путемъ переходятъ къ понятію соціальнаго явленія и разсматриваютъ экономическое, какъ видъ соціальнаго. Для опредѣленій перваго рода понятіе хозяйственной дѣятельности исчерпываетъ собою опредѣленіе экономическаго явленія, для опредѣленій второго рода оно составляетъ лишь часть опредѣленія экономическаго явленія, его исходную точку. Я не стану однако касаться этого различія здѣсь, такъ какъ вопросъ о включеніи признака общественности въ опредѣленіе экономическаго явленія будетъ разсмотрѣнъ особо; здѣсь я буду разсматривать всѣ опредѣленія лишь въ той мѣрѣ, въ какой для образованія понятія экономическаго явленія они нуждаются въ идеѣ хозяйственной дѣятельности.

Наиболѣе широкое опредѣленіе экономическаго посредствомъ идеи дѣятельности принадлежитъ Gans-Ludassy [1]); по мнѣнію этого автора, понятіе экономической дѣятельности тождественно съ понятіемъ дѣятельности вообще, понятіе экономическаго тождественно съ понятіемъ цѣлесообразнаго. Всякое дѣйствіе—говоритъ онъ—цѣлесообразно, слѣдовательно и эко-

[1]) *Gans-Ludassy*, Die wirtschaftliche Energie, 1 Th., System der ökonomischen Methodologie, 1893.

номическое дѣйствіе—цѣлесообразно (351); если такимъ образомъ экономическое характеризуется признакомъ цѣлесообразнаго, то будетъ ли имѣть мѣсто обратное: можно ли утверждать, что все цѣлесообразное является экономическимъ? Въ понятіи экономическаго различаются, повидимому, два понятія: вообще экономическаго и особо экономическаго; особый видъ экономическаго состоитъ въ осуществленіи цѣлей посредствомъ средствъ особенно хозяйственнымъ способомъ (362). Такимъ образомъ получаются три понятія: цѣлесообразное (наибольшее), экономическое (среднее) и хозяйственное (наименьшее); но всѣ эти понятія на самомъ дѣлѣ синонимы (363). Подъ хозяйственностью понимаютъ наивысшую степень экономическаго: достиженіе наибольшей цѣли съ наименьшими средствами; но такое пониманіе представляетъ логическую несообразность; нельзя понимать хозяйственное вообще въ смыслѣ наивысшей степени его, какъ нельзя понимать подъ скоростью наибольшую скорость (373). Хозяйственное можно опредѣлять лишь какъ стремленіе къ возможно большему результату посредствомъ возможно малыхъ средствъ, а не объективное осуществленіе этого принципа (383). Но при такомъ пониманіи хозяйственное совпадаетъ съ экономическимъ вообще, а съ другой стороны тотъ же признакъ опредѣляетъ и понятіе цѣлесообразнаго вообще; такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что всякое цѣлесообразное дѣйствіе, или—такъ какъ всякое дѣйствіе цѣлесообразно, то—всякое дѣйствіе вообще есть экономическое и хозяйственное (386) и что цѣлесообразное, экономическое и хозяйственное—тождественно (388). А въ такомъ случаѣ экономика, какъ наука о хозяйственной дѣятельности есть просто наука о дѣятельности—die Wissenschaft vom Handeln (982); а такъ какъ дѣятельность вообще есть достиженіе цѣли средствами, то экономическая наука иначе можетъ быть опредѣлена, какъ наука о томъ, какъ вообще достигаются цѣли посредствомъ средствъ: wie die Zwecke überhaupt vermittelt werden (983), отличаясь отъ технологіи лишь тѣмъ, что она не разсматриваетъ опредѣленныхъ цѣлей и опредѣленныхъ средствъ (983, 984). Дѣйствующій элементъ цѣлесообразнаго есть хозяйственная энергія; экономика, какъ наука о цѣлесообразномъ, его причинахъ и слѣдствіяхъ, можетъ быть названа также наукой о хозяйственной энергіи, о законахъ ея проявленія (984—986).

Область экономики не ограничивается одной какой-либо сферой человѣческой дѣятельности; право, искуство, семейная жизнь, соціальное единеніе, обычай, религія, политика и хозяйство—все это— формы проявленія хозяйственной энергіи (987); равнымъ образомъ она не ограничивается и сферой только человѣческой дѣятельности, но распространяется и на дѣйствія другихъ живыхъ существъ (982). Поэтому экономика есть наука объ условіяхъ жизни и счастья, — Lebens- und Glücksbedingungen (983).

Gans-Ludassy представляетъ довольно исключительный примѣръ необыкновенно широкаго пониманія природы экономическаго, хотя и не единственный; нѣкоторые экономисты, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, понимаютъ подъ экономическою дѣятельностью въ сущности всякую дѣятельность человѣка, отличаясь отъ приведеннаго автора развѣ только тѣмъ, что не дѣлаютъ изъ вопроса о такомъ расширеніи понятія экономичности punctum saliens своего изложенія (напр. Симоненко и др.). Съ другой стороны, многіе экономисты, хотя и ограничиваютъ, при опредѣленіи хозяйственнаго явленія, понятіе дѣятельности какимъ-либо дополнительнымъ признакомъ, но берутъ признакъ столь общаго свойства, что онъ въ сущности присущъ всякой дѣятельности и потому не дѣлаетъ изъ характеризуемой имъ сферы дѣйствій человѣка какой-либо особой области явленій (напр. Berardi).

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ способовъ характеристики хозяйственнаго явленія служитъ присоединеніе къ общему признаку дѣятельности—цѣлесообразности, особой характеристики *цѣли*—чаще всего, по матеріальному ея содержанію (въ чемъ заключается цѣль хозяйственной дѣятельности?) или по формальному ея признаку (чѣмъ цѣль этой дѣятельности отличается отъ цѣли всякой другой дѣятельности, независимо отъ ея содержанія?). Въ этомъ направленіи обыкновенно опредѣляютъ сущность экономическаго явленія посредствомъ понятія *хозяйственной* дѣятельности, какъ дѣятельности, направленной къ цѣли, содержаніемъ которой является удовлетвореніе человѣческихъ потребностей.— Таково, напримѣръ, опредѣленіе Conrad'a [1]); хозяйственной дѣятельностью, по его мнѣнію, является

[1]) *Conrad*, Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie, 1 Th., Nationalökonomie, Jena, 1898.

такая, которая направлена на удовлетвореніе потребностей (1); а народнымъ хозяйствомъ — совокупность планомѣрной дѣятельности народа, направленной на удовлетвореніе потребностей [1]). Newcomb [2]) видитъ предметъ политической экономіи, какъ чистой науки, въ законахъ человѣческой дѣятельности; дѣятельность эта вызывается желаніями и потребностями и состоитъ въ усиліяхъ, направленныхъ на удовлетвореніе этихъ желаній и потребностей. Такое же опредѣленіе находимъ у Schröder'a [3]). По его мнѣнію, объектомъ изученія политической экономіи является народное хозяйство; народное хозяйство есть организмъ, въ противоположность механизму, т. е. естественные феномены выступающихъ и дѣйствующихъ въ исторіи человѣчества явленій человѣчества (20); это — организмъ хозяйствъ всякаго рода (18); хозяйствомъ же является человѣческая *дѣятельность, состоящая въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей* (17). Такимъ образомъ содержаніе цѣли дѣятельности характеризуется самымъ общимъ признакомъ удовлетворенія потребностей и характеризованная этимъ признакомъ цѣль превращаетъ дѣятельность вообще въ экономическую дѣятельность, особый видъ явленій, объектъ особой науки [4]).

---

[1]) Хотя въ другомъ мѣстѣ Conrad квалифицируетъ понятіе потребностей признакомъ матеріальности: «Ursache und Wirkung in den Erscheinungen des wirtschaftlichen Lebens eines Volkes... so weit es sich um die Sorge für die materielle Bedürfnisse...» (1).

[2]) *Newcomb*, Principles of Political Economy, New-York, Harper et Br-s, 11.

[3]) *Schröder*, Die Politische Oekonomie, 1897.

[4]) Въ противорѣчіи съ этимъ широкимъ опредѣленіемъ хозяйства находится рядъ метафорическихъ поясненій: «die Volkswirtschaft entsteht, lebt und schafft durch den freien Willen des Einzelnen einerseits und das natürliche Gebot der *Daseinserhaltung des Menschen*» (15); «die Volkswirtschaft ist der natürliche Prozess der *Ernährung* (только?) der Völker» (16); «das wesen der Wirtschaft an sich ist jene menschliche Thätigkeit, welche den *Daseinskampf der Menschheit gegen die Natur* ausmacht» (17). Но эти поясненія противорѣчатъ другъ другу—ибо Ernährung не исчерпываетъ понятія Daseinserhaltung или Daseinskampf gegen die Natur, а Daseinserhaltung des Menschen не совпадаетъ съ Daseinskampf der Menschheit gegen die Natur—и въ общей сложности не могутъ быть приняты во вниманіе противъ логически точнаго опредѣленія, оставаясь лишь риторическими украшеніями.

Далѣе въ съуженіи понятія экономической дѣятельности идутъ тѣ опредѣленія, которыя къ предъидущему моменту удовлетворенія потребностей присоединяютъ ограниченіе круга потребностей однимъ опредѣленнымъ ихъ видомъ. Такъ профессоръ Чупровъ [1]) съуживаетъ кругъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ составляетъ цѣль хозяйственной дѣятельности, понятіемъ матеріальныхъ потребностей. «Дѣятельность человѣка — говоритъ онъ — направленная на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, и составляетъ предметъ изученія политической экономіи» (8). Подъ матеріальною же потребностью онъ понимаетъ такую потребность, которая удовлетворяется «лишь черезъ усвоеніе внѣшней матеріи» (4) [2]).

Другой способъ опредѣленія хозяйственной дѣятельности по характеру цѣли состоитъ къ указаніи формальнаго отличія цѣли, преслѣдуемой хозяйственной дѣятельностью, въ отличіе отъ цѣли всякой другой дѣятельности. Многочисленныя и весьма различныя ближайшія цѣли могутъ ставить люди—говоритъ Berardi [3])—своимъ произвольнымъ дѣйствіямъ, примѣромъ тому могутъ служить занятія, составляющія предметъ искусствъ и профессій; но каковы бы ни были ближайшія цѣли, преслѣдуемыя ихъ дѣйствіями, послѣднія имѣютъ конечную, общую имъ всѣмъ цѣль, а именно, удовлетвореніе потребностей, изученіе всѣхъ свободныхъ дѣйствій человѣка съ точки зрѣнія этой конечной общей имъ всѣмъ цѣли и составляетъ особую задачу экономической науки. Такимъ образомъ хозяйственная дѣятельность отличается отъ всякой другой дѣятельности, по мнѣнію Berardi, тѣмъ, что цѣль ея болѣе всѣхъ другихъ цѣлей свободна отъ специфическихъ признаковъ.

Подобно тому, какъ одна группа экономистовъ ищетъ опредѣленія хозяйственнаго характера дѣятельности въ цѣли ея, другая группа обращается для этого къ понятію *средствъ*, на которыя направлена дѣятельность. Здѣсь мы замѣчаемъ та-

---

[1]) *Чупровъ*, Политическая экономія, 1899—1900.

[2]) Дальнѣйшее ограниченіе хозяйственной дѣятельности понятіемъ экономическаго принципа см. ниже.

[3]) *Berardi*, Sul carattere e sul metodo della economia politica, 1894, 26—28, 30.

кую же градацію въ ширинѣ опредѣленія. Mangoldt[1]) понимаетъ хозяйственную дѣятельность въ этомъ смыслѣ наиболѣе широко, Для него хозяйственной дѣятельностью является дѣятельность, направленная на средства въ самомъ обширномъ смыслѣ—внѣшній міръ. Дѣятельность человѣка, говоритъ онъ, направленная на внѣшній міръ, на приспособленіе внѣшнихъ предметовъ и отношеній къ цѣлямъ, составляетъ хозяйство (7); отдѣльныя хозяйства, соединенныя другъ съ другомъ въ своемъ развитіи и связанныя обмѣномъ, поскольку обращается вниманіе на ихъ національную общность, составляютъ народное хозяйство (8—9); народное же хозяйство служитъ предметомъ изученія экономической науки[2]).

Большинство экономистовъ не ограничиваются однако столь общимъ указаніемъ на средства, на которыя направлена хозяйственная дѣятельность, но характеризуютъ ихъ какимъ-либо добавочнымъ признакомъ, съуживающимъ объемъ этого понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и понятія хозяйственной дѣятельности. Такимъ признакомъ довольно часто является матеріальность средствъ.

По Schönberg'у[3]), предметъ политической экономіи — народное хозяйство — есть сумма, а на высшихъ ступеняхъ развитія — органическое единство всѣхъ отдѣльныхъ хозяйствъ народа (§ 14, стр. 29); хозяйство же есть совокупность хозяйственной дѣятельности лица (§ 6, 10); хозяйственная же дѣятельность есть та дѣятельность, при помощи которой человѣкъ создаетъ *матеріальныя* средства для удовлетворенія своихъ потребностей (§ 1, 2). [4]) [5]).

---

[1]) *Mangoldt*, Grundriss der Volkswirthschaftslehre, 1871.

[2]) Тоже отчасти *Supino*, «La definizione dell 'economia politica, 1883, 62: ogni attività umana, dirètta sul *mondo esterno*...»

[3]) *Schönberg*, Die Volkswirtschaft въ 1-мъ томѣ Handbuch der Polit. Oecon. подъ его же редакціей, 4 Aufl.

[4]) Хотя, по странному мнѣнію автора, такое опредѣленіе не мѣшаетъ тому, чтобы въ понятіе хозяйства входили также нематеріальныя вещи (?), услуги и права.

[5]) Также *Dietzel*, Jahrb. f. Nat.-Ock. u. Stat. B. 43, стр. 19: «als wirtschaftliche Phänomene bezeichnen wir solche, welche in dem *Zweckstreben* der Menschen nach *stofflichen* Gütern ihren Grund haben».

Leroy-Beaulieu [1]) ограничиваетъ понятіе средствъ признакомъ благъ несвободныхъ и недаровыхъ. По его опредѣленію, политическая экономія есть наука, устанавливающая общіе законы дѣйствованія и производительности (l'activité et l'efficacité) человѣческихъ усилій, направленныхъ на производство и потребленіе различныхъ благъ, которыя природа не предоставляетъ человѣку *даромъ и свободно* (11).

Keynes [2]) пользуется для той же цѣли еще болѣе узкимъ признакомъ мѣноспособности. Предметъ политической экономіи по Keynes'у — экономическая жизнь общества (85), которая состоитъ изъ экономической дѣятельности членовъ общества (96), экономическая же дѣятельность — это дѣятельность, направленная на производство и присвоеніе *средствъ* удовлетворенія человѣческихъ потребностей, *способныхъ быть предметомъ обмѣна* (96).

Понятіе цѣли экономической дѣятельности—удовлетворенія потребностей—столь тѣсно связано съ понятіемъ необходимыхъ для этого средствъ, что обыкновенно хозяйственная дѣятельность характеризуется *обоими признаками вмѣстѣ*, а именно какъ дѣятельность, направленная на пріобрѣтеніе средствъ (вообще или опредѣленнаго рода) для удовлетворенія потребностей.

Къ этому типу опредѣленій принадлежитъ приведенное уже раньше опредѣленіе Schönberg'a: хозяйственная дѣятельность есть дѣятельность, направленная на созданіе матеріальныхъ *средствъ для удовлетворенія потребностей*; сюда же можно отнести и Ely, насколько онъ понимаетъ экономическія явленія, какъ явленія вытекающія изъ дѣятельности, направленной на пріобрѣтеніе богатства для удовлетворенія потребностей, на пріобрѣтеніе матеріальныхъ вещей и пользованіе ими для удовлетворенія нуждъ [3]).

Дальнѣйшій способъ характеристики хозяйственной дѣятельности прибѣгаетъ къ помощи признака количественнаго

---

[1]) *P. Leroy-Beaulieu*, Traité théorique et pratique de l'économie politique, t. 1, 1896.

[2]) *Keynes*, The scope and method of Political Economy, 1891.

[3]) *Ely*, Outlines of Economics, 1897, 72.

соразмѣренія средствъ съ цѣлью, т. н. *экономическаго принципа*. Въ этомъ смыслѣ хозяйственною дѣятельностью называется такая дѣятельность, которая характеризуется стремленіемъ достигнуть наибольшихъ результатовъ съ наименьшими средствами. Характерными представителями опредѣленія экономики посредствомъ экономическаго принцива являются Hermann и Schäffle. Инстинктъ самосохраненія — говоритъ Hermann [1]) — проявляется, во-первыхъ, въ приготовленіи необходимыхъ для жизни предметовъ надлежащаго качества, въ надлежащемъ мѣстѣ, въ надлежащее время; такая дѣятельность, направленная на обеспеченіе потребностей благами въ надлежащемъ качественномъ отношеніи, есть техника; во-вторыхъ, въ количественномъ соразмѣреніи труда съ потребностями такимъ образомъ, чтобы даннымъ количествомъ средствъ наилучше удовлетворить потребность. Хозяйство есть количественный контроль въ производствѣ и расходованіи благъ въ обособленномъ кругѣ потребностей (10), или количественное соразмѣреніе работъ и благъ, которыя нельзя получить безъ пожертвованій, съ тою цѣлью, чтобы данной затратой наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ удовлетворить потребность лица (61). Хозяйство не есть особая самостоятельная дѣятельность, а лишь одна сторона совокупности усилій, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей; оно есть лишь соразмѣреніе, наблюденіе, двусторонній подсчетъ въ области техническихъ и мѣновыхъ дѣйствій и при обращеніи благъ на удовлетвореніе потребностей. Этой регулирующей дѣятельности одинаково подчиняются всѣ разнообразныя матеріальныя дѣйствія, направленныя на удовлетвореніе потребностей. Экономическая наука отвлекаетъ эти формы соразмѣренія (Zurathehaltung) благъ, обнаруживаетъ ихъ общность, показываетъ, какъ изъ инстинкта самосохраненія происходятъ явленія и дѣйствія съ такою правильностью и постоянствомъ, что въ нихъ необходимо признать законы (66—67). Изложеніе законовъ и правилъ, по которымъ происходитъ количественное соразмѣреніе благъ, съ цѣлью наиболѣе дѣйствительнаго удовлетворенія потребностей, въ упорядоченномъ правомъ общежитіи, составляетъ задачу науки о народномъ хозяйствѣ (68). Техника представляетъ усилія, направленныя на со-

[1]) *Hermann*, Staatswirtschaftliche Untersuchungen, 1870.

зданіе предметовъ и оказаніе услугъ, съ цѣлью удовлетворенія потребностей; хозяйственная дѣятельность направлена на количественное сравненіе затратъ съ достигнутыми цѣлями. Для этого всѣ блага она сводитъ къ общей единицѣ потребительной и мѣновой цѣнности и сравниваетъ ихъ по количеству вложенныхъ въ нихъ пожертвованій (67). Наука о хозяйствѣ выбираетъ изъ всѣхъ техническихъ пріемовъ общее и ставитъ его какъ законъ, по отношенію къ которому отдѣльные виды дѣятельности суть лишь особые случаи примѣненія этого закона (69).

Не менѣе обстоятельно развиваетъ свои положенія Schäffle [1]). Хозяйственный принципъ состоитъ въ томъ, чтобы съ возможно малымъ личнымъ пожертвованіемъ достигнуть возможно большого личнаго благополучія, т. е. съ наименьшими затратами достигнуть наибольшей пользы (1) [2]). Сущность хозяйства состоитъ въ регулированіи производства и потребленія внѣшнихъ средствъ удовлетворенія потребностей, имѣющихся въ ограниченномъ количествѣ, въ направленіи возможно большей чистой пользы, съ цѣлью возможно лучшаго обезпеченія всей личной жизни (2); иначе — хозяйство есть устройство обезпеченія лица или союза лицъ внѣшними благами, имѣющимися въ ограниченномъ количествѣ, въ направленіи возможно большей пользы и возможно малыхъ затратъ (23). Хозяйство есть регулированіе техники, техника составляетъ объектъ хозяйства (9). Осуществленіе такого рода регулированія въ процессѣ перехода общества отъ слѣпого взаимодѣйствія естественныхъ силъ къ сознательной цѣлесообразности и составляетъ собственно предметъ изслѣдованія политической экономіи (2). Иначе говоря, политическая экономія есть наука о проявленіи хозяйственнаго принципа въ человѣческомъ обществѣ (46).

---

[1]) *Schäffle*, Das Gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, цитировано по 3-му изданію, 1873, т. 1.

[2]) Um möglichst wenig Arbeit möglichst viele Güter der Natur in der Production abzuringen und in der Consumption... aus möglichst geringem Güteraufwande den höchsten Nutzen für die Zwecke des Menschen zu ziehen. 2-е изд. 1867, 3.

Туже точку зрѣнія находимъ у Lampertico [1]). Предметомъ экономической науки—говоритъ онъ—является законъ всеобщей экономіи—съ наименьшей затратой получить наибольшій полезный результатъ—разсматриваемый по отношенію къ благамъ человѣка (1, 4).

По мнѣнію пр. Симоненко [2]), политическая экономія излагаетъ «общіе законы труда», «законы, проявляющіеся во всѣхъ видахъ народной дѣятельности..., благодаря которымъ общество успѣваетъ *съ наименьшими усиліями* достигнуть возможно полнаго удовлетворенія своихъ потребностей» (11). Эти общіе законы труда проявляются во всѣхъ видахъ народнаго труда, наряду съ спеціальными законами, относящимися лишь къ отдѣльнымъ видамъ народной дѣятельности (ib.); поэтому и наука, изучающая эти общіе законы всякой народной дѣятельности, можетъ быть названа наукой о народномъ или общественномъ благосостояніи (5).

Рядомъ съ опредѣленіемъ политической экономіи по одному признаку экономическаго принципа, мы опять таки имѣемъ рядъ болѣе сложныхъ опредѣленій, съ одной стороны, по признакамъ цѣли и экономическаго принципа и, съ другой,—средствъ и экономическаго принципа. Комбинацію признаковъ перваго рода мы находимъ у пр. Чупрова. Какъ мы уже видѣли, предметомъ изученія политической экономіи, по мнѣнію г. Чупрова, является дѣятельность, направленная на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Такая дѣятельность изучается однако не только экономической наукой, но и техникой (op. cit. 8). Техника изучаетъ пріемы приспособленія внѣшней природы къ удовлетворенію потребностей; политическая же экономія изучаетъ эти пріемы *съ точки зрѣнія пожертвованій и получаемыхъ результатовъ* (8—13). Изъ различныхъ, предлагаемыхъ техникою пріемовъ, экономія ставитъ цѣлью выбрать тотъ, который при наименьшихъ затратахъ даетъ наилучшіе результаты (12).

Опредѣленіе хозяйственной дѣятельности посредствомъ комбинаціи признака экономическаго принципа съ признакомъ

---

[1]) *Lampertico*, Economia degli popoli et degli Stati, Introduzione, 1874.

[2]) *Симоненко*, Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ, 1900.

средствъ мы находимъ у г. Исаева [1]). Хозяйство, по его мнѣнію, есть совокупность основанныхъ на *расчетѣ* дѣйствій, направленныхъ на *хозяйственныя блага*. Полное опредѣленіе объекта экономической науки, по г. Исаеву, можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Вещи, способныя удовлетворять потребности и имѣющіяся въ меньшемъ, сравнительно съ послѣдними, количествѣ, называются хозяйственными благами (6—7); совокупность такихъ вещей, принадлежащихъ физическому или юридическому лицу, составляетъ имущество (9); къ поддержанію, умноженію и расходованію имущества направлена совокупность дѣйствій, основанныхъ на расчетѣ, это—хозяйство (12); отдѣльныя совокупности такихъ дѣйствій (хозяйства) находятся во взаимныхъ отношеніяхъ и образуютъ новую совокупность—общественное хозяйство (12); въ противоположность частному хозяйству, общественное характеризуется отсутствіемъ единой воли (ib.); явленія этой послѣдней совокупности (общественнаго хозяйства) и законы, ими управляющіе, составляютъ предметъ изученія политической экономіи (23).

Наконецъ, наиболѣе сложное опредѣленіе хозяйственной дѣятельности пользуется всѣми тремя признаками вмѣстѣ—цѣли, средствъ и хозяйственнаго принципа. Таково опредѣленіе Wagner'a [2]). По Wagner'у, политическая экономія есть наука о народномъ хозяйствѣ [3]); народное хозяйство есть совокупность связанныхъ другъ съ другомъ самостоятельныхъ единичныхъ хозяйствъ [4]); единичное хозяйство есть совокупность трудовой

---

[1]) *Исаевъ*, Начала политической экономіи, 1896.

[2]) *Wagner*, Grundlegung der Politischen Oekonomie, 3 Aufl., 1 Th., 1892.

[3]) О народномъ хозяйствѣ, какъ своеобразномъ комплексѣ хозяйственныхъ явленій, или о хозяйственныхъ явленіяхъ, какъ частяхъ народнаго хозяйства, съ точки зрѣнія этого хозяйства (259, § 100).

[4]) Народное хозяйство: какъ замкнутое цѣлое мыслимая совокупность самостоятельныхъ единичныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собою дѣленіемъ труда и находящихся въ общеніи на почвѣ опредѣленнаго хозяйственно-правоваго порядка (частнаго и публичнаго), въ предѣлахъ народа, организованнаго въ государство (въ томъ числѣ и въ союзное государство), или объединеннаго въ одну хозяйственную область (таможенный союзъ) государственными хозяйственными мѣропріятіями: ein organisches Ineinander, nicht ein mechanisches Nebeneinander von Einzelwirtschaften (353, § 149).

дѣятельности, происходящей по *экономическому принципу* [1]), направленной *на блага съ цѣлью удовлетворенія* потребностей [2]) Сюда же слѣдуетъ отнести Supino [3]). По его мнѣнію, хозяйство—это всякая человѣческая дѣятельность, направленная на внѣшній міръ, съ цѣлью полученія удовлетворенія потребностей, согласно экономическому принципу, согласно закону напменьшихъ средствъ (62). Хозяйство можетъ быть индивидуальное, соціальное (связанныя отношеніями обмѣна индивидуальныя хозяйства политически организованнаго народа) и міровое (соединеніе отношеніями обмѣна индивидуальныхъ хозяйствъ всѣхъ соціальныхъ хозяйствъ земного шара) (63, 66, 71). Всякое хозяйственное явленіе отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что имѣетъ субъектомъ человѣка, объектомъ удовлетвореніе его потребностей и средствомъ достиженія цѣли человѣческій трудъ, направленный на внѣшній міръ, согласно экономическому принципу (73). Политическая экономія опредѣляется, какъ наука, изучающая человѣка, въ качествѣ соціальнаго существа, посколько онъ направляетъ свои силы на внѣшній міръ, согласно

---

[1]) Экономическій принципъ: стремленіе предпринимать добровольно только такую работу, при которой, по внутренней оцѣнкѣ человѣка, удовольствіе удовлетворенія превосходитъ тягость напряженія (жертвы), или стремленіе къ максимуму результатовъ труда и удовлетворенія при минимумѣ усилій труда (80, § 28).

[2]) Хозяйство есть трудовая дѣятельность, выполняющаяся по плану, сообразно съ экономическимъ принципомъ, направленная на постоянное пріобрѣтеніе и употребленіе благъ для удовлетворенія потребностей въ предѣлахъ замкнутаго или мыслимаго таковымъ круга человѣческихъ потребностей и ихъ удовлетвореній (81. § 29; 349, § 145).

Трудъ: личное напряженіе человѣческихъ силъ, связанное съ жертвой (страданіемъ, тягостью, непріятностью, затратой силъ и времени—съ пожертвованіемъ жизненныхъ силъ, «жизни») съ цѣлью доставленія возможности удовлетворенія потребности либо самымъ трудомъ, либо имъ, только какъ средствомъ (79, § 27).

Благо: всякое средство для удовлетворенія потребностей (74, § 24; 288, § 110); блага внутреннія и внѣшнія; послѣднія- услуги и вещи (74, § 23; 289, § 112; 290, § 113).

[3]) *Supino*, La definizione dell' economia politica, 1883.

экономическому принципу, чтобы получить удовлетвореніе своихъ потребностей (73—74) [1]).

Слѣдуетъ упомянуть въ заключеніе о характерной попыткѣ Marshall'я опредѣлить сущность экономической дѣятельности особымъ признакомъ измѣримости на деньги. Этотъ авторъ, какъ мы уже видѣли, считаетъ, съ одной стороны, экономическую науку наукой о богатствѣ, съ другой же, наукой о дѣятельности человѣка. Дѣятельность эта состоитъ изъ усилій, направленныхъ къ удовлетворенію потребностей; однако одно это содержаніе не дѣлаетъ еще ея экономической; послѣднее свойство она получаетъ лишь постолько, посколько характеризуется добавочнымъ признакомъ измѣримости на деньги. Этотъ признакъ прилагается Marshall'емъ къ различнымъ моментамъ дѣятельности; прежде всего къ мотивамъ ея, далѣе, къ усиліямъ и потребностямъ. Говоря объ экономическихъ законахъ, онъ опредѣляетъ ихъ какъ соціальные законы, относящіеся къ той области поведенія, въ которой сила мотивовъ вообще говоря можетъ быть измѣрена денежной цѣною; въ другомъ мѣстѣ, опредѣляя экономическую науку, онъ видитъ въ ней соціальную науку о дѣятельности человѣка въ обществѣ, состоящей въ усиліяхъ, направленныхъ къ удовлетворенію потребностей, посколько усилія и потребности могутъ быть измѣрены въ терминахъ богатства или его общаго представителя, т. е. денегъ [2]) Тотъ же самый признакъ—измѣримость въ деньгахъ—характеризуетъ, по Marshall'ю, и основную категорію богатства. Отсюда можно заключить, что измѣримость въ деньгахъ есть нѣчто существенно-необходимое для понятія объ экономическомъ; почему однако этотъ признакъ столь важенъ при опредѣленіи экономическаго явленія и каково его отношеніе къ другимъ признакомъ, это оставлено Marshall'емъ безъ объясненія.

---

[1]) Это опредѣленіе находится однако въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ предшествующимъ ему утвержденіемъ, что эта наука изучаетъ *экономическій организмъ* и поэтому, естественно, должна заниматься органическими законами *всякаго* хозяйства и законами отношеній между различными хозяйствами соціальной системы (73)—если *всякаго* хозяйства, то очевидно и индивидуальнаго, тогда какъ въ опредѣленіи говорится о человѣкѣ, только какъ о существѣ соціальномъ.

[2]) *Marshall*, Principles etc. 83, 101.

Если идея экономическаго должна находиться въ ближайшемъ соотношеніи съ человѣкомъ, то понятно, что опредѣленіе экономическаго явленія, исходящее изъ понятія дѣятельности, имѣетъ больше шансовъ быть вѣрнымъ, чѣмъ опредѣленіе, исходящее изъ понятія вещи. Дѣйствительно, въ дѣятельности человѣка, характеризуемой терминомъ хозяйственной, безспорно есть нѣчто, что составляетъ сущность экономическаго. Но дѣло не въ томъ, есть ли хозяйственная дѣятельность явленіе экономическое, а въ томъ, исчерпывается ли понятіе экономическаго понятіемъ хозяйственной дѣятельности, или же въ него входитъ еще какая-нибудь группа явленій? Если бы даже оказалось, что, по объему понятій, явленія хозяйственнаго порядка и явленія хозяйственной дѣятельности совпадаютъ, то и тогда еще оставался бы не рѣшеннымъ вопросъ, состоитъ ли сущность экономическаго въ понятіи самой дѣятельности опредѣленнаго рода, именно какъ дѣятельности, или она заключается въ какомъ-либо постороннемъ, независящимъ отъ понятія дѣятельности элементѣ, который въ ней лишь находитъ сферу своего проявленія. Какъ первый, такъ и второй изъ поставленныхъ вопросовъ приходится рѣшить не въ пользу понятія дѣятельности, какъ критерія экономическаго явленія. Если мы возьмемъ понятіе дѣятельности, просто какъ дѣятельности, оно будетъ гораздо шире экономическаго явленія; кромѣ явленій экономическихъ, дѣятельность вообще охватываетъ явленія неэкономическаго рода. Если мы съузимъ понятіе дѣятельности вообще признакомъ экономичности, то получимъ кругъ явленій, не обнимающихъ собою всего экономическаго; послѣднее заключаетъ въ себѣ, кромѣ экономической дѣятельности, также и явленія экономическихъ состояній и отношеній. Наконецъ, въ той частной сферѣ дѣятельности и экономическаго, въ которой оба понятія совпадаютъ, сущность экономическаго состоитъ не въ элементахъ самой дѣятельности, какъ дѣятельности, а въ элементахъ нѣкотораго душевнаго состоянія, сужденія, отношенія, на которыхъ дѣятельность построена.

Что понятія дѣятельности вообще и экономическаго не совпадаютъ, это столь очевидно вытекаетъ изъ всего строя нашихъ представленій о той и другой области, что не требуетъ особыхъ доказательствъ; напротивъ, противное кажется намъ парадоксомъ и нуждается въ обоснованіи. Такое обоснованіе

Gans Ludassy усматриваетъ въ томъ, что какъ дѣятельность, такъ и экономическое цѣликомъ характеризуются понятіемъ цѣлесообразности, которое, въ свою очередь, исчерпывается этими двумя понятіями, почему всѣ три оказываются тожественными. Цѣлесообразность [1]) можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ: цѣлесообразность, какъ фактъ въ совершившемся или совершающемся и цѣлесообразность, какъ основа и мотивъ совершаемаго. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ привнесеніемъ цѣли, какъ опредѣленной точки познанія или оцѣнки въ объективный міръ явленій, совершающихся по законамъ причинности, во-второмъ—съ привнесеніемъ цѣли, какъ мотива въ рядъ явленій, долженствующій совершиться сообразно съ этимъ привнесеннымъ моментомъ. Сущность познавательной или оцѣночной цѣлесообразности состоитъ въ томъ, что въ причинномъ рядѣ явленій мы выбираемъ опредѣленную стадію, представляющую для насъ тотъ или другой интересъ, и все предшествующее разсматриваемъ, какъ ведущее къ ней, къ этой цѣли, слѣдовательно цѣлесообразное. Тотъ фактъ, что выбранная нами стадія явленія совершилась, самъ собою уже свидѣтельствуетъ о томъ, что предшествующее вызвало эту стадію, или разсматриваемое съ точки зрѣнія послѣдней, шло къ ней, иначе говоря, по отношенію къ ней было цѣлесообразнымъ. Одинъ фактъ наличности даннаго явленія превращаетъ въ цѣлесообразный весь рядъ предшествующихъ явленій, причиннымъ завершеніемъ котораго было данное явленіе. Но эта цѣлесообразность привносится нами въ готовый, не зависящій отъ насъ рядъ причинъ и слѣдствій, лишь при нашемъ познаваніи его съ этой особой точки зрѣнія. Самый же рядъ существуетъ самъ по себѣ и можетъ совершаться весь и цѣликомъ исключительно по законамъ причинности. Такого рода цѣлесообразность представляетъ лишь особый способъ познанія явленій, объективно совершающихся по своимъ законамъ причинности, но сама не есть законъ происхожденія явленій [2]). Это есть способъ изученія причиннаго ряда явленій

---

[1]) *Sigwart*, Logik, II, 1893, 251—255, 624—625, 756; *Windelbandt*, Die Lehren vom Zufall, 1870, 52—68; *Sigwart*, Kleine Schriften, II Reihe, 1881; der Kampf gegen den Zweck, стр. 24—67.

[2]) См. Sigwart, der Campf gegen d. Zweck.

въ порядкѣ, обратномъ естественному ходу ряда во времени или пространствѣ. Какъ съ одной стороны, мы можемъ итти въ познаніи отъ временнаго или пространственнаго начала ряда въ направленіи объективнаго его движенія отъ причины къ слѣдствію и т д., слѣдуя за объективнымъ ходомъ ряда, куда бы онъ насъ ни привелъ; такъ, съ другой стороны, мы можемъ фиксировать вниманіе на неначальной точкѣ ряда, взять послѣдующее, какъ исходный моментъ изученія, и въ своемъ познаніи итти въ направленіи, обратномъ объективному ходу ряда во времени или пространствѣ, разсматривая предшествующее, не какъ вызывающее послѣдующее, не какъ причинное, и какъ приходящее или приводящее къ послѣдующему, т. е. цѣлесообразное. Нѣтъ необходимости, чтобы выбранная нами при цѣлесообразномъ изученіи ряда точка его была явленіемъ уже совершившимся во времени, или пространствѣ, она можетъ быть представлена нами лишь мысленно, въ воображеніи, для совершающагося уже ряда, но еще не дошедшаго до этой точки, или для имѣющаго совершиться; можетъ быть представлена, какъ нѣчто, по отношенію къ чему мы будемъ познавать совершающійся или имѣющій совершиться рядъ, съ точки зрѣнія того, прійдетъ ли рядъ къ этой точкѣ или нѣтъ, будетъ ли онъ обладать по отношенію къ ней свойствомъ цѣлесообразности или нѣтъ. Цѣлесообразность въ этомъ смыслѣ будетъ вполнѣ субъективной и внѣшней для явленія, такъ какъ она привносится въ рядъ явленій познающимъ субъектомъ, въ противоположность объективной причинности, которая представляетъ собою законъ происхожденія ряда явленій въ объективномъ отъ насъ независимомъ мірѣ.

Можно, разумѣется, этой объективно привносимой познавательной цѣлесообразности приписать объективную цѣнность, интроцируя ее въ дѣйствующія причины. Можно представить, что дѣйствующія явленія, въ которыхъ мы теперь видимъ причины послѣдующаго, объективно и сами по себѣ заключаютъ въ себѣ стремленіе къ цѣлямъ, и что все происходящее происходитъ объективно не по причинамъ, а по цѣлямъ. Подобнаго рода предположеніе представляетъ собою однако результатъ метафизической спекуляціи, совершенно ненужный, во всякомъ случаѣ, въ области объясненія явленій міра физическаго и, даже болѣе, прямо исключаемый здѣсь закономъ причинности, и

весьма спорный въ области психическихъ явленій. Правда, и законъ причинности присущъ явленіямъ не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ объективно и реально содержался въ явленіяхъ и оттуда былъ извлекаемъ познающимъ умомъ; и онъ можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія теоріи познанія либо какъ апріорная категорія познающаго ума, либо какъ постулатъ. Но въ первомъ случаѣ онъ представляетъ собою неустранимый способъ синтеза явленій, проицируемый въ объективный міръ и, слѣдовательно, внѣ теоріи познанія, разсматриваемый, какъ объективная принадлежность міра явленій; во второмъ случаѣ онъ прямо проицируется въ міръ явленій, какъ порядокъ, лежащій въ основѣ этого міра. Въ первомъ случаѣ объективная цѣлесообразность исключается сама собою; во-второмъ случаѣ—должна быть исключена, поскольку точное объясненіе явленій въ ней не нуждается.

Съ точки зрѣнія субъективно познавательной цѣлесообразности не всякое дѣйствіе будетъ цѣлесообразнымъ, по той же самой причинѣ, по которой и не всякое явленіе вообще будетъ цѣлесообразнымъ. Цѣлесообразнымъ будетъ только то, что включается въ причинный рядъ явленій, заключительнымъ слѣдствіемъ котораго служитъ явленіе, разсматриваемое какъ цѣль; все, что находится внѣ этого ряда, безразлично съ точки зрѣнія цѣли. Однако и въ этомъ рядѣ не всѣ явленія будутъ обладать вполнѣ одинаковымъ характеромъ цѣлесообразности; въ этомъ отношеніи различаются явленія, составляющія причину содѣйствующую цѣли, отъ тѣхъ, которыя составляютъ причины противодѣйствующія. Вообще, только сумма тѣхъ и другихъ создаетъ явленіе такимъ, каково оно есть, а слѣдовательно, съ точки зрѣнія этого явленія, какъ цѣли, только сумма всего предшествующаго привела къ нему и, слѣдовательно эта сумма цѣлесообразна; а съ точки зрѣнія наличности суммы цѣлесообразны ея составныя части. Если цѣлью является достиженіе тѣломъ извѣстной точки, и эта цѣль достигается (и даже можетъ быть достигнута не иначе, какъ только) совокупностью силы, движущей тѣло въ направленіи точки, и силы, противодѣйствующей этому движенію, то, когда цѣль достигнута, она явилась результатомъ совокупнаго дѣйствія суммы силъ, которая поэтому и будетъ цѣлесообразной, а съ точки зрѣнія такого именно состава суммы, приведшаго къ данной цѣли, цѣлесообразными

будутъ ея составныя части, т. е. какъ сила содѣйствующая, такъ и противодѣйствующая. Для передвиженія тѣла по земной поверхности необходимы сила, дѣйствующая въ направленіи движенія, и сила притяженія къ землѣ, противодѣйствующая первой, ибо безъ нея тѣло направилось бы не по земной поверхности, а по касательной къ ней. Съ точки зрѣнія передвиженія тѣла, обѣ силы только совмѣстнымъ дѣйствіемъ ведутъ къ результату, обѣ онѣ одинаково цѣлесообразны по отношенію къ результату. Но хотя онѣ обѣ вмѣстѣ ведутъ къ осуществленію цѣли въ томъ видѣ, въ какомъ она осуществляется, но содѣйствуютъ онѣ ей различно: въ то время какъ одна сила дѣйствуетъ прямо въ направленіи цѣли, другая лишь модифицируетъ или уменьшаетъ ея дѣйствіе. Поэтому съ точки зрѣнія содѣйствія и противодѣйствія значенія этихъ силъ различно.

Эта точка зрѣнія въ особенности проявляется тогда, когда мы разсматриваемъ цѣль не какъ простой фактъ, фактъ самъ по себѣ, а какъ фактъ, имѣющій отношеніе къ нашимъ интересамъ, а тѣмъ болѣе когда къ тому же средства (или часть ихъ), ведущія къ осуществленію такой цѣли, также представляютъ интересъ для насъ; тогда цѣлесообразность изъ простой познавательной превращается въ оцѣнивающую. Съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ средства, ведущія къ достиженію цѣли, квалифицируются какъ полезныя и вредныя, и цѣлесообразной будетъ не всякая данная, какъ фактъ, комбинаціи силъ, приводящихъ къ цѣли, а лишь такая, въ которой минимумъ полезнаго тратится на уровновѣшеніе вреднаго; но и въ этой комбинаціи цѣлесообразной будетъ только та часть средствъ, которая содѣйствуетъ цѣли, но не та, которая противодѣйствуетъ ей и, съ точки зрѣнія оцѣнки, является не средствомъ къ цѣли, а просто зломъ.

Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія цѣлесообразности познавательной, а тѣмъ болѣе оцѣнивающей, не всякое явленіе будетъ цѣлесообразнымъ, а слѣдовательно и дѣйствіе, разсматриваемое объективно, какъ явленіе, тоже не всегда будетъ цѣлесообразнымъ. Для одной категоріи человѣческихъ дѣйствій другой цѣлесообразности и не существуетъ. Это именно дѣйствія, не управляемыя сознательной волей, инстинктивныя. Цѣлесообразность ихъ можетъ быть только чисто субъективная, внѣшняя, т. е. вносимая познающимъ субъектомъ, но не присущая

самому объективному ряду дѣйствій, завершающихся тѣмъ, что мы принимаемъ за осуществленіе цѣли. Весь рядъ дѣйствій, завершающихся достиженіемъ цѣли, совершается единственно по закону причинности. Нерѣдко этотъ рядъ причинъ и слѣдствій ведетъ къ цѣли такимъ путемъ, что каждое звено ряда какъ бы нарочно приспособлено къ цѣли; къ тому же самая цѣль бываетъ полезной, т. е. такой, къ которой мы именно и приспособляли бы наши дѣйствія; вслѣдствіе чего, по аналогіи съ нашими произвольными дѣйствіями, каждое дѣйствіе инстинктивнаго ряда представляется, какъ влеченіе къ полезной цѣли, а весь рядъ, какъ бы развивающимся по объективно присущему ему закону цѣлесообразности. Иллюзія объективной цѣлесообразности вызывается здѣсь, во-первыхъ, аналогіей съ сознательно-произвольными дѣйствіями и, во-вторыхъ, полезнымъ свойствомъ цѣли; гипотетическое же допущеніе объективной цѣлесообразности было бы здѣсь однако излишнимъ, такъ какъ приспособленность ряда къ завершительному звену вполнѣ объясняется на основаніи одной причинности. Въ самой причинности явленій нѣтъ основанія, по которому бы явленія, развивающіяся въ причинный рядъ, приводили къ полезному результату. Но такъ какъ причинные ряды, заключавшіе въ какомъ-либо мѣстѣ вредные результаты, должны были приводить существа, ими обладающія, къ вырожденію и гибели въ борьбѣ за существованіе, то пережившіе индивиды оказались обладающими лишь такими причинными рядами дѣйствій, которые завершались полезными, или, въ крайнемъ случаѣ, безвредными результатами.

Съ этой же точки зрѣнія внѣшней цѣлесообразности познанія и оцѣнки мы можемъ разсматривать и сознательно — произвольныя дѣйствія. Мы можемъ сказать, что опредѣленное дѣйствіе этого рода привело насъ къ цѣли или не привело, что оно было цѣлесообразно, или нецѣлесообразно. Но кромѣ такой цѣлесообразности указанная категорія дѣйствій обладаетъ еще цѣлесообразностью другого рода; всякое сознательно произвольное дѣйствіе есть проявленіе воли; послѣдняя же представляетъ собою стремленіе къ цѣли; такимъ образомъ въ каждомъ произвольно сознательномъ дѣйствіи цѣлесообразность присутствуетъ какъ объективно и внутренне присущее ему свойство и составляетъ объективный законъ развитія ряда дѣйствій.

Въ этомъ смыслѣ нѣтъ дѣйствій нецѣлесообразныхъ; всякое сознательно произвольное дѣйствіе цѣлесообразно, ибо оно есть не что иное, какъ проявленіе во внѣ стремленія къ цѣли, цѣль нѣдрится въ самомъ дѣйствіи и составляетъ движущую его силу; какъ нѣтъ воли безъ цѣли и сознательно-произвольнаго дѣйствія безъ воли, такъ нѣтъ, слѣдовательно, сознательно-произвольнаго дѣйствія безъ цѣли.

Отсюда явствуетъ разница между цѣлесообразностью, привносимой при познаніи, и цѣлесообразностью, присущей дѣйствію. Цѣлесообразность перваго рода привносится лишь постолько, посколько явленіе дѣйствительно ведетъ къ осуществленію цѣли, посколько въ дѣйствительности осуществленіе цѣли связано реальною зависимостью съ предшествующими ей явленіями, посколько есть реальная основа въ дѣйствительной зависимости явленій къ такому привнесенію; поэтому цѣлесообразность этого рода есть внѣшняя и реально осуществившаяся цѣлесообразность. Цѣлесообразность второго рода существуетъ лишь, какъ влеченіе къ цѣли, какъ предположеніе, что дѣйствіе поведетъ къ цѣли, безъ абсолютной однако гарантіи, что существуетъ или наступитъ реальная зависимость между дѣйствіемъ и осуществленіемъ цѣли. Цѣлесообразность существуетъ здѣсь не реально, а лишь въ идеѣ и потому можетъ быть названа идеальной. Отсюда слѣдуетъ, что произвольное дѣйствіе, будучи въ внутренне-идеальномъ смыслѣ всегда цѣлесообразнымъ, въ внѣшне-реальномъ смыслѣ можетъ не быть цѣлесообразнымъ.

Подобно тому, какъ относительно субъективно привносимой, внѣшней цѣлесообразности возможно предположеніе, что она объективно присуща явленію, такъ относительно внутренней цѣлесообразности дѣйствій возможно предположеніе, что она является лишь кажущейся. Можно утверждать, что въ сознательно-произвольныхъ дѣйствіяхъ сознаніе свободы въ выборѣ цѣли и осуществляющихъ ее дѣйствій является лишь кажущимся, тогда какъ на самомъ дѣлѣ весь рядъ нашихъ дѣйствій обусловленъ одною лишь причинностью. Свободу воли отъ причинной зависимости можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: абсолютномъ и эмпирическомъ. Абсолютная свобода воли требуетъ реальной, объективной независимости ея отъ дѣйствія причинности. Такой свободы мы не можемъ допустить въ мірѣ

естественныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ входитъ, какъ звено, въ общую цѣпь явленій, и воля его можетъ проявляться, между прочимъ, въ физическомъ движеніи; если бы мы допустили абсолютно свободную волю, то мы должны были бы предположить, что въ извѣстныхъ случаяхъ физическій процессъ, являясь слѣдствіемъ свободной воли, происходитъ безъ причины. Но подобный реальный перерывъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій не можетъ быть допущенъ въ области физическихъ явленій; съ другой стороны, психологія не даетъ достаточныхъ основаній для того, чтобы принудить насъ отказаться отъ безусловной примѣнимости абсолютнаго господства причинности въ мірѣ явленій. Такимъ образомъ, абсолютная свобода воли, если она существуетъ, существуетъ только внѣ реальнаго міра явленій въ трансцедентной области, гдѣ доказательство ея наличности доступно лишь метафизической спекуляціи.

Но рядомъ съ невозможностью осуществленія абсолютной свободы въ мірѣ явленій, безспорно существуетъ эмпирическая свобода воли, проявляющаяся въ томъ, что мы субъективно сознаемъ себя свободными въ нашихъ дѣйствіяхъ, способными принять рѣшеніе, сообразно съ дѣйствующими на насъ причинами, но не въ рабской, фатальной отъ нихъ зависимости, и въ томъ, что наши дѣйствія опредѣляются не только причинами, но и цѣлями, которыя мы сами себѣ ставимъ Эта эмпирическая свобода не отрицаетъ объективнаго господства причинности. Субъективное сознаніе свободы представляетъ лишь разрывъ цѣпи причинъ въ субъективномъ сознаніи. Сознательно-произвольныя дѣйствія объективно являются результатомъ множества присущихъ намъ ощущеній, представленій, воспоминаній, понятій, чувствъ, желаній, стремленій; этотъ комплексъ психическихъ состояній сводится, какъ къ своей причинѣ, къ предшествующему комплексу состояній, который, въ свою очередь, явился результатомъ предшествующаго состоянія; такая цѣпь причинъ и слѣдствій продолжается не только до начала нашей психической жизни, но, въ формѣ унаслѣдованныхъ предрасположеній, восходитъ за ея предѣлы Сознаніе охватываетъ эту цѣпь одновременныхъ и послѣдовательныхъ состояній только въ ограниченныхъ предѣлахъ; въ извѣстномъ мѣстѣ цѣпь прерывается, и дѣйствіе представляется произведеннымъ не той или другой конкретной причиной, а

безконечной совокупностью нераздѣльныхъ моментовъ, которую мы сознаемъ въ формѣ нашей личности. Съ другой стороны, и моментъ цѣлесообразности не устраняетъ реальнаго господства причинности, ибо, какъ мы увидимъ, самая постановка цѣли опредѣляется законами причинной зависимости.

Если такимъ образомъ эмпирическая свобода сознательно-произвольныхъ дѣйствій и не устраняетъ общаго дѣйствія закона причинности, то тѣмъ не менѣе моментъ сознательной цѣлесообразности вноситъ существенную особенность въ изученіе явленій. Въ то время, какъ въ явленіяхъ несвободныхъ цѣпь причинъ и слѣдствій устанавливается непрерывно отъ одного члена ряда къ другому, на всемъ протяженіи (за исключеніемъ начала ряда, лежащаго внѣ предѣловъ эмпирическаго изученія), въ явленіяхъ сознательно-произвольныхъ эта цѣпь въ извѣстномъ мѣстѣ, въ предѣлахъ эмпирически данной дѣйствительности, прерывается вторженіемъ личности, т. е. не поддающейся точному опредѣленію комбинаціи причинъ, расходящихся въ пространствѣ и времени. Въ этомъ мѣстѣ ряда субъективно сознаваемая свободная цѣлесообразность должна быть сведена въ своему объективному причинному коррелату.

Отсюда слѣдуетъ, что моментъ цѣлесообразности, если и не выдѣляетъ сознательно произвольныхъ дѣйствій объективно и реально изъ ряда дѣйствій вообще, то во всякомъ случаѣ составляетъ признакъ, дѣлающій изъ нихъ особую категорію явленій, съ точки зрѣнія ихъ изученія. Если же этотъ признакъ имѣетъ право на существованіе, то и слѣдуетъ различать цѣлесообразность, вносимую при познаніи и оцѣнкѣ, внѣшнюю и цѣлесообразность, присущую дѣйствію, внутреннюю. Съ точки зрѣнія первой, всякое явленіе, и въ томъ числѣ всякое дѣйствіе, можетъ быть или не быть цѣлесообразнымъ; съ точки зрѣнія второй, цѣлесообразными могутъ быть только сознательно-произвольныя дѣйствія, но за то всякое дѣйствіе непремѣнно будетъ цѣлесообразнымъ.

Поэтому, когда Gans-Ludassy говоритъ, что всякое экономическое дѣйствіе непремѣнно цѣлесообразно, то, съ нашей точки зрѣнія, мы должны были бы ограничить экономическія дѣйствія, согласно этому опредѣленію, только той сферой дѣйствій, которыя всегда и непремѣнно могутъ быть цѣлесообразными, т. е. сферой дѣйствій сознательно произвольныхъ, а самую цѣлесооб-

разность понимать лишь въ смыслѣ внутренней цѣлесообразности [1]). Съ этой точки зрѣнія, изъ экономическихъ дѣйствій пришлось бы исключить инстинктивныя дѣйствія человѣка, а также почти всѣ дѣйствія животныхъ, за исключеніемъ тѣхъ ихъ дѣйствій, сознательно-произвольный характеръ которыхъ можетъ быть доказанъ.

Если затѣмъ мы назовемъ всѣ остальныя, т. е. всѣ сознательно-произвольныя дѣйствія, экономическими, то этимъ нисколько не уничтожается фактъ наличности среди нихъ еще особой категоріи явленій, которыя мы спеціально называемъ экономическими въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Изученіе цѣлесообразныхъ дѣйствій вообще, независимо отъ дальнѣйшихъ видовыхъ различій отдѣльныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, быть можетъ, составитъ интересную область знаній; будетъ ли она имѣть научное значеніе, составитъ ли самостоятельную дисциплину, это будетъ зависѣть отъ конкретнаго ея содержанія; мы можемъ назвать ее экономикой, это будетъ вопросомъ терминологіи, хотя едва ли цѣлесообразно называть общую дисциплину о дѣятельности вообще терминомъ, получившимъ право гражданства на обозначеніе одного спеціальнаго вида дѣятельности. Но во всякомъ случаѣ законы цѣлесообразной дѣятельности вообще составятъ только часть законовъ той особой цѣлесообразной дѣятельности, которую мы спеціально называемъ экономической. Очевидно, осуществленіе цѣлей посредствомъ средствъ въ этомъ особомъ видѣ цѣлесообразной дѣятельности будетъ имѣть нѣкоторыя специфическія свойства, которыя именно и составятъ предметъ спеціальнаго изученія экономической науки въ обыкновенномъ значеніи этого слова.

Очевидно, если разсматривать экономическую дѣятельность въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какъ особый видъ вообще произвольно сознательной (цѣлесообразной и экономической по Gans Ludassy) дѣятельности, то и спеціальную ея характеристику должно искать въ признакахъ дѣятельности—цѣли, средствахъ, соотношеніи цѣли со средствами, или комбинаціи этихъ признаковъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что различныя опредѣленія экономической дѣятельности основаны на этихъ призна-

[1]) Объективную телеологію въ мірѣ неволевыхъ явленій Gans-Ludassy отрицаетъ, какъ простой антропоморфизмъ, op. cit. стр. 16—17.

кахъ. Первый способъ опредѣленія экономической дѣятельности. какъ особаго вида цѣлесообразной дѣятельности, состоитъ, какъ мы видѣли, въ ограниченіи ея цѣли, въ отличіе отъ цѣли вообще. Цѣль экономической дѣятельности усматривается прежде всего въ удовлетвореніи потребностей, безъ ближайшаго ихъ опредѣленія, и экономическая дѣятельность опредѣляется, какъ дѣятельность, направленная на удовлетвореніе потребностей человѣка.

Что такое опредѣленіе не покрываетъ понятія экономической дѣятельности, это не трудно видѣть; подъ это опредѣленіе, сверхъ того, что мы обыкновенно называемъ экономическою дѣятельностью, съ одинаковымъ правомъ подходитъ, съ одной стороны, техническая дѣятельность, съ другой—этическая. Производство сахара изъ свекловицы, приготовленіе обѣда представляетъ собою рядъ техническихъ дѣйствій,направленныхъ на удовлетвореніе потребностей человѣка; поэтому всѣ экономисты, опредѣляющіе такимъ образомъ хозяйственную дѣятельность, направляютъ свои усилія на то, чтобы, если не доказать, то, по крайней мѣрѣ, заявить, что задача экономической науки не заключается въ изложеніи правилъ сахароваренія или поварского искусства; но, какъ будетъ показано ниже, всѣ усилія этого рода остаются безплодными.

Не останавливаясь пока на доказательствѣ этого послѣдняго положенія, обратимъ вниманіе, съ другой стороны, на то что подъ указанное опредѣленіе подходитъ и дѣятельность этическая въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Художникъ чувствуетъ потребность воплощать образы, ученый—искать истину, подвижникъ—творить дѣла любви и милосердія, гражданинъ—любить отечество; всѣ эти люди посвящаютъ свою дѣятельность удовлетворенію этихъ своихъ потребностей, но никто не назоветъ ихъ дѣятельность экономической; точно также она не будетъ экономической и съ точки зрѣнія удовлетворенія потребностей тѣхъ лицъ, на которыя такая дѣятельность направлена. Всѣ эти и множество другихъ видовъ дѣятельности направлены на удовлетвореніе своихъ и чужихъ потребностей, но не представляютъ собою экономической дѣятельности. Очевидно, одинъ признакъ удовлетворенія потребностей не достаточенъ еще для отличія экономической дѣятельности отъ неэкономической.

Быть можетъ, такое отличіе можетъ быть дано ограниченіемъ понятія потребностей какимъ-либо специфическимъ признакомъ? Первый признакъ, какой можетъ представиться здѣсь нашему вниманію — это матеріальность. Матеріальность всегда считается характернымъ и неизмѣннымъ спутникомъ экономическаго [1]).

Такимъ образомъ мы приходимъ къ опредѣленію экономическаго явленія, какъ дѣятельности, направленной на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Но эта квалификація потребностей не только не улучшаетъ, но напротивъ ухудшаетъ дѣло. Прежде всего, если раздѣлить потребности на матеріальныя и нематеріальныя по самой ихъ природѣ, т. е. потребности матеріи, тѣла, противопоставить потребностямъ духа, то окажется, что самыя такъ сказать духовныя потребности для своего удовлетворенія нуждаются въ дѣятельности, носящей безспорно экономическій характеръ. Поэтому пр. Чупровъ дѣлитъ потребности на матеріальныя и нематеріальныя не по самой ихъ природѣ, а по характеру средствъ, которыми они удовлетворяются. Матеріальными онъ называетъ тѣ потребности, которыя для своего удовлетворенія нуждаются въ усвоеніи внѣшней матеріи. Усвоеніе внѣшней матеріи не нужно однако понимать въ буквальномъ смыслѣ, какъ усвоеніе внѣшней матеріи потребляющимъ организмомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ матеріальными были бы развѣ только потребности питанія. Усвоеніе можетъ обозначать лишь то, что для удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей необходима наличность внѣшней матеріи, а потому необходимо въ томъ или другомъ видѣ присвоеніе ея. Мате-

---

[1]) Особенно настаиваетъ на значеніи матеріальности при опредѣленіи экономическаго Dühring, Cursus der National- und Socialökonomie, русскій переводъ съ 3-го изданія, 1893, стр. 3—4: «въ наше время наука о народномъ хозяйствѣ должна стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться наукой о матеріальномъ существованіи отдѣльныхъ лицъ, группъ и народовъ... Но при этомъ необходимо строго держаться понятій о матеріальныхъ средствахъ, матеріальныхъ интересахъ и матеріальномъ существованіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ не только произойдетъ смѣшеніе границъ различныхъ областей знанія, но пострадаетъ раздѣльность и ясность самыхъ идей» и т. д.

Ср. разсужденія *Sax'a*, Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft, 1887, § 33, 35, 39 о матеріальности благъ, нематеріальныхъ услугахъ и отношеніяхъ.

ріальность потребностей въ этомъ смыслѣ является неудовлетворительнымъ способомъ характеристики хозяйственной дѣятельности по многимъ основаніямъ. Во-первыхъ, понятіе дѣятельности, направленной на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей нисколько не разграничиваетъ экономической дѣятельности отъ технической, какъ и понятіе дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей вообще; различіе, которое проф. Чупровъ приводитъ между экономикой и техникой, какъ будетъ показано ниже, только лишь подтверждаетъ то мнѣніе, что его опредѣленіе заключаетъ въ себѣ какъ понятіе экономической, такъ и технической дѣятельности. Во-вторыхъ, признакъ усвоенія внѣшней матеріи во многихъ случаяхъ имѣетъ самое несущественное значеніе для дѣятельности, а между тѣмъ именно на основаніи его рѣшается вопросъ о причисленіи дѣятельности къ области экономическихъ или неэкономическихъ явленій. Напримѣръ, дѣятельность профессора или лектора, излагающаго свой предметъ устно, согласно этому опредѣленію, не будетъ экономической; но стоитъ имъ пояснить свое изложеніе хотя бы однимъ чертежомъ или формулой, какъ употребленіе мѣла—усвоеніе внѣшней матеріи—превратитъ ихъ изложеніе въ дѣятельность экономическую; между тѣмъ очевидно, что употребленіе или неупотребленіе мѣла есть обстоятельство, совершенно несущественное для той или другой квалификаціи лекціи съ какой бы то ни было точки зрѣнія. Если же на это возразятъ, что чтеніе лекціи есть экономическая дѣятельность даже и безъ употребленія мѣла, такъ какъ для этой цѣли необходимы помѣщеніе, мебель, освѣщеніе и т. д., то я пойду дальше и скажу, что для этого необходимо извѣстное пространство земли и опредѣленный объемъ воздуха, а въ такомъ случаѣ какая же вообще дѣятельность обойдется безъ усвоенія этихъ частей внѣшней природы? Всякая дѣятельность происходитъ на землѣ и уже въ силу этого нуждается во внѣшнемъ мірѣ. Если бы мы сдѣлали попытку разграничить тѣ части внѣшней матеріи, усвоеніе которыхъ дѣлаетъ дѣятельность экономической, отъ тѣхъ, которыя такого результата не производятъ, то мы вернулись бы снова къ попыткѣ опредѣленія экономической дѣятельности по характеру ея объекта, несостоятельность какового пріема была уже въ свое время указана. Наконецъ, въ-третьихъ, фактъ усвоенія внѣшней матеріи не

рѣшаетъ вопроса объ экономическомъ характерѣ дѣятельности, такъ какъ онъ одинаково свойственъ какъ дѣятельности экономической, такъ и неэкономической. Вышиваніе подарка ко дню рожденія, игра на фортепіано для собственнаго удовольствія или развлеченія другихъ, писаніе письма другу — все это дѣйствія, которыя не могутъ обойтись безъ усвоенія внѣшней матеріи, и, слѣдовательно, должны были бы подходить подъ опредѣленіе дѣятельности, направленной на удовлетвореніе *матеріальныхъ* потребностей; а между тѣмъ, очевидно, что дѣло здѣсь вовсе не въ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей, а именно духовныхъ—любви, дружбы, эстетическаго наслажденія, и что дѣятельность такого рода есть не экономическая, а этическая или эстетическая. Что разница здѣсь заключается не въ малоцѣнности матеріальнаго элемента, само собой понятно. Она состоитъ въ различномъ отношеніи нашемъ какъ къ дѣятельности, такъ и къ ея объектамъ въ одномъ и другомъ случаѣ; иначе мы относимся къ одной и той же вещи, когда она намъ подарена другомъ и когда куплена; иначе къ обѣду въ ресторанѣ и услугамъ ресторатора, иначе къ обѣду въ домѣ пріятеля и его гостепріимству. Не въ наличности, слѣдовательно, внѣшней матеріи и ея усвоенія, не въ характерѣ дѣятельности лежитъ граница между областями экономическаго и неэкономическаго, а въ различномъ нашемъ отношеніи къ дѣятельности и ея объектамъ. Различіе это заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ общеизвѣстномъ фактѣ различной оцѣнки дѣйствій и объектовъ въ области экономической и неэкономической: обѣдъ въ ресторанѣ стоитъ 50 к., съ прибавкой 10 коп. за всѣ необходимыя услуги, тогда какъ гостепріимство пріятеля, при всемъ желаніи, мы не можемъ вовсе или цѣликомъ переложить на деньги.

Такимъ образомъ понятіе дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей, сверхъ экономической дѣятельности, заключаетъ въ себѣ, по своему матеріальному содержанію, всѣ виды технической дѣятельности, т. е. приготовленія всевозможныхъ продуктовъ, наряду со всѣми видами дѣятельности этической; ограниченіе же этого понятія признакомъ матеріальности потребностей, если выражаться точно, вовсе не съуживаетъ первоначальнаго понятія дѣятельности, такъ какъ всякая дѣятельность совершается въ матеріальной средѣ; во всякомъ случаѣ этотъ признакъ не въ силахъ провести границы

между экономическимъ, съ одной стороны, и техническимъ и этическимъ, съ другой.

Переходимъ теперь къ опредѣленію экономической дѣятельности посредствомъ формальнаго опредѣленія ея цѣли. Вмѣсто того, чтобы опредѣлять сущность экономической дѣятельности особымъ содержаніемъ ея цѣли, Berardi видитъ отличіе цѣли экономической дѣятельности отъ всякой другой въ ея конечномъ характерѣ. Техника, эстетика, этика—каждая имѣетъ какую-либо матеріально опредѣленную цѣль, всякая дѣятельность, имѣющая цѣль съ опредѣленнымъ содержаніемъ, не есть экономическая дѣятельность; таковою является дѣятельность лишь постолько, посколько она направлена къ конечной, послѣдней цѣли—просто удовлетворенію потребности. Вѣрно поставивъ себѣ задачу—найти грань, отдѣляющую экономику отъ техники, эстетики, этики, hic Rhodus — опредѣленіе Berardi заходитъ однако слишкомъ далеко и, придавая цѣли характеристику конечной, оставляетъ позади себя вмѣстѣ съ неэкономическою, также и экономическую дѣятельность; освободившись отъ всякаго матеріальнаго содержанія, оно освободилось и отъ того, которое составляетъ спеціально сущность экономическаго явленія. Очевидно, если экономическая дѣятельность характеризуется признакомъ конечной цѣли,—удовлетворенія потребности, то всякая, безъ исключенія, дѣятельность, направленная на удовлетвореніе какой бы то ни было цѣли, будетъ экономической, посколько мы отвлечемся отъ матеріальнаго содержанія ея особой цѣли и посколько слѣдовательно она останется затѣмъ просто дѣятельностью, направленной на удовлетвореніе потребности. Такимъ образомъ экономическую дѣятельность мы найдемъ и въ самосозерцаніи мудреца и въ размышленіи философа, ибо первое есть удовлетвореніе потребности (самопознанія), также какъ и второе (познанія истины); въ религіозной, эстетической, этической дѣятельности, всюду будетъ заключаться въ то же время и экономическая дѣятельность. Но это очевидная нелѣпость, такъ какъ экономическая дѣятельность это специфическая отрасль дѣятельности вообще, а не лишенный содержанія остовъ всякой дѣятельности вообще. Что дѣятельность, направленная на удовлетвореніе, какъ конечную цѣль, просто совпадаетъ со всякою дѣятельностью вообще, явствуетъ изъ уясненія, что такое удовлетвореніе потребности. Обыкновенно потреб-

ность опредѣляютъ, какъ ощущеніе недостатка, а такъ какъ большинство экономистовъ, хотя и упоминаютъ объ этомъ понятіи въ самомъ началѣ, но затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи оставляютъ его безъ вниманія, то этимъ опредѣленіемъ и довольствуются; тѣмъ не менѣе, оно не обнимаетъ собою всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда мы говоримъ о дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей. Когда больной принимаетъ лекарство, онъ вовсе не чувствуетъ недостатка въ немъ, а испытываетъ лишь боль и ищетъ средствъ устранить ее; когда я иду въ театръ, я не чувствую недостатка въ драматическомъ представленіи, а лишь ожидаю знакомаго мнѣ удовольствія; вообще всегда, когда мы говоримъ о дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребности, мы имѣемъ въ виду одно изъ трехъ: или устраненіе страданія (вполнѣ или отчасти), или полученіе удовольствія (абсолютнаго или въ видѣ прибавки къ существующему), или и то и другое вмѣстѣ; къ одному изъ этихъ моментовъ непремѣнно сводится всякое удовлетвореніе [1]). Но нетрудно видѣть, что къ тому же сводится и вообще цѣль всякой дѣятельности: цѣлью сознательно-произвольнаго дѣйствія можетъ быть только лишь удовлетвореніе, въ чемъ бы оно ни заключалось: въ устраненіи ли страданія, въ замѣнѣ бо́льшаго страданія меньшимъ, въ полученіи удовольствія, въ полученіи бо́льшаго удовольствія, въ замѣнъ меньшаго. Въ такомъ случаѣ дѣятельность, направленная на удовлетвореніе потребности, независимо отъ ея содержанія, совпадаетъ попросту съ цѣлесообразной дѣятельностью, а цѣлесообразная дѣятельность не есть еще экономическая дѣятельность; это всякая сознательно произвольная дѣятельность, въ томъ числѣ и нравственная и эстетическая и религіозная; нелѣпо однако было бы считать самопожертвованіе и молитву явленіями хозяйственнаго порядка [2]).

Столь же мало удовлетворительный результатъ даютъ и попытки опредѣлить сущность экономической дѣятельности посредствомъ понятія средствъ. Въ этомъ смыслѣ наиболѣе широкое опредѣленіе экономической дѣятельности признаетъ, какъ

---

[1]) Ср. *O. Kraus*, Das Bedürfnis, 1894.

[2]) Впрочемъ, есть и такое мнѣніе, см. *G. Tarde*, Psychologie économique, 1902, стр. 225: La prière est-elle un travail? Oui, pour le croyant. Я думаю, что, скорѣе, для невѣрующаго.

мы видѣли, таковою всякую дѣятельность, направленную на внѣшній міръ, какъ средство для цѣлей. Но если понимать это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, сюда войдетъ всякая дѣятельность, такъ какъ всякая дѣятельность нуждается для своего осуществленія во внѣшнемъ мірѣ. Простое ни въ чемъ внѣшнемъ не проявляющееся размышленіе требуетъ уже для своего существованія внѣшнихъ средствъ, такъ какъ размышленіе есть затрата энергіи, которая должна быть возстановлена насчетъ пищи. Если мы будемъ понимать дѣятельность лишь какъ внѣшнее проявленіе воли въ движеніяхъ, то и въ такомъ случаѣ, чтобы дѣйствіе служило какой бы то ни было цѣли, оно безусловно нуждается въ предметахъ и силахъ внѣшняго міра. Для того, чтобы дѣйствовать, необходимо прежде всего находиться на землѣ и жить; слѣдовательно необходимо, какъ средство, извѣстное пространство, пища, свѣтъ и воздухъ. Въ этомъ смыслѣ всякую дѣятельность пришлось бы считать экономической. Положимъ, что мы отбросимъ такого рода общія внѣшнія условія, необходимыя для того, чтобы вообще наши дѣйствія достигали своихъ цѣлей, и станемъ искать критерія экономической дѣятельности въ какомъ-либо особомъ характерѣ объектовъ внѣшняго міра, какъ средствъ этой дѣятельности. Но тогда, очевидно, мы впадемъ въ ту же ошибку, которой грѣшатъ опредѣленія экономическаго явленія посредствомъ понятія богатства. Какъ тамъ мы искали критерія экономическаго явленія вообще въ свойствахъ вещей, такъ здѣсь мы будемъ искать критерія особаго вида экономическаго явленія—экономической дѣятельности—въ особенностяхъ ея объекта. И здѣсь и тамъ одинаково безплодно. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли признакомъ экономической дѣятельности матеріальность употребляемыхъ ею для своихъ цѣлей средствъ? Ко всему, что было уже сказано по этому поводу, прибавлю только, что самый признакъ матеріальности, въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ экономисты, обладаетъ лишь призрачной опредѣленностью. Слѣдуетъ ли считать матеріальными средствами только видимые и осязаемые предметы? Рѣшительно нѣтъ, такъ какъ безспорно мы пользуемся экономически и силой вѣтра и движеніемъ воды (не водою, а именно силой ея движенія), а въ послѣднее время и невидимой силой электричества; въ такомъ случаѣ почему же не признать матеріальнымъ средствомъ движенія эфира во-

обще и колебанія воздуха?[1]) А тогда опять таки не будетъ дѣятельности, которую не слѣдовало бы назвать экономической.

Равнымъ образомъ не опредѣляютъ экономической дѣятельности и разные другіе признаки вещей; вещи, не обладающія характеромъ свободныхъ благъ, мѣноспособныя и пр. могутъ быть одинаково какъ объектомъ хозяйственной, такъ и нехозяйственной дѣятельности. Если я испытываю потребность въ обогащеніи ума знаніемъ и для достиженія этой цѣли пользуюсь, какъ средствомъ, книгой, т. е. благомъ и недаровымъ и мѣноспособнымъ, то мое чтеніе не будетъ экономической дѣятельностью, хотя это будетъ дѣятельность, направленная на средство для достиженія цѣли, представляющее собою объектъ внѣшняго міра, недаровой и мѣноспособный. Если же мы будемъ понимать подъ экономическою дѣятельностью дѣятельность, направленную на самое приспособленіе внѣшнихъ объектовъ къ цѣли, на ихъ видоизмѣненіе, то мы получимъ опредѣленіе технической дѣятельности, а не экономической; въ самомъ дѣлѣ, что могутъ обозначать «les efforts humains pour la production... des différents biens que la nature n'accorde pas gratuitement et spontanément à l'homme» (Leroy-Beaulieu) и т. п. выраженія, какъ не опредѣленіе сущности технической дѣятельности? Сколько бы мы затѣмъ ни поясняли, что экономика весьма отлична отъ техники, но опредѣленіе послѣдней не стало бы вслѣдствіе этого опредѣленіемъ экономической дѣятельности.

Переходимъ къ опредѣленію экономической дѣятельности посредствомъ т. н. экономическаго принципа. Уже самое названіе этого принципа экономическимъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, по общему мнѣнію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чѣмъ то весьма характернымъ для экономики; тѣмъ болѣе можетъ насъ убѣдить въ этомъ тотъ фактъ, что нѣтъ, вѣроятно, ни одной экономической системы, въ которой этотъ принципъ не игралъ бы роли. При всемъ томъ я полагаю, что экономическій принципъ не служитъ критеріемъ экономическаго явленія и самъ въ своемъ общемъ выраженіи не содержитъ въ себѣ экономическаго элемента; специфически же хозяйственная его такъ

[1]) См. по этому поводу разсужденія *В. Базарова*, Трудъ производительный и трудъ образующій цѣнность, 1899, полемическій тонъ которыхъ слишкомъ приподнятъ безъ всякой видимой для посторонняго наблюдателя причины.

сказать репутація создана ему одной особой его формой, въ которой, дѣйствительно, находитъ свое частичное выраженіе экономическое явленіе. Истинное значеніе экономическаго принципа обнаруживается при правильной его формулировкѣ. Обыкновенно ему придаютъ вполнѣ объективный характеръ, усматривая сущность экономическаго принципа въ томъ, что объективно наибольшій результатъ достигается или долженъ быть достигнутъ посредствомъ объективно наименьшихъ средствъ: «dass mit möglichst geringen Kosten möglichst viel Nutzen erlangt werde» (Schäffle)—такова почти всегда формулировка этого принципа. Съ этой объективной точки зрѣнія ни одна дѣятельность не могла бы соотвѣтствовать экономическому принципу. Если мы признаемъ не соотвѣтствующими экономическому принципу пріемы веденія земледѣльческаго хозяйства южно-русскаго крестьянина, такъ какъ находящійся въ тѣхъ же, допустимъ, условіяхъ нѣмецъ-колонистъ достигаетъ лучшихъ результатовъ, то и пріемы послѣдняго не могутъ быть признаны удовлетворяющими тому же принципу съ точки зрѣнія еще лучшихъ пріемовъ англійскаго фермера; но и пріемы этого послѣдняго, быть можетъ, невполнѣ удовлетворительны съ точки зрѣнія научной агрономической и коммерческой техники. Однако и самые совершенные, при данномъ состояніи техники, пріемы не удовлетворяютъ принципу наибольшей объективной пользы, такъ какъ завтра явится хозяинъ, который въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ увидитъ новый фактъ и примѣнитъ еще лучшіе способы веденія хозяйства и т. д. до безконечности. Если мы остановимся въ какомъ-либо мѣстѣ этого ряда и назовемъ вполнѣ экономическими пріемы наилучшаго при данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ хозяина, то, очевидно, что мы называемъ ихъ соотвѣтствующими экономическому принципу не потому, что данный хозяинъ знаетъ все, что можно знать, ибо, во-первыхъ, никто не можетъ знать всего, что можно знать, а, во-вторыхъ, будь хозяинъ умнѣе, онъ могъ-бы узнать еще больше; но только потому, что при данномъ состояніи своего ума и знанія, онъ, сообразно съ данными обстоятельствами, распоряжается своими средствами съ наибольшей пользой. Но если на такомъ основаніи мы признаемъ его поступающимъ, согласно съ экономическимъ принципомъ, то нѣтъ основанія отрицать экономическій характеръ дѣйствій англійскаго фермера, нѣмецкаго колониста,

русскаго крестьянина, ибо каждый изъ нихъ распоряжается своими средствами не такъ, чтобы по его собственному разумѣнію было хуже, а такъ, чтобы, по его разумѣнію, вышло какъ можно лучше; неэкономическимъ было бы поведеніе каждаго изъ нихъ лишь съ точки зрѣнія другого болѣе умнаго и свѣдущаго лица; но очевидно, что если разумность дѣйствія каждаго обсуждать не съ точки зрѣнія присущаго ему ума, а съ точки зрѣнія другого возможнаго въ пространствѣ и времени лучшаго ума, то объективно вполнѣ цѣлесообразныхъ дѣйствій не будетъ. Если же разсматривать дѣйствія въ каждомъ данномъ случаѣ не съ точки зрѣнія цѣлей и критеріевъ, лежащихъ внѣ сферы дѣятелей, а съ точки зрѣнія силъ и возможности, лежащихъ въ самихъ факторахъ, то экономическій принципъ наибольшаго дѣйствія сведется къ простому констатированію факта, что всякій факторъ во всякихъ конкретно данныхъ условіяхъ производитъ тотъ именно результатъ, какой онъ въ силахъ произвести, и въ этой формулировкѣ экономическій принципъ обнимаетъ собою не только одинъ какой-либо видъ человѣческой дѣятельности, но представляетъ собою общую схему всѣхъ явленій міра [1]).

Поэтому если мы желаемъ, чтобы экономическій принципъ имѣлъ особое примѣненіе въ сферѣ человѣческой дѣятельности, мы должны понимать его не въ объективномъ смыслѣ наибольшей чистой пользы, а въ субъективномъ смыслѣ стремленія къ таковой по собственному каждаго разумѣнію и оцѣнкѣ; экономическій принципъ состоитъ не въ томъ, чтобы объективно наибольшее было достигнуто посредствомъ объективно наименьшаго, но въ томъ, чтобы та цѣль, которая хозяйствующему субъекту представляется наибольшей, была достигнута средствами, которыя ему представляются наименьшими» [2]); «чтобы субъективно наи-

[1]) *I. Petzold*, Zu Richard Avenarius' Princip des kleinsten Kraftmasses. etc., Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 11 Jahrg, 1887, стр 191—194. *Р. Авенаріусъ*, Философія, какъ мышленіе и пр., русскій переводъ, С.-Петербургъ, 1899, стр. 12, 16, 18.

[2]) Gans-Ludassy op. cit., 400; также формулируетъ экономическій принципъ Wagner: ein durchaus psychologisches Princip... das Streben freiwillig nur solche Arbeit vorzunehmen, bei welcher *nach der inneren Schätzung des Menschen* die Annehmlichkeit der Befriedigung die Pein der Anstrengung (des Opfers) überwiegt».

большее было достигнуто субъективно наименьшимъ» (ib. 439); опредѣленіе же того, что для хозяйствующаго субъекта велико, что мало, происходитъ посредствомъ оцѣнки имъ цѣли и средствъ (ib. 400—401); вслѣдствіе чего Gans-Ludassy совершенно правильно выражаетъ сущность экономическаго принципа въ окончательной и краткой формѣ, говоря: «nicht das Grösste sucht er (человѣкъ) durch das Kleinste zu erlangen; sondern das Werthvollere durch das weniger Werthvolle» (ib. 439).

Очевидно, что при такой формулировкѣ принципъ т. н. экономическаго положенія совпадаетъ съ принципомъ цѣлесообразнаго поведенія вообще, посколько въ послѣднемъ возможно количественное сравненіе средствъ и цѣли. Такъ какъ это сравненіе происходитъ посредствомъ измѣренія или оцѣнки средствъ и цѣли, то можно сказать, что экономическій принципъ совпадаетъ съ цѣлесообразностью постолько, посколько въ послѣдней средства и цѣль поддаются измѣренію или сравнимой между собою оцѣнкѣ. Экономическій принципъ есть количественная сторона принципа цѣлесообразности.

Экономическій принципъ не заключаетъ однако въ себѣ требованія, чтобы сравнительная оцѣнка средствъ и цѣли могла быть выражена въ опредѣленномъ количественномъ отношеніи; чтобы, напримѣръ, при одинаковыхъ средствахъ, бо́льшая цѣль относилась къ меньшей, какъ 3:1, или при данной цѣли различныя средства достиженія ея относились какъ 2:3, или, чтобы въ одномъ случаѣ средства къ цѣли относились какъ 1:2, а въ другомъ, какъ 2:3; экономическій принципъ въ общемъ своемъ выраженіи требуетъ лишь возможности какого бы то ни было сравненія средствъ и цѣли, лишь бы оно давало возможность опредѣлить, что одно субъективно больше, другое субъективно меньше. Но, съ другой стороны, онъ не исключаетъ возможности и вполнѣ точнаго соизмѣренія; послѣдній случай будетъ, слѣдовательно, частнымъ проявленіемъ экономическаго принципа.

Въ отношеніи соизмѣримости средствъ и цѣлей всѣ цѣлесообразныя дѣйствія могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій. Во-первыхъ, на дѣйствія съ объективными цѣлями и дѣйствія съ субъективными цѣлями. Объективную цѣль имѣютъ техническіе пріемы; требуется совершить опредѣленную работу опредѣленными средствами; посколько дости-

гаемая цѣль можетъ быть измѣрена въ единицахъ объективной мѣры и затрачиваемыя средства также, можетъ имѣть и имѣетъ мѣсто экономическій принципъ въ своей точно опредѣленной количественной формѣ. Пусть достигаемая цѣль измѣряется въ пудофутахъ полезной работы, а средства въ единицахъ вѣса затрачиваемаго матеріала; съ увеличеніемъ затраты матеріала полезный результатъ можетъ увеличиваться сперва въ пропорціи бо́льшей, а затѣмъ, достигнувъ максимума, въ пропорціи меньшей, сравнительно съ затратой средствъ; оба ряда точно измѣримы, каждый въ своихъ объективныхъ единицахъ мѣры, благодаря чему можетъ быть установлено такое отношеніе между затрачиваемыми средствами и осуществляемой цѣлью, при которомъ на единицу затрачиваемаго матеріала приходится максимумъ полезной работы. Подобнымъ образомъ экономическій принципъ въ своей точной формѣ постоянно осуществляется въ техникѣ [1]).

Дѣйствія съ субъективною цѣлью суть дѣйствія, цѣль которыхъ лежитъ не въ объективномъ результатѣ, разматриваемомъ съ точки зрѣнія его самаго, а въ самомъ субъектѣ, въ измѣненіи его психическаго состоянія; это измѣненіе выражается въ томъ, что можно назвать общимъ терминомъ удовлетворенія; причемъ цѣль можетъ лежать либо въ измѣненіи индивидуальнаго психическаго состоянія субъекта и быть цѣлью индивидуальной, либо въ измѣненіи тѣхъ производныхъ психическихъ явленій, которыя мы называемъ соціальными, и быть соціальной. Психическое измѣненіе, выражающее собою осуществленіе цѣли, не можетъ быть ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ измѣрено въ какихъ-либо объективныхъ единицахъ мѣры. Но значеніе такого измѣненія можетъ быть измѣрено посредствомъ психическаго акта оцѣнки; благодаря этому и здѣсь является возможность приложенія экономическаго принципа, но уже не въ его объективной формѣ соразмѣренія цѣлей и средствъ

[1]) Ср. *Pantaleoni*, Principii di economia pura, 1894, Manuali Barbera, стр. 12; *E. Herrmann*, Technische Fragen und Probleme, 1891, стр. 338 и слѣд.: «Es gibt eben für jeden Stoff, jede Kraft u. s. w. eine Grenze der Maasse, welche nicht überschritten werden darf, wenn man nicht auf den Punkt gelangen will, dass der Erfolg durch Hemmnisse, Hindernisse, Störungen von Seite der begleitenden und Nebenumstände reducirt oder gänzlich beseitigt werde».

посредствомъ единицъ объективной мѣры, а въ субъективной формѣ сравненія цѣли и средствъ по ихъ субъективному значенію. Различныя субъективно-цѣлесообразныя дѣйствія допускаютъ такое сравненіе въ различной мѣрѣ. Одни допускаютъ полное и точное соразмѣреніе цѣли и средствъ, отличающееся отъ объективнаго соразмѣренія при объективной цѣлесообразности только тѣмъ, что вмѣсто единицъ объективной мѣры пользуются субъективной мѣрой оцѣнки; другія допускаютъ такое сравненіе только въ общей и неточной мѣрѣ; наконецъ, есть дѣйствія, которыя вовсе не допускаютъ примѣненія экономическаго принципа и даже представляются (хотя только по-видимому) построенными на началѣ, прямо ему противоположномъ.

Первый случай имѣетъ мѣсто въ тѣхъ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ, которыя мы привыкли называть экономическими. Если хозяинъ распредѣляетъ урожай картофеля на три части: для непосредственнаго употребленія картофеля въ пищу, для превращенія въ пиво, для полученія мяса откормленныхъ картофелемъ животныхъ, то, очевидно, онъ разрѣшаетъ задачу: получить отъ данныхъ средствъ наибольшую пользу; но эта польза не измѣрима въ единицахъ какой-либо объективной мѣры. Нельзя сказать, чтобы хозяинъ распредѣлялъ средства между непосредственнымъ употребленіемъ въ пищу, превращеніемъ въ пиво и мясо, руководствуясь пропорціей, необходимой для его физическаго существованія, ибо физическое существованіе можетъ быть поддержано различными пропорціями, изъ которыхъ объективно наилучшая не только хозяину, но и никому вообще неизвѣстна. Единственно о чемъ онъ думаетъ, это то, чтобы въ результатѣ даннаго распредѣленія получить наибольшее удовлетвореніе; цѣль его дѣятельности лежитъ въ субъективномъ удовлетвореніи; а субъективное удовлетвореніе не можетъ быть измѣрено никакой объективной мѣрой; оно можетъ быть лишь оцѣнено въ области каждой отдѣльной потребности. И вотъ эта-то оцѣнка производится въ нѣкоторыхъ субъективныхъ единицахъ въ данномъ случаѣ настолько точно, что даетъ основаніе для количественнаго распредѣленія средствъ между отдѣльными потребностями.

Внѣ экономической области экономическій принципъ не находитъ примѣненія въ своей точной количественной формѣ, но онъ не перестаетъ дѣйствовать въ неточной общей формѣ сравненія средствъ съ цѣлями. Въ сферѣ умственной дѣятель-

ности мы стараемся достигнуть наибольшихъ результатовъ путемъ наименьшихъ средствъ; наилучшей гипотезой считается та, которая объясняетъ данный кругъ явленій наименьшимъ числомъ предположеній; наилучшей теоріей та, которая наименьшимъ числомъ положеній объясняетъ наибольшій кругъ явленій; всякая научная система представляетъ собою сведеніе объясненія явленій къ наименьшему числу истинъ [1]). Въ области политической и общественной дѣятельности, въ сферѣ личныхъ отношеній дружбы и любви, въ обыденныхъ проявленіяхъ любви къ ближнему, вездѣ, гдѣ только можно и поскольку можно, мы считаемъ разумнымъ соразмѣрять и соразмѣряемъ жертвы съ ожидаемыми отъ нихъ результатами. Жертвуя временемъ, трудомъ, имуществомъ, убѣжденіями и жизнью въ общественныхъ или личныхъ цѣляхъ, мы всегда справляемся, стоитъ ли приносимая жертва цѣли, ради которой приносится, и если мы рѣшили принести жертву, то стремимся къ тому, чтобы ея цѣною достигнуть наилучшимъ образомъ наилучшей цѣли. Но все, что мы затрачиваемъ, какъ средство, и все, что достигаемъ, какъ цѣль, не поддается здѣсь точному количественному соразмѣренію, какъ это имѣетъ мѣсто въ сферѣ экономической дѣятельности. Мы цѣнимъ наши убѣжденія, цѣнимъ домашнее спокойствіе; чтобы купить послѣднее, человѣкъ нерѣдко жертвуетъ частью первыхъ; рѣшивъ принести такую жертву, онъ старается возможно малой цѣною достигнуть возможно бо́льшихъ результатовъ; онъ даже знаетъ мѣру, до которой можно итти въ этой сдѣлкѣ съ совѣстью; но до и за предѣлами этого максимума все крайне неопредѣленно и трудно сравнимо.

Наконецъ, есть сфера дѣятельности, гдѣ экономическій принципъ не примѣнимъ, и гдѣ какъ бы дѣйствуетъ нѣчто, ему противоположное. Цѣлесообразность дѣйствій влюбленнаго

---

[1]) *R. Avenarius*, Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Leipzig. 1876. См. цитированный уже русскій переводъ; также *E. Mach*, Die Mechanik in ihrer Entwickelung, Leipzig, 1891, стр. 510 и сл.: Die Oekonomie der Wissenschaft; «die Wissenschaft kann daher selbst als eine Minimalaufgabe angesehen werden, welche darin besteht, möglichst vollständig die Thatsachen mit den geringsten Gedankenaufwand darzustellen», стр. 519.

построена, по-видимому, на обратномъ принципѣ: цѣль его заключается въ томъ, чтобы возможно большими жертвами достигать возможно малыхъ результатовъ — въ идеалѣ жертвовать жизнью за улыбку и даже больше — ни за что; чѣмъ больше жертва и чѣмъ меньше то, что ожидается ею достигнуть, тѣмъ лучше доказана любовь. Можно возразить, что психологія влюбленнаго — психологія ненормальнаго человѣка, и поэтому къ ней непримѣнимъ экономическій принципъ, какъ принципъ нормальнаго поведенія. Однако аналогичное отношеніе имѣетъ мѣсто и въ другихъ болѣе важныхъ случаяхъ; такъ, при осуществленіи этическихъ идеаловъ любви и подвижничества, жертва не теряетъ своего значенія отъ ничтожности результата, котораго она видимо стремится достигнуть, даже напротивъ, до нѣкоторой степени выигрываетъ. Кто пожертвуетъ своимъ имуществомъ или жизнью для спасенія многихъ, тотъ герой; но такую жертву легче принести, чѣмъ отказаться отъ земныхъ благъ ради перваго встрѣчнаго бѣдняка; аскетизмъ доводитъ практику добродѣтели до полнаго самоотреченія безъ всякой практической цѣли.

Надо признать, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно нѣтъ соразмѣренія жертвъ съ предполагаемыми къ достиженію цѣлями; но принесеніе возможно большихъ жертвъ ради возможно малыхъ результатовъ представляется только кажущимся. На самомъ дѣлѣ цѣлью дѣйствій является не самое достиженіе матеріальнаго или видимаго результата, который можетъ быть какъ угодно малъ, а осуществленіе воплощающагося въ этомъ видномъ внѣшнемъ результатѣ внутренняго этическаго идеала любви, самоотреченія; чѣмъ менѣе въ дѣйствіи утилитарныхъ элементовъ, тѣмъ болѣе оно осуществляетъ этическую цѣль, такъ что полное осуществленіе идеаловъ требовало бы полнаго отсутствія утилитарныхъ элементовъ, — принесенія всякой жертвы безъ надежды на достиженіе какого бы то ни было внѣшняго результата. Жертвы соразмѣряются поэтому здѣсь не съ видимымъ результатомъ (съ которымъ онѣ находятся въ отношеніи, обратномъ экономическому принципу), а съ воплощающейся въ немъ внутреннею цѣлью, къ которой онѣ не находятся въ отношеніи, обратномъ экономическому принципу. Но въ тоже время послѣдній не находитъ здѣсь своего примѣненія, такъ какъ для достиженія истинной цѣли — этиче-

скаго идеала—существуетъ только одинъ путь — путь всевозможныхъ, иначе максимальныхъ жертвъ.

Подобнаго рода отношенія должны возникать всякій разъ, когда цѣлью нашей дѣятельности является какое-либо безконечно большое благо, summum bonum Очень часто случается, что мы либо bona fide, либо завѣдомо ложно выдаемъ нѣчто за summum bonum, что на самомъ дѣлѣ вовсе не является таковымъ для насъ; сейчасъ же по отношенію къ такой цѣли мы въ теоріи признаемъ обязательнымъ поведеніе, не сообразующееся съ экономическимъ принципомъ; но послѣдній обыкновенно вступаетъ въ свои права, какъ только отъ словъ мы переходимъ къ дѣлу.

Подведя итогъ сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что т. н. экономическій принципъ не составляетъ характерной особенности экономическаго поведенія; онъ характеризуетъ всякое цѣлесообразное дѣйствіе, посколько въ немъ цѣль и средства поддаются измѣренію и сравненію; хотя въ области экономической дѣятельности экономическій принципъ и находитъ для себя особое выраженіе, но причина этого лежитъ не въ немъ самомъ, а въ особыхъ свойствахъ экономической дѣятельности. Однимъ словомъ экономическій принципъ ни въ своей общей формѣ, ни въ той спеціальной, въ какой онъ примѣняется къ экономической дѣятельности, не можетъ служить признакомъ, опредѣляющимъ послѣднюю[1])

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли опредѣленія экономической дѣятельности посредствомъ признака цѣли, средствъ и экономическаго принципа; всѣ эти опредѣленія не могутъ быть признаны вѣрными. Что экономическая дѣятельность не есть просто цѣлесообразная, я считаю фактомъ очевиднымъ; обозначеніе всѣхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій названіемъ экономиче-

---

[1]) Особенно очевидна непригодность экономическаго принципа для разграниченія сферы экономическаго и неэкономическаго въ такой его формулировкѣ, въ какой онъ приведенъ у *Вредена*, Курсъ Полит. Экон., 2 изд., 1880, стр. 7; «только дѣятельность, которая отличается расчетливостью, соображеніемъ или соразмѣреніемъ своего слабосилія съ необъятностью потребностей, и должна и можетъ составлять предметъ ученія о хозяйствѣ, или науки Политической Экономіи».

скихъ является не больше, какъ вопросомъ терминологіи, и нисколько не устраняетъ того факта, что среди всѣхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, какъ бы мы ихъ ни называли, существуетъ особая категорія, та именно, которую обыкновенно называютъ экономическими. Болѣе точное обозначеніе цѣли экономической дѣятельности указаніемъ на то, что она состоитъ въ удовлетвореніи потребностей оказывается также невѣрнымъ; если удовлетвореніе потребностей, какъ цѣль, отвлечь отъ матеріальнаго содержанія, то оно совпадаетъ просто съ цѣлью, а дѣятельность, направленная на удовлетвореніе потребностей, какъ таковое, совпадаетъ съ цѣлесообразной дѣятельностью вообще. Если же наполнить понятіе удовлетворенія потребностей его матеріальнымъ содержаніемъ, т. е. подъ удовлетвореніемъ потребностей понимать удовлетвореніе конкретныхъ потребностей, то дѣятельность, направленная на удовлетвореніе потребностей, можетъ быть то технической, то экономической, то этической, то эстетической, сообразно съ тѣмъ, какую группу конкретныхъ потребностей мы будемъ имѣть въ виду. Признакъ матеріальности не выдѣляетъ изъ всѣхъ конкретныхъ потребностей тѣ, которыя составляютъ содержаніе экономической дѣятельности. Равнымъ образомъ признакъ средствъ не характеризуетъ экономической дѣятельности; если подъ средствами понимать вообще объекты внѣшняго міра, то всякая вообще дѣятельность нуждается во внѣшней обстановкѣ, какъ средствѣ для достиженія цѣлей. Если же ограничить понятіе средствъ какимъ либо признакомъ входящихъ въ это понятіе объектовъ, то мы впадаемъ въ ошибку опредѣленія экономическаго явленія посредствомъ объективныхъ свойствъ вещей. Наконецъ, и такъ называемый экономическій принципъ не можетъ служить основаніемъ для опредѣленія экономической дѣятельности, такъ какъ онъ находитъ свое примѣненіе не только здѣсь, но и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Такъ какъ всякій изъ трехъ признаковъ — цѣли, средствъ и ихъ соотношенія—одинаково распространяется на область дѣйствій и экономическихъ и неэкономическихъ, то и соединеніе ихъ въ той или другой комбинаціи даетъ опредѣленіе, обнимающее собою болѣе, чѣмъ одну только область дѣйствій экономическихъ. Достаточно привести здѣсь наиболѣе полное опредѣленіе Wagner'a: дѣятельность, направленная на внѣшнія

блага съ цѣлью удовлетворенія опредѣленнаго круга потребностей, сообразно съ экономическимъ принципомъ; подъ это опредѣленіе одинаково можно подвести какъ дѣятельность экономическую, такъ равно и техническую и этическую. И это потому, что въ этомъ опредѣленіи какъ разъ не достаетъ того именно признака, который раздѣлялъ бы эти три области другъ отъ друга, признака, который и могъ бы служить вѣрнымъ опредѣленіемъ экономическаго.

Чѣмъ же отличается экономическая дѣятельность отъ другихъ видовъ человѣческой дѣятельности, и въ какомъ отношеніи находится она къ понятію экономическаго вообще? Провизорно мы можемъ раздѣлить всѣ цѣлесообразныя дѣйствія человѣка на три категоріи: дѣйствія техническія, экономическія и всѣ остальныя, которыя мы назовемъ этическими въ широкомъ смыслѣ. Возьмемъ какой-либо конкретный случай дѣятельности, когда она безспорно считается экономической, и разсмотримъ, заключаетъ ли она въ себѣ какой либо элементъ, который, въ отличіе отъ всего прочаго, могъ бы быть названъ экономическимъ? Пусть этотъ видъ дѣятельности будетъ производство какого-либо цѣннаго (т. е. имѣющаго цѣну) продукта; что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то экономическимъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ обыденная рѣчь, такъ и мнѣніе экономистовъ, которые производство цѣнностей считаютъ особымъ отдѣломъ экономической науки. Въ то же время производство всякаго цѣннаго продукта состоитъ изъ ряда дѣйствій, которыя называются техническими; поэтому первая задача должна состоять въ томъ, чтобы установить, есть ли въ явленіи производства два различныхъ элемента, изъ которыхъ одинъ могъ бы быть названъ техническимъ, другой экономическимъ. Далѣе, производство цѣнностей есть дѣятельность, совершенно отличная отъ такихъ видовъ дѣятельности, какъ политическая, религіозная, дѣятельность, вытекающая изъ чувства долга, дружбы и любви. Поэтому, если въ производствѣ цѣнностей есть нѣчто, составляющее экономическую дѣятельность, то возникаетъ вторая задача—указать отличіе этой дѣятельности отъ всякой другой неэкономической и въ тоже время не технической.

Вопросъ о взаимномъ разграниченіи областей техники и экономики, не смотря на несомнѣнную между ними разницу, представляется тѣмъ не менѣе довольно спорнымъ. Трудность

заключается здѣсь не столько въ томъ, чтобы уловить разницу между техническимъ и экономическимъ, сколько въ томъ, чтобы формулировать опредѣленіе экономической дѣятельности такъ, чтобы подъ это опредѣленіе не подходила техническая дѣятельность. Дѣятельность, состоящая въ удовлетвореніи потребностей (Schröder); дѣятельность, направленная на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей (г. Чупровъ); дѣятельность, направленная на удовлетвореніе потребностей и соотвѣтствующая экономическому принципу; дѣятельность, направленная на объекты внѣшняго міра, согласно экономическому принципу, съ цѣлью удовлетворенія потребностей (Supino, Wagner); совокупность основанныхъ на расчетѣ дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію, умноженію и расходованію полезныхъ и имѣющихся въ недостаточномъ количествѣ благъ (г. Исаевъ) и т. д.—все это опредѣленія, подъ которыя подходитъ всякая техническая дѣятельность; производство, напримѣръ, сахара есть рядъ цѣлесообразныхъ пріемовъ, слѣдовательно дѣятельность; имѣетъ цѣлью не что иное, какъ удовлетвореніе потребности въ сахарѣ; направлена на объекты внѣшняго міра; основана на расчетѣ полученія наибольшаго количества наилучшаго продукта съ наименьшими затратами. Такъ какъ между техникой и экономикой всегда проводится разница и, какъ мы увидимъ, совершенно справедливо, то очевидно, что одно и то же опредѣленіе не должно было бы служить для опредѣленія двухъ различныхъ вещей; если нѣчто подобное происходитъ въ данномъ случаѣ, то это можетъ быть объяснено только некритическимъ употребленіемъ двусмысленныхъ терминовъ: понимаемые въ одномъ смыслѣ, они даютъ возможность подвести подъ опредѣленіе экономическую дѣятельность, въ другомъ — техническую.

Въ чемъ же состоитъ разница между техникой и экономикой? Очень легко рѣшаетъ этотъ вопросъ P. Leroy—Beaulieu. Давая опредѣленіе экономической науки, которое скорѣе можетъ быть названо опредѣленіемъ техники — экономика есть наука, устанавливающая общіе законы, управляющіе дѣятельностью и производительностью человѣческихъ усилій въ производствѣ и пользованіи различными благами, которыя природа не даетъ человѣку даромъ и свободно (о. с. 11), онъ затѣмъ ограничивается указаніемъ на то, что эти законы весьма отличны отъ

того, что называютъ «технологіей», и что они находятся «en-dehors et au dessus de toute technologie» (14, 15).

Гораздо серьезнѣе относятся къ этому вопросу другіе авторы, въ особенности, какъ это обыкновенно бываетъ, нѣмецкіе. Особенно Hermann и Schäffle самымъ характеромъ своихъ опредѣленій политической экономіи принуждены остановиться на выясненіи вопроса о различіи между техникой и экономикой. Schäffle, который опредѣляетъ народное хозяйство, какъ проявленіе хозяйственнаго принципа въ человѣческомъ обществѣ [1]), какъ регулированіе производства и потребленія имѣющихся въ ограниченномъ количествѣ средствъ удовлетворенія въ направленіи наибольшей пользы (ib. 2), какъ регулированіе въ направленіи наибольшей пользы и наименьшихъ затратъ обмѣна веществъ въ соціальномъ тѣлѣ [2]), усматриваетъ взаимное отношеніе между экономикой и техникой въ томъ, что экономика представляетъ собою регулированіе, управленіе техникой по экономическому принципу, осуществленіе этого принципа въ техникѣ [3]), техника есть объектъ хозяйства [4]); экономика отличается отъ техники тѣмъ, что экономика дѣлаетъ выборъ между многими возможными методами, чтобы достигнуть наибольшей пользы съ наименьшими затратами [5]). Соображенія Schäffle нельзя однако признать достаточно опредѣленными. Техника не можетъ быть объектомъ экономики въ томъ смыслѣ, что существуютъ будто бы два ряда дѣйствій, изъ которыхъ одинъ—техническій—подлежитъ регулированію, а другой—экономическій—регулируетъ, въ родѣ работника и надсмотрщика. Въ дѣйствительности существуетъ одинъ рядъ, который является и техническимъ и экономическимъ. Въ этомъ общемъ рядѣ дѣйствій экономическимъ является, по мнѣнію Schäffle, соотвѣтствіе его съ экономическимъ принципомъ: изъ всѣхъ возможныхъ техническихъ рядовъ дѣйствій выбирается одинъ, соотвѣтствую-

---

[1]) Das Gesellsch. System, 2 изд. 1867, 23.

[2]) Bau und Leben des socialen Körpers, 2 Aufl., II B., 197; 1 Aufl. (1 u. 2 Ausg.) III B., 245.

[3]) Das Gesellsch. System, 141.

[4]) ib., 9.

[5]) Bau u. Leben, 2 Aufl., II B., 179.

щій экономическому принципу, и онъ-то примѣняется на практикѣ. Однако, если понимать экономическій принципъ въ техническомъ, объективномъ смыслѣ, то и многіе техническіе ряды дѣйствій, не осуществляемые въ дѣйствительности, могутъ соотвѣтствовать и соотвѣтствуютъ принципу наименьшихъ техническихъ затратъ и наибольшихъ объективныхъ результатовъ; слѣдовательно, дѣло заключается не въ соотвѣтствіи ряда принципу наибольшей технической пользы, а принципу какой-то другой, очевидно — экономической пользы. Но въ чемъ же заключается эта послѣдняя? Утвержденіе, что техническій рядъ дѣйствій, отвѣчающій нѣкоторому экономическому критерію, является экономическимъ рядомъ, было бы только простымъ idem per idem. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы опредѣлить ту форму экономическаго принципа, которая дѣлаетъ изъ него специфически экономическое явленіе

Для Hermann'a [1]) хозяйство представляетъ собою только одну сторону дѣятельности вообще, направленной на удовлетвореніе потребностей, а именно количественный контроль, соразмѣреніе средствъ съ результатами; эта контролирующая дѣятельность присуща всякой технической дѣятельности, составляетъ часть всѣхъ техническихъ дѣйствій, которыя всѣ подчинены ей одинаково; экономика выбираетъ изъ всѣхъ техническихъ дѣйствій общее и выражаетъ его, какъ законъ, котораго частными случаями являются отдѣльные техническіе пріемы. Туже мысль, ссылаясь на Hermann'a, нѣсколько иначе высказываетъ и Исаевъ [2]). Въ массѣ техническихъ дѣйствій экономія обращаетъ вниманіе только на «общія имъ всѣмъ формы приспособленія благъ для человѣческихъ потребностей». Тоже г. Симоненко [3]); по его мнѣнію, существуютъ особые законы и правила для каждой отдѣльной технической дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ и общіе законы, проявляющіеся во всѣхъ видахъ народной дѣятельности; послѣдніе и являются экономическими законами. Безспорно, что экономическое есть нѣчто общее по от-

---

[1]) Staatswirtsch. Untersuch., 1870, 10, 66, 69.

[2]) Начала и пр., 23.

[3]) Полит. Экон. и пр. 1900, 11.

ношенію ко всѣмъ видамъ технической дѣятельности, но общее не въ смыслѣ родового, по отношенію къ которому отдѣльные техническіе пріемы суть видовые случаи экономическаго, а въ томъ смыслѣ, что въ каждой технической дѣятельности заключается въ тоже время и нѣчто отъ нея отличное, что и является экономическимъ. Поэтому экономическое и не можетъ быть получено путемъ логическаго обобщенія отдѣльныхъ техническихъ пріемовъ, какъ именно техническихъ. Экономическое явленіе подомовной ренты не можетъ быть получено логическимъ обобщеніемъ техническихъ пріемовъ постройки домовъ, какъ и земельная рента не можетъ быть выведена изъ сравненія техническихъ пріемовъ воздѣлыванія ржи и винограда; рента выводится изъ законовъ, которымъ подчинена оцѣнка продукта и оцѣнка средствъ производства; но оцѣнка не есть какой-либо техническій пріемъ воздѣлыванія винограда или ржи, а нѣчто совершенно иного порядка, сравнительно съ техникой. Ошибочное представленіе объ экономикѣ, какъ обобщеніи техническихъ пріемовъ въ значительной степени, быть можетъ, обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что экономическія изслѣдованія бываютъ переполнены данными изъ области техники. Раздѣленіе труда и его техническія выгоды, составъ капитала изъ матеріаловъ и машинъ, различная долговѣчность послѣднихъ, техническія особенности машинаго производства, различное плодородіе земель—все это факты, которые помѣщаются въ каждомъ курсѣ экономической науки; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы они и множество другихъ имъ подобныхъ относились къ области экономики, какъ не слѣдуетъ, что устройство мозга, нервной системы и органовъ чувствъ относится къ психологіи, или излагаемыя въ химіи физическія свойства тѣлъ составляютъ химическое явленіе.

Правильная граница между экономикой и техникой устанавливается безъ особаго труда, какъ только мы станемъ разсматривать явленія хозяйственныя, какъ явленія психическаго порядка. Эта граница въ общемъ намѣчена уже Миллемъ и затѣмъ указана многими. «Насколько экономическое состояніе націй зависитъ отъ положенія естественныхъ знаній — говоритъ онъ—оно составляетъ предметъ естественныхъ наукъ и основанныхъ на нихъ искусствъ. Но посколько оно зависитъ отъ причинъ нравственныхъ или психологическихъ, производимыхъ

учрежденіями и общественными отношеніями или качествами человѣческой природы, изслѣдованіе о немъ принадлежитъ не естественной, а нравственной и общественной наукѣ и составляетъ предметъ того, что называется политической экономіей» [1]).

Это опредѣленіе вѣрно постолько, посколько оно видитъ сущность экономическаго въ общественныхъ явленіяхъ и качествахъ человѣческой природы; но оно ошибочно, посколько разсматриваетъ экономическое, какъ состоящее не только въ этомъ, но и происходящее отъ состоянія естественныхъ знаній; правильно различая экономику, какъ науку объ особой области психическихъ и соціальныхъ явленій, отъ техники, какъ пріемовъ приложенія естественныхъ знаній, Милль ошибочно предполагаетъ существованіе еще сверхъ того особаго экономическаго, которое образуется какъ техникой, такъ и собственно экономикой вмѣстѣ. Между тѣмъ истинное отношеніе экономики и техники не таково, что онѣ вмѣстѣ составляютъ двѣ причины одного общаго явленія, которое называется экономическимъ, а таково, что экономика и техника составляютъ двѣ различныя стороны, двѣ различныя точки зрѣнія, изъ которыхъ исходитъ дѣятельность человѣка. Дѣятельность человѣка можетъ, во-первыхъ, исходить изъ объективной цѣли и объективныхъ средствъ. Цѣлью дѣятельности можетъ быть полученіе какого-нибудь предмета, какъ нѣкоторой совершенно объективной вещи; средствами для этого могутъ служить другія объективныя вещи, будь то матеріалы, орудія, трудъ и т. д. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, лицо, имѣющее задачу произвести какой-либо продуктъ, положимъ, пшеницу, имѣя для этого въ своемъ распоряженіи опредѣленное пространство земли, опредѣленное число рабочихъ рукъ, опредѣленное количество матеріаловъ и орудій. Задача эта исполняется объективнымъ соразмѣреніемъ результата и таковымъ же соразмѣреніемъ средствъ, съ тою цѣлью, чтобы наибольшій объективный результатъ достигнуть наименьшей затратой объективныхъ средствъ. Вся операція на всемъ пространствѣ носитъ вполнѣ объективный

[1]) Основанія пол. эк., 1874, т. 1, стр. 28.

характеръ. Но, съ другой стороны, возможно какъ цѣль, такъ и средства поставить въ соотношеніе съ субъектомъ, разсматривать ихъ не какъ объективные предметы, сами по себѣ, а съ точки зрѣнія значенія ихъ для субъекта.

Тогда каждый моментъ процесса производства будетъ характеризоваться не только объективнымъ соразмѣреніемъ наибольшаго результата съ наименьшей затратой средствъ, но и соразмѣреніемъ субъективнаго значенія затрачиваемыхъ средствъ и субъективнаго значенія достигаемой получаемымъ результатомъ цѣли. Очевидно, что конечнымъ мотивомъ дѣятельности можетъ быть только субъективное значеніе цѣли, равнымъ образомъ и средства распредѣляются сообразно съ субъективнымъ значеніемъ цѣлей и отъ нихъ получаютъ также свое субъективное значеніе; но разъ субъективное значеніе цѣлей опредѣлено и сообразно съ этимъ распредѣлены средства, каждая цѣль можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто объективно данное, также какъ и средства, и достиженіе цѣли посредствомъ средствъ можетъ получить характеръ совершенно объективной соразмѣрности. Разграниченіе субъективнаго и объективнаго отношенія къ цѣлямъ и средствамъ ихъ достиженія становится очевиднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда субъективная цѣль одного лица достигается усиліями другого, для котораго она получаетъ характеръ объективной цѣли; напримѣръ, пища для потребителя есть средство субъективнаго удовлетворенія, и сообразно съ субъективнымъ ея значеніемъ соразмѣряются расходы на ея приготовленіе; но для повара, который получилъ опредѣленное количество пищевыхъ матеріаловъ, приготовленіе кушанія является объективною цѣлью, и соразмѣреніе средствъ съ цѣлью носитъ вполнѣ объективный характеръ. Если въ этомъ случаѣ субъективныя и объективныя дѣйствія раздѣляются, то въ другихъ они совпадаютъ въ одномъ и томъ же субъектѣ или въ одномъ и томъ же рядѣ дѣйствій. Въ томъ и въ другомъ случаѣ природа ихъ однако совершенно различна, а потому и для ихъ обозначенія требуются особые термины; дѣятельность, направленная на объективныя цѣли и объективныя средства, можно назвать технической; посколько же дѣятельность направлена на субъективныя цѣли, исходитъ изъ субъективной оцѣнки цѣли и средствъ, постолько она является экономической. Техническая

дѣятельность состоитъ изъ пріемовъ приготовленія, полученія, приспособленія; экономическая—изъ актовъ, въ которыхъ проявляется психическое отношеніе наше къ цѣлямъ и средствамъ, оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ. Техника есть практическое приложеніе нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ, его силахъ и процессахъ; экономика есть психическое отношеніе къ этому приложенію съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ; техника—рядъ дѣйствій въ мірѣ объективномъ, экономика—рядъ проявленій нашего субъективнаго отношенія къ этимъ объективнымъ дѣйствіямъ. Однимъ словомъ, техника относится къ экономикѣ такъ, какъ внѣшнее объективное проявленіе воли къ субъективной оцѣнкѣ цѣлей и средствъ этого проявленія.

Опредѣленіе экономической дѣятельности, какъ проявленія субъективнаго отношенія къ вещамъ, цѣлямъ и средствамъ, отдѣляетъ ее отъ техники, какъ дѣйствій, направленныхъ на тѣ же объекты, но безъ субъективнаго ихъ отношенія къ лицу; но оно не отдѣляетъ экономической дѣятельности отъ всякаго вообще проявленія субъективнаго нашего отношенія къ цѣлямъ, средствамъ и всякаго рода объектамъ. Наше субъективное отношеніе къ внѣшнимъ объектамъ можетъ быть такого рода, что мы характеризуемъ его какъ экономическое, а рядъ дѣйствій, въ которыхъ это отношеніе проявляется, называемъ экономическимъ; таково, напримѣръ, отношеніе къ предметамъ, которые мы постоянно покупаемъ для нашихъ будничныхъ потребностей; но наше субъективное отношеніе къ одному изъ такихъ же самыхъ предметовъ, но только подаренному намъ кѣмъ-либо, кто намъ дорогъ, не укладывается уже въ рамки экономическаго. Къ однимъ полезнымъ услугамъ мы примѣняемъ критерій экономическаго отношенія, и изъ такого отношенія выводимъ рядъ дѣйствій; къ другимъ услугамъ не примѣнимо экономическое отношеніе; однѣ субъективныя цѣли какъ бы предопредѣлены служить источникомъ экономическаго поведенія, какъ, напримѣръ, потребность въ пищѣ, тогда какъ другія, по преимуществу или исключительно, вызываютъ дѣятельность неэкономическаго свойства, напримѣръ, потребность въ любви, стремленіе къ добродѣтели. Очевидно, должна существовать разница между тѣмъ отношеніемъ и проявляющими его дѣйствіями, которыя мы привыкли считать эконо-

имическими и тѣми отношеніями и ихъ проявленіями, которыя мы характеризуемъ, какъ неэкономическія. Эта разница находитъ себѣ чрезвычайно характерное проявленіе въ современномъ хозяйственномъ строѣ въ примѣнимости или непримѣнимости денежной оцѣнки; все, что мы называемъ экономическимъ, въ нашемъ хозяйственномъ строѣ можетъ быть переведено на деньги; все, что имѣетъ неэкономическій интересъ, вообще не переводится на деньги, а если иной разъ и ставится въ нѣкоторое соотношеніе съ деньгами, то въ самой общей, неточной формѣ. Эту именно разницу и принимаетъ Marshall за исходную точку при опредѣленіи экономической дѣятельности; послѣдней является, по его мнѣнію, такая дѣятельность, мотивы которой измѣримы посредствомъ денегъ. Въ то время, какъ другія отрасли соціальной науки имѣютъ дѣло почти исключительно съ качествомъ человѣческихъ мотивовъ — говоритъ Marshall [1])—экономика имѣетъ дѣло столько же съ качествомъ, какъ и съ количествомъ. Предметъ ея тѣ мотивы, сила которыхъ можетъ быть измѣрена посредствомъ денегъ, напримѣръ, количествомъ денегъ, которое человѣкъ готовъ пожертвовать, чтобы получить желаемое удовлетвореніе, или тѣмъ количествомъ, которое требуется для того, чтобы онъ подвергъ себя какому-либо обремененію (73); такимъ образомъ денежной оцѣнкой услугъ измѣряется сила мотивовъ, заставляющихъ человѣка оказывать эти услуги; прибыль на накопленное богатство измѣряетъ неохоту откладывать удовлетвореніе, т. е. сберегать богатство для будущаго пользованія (74); эта область поведенія, въ которой человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ мотивовъ, измѣряемыхъ денежной цѣною, и составляетъ область экономики (75); эта область мотивовъ нисколько не ограничена областью мотивовъ эгоистическихъ и не совпадаетъ съ нею; сюда входятъ и многіе мотивы альтруистическіе, напримѣръ, любовь къ семьѣ; мотивы филантропическихъ дѣйствій (77—78); если же экономисты оставляютъ безъ вниманія многіе альтруистическіе мотивы, то не потому, чтобы экономика не желала заниматься ими, ограничивая свою область исключительно эгоистическою дѣятельностью, но потому что мотивы этого рода не поддаются

[1]) op. cit.: Principles of Economics, 1891.

точному измѣренію (78); въ этомъ отношеніи нѣтъ рѣзкой границы между одними и другими мотивами, но существуетъ непрерывная постепенность, начиная отъ соціальныхъ законовъ, имѣющихъ дѣло исключительно съ мотивами, измѣримыми посредствомъ денежной цѣны, и кончая соціальными законами, въ которыхъ такого рода мотивы имѣютъ мало мѣста, и которые вслѣдствіе этого отличаются гораздо меньшей точностью, сравнительно съ экономическими законами (83). Въ этомъ измѣреніи мотивовъ посредствомъ денегъ, деньги не играютъ самостоятельной роли; онѣ не составляютъ главнаго предмета изученія въ политической экономіи сами по себѣ; все ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что въ нашемъ мірѣ деньги являются наиболѣе подходящимъ средствомъ измѣренія человѣческихъ мотивовъ. Можно себѣ представить, что если бы существовало общество, въ которомъ единственнымъ вознагражденіемъ за услуги служили бы публичныя почести, опредѣляемыя по особой табели, и если бы эти почести могли быть передаваемы однимъ лицомъ другому, безъ вмѣшательства какой-либо внѣшней власти, то сила мотивовъ могла бы также удобно и точно измѣряться этими почестями, какъ теперь деньгами; экономическая теорія осталась бы таже, что и теперь, но въ ней вовсе не упоминались бы деньги (76 и прим.).

Что свойство измѣряться деньгами превращаетъ объектъ въ явленіе экономическаго порядка, это фактъ, признаваемый, безъ дальнѣйшихъ, впрочемъ, выводовъ и другими авторами, напримѣръ, Marx'омъ [1]). Я полагаю, что это свойство составляетъ характерную особенность экономическаго явленія и притомъ единственную, по которой экономическое явленіе можетъ быть ограничено отъ неэкономическаго, наиболѣе согласно съ установившимися обычными представленіями о той и другой

---

[1]) Dinge, die an und für sich keine Waaren sind, z B. Gewissen, Ehre u. s. w., können ihren Besitzern für Geld feil sein und durch ihren Preis die Waarenform erhalten (Das Kapital, 4 aufl., 1 B., 67). *Launhardt*, Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre, 1885, 3; впрочемъ этотъ авторъ считаетъ *естественной* единицей мѣры *экономическихъ* цѣнностей единицу человѣческихъ усилій, а критеріемъ экономичности цѣнностей ихъ измѣримость посредствомъ этой единицы. *Berardi*, op. cit., Sul carattere etc. § 116—125. § 31—34. *G. Tarde*, Psychologie Economique, 1902, стр. 67.

области и соотвѣтственно реальному различію въ самихъ явленіяхъ одной и другой категоріи. Достаточно сослаться на два—три примѣра для иллюстраціи этой мысли. Полезная вещь, представляющая собою фамильную или т. п. цѣнность, заключаетъ въ себѣ какъ экономическій, такъ и неэкономическій (или этическій въ широкомъ смыслѣ) элементъ; тотъ и другой разграничивается ничѣмъ инымъ, какъ только способностью оцѣниваться на деньги; посколько интересъ вещи переложимъ на точную мѣру денегъ, постолько онъ получаетъ характеръ экономическій, посколько не поддается денежной оцѣнкѣ — этическій. Точно также въ совѣтѣ врача, трудѣ наставника экономическую часть услуги мы отдѣляемъ денежнымъ вознагражденіемъ отъ этической, которая никакой денежной оцѣнкой не можетъ быть измѣрена. Посколько любовь или ея внѣшнее проявленіе продается, постолько она есть экономическое явленіе; посколько же ея нельзя пріобрѣсти за деньги — она не подчинена законамъ экономики.

При всемъ томъ денежная оцѣнка есть только внѣшній симптомъ экономичности, а не ея сущность. Прежде всего дѣло здѣсь не въ денежной измѣримости, какъ совершенно справедливо указываетъ Marshall, а въ точной измѣримости; деньги же представляютъ, если не единственное, то во всякомъ случаѣ наиболѣе удобное средство точнаго измѣренія, какое дано намъ современнымъ строемъ нашей жизни. Но если признакъ экономической сферы явленій состоитъ въ ихъ точной измѣримости, то очевидно, что понятіе экономической дѣятельности, какъ дѣятельности, не можетъ ни исчерпывать, ни служить опредѣленіемъ экономическаго вообще. Дѣятельность есть лишь объектъ, въ которомъ проявляется моментъ точной измѣримости, дѣлающій изъ нея экономическую дѣятельность; поэтому, если бы даже дѣятельность была единственной сферой проявленія момента точной измѣримости, то и тогда признакомъ экономическаго былъ бы этотъ послѣдній, а не дѣятельность; нѣтъ, однако, никакихъ основаній дѣлать подобное допущеніе; нетрудно видѣть и впослѣдствіи будетъ показано, что дѣятельность есть лишь одинъ изъ объектовъ, въ которомъ проявляется этотъ моментъ точной измѣримости; что, рядомъ съ этимъ, такими же объектами являются вещи, свойства другихъ людей, ихъ дѣйствія, отношенія ихъ къ вещамъ и другъ къ другу, наши собствен-

ныя свойства, состоянія и отношенія. Экономическое въ *дѣятельности* человѣка есть только частный случай экономическаго вообще; точная измѣримость мотивовъ дѣятельности есть лишь частный случай точной измѣримости одной области точно измѣримыхъ объектовъ. Отсюда уже слѣдуетъ, что познаніе критерія экономичности не можетъ ограничиваться изученіемъ частичнаго проявленія его лишь въ сферѣ дѣятельности. Но затѣмъ, въ чемъ бы мы его не познавали, познаніе это не можетъ ограничиться однимъ фактомъ указанія на точную измѣримость; оно должно заключаться въ изученіи самаго явленія точной измѣримости, и именно въ изученіи причинъ, ее вызывающихъ; условій, среди которыхъ она проявляется, и закона, которому она подчинена.

§ 5. Признакъ общественности въ опредѣленіи экономическаго явленія.

До сихъ поръ, разсматривая различныя опредѣленія предмета экономической науки, я не принималъ во вниманіе признака общественности, съ точки зрѣнія значенія его для опредѣленія экономическаго явленія. Теперь необходимо остановить вниманіе на этомъ вопросѣ. Если исходить изъ статическаго состоянія экономическихъ явленій, изъ факта ихъ существованія, независимо отъ происхожденія, то очевидно, что эти явленія состоятъ не только изъ отношеній человѣка къ вещамъ, но и изъ отношеній человѣка къ другимъ людямъ. Полагая (провизорно), что отношенія между людьми въ области экономической относятся къ соціальнымъ или общественнымъ явленіямъ, мы должны сказать, что съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы область экономическаго ограничивалась единственно явленіями индивидуально-изолированнаго хозяйства; очевидно, въ нее входятъ и хозяйственныя явленія междуиндивидуальныя, т. е. общественныя. Даже больше, въ современномъ строѣ вовсе нѣтъ явленій изолированнаго хозяйства, такъ какъ отношенія человѣка къ вещамъ проникнуты мотивами, вытекающими изъ отношеній человѣка къ другимъ людямъ, и такимъ образомъ въ скрытомъ видѣ содержатъ въ себѣ элементы общественности. Изолированно-индивидуальное хозяйство есть или вымышленная въ цѣляхъ эвристическихъ робинсонада, или

гипотеза, къ которой болѣе или менѣе приближаются извѣстныя намъ историческія состоянія хозяйства. Поэтому весьма естественно, что скорѣе возникаетъ вопросъ, должно ли включать въ область экономическихъ явленій и явленія изолированнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи существуютъ два мнѣнія; одни авторы, какъ, напримѣръ, Leroy-Beaulieu, полагаютъ, что въ область экономики входятъ какъ явленія индивидуально-изолированнаго хозяйства, такъ и хозяйственныя явленія въ обществѣ [1]); тогда какъ другіе полагаютъ, что соціальный характеръ есть необходимый элементъ экономическихъ явленій и что гдѣ нѣтъ признака общественности, тамъ нѣтъ и экономическаго явленія. Въ чемъ заключается этотъ признакъ общественности, это вопросъ, который, въ свою очередь, разрѣшается весьма различно; одни признаютъ общественными отношенія между людьми вообще, въ чемъ бы они ни выражались, слѣдовательно, всякое сожительство группы людей будетъ уже отвѣчать признаку общественности; другіе квалифицируютъ эти отношенія какимъ-либо добавочнымъ признакомъ, напримѣръ прочности, постоянства, типичности, органичности и т. п.; благодаря этому только нѣкоторая часть отношеній между людьми будетъ соотвѣтствовать признаку соціальности, и, слѣдовательно, можетъ представлять почву для явленій экономическихъ. Причемъ это ограниченіе понятія соціальныхъ отношеній можетъ доходить до крайности, какъ это мы, напримѣръ, видимъ у Bücher'а, начинающаго экономическую жизнь народовъ лишь со времени возникновенія государственной централизаціи въ концѣ среднихъ вѣковъ и полагающаго, что до этого момента соціальная связь между отдѣльными хозяйствами была недостаточна для того, чтобы вызвать особую категорію явленій, которыя мы называемъ экономическими [2]).

Какъ бы ни было, но съ точки зрѣнія исторически существующаго строя хозяйства не можетъ быть чисто индивиду-

---

[1]) «L'économique, en effet, ne règle pas seulement le travail des hommes en société; plusieur de ses lois s'appliquent tout aussi bien à un ménage isolé, même à un homme isolé»—и т. д. стр. 11—13, op. cit. Traité théor. et prat., 1896, t. 1.

[2]) *Bücher*, Die Enstehung der Volkswirtschaft, 1893, стр. 14, 67.

альной экономики. Если же говорятъ объ индивидуализмѣ, атомизмѣ въ политической экономіи, то имѣютъ въ виду не историческій, а методологическій генезисъ экономическихъ явленій. Съ этой точки зрѣнія возможны два мнѣнія: можно говорить, что экономическія явленія, въ чемъ бы они ни состояли, происходятъ изъ простой комбинаціи отдѣльныхъ изолированныхъ единицъ, или же можно утверждать, что кромѣ индивидовъ, существуетъ еще нѣчто—среда, народный духъ и т. п., что только и создаетъ изъ суммы индивидовъ общество. Типическими представителями перваго мнѣнія были еще физіократы, полагавшіе, что весь экономическій распорядокъ отношеній между людьми есть необходимый, самъ собою устанавливающійся естественный результатъ комбинаціи врожденныхъ человѣку индивидуальныхъ стремленій; этотъ атомизмъ характеризуетъ, какъ извѣстно, въ большей или меньшей степени все классическое направленіе политической экономіи, а въ новой литературѣ особенно наглядно проявляется у тѣхъ авторовъ, которые выводятъ экономическія отношенія дедуктивно, прибѣгая къ математическимъ и графическимъ иллюстраціямъ. Здѣсь экономика превращается въ рѣшеніе задачи, аналогичной, по мнѣнію Pantaleoni, той, чтобы въ данный треугольникъ вписать четыреугольникъ съ наибольшей площадью [1]), а экономическіе законы становятся аналогичными механическимъ и даже до такой степени, что Irving Fischer изображаетъ ихъ въ видѣ дѣйствія механическаго аппарата — таза съ плавающими въ немъ цистернами, соединенными съ рычагами, механически воспроизводящими соотвѣтствующія экономическимъ законамъ рыночныя цѣны [2]). Исходной точкой всѣхъ этихъ математическихъ, графическихъ и механическихъ построеній является индивидъ и его свойства.

Другого рода мнѣнія придерживаются тѣ, которые полагаютъ, что экономическія отношенія представляютъ собою

---

[1]) op. cit. Principii etc., стр 12.

[2]) *Irving Fischer*, Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices, from Transactions of t. Connecticut Academy, v. IX, July, 1892 стр. 38; аппаратъ долженъ служить средствомъ изслѣдованія болѣе сложныхъ комбинацій образованія рыночной цѣны (стр. 44 и слѣд.).

нѣчто бо́льшее, чѣмъ комбинацію индивидуальныхъ стремленій, что къ суммѣ индивидуальныхъ стремленій присоединяется, или въ нихъ проявляется еще добавочное нѣчто, что именно и составляетъ сущность соціальнаго. Въ такомъ случаѣ изъ индивидуальной природы человѣка нельзя вывести экономическихъ законовъ и отношеній, необходимо принять во вниманіе соціальную среду, духъ народа и т. п.; эта среда, духъ могутъ быть разсматриваемы либо какъ нѣчто стоящее какъ бы внѣ, сверхъ индивида, подчиняющее или модифицирующее проявленія его воли, либо какъ воплощающееся въ самомъ индивидѣ, который вслѣдствіе этого перестаетъ быть элементомъ, производящимъ общество, но частью функціонирующаго самого по себѣ общественнаго цѣлаго. Въ послѣднемъ случаѣ можно взять сумму индивидовъ и изъ нея возстановить общественное цѣлое, частями котораго эти индивиды являлись; но этотъ процессъ не будетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, когда мы общество выводимъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ, именно какъ отдѣльныхъ; ибо въ этомъ случаѣ индивиды сами получились, лишь какъ части логически ранѣе ихъ существовавшаго и затѣмъ разложеннаго цѣлаго; сведеніе этихъ частей въ цѣлое не даетъ ничего логически новаго, а будетъ лишь возвращеніемъ къ тому источнику, изъ котораго были получены части. Тогда какъ при ученіи объ индивидуальномъ происхожденіи общества, индивидъ разсматривается, какъ данный первоисточникъ [1]). Взглядъ на соціально-экономическія явленія, какъ составляющія нѣчто болѣе простой суммы индивидуальныхъ элементовъ, характеризуетъ историческое направленіе экономической науки.

Здѣсь я не стану разсматривать вопроса о томъ, въ чемъ состоитъ понятіе общества вообще; укажу лишь на то, въ какихъ формахъ признакъ общественности вводится въ опредѣленіе экономическаго явленія. Въ этомъ отношеніи различные писатели дѣлятся, какъ уже было упомянуто, на двѣ группы:

---

[1]) Поэтому разсматривая индивидъ, какъ происходящій изъ общества, а общество, какъ происходящее изъ индивидовъ, нельзя видѣть въ обществѣ и индивидѣ двухъ самостоятельныхъ факторовъ, какъ это дѣлаетъ, слѣдуя Reichesberg'у, *Grabski*, Zur Erkenntnisslehre etc. 1900, стр. 118.

одни, какъ Leroy-Beaulieu, Supino, отчасти Keynes и др. [1]) включаютъ въ область экономики и изолированное и общественное хозяйство; большинство, однако, держится того мнѣнія, что только соціальное можетъ быть экономическимъ. Такъ Perry говоритъ: экономическая наука, какъ это уже явствуетъ изъ названія «политической» экономіи, относится къ человѣку въ состояніи общественномъ (op. cit., 108). Милль называетъ политическую экономію наукой не только нравственной, но и общественной (op. cit., 28), полагая, что она изучаетъ состояніе всего человѣчества или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ богатству (ib., 1). Newcomb исходитъ изъ понятія «community of men, moved by certain desires» (op. cit., 11) и т. д. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ терминовъ для опредѣленія объекта экономической науки — народное хозяйство, Volkswirtschaft — свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь имѣется въ виду нѣкоторая категорія соціальныхъ явленій. Если мы однако обратимся къ вопросу о томъ, въ чемъ состоитъ общественный характеръ экономическихъ явленій, то встрѣтимъ здѣсь самые разнообразные взгляды.

Одна группа писателей исходитъ изъ того представленія, что соціальный характеръ экономическихъ явленій состоитъ въ объединеніи суммы отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ какимъ-либо связующимъ началомъ, благодаря чему данная группа единицъ превращается въ нѣчто большее, чѣмъ простую сумму, получаетъ новый, именно соціальный, характеръ, и въ этомъ видѣ дѣлается особымъ объектомъ экономической науки. Такое связующее начало усматривается въ элементѣ мѣстности, народности, политической организаціи, права, экономической организаціи, въ комбинаціи части или всѣхъ этихъ элементовъ. Связанная такимъ объединяющимъ началомъ совокупность хозяйственныхъ единицъ, получившая характеръ соціальнаго цѣлаго, называется обыкновенно народнымъ хозяйствомъ. Что касается перваго изъ указанныхъ элементовъ, связующихъ отдѣльныя хозяйства въ народное, а именно, мѣстности, то этотъ

---

[1]) Leroy Beaulieu—уже цитированное мѣсто; Supino, op. cit., La definizione etc.: l'economia individuale, sociale, mondiale, 63, 66, 71 и опредѣленіе на стр. 73; Keynes op. cit. Scope etc., стр. 85.

признакъ рѣдко примѣняется для характеристики народнаго хозяйства; правда, нерѣдко мы читаемъ о народномъ хозяйствѣ «страны», хозяйственной дѣятельности «страны» и т. п.; когда однако дѣло доходитъ до точнаго опредѣленія этихъ выраженій, то понятіе страны либо замѣняется понятіемъ народа, государства, либо сопровождается другими признаками. Послѣднее мы видимъ, напримѣръ, у пр. Чупрова; опредѣляя народное хозяйство, какъ сумму единичныхъ хозяйствъ, находящихся на опредѣленной территоріи (op. cit., 18), онъ тутъ же указываетъ и на другія обстоятельства, связывающія эти хозяйства въ одно цѣлое — народное хозяйство.

Гораздо бо̀льшее значеніе для опредѣленія народнаго хозяйства имѣетъ признакъ народа. Этотъ признакъ, въ свою очередь, можетъ быть понимаемъ различно. Такъ нѣкоторые понимаютъ его въ смыслѣ націи. Mangoldt [1]), напримѣръ, даетъ слѣдующее опредѣленіе народнаго хозяйства. Отдѣльныя хозяйства—говоритъ онъ—соединенныя общимъ развитіемъ и связанныя обмѣномъ могутъ быть разсматриваемы, какъ общая дѣятельность для достиженія общей цѣли (Gesammtthätigkeit zur Erreichung eines Gesammtzwecks); если при этомъ принимается въ расчетъ сопринадлежность къ одной націи, мы имѣемъ понятіе народнаго хозяйства; наука о немъ есть научное изображеніе силъ, лежащихъ въ основѣ хозяйства народовъ, направленій, въ которыхъ эти силы проявляются, законовъ ихъ дѣйствованія и обстоятельствъ, обусловливающихъ исходъ ихъ дѣйствій (op. cit., 8—9). Однако гораздо чаще, вмѣсто неопредѣленнаго понятія націи, подъ народомъ разумѣется народъ въ смыслѣ государственномъ. Такъ уже Rau [2]), въ своей полемикѣ противъ космополитизма политической экономіи Смита, хотя и употребляетъ термины страна, народъ, государство, но подъ народнымъ хозяйствомъ очевидно понимаетъ хозяйственныя отношенія народа въ смыслѣ государственномъ. Въ новой литературѣ такое пониманіе является обыкновеннымъ.

---

[1]) *Mangoldt*, Grundriss der Volkswirthschaftslehre, 1871.

[2]) Rau, въ Archiv'ѣ, 1843, цитировано у Hildebrand'a Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, русскій переводъ, 1860, стр. 18.

Въ этомъ смыслѣ выражается Schönberg [1]); по его мнѣнію, народное хозяйство есть совокупность хозяйственной дѣятельности политически самостоятельнаго народа, образующаго самостоятельное государство, все равно изъ одной или нѣсколькихъ національностей [2]).

Wagner, согласно съ новѣйшей исторіей нѣмецкихъ государствъ, замѣняетъ понятіе политически самостоятельнаго государства болѣе широкимъ понятіемъ всякаго политическаго общенія, до Zollverein'а включительно; неопредѣленность этого объединяющаго начала онъ восполняетъ присоединеніемъ другихъ объединяющихъ элементовъ: общаго гражданскаго и административнаго права, связи на почвѣ раздѣленія труда. Народное хозяйство, по его опредѣленію, это совокупность отдѣльныхъ хозяйствъ народа, организованнаго въ государство, также и въ союзное государство, или объединеннаго государственными хозяйственными мѣропріятіями въ одну хозяйственную область, какъ Zollverein; хозяйства эти соединены раздѣленіемъ занятій и взаимными отношеніями на почвѣ опредѣленнаго хозяйственнаго правового (частнаго и административнаго) порядка [3]) [4]).

Совершенно сходно съ Wagner'омъ опредѣляетъ «соціальное» хозяйство Supino: это индивидуальныя хозяйства народа,

---

[1]) *Schönberg*, въ его же Handbuch d. Pol. Oek. 4 Aufl., 1 B., статья Die Volkswirtschaft.

[2]) Менѣе опредѣленно выражается *Scheel*, тамъ же, die Pol. Oek. etc., говоря не только о государствѣ, но и подчиненныхъ ему союзахъ - общинахъ.

[3]) op. cit., Grundlegung, 353, § 149.

[4]) Въ менѣе точной и раздѣльной формѣ мы встрѣчаемъ туже мысль въ опредѣленіи народнаго хозяйства у многихъ другихъ авторовъ, напр., Hermann видитъ задачу науки о народномъ хозяйствѣ въ собственномъ смыслѣ въ изложеніи законовъ и правилъ, по которымъ осуществляется хозяйство «in einem durch das Recht (слѣдовательно вообще) geordnetem Gemeinwesen» (op. cit., 68); *Philippovich*, Grundriss der Politischen Oekonomie, 1 B., 1893, стр. 15, опредѣляетъ народное хозяйство, какъ объединенную въ пространствѣ и времени хозяйственную жизнь членовъ народа; эта же жизнь есть «als selbständige Einheit, d. h. in dem erwähnten Sinne als Organismus der durch *Verkehr miteinander verknüpften Wirthschaftseinheiten des Volkes*».

политически организованнаго, которыя, будучи независимы по своей цѣли, связаны отношеніями обмѣна на почвѣ опредѣленнаго правоваго порядка (op. cit., 66).

Еще большаго количества связующихъ началъ требуетъ отъ народнаго хозяйства Schmoller [1]). Народное хозяйство, согласно его опредѣленію, это совокупность рядомъ и одно надъ другимъ стоящихъ хозяйствъ страны, народа, государства, неразрывно связанныхъ раздѣленіемъ занятій, отношеніями обмѣна и торговли, объединенныхъ общей хозяйственной политикой и учрежденіями общины, провинціи, государства; эти объединенныя хозяйства составляютъ въ своей совокупности одно единое цѣлое. Всѣ эти связи однако еще недостаточны, по мнѣнію Schmoller'а, для того, чтобы образовать народное хозяйство; оно есть продуктъ историческаго развитія государствъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій и появилось лишь тамъ, гдѣ прежнія обширныя государства, т. е. политически-военные союзы съ многочисленными племенами и областями, замѣнились государствами, въ которыхъ люди одной и той же расы, говорящіе однимъ и тѣмъ же языкомъ, связаны общими чувствами и идеями, обычаями и правовыми нормами, общей системой гражданскаго оборота, живыми отношеніями обмѣна и общими хозяйственными учрежденіями. Сходно съ этимъ изображаетъ народное хозяйство и проф. Чупровъ [2]). «Народное хозяйство—говоритъ онъ—представляетъ собою нѣчто бо̀льшее, нежели простую сумму единичныхъ хозяйствъ, въ силу тѣхъ разнообразныхъ связей и отношеній, которыя существуютъ въ современномъ обществѣ между отдѣльными хозяйствами. Въ началѣ исторія страны представляетъ не болѣе, какъ механическій аггрегатъ единичныхъ хозяйствъ». Первая связь устанавливается раздѣленіемъ занятій; рядомъ съ нею существуетъ множество другихъ связей: единство языка и происхожденія, нравовъ и обычаевъ, вѣры и церкви, воспоминанія пережитой исторіи, общность государственнаго устройства и управленія, возникающая отсюда общность чувствъ и воззрѣній,

---

[1]) *Schmoller*, Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 1 Th., 1900, стр. 4—5.

[2]) Чупровъ, op. cit., Пол. экон., лекціи, 1899/1900, стр. 18—24.

общность дѣйствій, наконецъ, присоединившаяся ко всѣмъ этимъ причинамъ общность государственной экономической политики.

Приведенныя опредѣленія говорятъ о народномъ хозяйствѣ, какъ объединенной совокупности отдѣльныхъ хозяйствъ въ предѣлахъ страны, народа, государства, понимая при этомъ всякую страну, всякій народъ, всякое государство, а не какія-либо опредѣленныя конкретно страны, народы и государства; поэтому всякій разъ, когда мы имѣемъ передъ собой какую бы то ни было страну, народъ, государство; сумму отдѣльныхъ хозяйствъ; связь посредствомъ дѣленія занятій и обмѣна и т. д., т. е. всѣ признаки, необходимые для образованія народнаго хозяйства,— передъ нами единица, сходная съ каждой иной такой же единицей, обладающей тѣми же признаками; всѣ онѣ составляютъ объектъ одного и того же изученія, поскольку обладаютъ одинаковыми свойствами и подчинены одинаковымъ законамъ. Гораздо дальше въ спецификаціи объекта экономической науки идетъ Knies[1]). Политическая экономія, по его представленію, также имѣетъ дѣло съ явленіями хозяйственной области жизни человѣческаго общества, въ томъ видѣ, какъ они возникаютъ на почвѣ общественныхъ и политическихъ союзовъ внутри извѣстнаго правового порядка въ предѣлахъ государственной организаціи (4); хозяйственная область жизни это та часть жизни и стремленій человѣка, въ которой вещественные предметы (хозяйственныя блага) разсматриваются, какъ объекты желаній и дѣятельности человѣка, какъ средства къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей (2); но, въ отличіе отъ другихъ экономистовъ, Knies подъ словомъ «народъ» понимаетъ не абстрактную единицу съ извѣстными признаками, не народъ, безъ опредѣленія какой именно, а народъ конкретный, тотъ или другой «историческій народъ, народъ, взятый изъ дѣйствительности, изъ наблюденія дѣйствительной жизни... своеобразно опредѣленное національностью и историческими судьбами и политически организованное цѣлое» (157), съ его особеннымъ территоріальнымъ владѣніемъ и его особымъ правовымъ порядкомъ, въ его особомъ историческомъ развитіи (включая и настоящее),

---

[1]) *Knies*, Die Politische Oekonomie vom Geschichtlichen Standpuncte, 1883, кромѣ цит. мѣстъ passim.

съ особымъ взаимодѣйствіемъ хозяйственныхъ и другихъ культурныхъ сторонъ (490—491).

Общая характеристика мнѣній авторовъ приведенной группы состоитъ въ томъ, что въ опредѣленіи соціальной природы экономическихъ явленій они исходятъ изъ понятія индивидуальной хозяйственной единицы—хозяйства, хозяйственной дѣятельности; эти индивидуальныя хозяйственныя единицы превращаются въ соціальное цѣлое только благодаря тѣмъ или другимъ связующимъ элементамъ, какъ національность, право, государственное устройство, наконецъ, экономическая организація. Въ отличіе отъ этого взгляда, другая группа экономистовъ видитъ соціальный характеръ экономическихъ явленій въ томъ, что они сами по себѣ представляютъ тотъ связующій элементъ, который объединяетъ индивидовъ, и потому экономическія явленія не становятся соціальными, а съ самаго начала и сами по себѣ суть явленія соціальныя; они иначе и не мыслимы, какъ на почвѣ соціальной, ибо самой наличностью своей они уже создаютъ таковую. Подобно тому, какъ терминъ народное хозяйство характеризуетъ представленіе о системѣ объединенныхъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, такъ для обозначенія системы экономическихъ отношеній существуетъ свой обыкновенно употребляемый терминъ — соціальное или общественное хозяйство. При ближайшемъ опредѣленіи сущности общественно-экономическихъ отношеній мы и здѣсь встрѣчаемъ разногласіе отчасти во взглядахъ, отчасти въ ихъ формулировкѣ.

Слишкомъ широко понимаетъ общественность экономическихъ явленій пр. Антоновичъ[1]). Онъ различаетъ въ сферѣ дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей, три элемента: физическій, этическій и общественный; первый есть то, что представляетъ собою техническую сторону дѣятельности людей; второй состоитъ въ нравственно юридическомъ порядкѣ, вліяющемъ на энергію и направленіе дѣятельности; общественный же элементъ состоитъ изъ естественныхъ законовъ и фактовъ *борьбы и союзности въ отношеніяхъ между людьми.* Одиночество и хозяйство—говоритъ авторъ, цитируя выраженіе

---

[1]) *Антоновичъ*, Курсъ политической экономіи, лекціи, 1886, стр. 1—5.

Вредена—несовмѣстимы. Этотъ общественный элементъ въ дѣятельности людей, направленной на удовлетвореніе какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ потребностей и составляетъ предметъ науки, называемой политической экономіей. Общественность есть тотъ общій знаменатель, къ которому политическая экономія подводитъ изученіе, какъ духовной, такъ и матеріальной дѣятельности, и состоитъ она въ совокупности разнообразныхъ сношеній между людьми, изученіе естественныхъ законовъ которыхъ и составляетъ предметъ этой науки.

Очевидно, однако, что понятіе общественности въ дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ потребностей, слишкомъ широко для того, чтобы характеризовать специфическую область тѣхъ отношеній, которыя мы называемъ экономическими. Поэтому понятно, что экономисты обыкновенно стараются дать спеціальную характеристику тѣхъ соціальныхъ отношеній, которыя составляютъ область экономическихъ явленій. Такая характеристика можетъ быть усматриваема, во-первыхъ, въ тѣхъ фактахъ и явленіяхъ, на почвѣ которыхъ возникаютъ общественно-экономическія отношенія. По мнѣнію Ely экономическія отношенія это тѣ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ дѣятельности человѣка, направленной на пріобрѣтеніе богатства и пользованіе имъ (op. cit., 83), иначе говоря, вся т. н. хозяйственная дѣятельность служитъ источникомъ, изъ котораго возникаютъ экономическія отношенія. Другіе авторы довольствуются какимъ-нибудь однимъ моментомъ этой дѣятельности. Левитскій[1]) считаетъ источникомъ экономическихъ отношеній фактъ общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда, сферой котораго и опредѣляется т. н. общественное хозяйство; теоремы политической экономіи имѣютъ задачей опредѣлить отношенія внутри общественнаго хозяйства между различными категоріями входящихъ въ составъ его лицъ и между цѣлыми хозяйственными классами. Cauwès предпочитаетъ говорить, вмѣсто раздѣленія труда, о кооперації услугъ и ихъ взаимномъ обмѣнѣ; кооперація и обмѣнъ и служитъ источникомъ тѣхъ от-

[1]) *Левитскій*, Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, 1890, стр. 64—67.

ношеній между индивидами и народами, которыя составляютъ предметъ политической экономіи (op. cit., 1, 3, 71—79).

Рядъ писателей считаютъ источникомъ экономическихъ отношеній техническія условія производства. Техническая сторона производства—говоритъ Богдановъ[1])—это отношенія производительнаго работника къ природѣ; общественная сторона производства—это тѣ отношенія, въ которыя человѣкъ при процессѣ производства становится къ другимъ людямъ. Съ общественной стороной производства тѣсно связанъ процессъ распредѣленія; онъ также складывается изъ различныхъ отношеній между людьми; такимъ образомъ область экономической науки—это общественныя отношенія производства и распредѣленія. Нѣсколько иначе формулировано тоже положеніе у проф. Скворцова[2]). И у него въ основѣ всего лежитъ техника; хозяйственная дѣятельность отдѣльнаго лица—говоритъ пр. Скворцовъ—состоитъ въ приложеніи техники съ цѣлью полученія продуктовъ (3); но на почвѣ техники возникаетъ общественное хозяйство только на опредѣленной ступени ея развитія, а именно тогда, когда человѣкъ производитъ продукты (теперь уже товары) не для себя, а для рынка; на этой стадіи всѣ члены общества связаны тѣмъ, что всѣ и каждый работаютъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ и каждаго, т. е. общества, и въ этомъ смыслѣ хозяйство дѣлается общественнымъ; явленія, которыя возникаютъ на почвѣ отношеній общественнаго хозяйства составляютъ объектъ экономической науки (18—19). Нельзя не замѣтить, что это опредѣленіе отличается отъ типичныхъ опредѣленій того же направленія однимъ лишнимъ и, по-видимому, не нужнымъ этажемъ. Вмѣсто того, чтобы на почвѣ техники строить общественно-экономическія отношенія, которыя и составляютъ предметъ экономической науки, проф. Скворцовъ на этихъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ воздвигаетъ еще рядъ явленій и отношеній и только эти послѣднія считаетъ уже объектомъ политической экономіи (стр. 26).

Всѣ приведенныя опредѣленія соціальной природы экономическихъ явленій принимаютъ за исходную точку то основаніе,

---

[1]) *Богдановъ*, Краткій курсъ экономической науки, 1898, стр. 2—3.

[2]) *Скворцовъ*, Основанія политической экономіи, 1898.

изъ котораго соціально-экономическія отношенія возникаютъ, почву, на которой они развиваются. Слѣдующій способъ опредѣленія исходитъ изъ характеристики самыхъ отношеній. Соціальными признаются тѣ экономическія отношенія, которыя помимо признака экономичности, обладаютъ, сверхъ того, признакомъ нѣкотораго постоянства, прочности, типичности и т. п. Въ этомъ смыслѣ выражается Marshall, указывая на то, что политическая экономія можетъ изучать только тѣ отношенія между людьми, которыя вытекаютъ изъ ихъ обыкновеннаго нормальнаго или средняго поведенія и которыя поэтому являются типичными. О типичности общественныхъ отношеній говоритъ проф. Скворцовъ. Понятіе типичности съ особой точки зрѣнія развивается и Grabski'мъ [1]).

Наряду съ представленіемъ соціальной природы экономическихъ явленій въ формѣ народнаго хозяйства — совокупности объединенныхъ хозяйственныхъ единицъ, и общественнаго хозяйства—совокупности отношеній между индивидами—слѣдуетъ поставить третій, весьма оригинальный способъ изображать соціально-экономическія явленія, какъ функцію такъ называемаго соціальнаго организма. Въ области экономической наиболѣе типичнымъ представителемъ ученія о соціальномъ организмѣ является Schäffle [2]). По мнѣнію этого автора, общество представляетъ собою организмъ, вполнѣ сходный со всякимъ біологическимъ организмомъ. Онъ имѣетъ свою тѣлесную и духовную жизнь, свои мускулы, нервы, ткани, кости. Дѣятельность этого соціальнаго тѣла, какъ дѣятельность всякаго тѣла вообще, предполагаетъ матеріальные запасы рабочей силы; эти запасы существуютъ въ видѣ населенія и имущества (192); активная работа соціальнаго организма потребляетъ часть этихъ запасовъ и слѣдовательно требуетъ обновленія какъ населенія, такъ и имущества; это обновленіе происходитъ такимъ образомъ, что естественныя силы и матеріи приспособляются общественнымъ

---

[1]) *Grabski*, Zur Erkenntnisslehre d. Volkswirtschaftlichen Erscheinungen, 1900. Въ «Народномъ хозяйствѣ» 1900, кн. 3 помѣщены въ русскомъ переводѣ извлеченія изъ этого сочиненія, о теоріи Gr. см. ниже.

[2]) *Schäffle*, Bau und Leben des socialen Körpers, 1 Auflage (1 u. 2 Ausgabe), 3 B.. стр. 244 — 247; 2 Aufl., 2 B., страницы цитированы въ текстѣ.

организмомъ для своихъ жизненныхъ цѣлей (192); короче говоря, происходитъ не что иное, какъ обмѣнъ веществъ въ соціальномъ организмѣ — Stoffwechsel des Gesellschaftskörpers an der Bevölkerung und an dem Vermögen; процессы этого обмѣна веществъ регулируются согласно экономическому принципу, въ направленіи максимума пользы и минимума затратъ; этотъ указаннымъ образомъ регулированный обмѣнъ веществъ въ соціальномъ тѣлѣ составляетъ народное хозяйство и является объектомъ экономической науки. Въ переводѣ на обыденные термины это опредѣленіе народнаго хозяйства обозначаетъ просто совокупность всѣхъ самостоятельныхъ соціальныхъ единицъ (отдѣльныхъ хозяйствъ) находящихся между собой въ отношеніи многообразнаго сотрудничества и борьбы при матеріальномъ удовлетвореніи потребностей (197)[1]).

Идея соціальнаго организма нашла себѣ много сторонниковъ въ экономической литературѣ, причемъ она прилагается здѣсь въ трехъ различныхъ оттѣнкахъ; одни, подобно Schäffle, считаютъ народное хозяйство лишь функціей соціальнаго организма или, какъ дѣлаетъ это Schmoller, одной стороной соціальнаго организма[2]); другіе считаютъ народное хозяйство, само по себѣ, цѣлымъ организмомъ, напримѣръ Schönberg (о. с. 29), Philippovich (о. с. 15), Schröder (о. с., 18) и мн. др.; наконецъ, третьи пользуются понятіемъ организма съ нѣкоторою осторожностью, либо придавая сравненію народнаго хозяйства съ организмомъ значеніе наглядности, но не объясненія (напр. Schmoller, l. c.); либо не дѣлая изъ аналогіи между народнымъ хозяйствомъ и организмомъ эвристическаго начала для изученія природы народнаго хозяйства (напр. проф. Чупровъ).

---

[1]) «Die Volkswirtschaft bedeutet dem Vorigen zufolge den in der Richtung geringster Kosten und grössten Nutzens, d. h. wirthschaftlich geregelten Gesammtstoffwechsel des Gesellschaftskörpers, seiner Personals wie Materials, — beziehungsweise den Inbegriff der im Verhältniss vielfachsten Zusammenwirkens und Streitens stehenden Sonderstoffwechsel oder materiellen Bedürfnissbefriedigungen (Sonderwirthschaften) aller irgendwie selbstständigen socialen Einheiten».

[2]) См. Handwörterbuch d. Staatswiss., 2 Aufl., VII т., стр. 545—546; русскій пер. (по первому изданію): «Наука о нар. хозяйствѣ и проч., 1897, стр. 8—9.

Особаго вниманія заслуживаетъ по своей оригинальности попытка объяснить сущность общественной природы экономическихъ явленій, принадлежащая Stammler'у [1]). Для рѣшенія вопроса о томъ, что дѣлаетъ экономическія явленія соціальными, Stammler ставитъ общій вопросъ, въ чемъ вообще состоитъ признакъ соціальной жизни, дѣлающій изъ нея объектъ особаго научнаго къ ней отношенія (83). Такой признакъ онъ видитъ единственно и исключительно въ моментѣ исходящаго отъ людей внѣшняго регулированія ихъ отношеній (89); соціальными становятся сожительство и совмѣстная дѣятельность людей только съ того момента, какъ поведеніе ихъ регулируется внѣшними нормами; поэтому соціальнымъ можетъ быть названо только такое явленіе совмѣстной человѣческой жизни, въ которомъ проявляется или осуществляется внѣшнее регулированіе (напр., 103); причемъ, внѣшнимъ регулированіемъ называется такое, для существа котораго безразличны побужденія отдѣльныхъ лицъ, заставляющія ихъ слѣдовать нормѣ (105). Соціальная жизнь можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: во 1-хъ, съ точки зрѣнія внѣшняго регулированія и, во 2-хъ, съ точки зрѣнія урегулированнаго объекта; первая точка зрѣнія даетъ намъ познаніе формы соціальной жизни, вторая— ея содержанія, матеріи. Форма соціальной жизни состоитъ изъ нормъ двоякаго рода: нормъ правовыхъ, безусловно обязательныхъ для подчиненныхъ имъ лицъ, и нормъ условныхъ, обязательность которыхъ основана на признаніи ея лицами, подчиняющимися этимъ нормамъ (120—121); въ нашемъ строѣ преобладающее значеніе имѣютъ правовыя нормы. Форма соціальной жизни можетъ быть отвлечена отъ ея содержанія и изучаема особо (въ правовѣдѣніи). Матерія соціальной жизни— урегулированная содѣятельность людей, направленная на удовлетвореніе ихъ соціальныхъ (140 — 141) потребностей (137); если въ приведенномъ опредѣленіи мы отбросимъ признакъ урегулированія, обозначенное въ опредѣленіи явленіе теряетъ характеръ соціальнаго, остаются лишь техническіе пріемы удовлетворенія потребностей и ихъ психо-физіологическая природа, остается объектъ изученія техническихъ и

[1]) *Stammler*, Wirtschaft und Recht, 1896.

естественныхъ наукъ; только когда мы пріймемъ во вниманіе тотъ особый способъ содѣятельности, который вытекаетъ изъ опредѣленнаго регулированія ея, мы имѣемъ дѣло съ особымъ объектомъ—матеріей соціальной жизни, или соціальнымъ хозяйствомъ (139, 152); если такимъ образомъ соціальное хозяйство не можетъ быть абстрагировано отъ его регулированія, ибо оно перестаетъ быть соціальнымъ явленіемъ, то соціально-экономическое явленіе есть не что иное, какъ наполненная содержаніемъ, осуществленная на дѣлѣ дѣйствіемъ человѣка внѣшняя норма, въ нашемъ строѣ—норма правовая; иначе говоря, не что иное, какъ конкретное осуществленіе правовой нормы, а все соціальное хозяйство есть конкретное осуществленіе отдѣльныхъ правовыхъ нормъ (§ 34, стр. 188—196, 204, 219); правовыя нормы осуществляются посредствомъ вступленія лицъ въ правовыя отношенія другъ къ другу, поэтому можно сказать, что соціально-экономическое явленіе есть основаніе и осуществленіе правовыхъ отношеній (262). Къ всему сказанному нужно, наконецъ, прибавить, что не всякое конкретное осуществленіе юридической нормы будетъ экономическимъ явленіемъ, а только такое, которое происходитъ необходимо, о необходимости же мы судимъ по однообразной, правильной повторяемости такого осуществленія, по массовому осуществленію нормы, причемъ, разумѣется, массовое повтореніе не измѣряется какимъ-либо опредѣленнымъ числомъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему заключительному опредѣленію экономическаго явленія: экономическимъ явленіемъ называется однообразное массовое повтореніе правовыхъ отношеній (264—265) [1]).

Переходя къ критикѣ приведенныхъ опредѣленій, мы должны прежде всего остановиться на понятіи народнаго хозяйства. Хотя оно чрезвычайно часто примѣняется для опредѣленія политической экономіи, но я думаю, что нѣтъ понятія, менѣе пригоднаго для этой цѣли. Какъ мы видѣли, можно понимать народный, народъ въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, въ смыслѣ національности, во-вторыхъ, въ смыслѣ политической

[1]) «Ein ökonomisches Phänomen heisst daher eine gleichheitliche Massenerscheinung von Rechtsverhältnissen» (264).

единицы. Непригодность понятія народное хозяйство въ смыслѣ хозяйства извѣстной народности обусловливается двумя обстоятельствами: неопредѣленностью термина и несоотвѣтствіемъ его тому, что дѣйствительно изучается въ политической экономіи. Въ самомъ дѣлѣ, что обозначается понятіемъ національности? Когда мы видимъ француза и нѣмца, національное ихъ отличіе представляется намъ нерѣдко вполнѣ наглядно; точно также мы ясно ощущаемъ въ себѣ національное чувство; но когда мы станемъ искать точнаго опредѣленія національности, то натолкнемся на значительныя затрудненія. Съ перваго взгляда кажется, что вопросъ разрѣшается очень просто фактомъ происхожденія; но когда говорятъ, что группа людей составляетъ національность X., потому что она происходитъ отъ группы людей тоже X—вой національности, то очевидно нисколько не рѣшаютъ вопроса, а только отодвигаютъ его назадъ по времени; вмѣсто того, чтобы рѣшить вопросъ, въ чемъ заключаются признаки національности X современной группы людей, указываютъ на то, что эти признаки унаслѣдованы отъ предшествующей группы людей, и слѣдовательно, необходимо теперь поставить вопросъ, какими признаками опредѣлялась національность X въ этой предшествующей группѣ людей и т. д. Иначе говоря, только утверждаютъ, что кромѣ національной связи между одновременно живущими, т. е. въ пространствѣ, есть такая же связь между послѣдующими другъ за другомъ поколѣніями, т. е. во времени. Антропологическихъ признаковъ національности, по видимому, нѣтъ, а если бы и были, то они не представляли бы еще объясненія національности, какъ явленія соціальнаго, ибо тотъ фактъ, что индивиды съ извѣстнымъ цвѣтомъ волосъ и опредѣленной формой носа представляютъ сходную между собою въ соціальномъ отношеніи и отличную отъ другихъ группу былъ бы интересенъ, какъ курьезъ, но не представлялъ бы собою объясненія причины соціальной связи и обособленія Языкъ болѣе всего характеризуетъ націю, но и онъ съ ней не совпадаетъ; ирландцы говорятъ по англійски, не утрачивая характера враждебной англичанамъ націи; американцы и англичане говорятъ однимъ языкомъ, не будучи одной націи, евреи принимаютъ языкъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ, не переставая сохранять все, что наиболѣе характеризуетъ ихъ національность. Вѣра вовсе не совпадаетъ

съ національностью; государство есть могучій факторъ, поддерживающій національную самостоятельность, или могущій содѣйствовать поглощенію одной національности другою, или образованію, быть можетъ, новой національности изъ слитія нѣсколькихъ (С. А. Соед. Штаты, Швейцарія), но тѣмъ не менѣе границы національности не совпадаютъ съ предѣлами государства, какъ это доказываютъ государства, состоящія изъ нѣсколькихъ національностей, и національности, входящія въ составъ нѣсколькихъ государствъ. Общее историческое прошлое также не характеризуетъ націи, такъ какъ есть націи, сохраняющія свое національное единство, не смотря на различную историческую судьбу. Если нѣтъ ни одного признака, который въ отдѣльности характеризовалъ бы непзмѣнно націю, то не можетъ быть и ихъ комбинаціи, которая опредѣляла бы ее. Невозможность точного опредѣленія національности есть прямой результатъ того, что самое явленіе національности въ различныхъ случаяхъ образуется различными факторами: «національность есть измѣняющееся понятіе, образуемое въ различной пропорціи языкомъ, обычаемъ, государствомъ, т. е. такъ, что въ одномъ случаѣ оно, по-преимуществу, опредѣляется однимъ элементомъ, въ другомъ — другимъ; къ этимъ элементамъ можетъ присоединиться еще и общность другихъ соціальныхъ отношеній..... Происхожденіе имѣетъ въ сущности лишь то значеніе, что оно обусловливаетъ общность языка, обычая и другихъ общественныхъ установленій, общности, которая однако продолжаетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не уничтожается противодѣйствующими ей вліяніями» [1]).

Теоретическая невозможность точнаго опредѣленія національности подтверждается и проявляется на практикѣ при статистическихъ переписяхъ населенія; статистика отказывается давать какое бы то ни было объективное опредѣленіе понятія національности, вслѣдствіе чего многія государства, за невозможностью получить объективно достовѣрныя данныя, вовсе не собираютъ свѣдѣній о національности, а тѣ, которыя собираютъ такія свѣдѣнія, предоставляютъ каждому рѣшить вопросъ о при-

---

[1]) *Rüdiger*, Ueber Nationalität, Zeitschr. für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 3 B., 1865; стр. 111.

надлежности къ той или другой національности по своему внутреннему чувству и убѣжденію. Такимъ образомъ національность представляетъ собою не что иное, какъ чувство съ сложнымъ и не всегда однообразнымъ интеллектуальнымъ комплексомъ. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе національности само могло бы быть предметомъ теоретическаго изученія, но, при своей сложности и неопредѣленности, оно не въ состояніи что-либо уяснить въ понятіи экономическаго явленія. Поэтому, если бы даже существовала очевидная надобность ввести въ опредѣленіе экономическаго явленія моментъ національнаго чувства, то для этой цѣли самое понятіе національности пришлось бы подвергнуть тщательному предварительному изученію.

Однако такой надобности вовсе и не существуетъ. Экономическія явленія въ своихъ общихъ категоріяхъ, каковы рента, прибыль на капиталъ, цѣна и т. д., не имѣютъ ничего общаго съ національностью. Законы этихъ явленій выводятся не изъ національныхъ особенностей француза, нѣмца, итальянца, грека. Если же эти общіе законы различно проявляются въ исторической жизни отдѣльныхъ народовъ, то изученіе конкретной формы хозяйствъ того или другого времени и народа составляетъ задачу экономической исторіи, но не теоріи экономическихъ явленій.

Обратимся теперь къ понятію народнаго хозяйства въ смыслѣ хозяйства народа, какъ политической единицы, т. е. образующаго государство. Такое пониманіе народнаго хозяйства, сравнительно съ предъидущимъ, имѣетъ безспорное преимущество если не полной, то во всякомъ случаѣ бо́льшей опредѣленности. Въ этомъ смыслѣ народное хозяйство есть совокупность единичныхъ или отдѣльныхъ хозяйствъ въ предѣлахъ государства; понятіе государство, хотя и не безспорное, во всякомъ случаѣ съ достаточной точностью характеризуется своими тремя элементами: народомъ, подчиненнымъ одной верховной власти; верховной властью и территоріей, на которую она распространяется. Признаки народа, подчиненнаго одной верховной власти и государственной территоріи опредѣляютъ ту совокупность хозяйствъ, которая составляетъ народное хозяйство. Явленія народнаго хозяйства въ этомъ смыслѣ могутъ состоять: или изъ явленій хозяйства всего народа, какъ юридической единицы, т. е. хозяйства государственнаго; или изъ отношеній

этого хозяйства къ субъектамъ внѣ его стоящимъ, т. е. другимъ такимъ же государствамъ или частнымъ лицамъ; или изъ отношеній внутри государства между лицами его составляющими; или наконецъ изъ отношеній между членами одного государства и таковыми же другихъ государствъ. Изъ этихъ четырехъ категорій первыя двѣ—хозяйство государственное само по себѣ и въ его отношеніяхъ къ внѣ его стоящимъ субъектамъ—составляютъ предметъ изученія финансовой науки; явленія этого рода, хотя и заключаютъ въ себѣ экономическую сущность, но съ примѣсью еще какихъ-то другихъ постороннихъ элементовъ, вслѣдствіе чего не воплощаютъ въ себѣ явленія экономическаго къ чистомъ видѣ и не составляютъ объекта политической экономіи въ собственномъ смыслѣ. Чисто экономическія явленія могутъ проявляться только въ отношеніяхъ двухъ послѣднихъ категорій. Экономическія отношенія между членами государства это отношенія производства, распредѣленія, потребленія; это отношенія заработной платы, прибыли на капиталъ, ренты, обмѣна, цѣны, кредита и т. д. Но всякое такое отношеніе можетъ охватывать какъ членовъ одного государства, такъ и индивидовъ, принадлежащихъ къ разнымъ государствамъ; явленія обмѣна, цѣны, прибыли на капиталъ и т. д. не совпадаютъ ни съ границами одной государственной территоріи, ни съ кругомъ лицъ, подчиненныхъ одной верховной власти; включеніе такихъ явленій въ предѣлы государства есть не что иное, какъ разсѣченіе ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они объединяютъ индивидовъ разныхъ государствъ, есть слѣдовательно ихъ разрывъ, порча. Если же эти явленія не укладываются въ рамки государства и выходятъ за предѣлы государственной территоріи и народа, то ясно, что они не характеризуются признакомъ государства, хотя и происходятъ въ государствахъ. Правда, утверждаютъ иногда, что рабочая плата, рента и т. п. явленія въ предѣлахъ даннаго государства отличаются отъ такихъ же явленій каждаго другого государства; безспорно, что одни и тѣже экономическія явленія имѣютъ видовыя особенности въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, но эти видовыя особенности также не совпадаютъ съ областью государства, ибо не только рабочая плата, рента и т. д. одного государства можетъ отличаться отъ проявленія тѣхъ же отношеній въ другомъ государствѣ, но и внутри одного и того же государства, въ раз-

ныхъ его мѣстахъ, эти явленія могутъ больше отличаться другъ отъ друга, чѣмъ въ разныхъ государствахъ. Сущность экономическаго явленія состоитъ не въ особенностяхъ его проявленія въ предѣлахъ искусственныхъ границъ той или другой территоріи, а въ тѣхъ основныхъ свойствахъ, которыя одинаково присущи всѣмъ видовымъ формамъ этого явленія.

Но если экономическія отношенія выходятъ за предѣлы одного государства и связываютъ индивидовъ различныхъ государствъ, то не подходятъ-ли они подъ четвертую категорію отношеній, т. е. не представляютъ ли они отношеній между членами одного государства и таковыми же другихъ государствъ? Изъ того, что экономическія отношенія связываютъ индивидовъ различныхъ государствъ не слѣдуетъ еще, что они связываютъ ихъ именно какъ членовъ, представителей государствъ; они связываютъ ихъ просто независимо отъ государствъ. Когда русскій экспортеръ продаетъ зерно англійскому коммиссіонеру, то существующее между ними отношеніе обмѣна связываетъ ихъ не какъ подданныхъ Россіи и Великобританіи, а какъ двухъ хозяйственныхъ субъектовъ, независимо отъ принадлежности къ тому или другому государству. Отрицать это возможно было бы только при томъ предположеніи, что все, что дѣлаетъ индивидъ, являющійся членомъ какого-либо государства, онъ дѣлаетъ, какъ членъ государства, что очевидный абсурдъ, ибо гражданинъ государства можетъ испытывать жажду, продолжая оставаться гражданиномъ, но испытывая ее не въ качествѣ гражданина, а въ качествѣ естественнаго существа. Точно также два члена разныхъ государствъ могутъ быть соединены узами какихъ-либо отношеній, не въ качествѣ членовъ своихъ государствъ, а независимо отъ этого; напримѣръ, французъ можетъ быть другомъ итальянца; хотя каждый изъ нихъ остается гражданиномъ своего государства, но отношенія дружбы ничего общаго съ ихъ принадлежностью къ государству не имѣютъ. Экономическія отношенія суть такія же отношенія sui generis, какъ отношенія дружбы; они сами по себѣ связываютъ индивидовъ, какъ субъектовъ этихъ именно отношеній, а не какъ субъектовъ какихъ-либо другихъ отношеній; индивиды могутъ оставаться и остаются въ то же время субъектами множества другихъ отношеній, но экономическія отношенія связы-

ваютъ ихъ своими особыми узами, независимо отъ того, связаны ли они и какъ другими отношеніями.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что экономическія отношенія не суть ни отношенія между членами одного государства, ни между членами разныхъ государствъ, иными словами, что они не имѣютъ никакого отношенія къ понятію государства. Это становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что государство есть понятіе юридическое и, слѣдовательно, не можетъ характеризовать собою экономическаго явленія, какъ явленія sui generis, отличнаго отъ юридическаго. Эти двѣ категоріи явленій могутъ находиться въ отношеніи другъ другу и взаимодѣйствіи, какъ два самостоятельныхъ элемента; экономическія явленія могутъ совпадать или не совпадать съ государствомъ, какъ особымъ видомъ отношеній правовыхъ, точно также какъ государство можетъ совпадать или не совпадать съ отношеніями обмѣна, какъ частнымъ видомъ отношеній экономическихъ. Правда, государство, какъ самъ по себѣ могущественный факторъ совмѣстной жизни, обладающій притомъ возможностью принудительно регулировать поведеніе своихъ членовъ, можетъ стремиться и нерѣдко стремится ограничить своими предѣлами экономическія отношенія гражданъ, напримѣръ, запрещаетъ вступать въ отношеніе обмѣна съ гражданами другихъ государствъ относительно нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, предметовъ; но при современныхъ условіяхъ полная изоляція совершенно невозможна. Если бы мы однако допустили, что государству удалось ограничить экономическія отношенія между индивидами предѣлами только своего народа, то и въ такомъ случаѣ еще не слѣдуетъ, чтобы экономическія отношенія между индивидами даннаго государства отличались отъ таковыхъ же отношеній между индивидами другихъ государствъ въ силу одной такой изоляціи, ибо государство отрѣзало бы только территоріально часть экономическихъ отношеній, но однимъ фактомъ отсѣченія не измѣнило бы ихъ природы; изучая природу этихъ отношеній въ предѣлахъ государства, мы изучали бы не нѣчто специфически присущее государству, а нѣкоторое общее явленіе, искусственно разсѣченное на части границами государственныхъ территорій. Можно пойти дальше и предположить, что государство не останавливается на механи-

ческомъ ограниченіи экономическихъ отношеній предѣлами государства, но оказываетъ на нихъ дальнѣйшее воздѣйствіе, пользуясь правомъ и возможностью регулировать поведеніе своихъ членовъ. Это регулированіе можетъ проявляться прежде всего въ томъ, что государство одни экономическія дѣйствія и отношенія признаетъ, другія запрещаетъ; признаваемымъ оно, сверхъ того, можетъ предписывать извѣстную форму. Въ этомъ случаѣ допускаемыя явленія происходятъ сообразно съ своей природой и ихъ собственными законами; запрещаемыя въ лучшемъ случаѣ вовсе не возникаютъ, въ худшемъ—оставаясь сами собою, лишь принимаютъ несоотвѣтствующую имъ юридическую форму явленій дозволяемыхъ. Далѣе государство можетъ поощрять одни дѣйствія и отношенія, ставить затрудненія другимъ; и въ этомъ случаѣ экономическія явленія происходятъ по своимъ собственнымъ законамъ; воздѣйствіе государства (напримѣръ, преміи или налоги) имѣетъ значеніе лишь новаго факта, съ которымъ человѣку приходится считаться въ своемъ экономическомъ поведеніи, въ родѣ того, какъ онъ считается съ открывшимся рудникомъ или истощившейся почвой; вмѣшательство этого новаго факта измѣняетъ лишь конкретное содержаніе поведенія, которое для опредѣленія экономическаго явленія не имѣетъ никакого значенія (будетъ ли цѣна равняться 2 или 3 рублямъ, это для понятія цѣны не существенно), самый же законъ поведенія остается тотъ же и въ примѣненіи къ новой совокупности обстоятельствъ. Можно сказать больше: запрещеніями и поощреніями государство не только не измѣняетъ природы и законовъ экономическаго явленія, но если желаетъ, чтобы его мѣры были дѣйствительны, оно само должно въ организаціи этихъ мѣръ подчиняться дѣйствію экономическихъ законовъ и считаться съ экономическимъ явленіемъ, какъ съ факторомъ отъ него независимымъ, только сообразуясь съ особой природой котораго оно можетъ достигнуть своихъ цѣлей; совершенно подобно тому, какъ архитекторъ не измѣняетъ ни природы строительныхъ матеріаловъ, ни законовъ тяжести, но принимаетъ ихъ въ расчетъ, какъ независимый отъ него внѣшній фактъ, которому онъ подчиняется въ своихъ расчетахъ. Наконецъ, государство можетъ замѣнить юридической нормой то, что прежде опредѣлялось экономическимъ расчетомъ (такса, регулированіе произ-

водства или распредѣленія); въ этомъ случаѣ вмѣшательство государства можетъ носить двоякій характеръ; или норма есть лишь снабженіе юридически обязательной силой такого явленія, которое въ общемъ и само произошло бы исключительно экономическимъ путемъ; таковы, напримѣръ, справедливыя таксы (justum pretium) канонистовъ и богослововъ; норма имѣетъ здѣсь лишь тотъ смыслъ, что, дѣлая нормируемый результатъ (цѣну предмета) общеизвѣстнымъ, устраняетъ этимъ затрудненія опредѣленія его въ каждомъ данномъ случаѣ; дѣлая же его обязательнымъ, устраняетъ допустимость уклоненій подъ вліяніемъ причинъ случайныхъ, которыя такимъ образомъ разсматриваются какъ нежелательныя. Если же норма не вытекаетъ изъ самодѣйствія экономическихъ законовъ, то она и не имѣетъ характера экономическаго явленія; вся область экономическаго поведенія, которая прежде вела къ установленію того, что теперь замѣнено нормой, наличностью этой послѣдней устраняется; затѣмъ самая норма въ дальнѣйшемъ принимается въ расчетъ при экономическомъ поведеніи, какъ всякій фактъ, съ которымъ это поведеніе должно сообразоваться, по своимъ собственнымъ законамъ. Такимъ образомъ всѣ случаи регулированія государствомъ экономическихъ явленій сводятся къ тому, что государство или признаетъ экономическое явленіе, или не признаетъ его, или замѣняетъ неэкономическимъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ государственной нормы не зависитъ ни установленіе или опредѣленіе признака, дѣлающаго явленіе экономическимъ, ни созданіе или измѣненіе законовъ, по которымъ дѣйствуетъ и проявляется экономическое; во всѣхъ случаяхъ регулированіе государства сводится лишь къ тому, что оно создаетъ ту или иную комбинацію проявленія и непроявленія экономическаго, въ каждомъ государствѣ свою особую; самое же экономическое явленіе и его законы не совпадаютъ съ предѣлами государства, выходятъ за его границы и общи различнымъ государствамъ.

Если такимъ образомъ понятіе государства вообще есть понятіе стороннее и чуждое понятію экономическаго явленія и изученіе послѣдняго не можетъ исходить изъ идеи государства, то тѣмъ болѣе неосновательно требованіе исходить при изученіи экономическаго изъ идеи исторически конкретнаго народа. Изучая экономическое явленіе, мы изучаемъ его въ его проявъ-

леніяхъ, всякое же проявленіе непремѣнно связано съ извѣстнымъ мѣстомъ въ пространствѣ и времени; въ этомъ же пространствѣ и времени лежитъ еще множество другихъ отношеній, которыя въ совокупности съ экономическими образуютъ то, что мы называемъ исторически-конкретнымъ народомъ; однако при установленіи экономическаго и его законовъ мы можемъ исходить только изъ *его* проявленія въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, а не изъ совмѣстнаго и современнаго ему проявленія неэкономическаго, ибо непонятно, какимъ образомъ изъ неэкономическаго можно получить опредѣленіе и понятіе экономическаго. Кромѣ того, черпая экономическій матеріалъ изъ даннаго конкретнаго мѣста и времени, мы разсматриваемъ его лишь, какъ единицу, въ ряду многихъ другихъ такихъ же единицъ—экономическихъ матеріаловъ другихъ конкретныхъ точекъ пространства и времени—и во всѣхъ этихъ единицахъ ищемъ проявленія общихъ экономическихъ категорій, т. е. именно отвлекаемся отъ признаковъ конкретнаго проявленія этихъ категорій въ томъ или другомъ мѣстѣ и времени. Отрицать право, и даже больше—необходимость абстрагированія отъ конкретныхъ условій пространственнаго и временнаго проявленія экономическаго возможно только въ томъ предположеніи, что всѣ конкретныя проявленія экономическаго не имѣютъ между собою тождественныхъ элементовъ; но тогда самое изученіе экономическаго невозможно, такъ какъ изученіе требуетъ общихъ понятій и категорій, отсутствіе же тождественныхъ элементовъ не допускаетъ возможности общихъ категорій. Къ подобной необходимости приходитъ отчасти и Knies со своимъ пресловутымъ методомъ «аналогіи». По его мнѣнію, о тожествѣ или однообразіи экономическихъ явленій въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ не можетъ быть рѣчи, въ виду того, что силы, производящія эти явленія всюду и вездѣ различны; такъ различны естественныя условія, среди которыхъ живетъ человѣкъ («So sind doch Boden, Sonne und Regen immer andere für ihn», op. cit., 153), но особенно различенъ тотъ личный элементъ, который составляетъ причину соціальныхъ явленій вообще, въ частности экономическихъ; благодаря измѣненію этого элемента во времени и пространствѣ, онъ никогда не даетъ дважды тождественныхъ результатовъ, такъ какъ никогда дважды въ одинаковомъ видѣ не повторяется, и устраняетъ та-

кимъ образомъ даже законъ причинности въ явленіяхъ соціальныхъ. Впрочемъ, при всей измѣняемости и матеріальнаго и личнаго элемента, въ явленіяхъ хозяйственной жизни все таки оказывается, «etwas Ewiges und Gleiches». А такъ какъ Knies требуетъ изученія не только того, что въ экономическомъ явленіи есть общаго, но всего явленія и даже не только одного экономическаго явленія, но нераздѣльно со всѣми сопутствующими ему явленіями неэкономичеекими, исходя изъ принципа, что душа человѣка нераздѣльна и на части не разложима (ib. 505), то и возникаетъ задача изучить не только общее въ экономическихъ явленіяхъ, но и различное,—задача, которую Knies и думаетъ рѣшить своимъ методомъ аналогіи (478—480). Но при этомъ онъ совершенно упускаетъ изъ вниманія самую логическую невозможность изучить такое «различное», которое никогда дважды не повторяется и которое, являясь всегда инымъ, къ тому же всякій разъ соединяется съ новой комбинаціей остальныхъ признаковъ [1]).

Переходя къ обсужденію тѣхъ опредѣленій, которыя усматриваютъ сущность экономическаго въ отношеніяхъ между людьми, въ т. н. общественномъ хозяйствѣ, мы сразу видимъ существенныя преимущества этого способа пониманія, сравнительно съ предъидущимъ. Общественное хозяйство не имѣетъ искусственныхъ границъ, подобно народному хозяйству; оно не ограничивается ни понятіемъ народа, ни предѣлами государства; представляя собою совокупность опредѣленнаго рода отношеній между людьми (именно, экономическихъ отношеній), оно вполнѣ естественно продолжается постолько, посколько продолжаются эти отношенія; такимъ образомъ границы общественнаго хо-

[1]) Не только самый пріемъ логически невозможенъ, но и употребленіе слова «аналогія» неправильно (*Милль*, Система логики, рус. пер., 1898, стр. 446; *Wundt*, Logik, 1886, 1 B., стр. 309), такъ какъ Knies понимаетъ подъ аналогіей тожество въ однихъ признакахъ и различіе въ другихъ; въ особенности полная путаница понятій замѣчается въ томъ мѣстѣ, гдѣ Knies, приводя «прекрасныя» слова Кампанеллы: «die Analogie, welche uns von dem Bekannten zum Unbekannten führt, ist das Princip aller Entdeckung», поясняетъ: «denn in jenem Falle ist das Gemeinsame das Bekannte, das Abweichende das Unbekannte», и затѣмъ критикуетъ слова Roscher'a, что надо извлекать общее изъ явленій, а различное разсматривать, какъ уклоненіе (op. cit., 482—483).

зяйства совпадаютъ съ границами экономическихъ отношеній, что само собою понятно, такъ какъ общественное хозяйство есть не что иное, какъ эти самыя экономическія отношенія. Во-вторыхъ, понятіе отношеній совершенно вѣрно характеризуетъ природу множества экономическихъ явленій; характеризуетъ-ли оно всѣ экономическія явленія — объ этомъ будетъ рѣчь впереди: во всякомъ случаѣ экономическая сторона производства, распредѣленіе доходовъ, кредитъ и т. п.—все это безспорно явленія, состоящія именно въ отношеніяхъ между людьми. Ставъ на эту точку зрѣнія, возможно провести простую, по-видимому, границу между экономикой и техникой; экономика—это область отношеній между людьми, техника—область отношеній человѣка къ природѣ.

Для того однако, чтобы воспользоваться всѣми выгодами этой точки зрѣнія, надо избѣгнуть двухъ опасностей; необходимо, по-первыхъ, устранить ошибочное пониманіе термина общественное хозяйство, и, во-вторыхъ, неопредѣленность представленія объ экономическихъ отношеніяхъ, въ отличіе отъ другихъ отношеній. Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то, при неправильномъ пониманіи, терминъ общественное хозяйство будетъ страдать такими же недостатками, какъ и народное хозяйство. Общественное хозяйство предполагаетъ наличность общества, какъ народное—наличность народа. Понятіе общества вызываетъ представленіе, аналогичное народу; какъ здѣсь, такъ и тамъ представляется нѣкоторая группа объединенныхъ между собою людей, существующая сама по себѣ и отдѣльно, отлично отъ другихъ такихъ же группъ. Ей, въ качествѣ одной ея стороны и приписываются экономическія отношенія. Очевидно, такого рода представленіе о соціальномъ хозяйствѣ мало чѣмъ отличается отъ представленія о народномъ хозяйствѣ, развѣ только тѣмъ, что неясное понятіе народа замѣняется еще болѣе неопредѣленнымъ и спорнымъ понятіемъ общества. Затрудненіе однако устраняется правильнымъ представленіемъ объ обществѣ, а именно, если подъ обществомъ понимать не саму по себѣ существующую отдѣльную единицу, проявляющую себя то въ экономическихъ, то въ религіозныхъ, то во всякихъ другихъ отношеніяхъ, а лишь объединеніе индивидовъ какимъ либо отношеніемъ. Въ такомъ случаѣ группа индивидовъ, объединенныхъ экономическими отношеніями составитъ одну общественную группу, общество; такую же группу

составятъ индивиды, объединенные правовыми отношеніями, затѣмъ религіозными и т. д. Если двоякаго рода отношенія совпадаютъ для одной и той же группы, мы опять таки имѣемъ общество индивидовъ, но уже вдвойнѣ, такъ сказать, связанныхъ другъ съ другомъ. Только при такомъ пониманіи общества экономическія отношенія не будутъ искусственно втискиваемы въ несоотвѣтствующія имъ границы чуждой группы, а самое общественное хозяйство совпадетъ съ экономическими отношеніями. Правда, въ этомъ смыслѣ общественное хозяйство для современной, по крайней мѣрѣ, эпохи будетъ почти безгранично, такъ какъ трудно найти мѣсто на земномъ шарѣ, въ которомъ люди не были бы соединены какими либо экономическими отношеніями со всѣмъ остальнымъ міромъ; благодаря этому, и самый терминъ общества въ примѣненіи къ экономическимъ отношеніямъ теряетъ ту свою выразительность, какую онъ имѣетъ по отношенію къ группамъ лицъ, объединенныхъ другими отношеніями; право, напримѣръ, создаетъ опредѣленные отграниченные другъ отъ друга союзы лицъ, тоже языкъ, религія; но по аналогіи съ этими союзами и группа лицъ, связанная экономическими отношеніями, также могла бы быть объединена въ понятіе общественнаго хозяйства.

Значительную трудность представляетъ рѣшеніе второго вопроса: въ чемъ именно заключается характеристика тѣхъ особыхъ отношеній, которыя мы называемъ экономическими. Что нельзя отождествлять экономическихъ отношеній съ отношеніями вообще, это я считаю не требующимъ никакихъ доказательствъ; нельзя утверждать, что только экономическія явленія суть отношенія между людьми, а всѣ другія соціальныя явленія не суть отношенія, а нѣчто другое, какъ нельзя утверждать того же въ другой формѣ, будто всякое отношеніе есть непремѣнно экономическое. Поэтому мнѣніе проф. Антоновича, что въ область экономики входитъ все, что составляетъ общественный элементъ въ жизни человѣка, всѣ, какъ онъ выражается, отношенія борьбы и союзности, очевидно несостоятельно. Среди всѣхъ отношеній борьбы и союзности экономическія составляютъ одну только область, наряду съ отношеніями симпатіи, вражды, политическими, религіозными и т. д., и задача политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы открыть признакъ этой группы отношеній.

Рѣшая эту задачу, можно исходить изъ всѣхъ тѣхъ моментовъ, которыми уже раньше опредѣлялось экономическое. Можно утверждать, что экономическія отношенія это тѣ отношенія, которыя возникаютъ между людьми на почвѣ ихъ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, на почвѣ дѣятельности, характеризуемой экономическимъ принципомъ, на почвѣ обмѣна и т. д. Но если вѣрно то, что ни одинъ изъ этихъ признаковъ не опредѣляетъ собою сущности экономическаго, то очевидно, что и возведеніе на нихъ соціальной надстройки не въ силахъ устранить логическое несовпаденіе опредѣляющаго момента съ опредѣляемымъ объектомъ. Несостоятельность опредѣленій этого рода лежитъ не въ понятіи соціальнаго, а въ понятіи экономическаго.

Особаго вниманія заслуживаютъ тѣ опредѣленія соціально-экономическихъ отношеній, которыя исходятъ изъ различія между экономикой и техникой. Эта точка зрѣнія, какъ уже было упомянуто, сама собой подсказывается идеей общественности экономическихъ явленій. Отношенія производительнаго работника къ природѣ — это техника; возникающія на этой почвѣ общественныя отношенія—экономика. Этотъ взглядъ можно былобы считать характернымъ для послѣдователей марксизма, если бы теперь можно было приписывать какое-либо мнѣніе этому направленію вообще, такъ какъ вслѣдствіе разногласій между новѣйшими марксистами едва-ли есть вопросъ, по которому у нихъ было бы одно мнѣніе. Во всякомъ случаѣ объясненіе общественно-экономическихъ отношеній, какъ надстройки надъ техникой, представляетъ собою логическое повтореніе того самаго пріема, посредствомъ котораго всѣ другія общественныя явленія, выводятся изъ экономики. Основаніе такому объясненію положено Marx'омъ. Трудно сказать съ увѣренностью, какъ представлялъ себѣ Marx отношеніе техники, экономики и всѣхъ другихъ общественныхъ отношеній; этого не могутъ сдѣлать и тѣ, кто спеціально изучалъ Marx'а, какъ это видно хотя бы изъ словъ Woltmann'а: вотъ уже полъ-столѣтія, жалуется этотъ авторъ, какъ существуетъ теорія историческаго матеріализма, а сторонники этой теоріи—марксисты — все еще спорятъ о томъ, что хотѣлъ сказать ихъ учитель [1]). Насколько,

[1]) *L. Woltmann*, Der historische Materialismus, 1900, стр. 196—197.

впрочемъ, можно судить по фрагментарно брошеннымъ замѣчаніямъ, Marx представлялъ себѣ указанное отношеніе слѣдующимъ образомъ. Въ основѣ лежитъ технологія, сущность которой изображается различными способами: это отношеніе человѣка къ природѣ, опредѣленная ступень развитія способовъ и пріемовъ работы, совокупность машинъ, химическихъ способовъ и другихъ техническихъ пріемовъ, совокупность, составляющая какъ бы производительный органъ общества. На почвѣ даннаго состоянія техники устанавливаются общественныя отношенія производства, которыя и составляютъ «экономическую структуру общества»; изъ экономическихъ же отношеній производства возникаютъ юридическія, политическія формы, религіозныя, художественныя и философскія представленія, какъ простое отраженіе производственныхъ отношеній. Простота этого построенія: техническій базисъ—экономическая структура — идеологическая надстройка—однообразно выдержанная въ различныхъ сочиненіяхъ Marx'a до 1 тома Капитала включительно [1]), нѣсколько затемняется болѣе сложнымъ построеніемъ въ третьемъ томѣ Капитала, гдѣ между Productionsverhältnisse (которыя согласно Zur Kritik etc., и составляютъ экономическую структуру) и надстройкой – politische Gestalt мы находимъ еще средній членъ— ökonomisches Gemeinwesen, а рядомъ и слѣдующее построеніе: eine bestimmte Entwicklungsstufe der Art und Weise der Arbeit—die gesellschaftliche Produktivkraft—Verhältniss der Eigenthümer der Produktionsbedingungen zu den unmittelbaren Producenten— die ganze gesellschaftliche Konstruktion — die politische Form [2]).

---

[1]) *K. Marx*, Zur Kritik der politischen Oekonomie, 1859; Das Kapital, 4 Aufl., 1 B., 1890, стр. 335—336, прим.; остальныя сочиненія см. *Masaryk*, Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, 1899, стр. 95—96.

[2]) Das Kapital, III B., 2 Th., стр. 324—325. У Engels'a отношеніе экономики къ техникѣ совсѣмъ уже неясно. Стараясь доказать происхожденіе политической, правовой и всей прочей надстройки изъ экономики, Engels обращаетъ мало вниманія на уясненіе этого послѣдняго понятія, смѣшиваетъ его съ техникой, превращая въ концѣ все вмѣстѣ въ «экономическія условія», отъ которыхъ въ послѣдней инстанціи зависятъ условія политическія и идеологическія, и которыя обнимаютъ не только технику, но и географическое положеніе, расу и много другихъ обстоятельствъ. См. Masaryk, op. cit., стр. 101—109, § 25.

Не смотря на подкупающую простоту и прямолинейность, опредѣленіе экономики, какъ общественныхъ отношеній на почвѣ техники, должно быть признано неудовлетворительнымъ. Оно не вполнѣ отдѣляетъ экономику отъ техники и вовсе не отдѣляетъ ея отъ другихъ общественныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что техника не есть исключительно отношеніе человѣка къ природѣ; она можетъ выражаться и въ формѣ отношеній между людьми; эти отношенія, будучи общественными и, возникая изъ производства или по поводу производства, не будутъ однако экономическими и не выйдутъ за предѣлы техники. Таковы отношенія сотрудничества простого и въ формѣ раздѣленія труда. Совмѣстное производство работы есть не что иное, какъ особый техническій пріемъ труда, техническая его организація. Представимъ себѣ машину, состоящую изъ многихъ частей; части эти прилажены другъ къ другу, соразмѣрены и находятся въ связи; связь этихъ частей есть связь техническая и процессъ работы машины есть процессъ техническій. Онъ остается таковымъ и тогда, когда функцію какой-либо части машины исполняетъ человѣкъ; связь человѣка съ остальными частями машины есть таже связь техническая. Если всѣ части машины замѣнены людьми, общая работа ихъ есть таже техническая работа; связь между ихъ функціями такая же, какъ прежде между частями машины, т. е. техническая; но это не части машины, а люди; отношенія же между людьми, какова бы ни была во всемъ остальномъ ихъ природа, если только они не случайны, суть отношенія общественныя. Тотъ фактъ, что отношенія между функціонирующими частями общаго техническаго процесса суть отношенія между людьми, дѣлаетъ эти отношенія общественными, но не можетъ дѣлать ихъ не техническими. Или представимъ себѣ, что человѣкъ поднимаетъ тяжесть; процессъ работы есть процессъ техническій; если тяжесть увеличится вдвое, и для поднятія ея нужна двойная сила, техническій процессъ работы останется техническимъ, хотя ее будутъ исполнять два человѣка; ничего не прибавилось къ явленію, что могло бы измѣнить его техническій характеръ, сдѣлать его, напримѣръ, экономическимъ; единственное, что прибавилось, это то, что въ области техники возникло отношеніе между людьми, т. е. общественное отношеніе. Такимъ образомъ на почвѣ производства, на почвѣ опредѣленной технической

организаціи производственныхъ пріемовъ существуютъ общественныя отношенія, которыя будутъ исключительно техническими, или, выражаясь точнѣе, техническіе пріемы производства осуществляются въ общественныхъ отношеніяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе общественныхъ отношеній не заключаетъ еще въ себѣ признака экономики и не исключаетъ признака техники; оно можетъ соединяться какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ; иначе говоря, опредѣленіе экономики, какъ общественной стороны производства невѣрно, такъ какъ общественная сторона производства существуетъ и въ области техники.

Еще болѣе неудовлетворительно это опредѣленіе съ точки зрѣнія разграниченія экономическихъ отношеній отъ другихъ общественныхъ отношеній. Если экономическія отношенія возникаютъ на почвѣ техники, а на почвѣ экономики возникаютъ всѣ другія общественныя отношенія, то можно сказать, что всѣ вообще общественныя отношенія, какъ экономическія, такъ и неэкономическія возникаютъ на почвѣ техники; какъ же въ такомъ случаѣ среди всѣхъ этихъ производныхъ отношеній отличить экономическія отъ неэкономическихъ? Единственный критерій, который даетъ намъ это опредѣленіе, заключается въ порядкѣ возникновенія; тѣ отношенія, которыя возникаютъ на почвѣ техники первично—суть экономическія, возникающія во второй инстанціи — суть неэкономическія. Такой критерій могъ имѣть значеніе только до тѣхъ поръ, пока указанный порядокъ происхожденія признавался единственнымъ и безусловнымъ. Но послѣ того, какъ Marx призналъ, что экономическій базисъ можетъ измѣняться подъ вліяніемъ естественныхъ и историческихъ (очевидно включая сюда и идеологическіе) моментовъ [1]), а Engels сталъ говорить о взаимодѣйствіи экономическихъ и идеологическихъ отношеній [2]), фактъ происхожденія одного явленія изъ другого ни о чемъ еще не свидѣтельствуетъ; какъ идеологическія отношенія могутъ возникать изъ экономическихъ, такъ и обратно экономическія— изъ идеологическихъ. Для того, чтобы знать, которое изъ двухъ явленій —производящее или производимое—есть экономическое или неэкономическое

[1]) Das Kapital, 3 B. 1. c.

[2]) Письмо къ Mehring'у, см. Masaryk, op. cit., стр. 109.

необходимо имѣть особый критерій, независимо отъ происхожденія, а такого критерія опредѣленіе не даетъ. Даже и самый вопросъ о происхожденіи устраняется тѣмъ, что понятіе причины и слѣдствія замѣняется понятіемъ взаимодѣйствія [1]).

Что касается указанія на то, что природа соціально-экономическаго явленія, какъ соціальнаго, характеризуется признакомъ постоянства, правильности или типичности отношеній, то указаніе это само по себѣ мало опредѣляетъ сущность соціальнаго явленія. О соціальномъ, и въ частности экономическомъ, явленіи нельзя сказать, чтобы оно было постоянно, ибо отдѣльные конкретные соціально-экономическіе факты скоропреходящи, а основныя формы явленій исторически измѣняются. Правильность—это общее свойство всѣхъ поддающихся изученію объектовъ и, слѣдовательно, не можетъ служить характеристикой какой-либо одной категоріи явленій. Наконецъ, типичность отношеній, т. е. преобладаніе родовыхъ признаковъ, сравнительно съ индивидуальными видовыми различіями, характеризуетъ только одну группу соціальныхъ явленій, а именно ту, которая допускаетъ примѣненіе дедукціи и обыкновенной индукціи. Но среди соціальныхъ явленій существуютъ и такія, въ которыхъ масса индивидуальныхъ признаковъ преобладаетъ надъ общими имъ всѣмъ родовыми. Такого рода явленія изслѣдуются своимъ особымъ, статистическимъ методомъ. Родовой или индивидуальный характеръ сообщается явленію логической обработкой конкретнаго матеріала, соединяющей въ одномъ случаѣ отдѣльные объекты въ роды, въ другомъ — въ собирательныя группы; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы одинаково имѣемъ соціальныя явленія, а въ частности, соціально-экономическія. Въ одномъ только случаѣ терминъ типичность пріобрѣтаетъ смыслъ, характеризующій соціальное явленіе, а именно тогда, когда подъ типичностью мы понимаемъ объективность отношеній, ихъ сверхиндивидуальность, т. е. такое свойство явленія, когда послѣднее, проявляясь въ индивидѣ, осуществляетъ собою нѣчто лежащее внѣ индивида, сверхъ

[1]) О попыткѣ сдѣлать изъ труда, на почвѣ марксизма, «*постулатъ*» для опредѣленія политической экономіи см. *С. Булгаковъ*, О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи, научное Обозрѣніе, 1898, № 2, стр. 334—353.

явленія, но въ добавокъ еще и анатомію съ физіологіей? Съ точки зрѣнія эвристической оно наталкивало бы больше на такія свойства и функціи, которыхъ экономическое явленіе не имѣетъ, и если мы не видимъ этого въ работахъ послѣдователей органическаго ученія, то только потому, что они не пользуются идеей организма, какъ эвристическимъ средствомъ. Если же прилагать сравненіе съ организмомъ, лишь какъ методъ изложенія, то все дѣло сводится къ втискиванію матеріала одной науки въ готовыя рамки другой, что едва ли можно признать съ какой бы то ни было точки зрѣнія цѣлесообразнымъ.

Остается такимъ образомъ создать особое пониманіе терминовъ кровь, кости, ткани и т. д., подъ которое подходили бы какъ біологическія кости и ткани, такъ и соціальныя; надо создать понятіе организма, для котораго біологическій и соціальный организмъ были бы только два видовыхъ понятія, какъ это и предлагаетъ Woltmann, устанавливая свою «генетическую» аналогію общественнаго и біологическаго организмовъ, по которой оба разсматриваются лишь какъ двѣ стадіи развитія одного и того же явленія.[1]) Но при этомъ упускается изъ вниманія слѣдующее обстоятельство. Если мы подводимъ общество, какъ изучаемый объектъ, подъ понятіе организма, то единственною цѣлью такого подведенія можетъ быть лишь уясненіе сущности общества; но очевидно, если понятіе организма должно быть объясняющимъ, оно должно быть извѣстнымъ; это-то и предполагается при употребленіи термина, ибо предполагается, что знаніе того, что есть организмъ, дано намъ знаніемъ организмовъ біологическихъ. Но если только допустить, что понятіе организма прилагается къ обществу не въ этомъ знакомомъ смыслѣ, а въ какомъ-либо другомъ, то вся выгода такого приложенія, какъ объясняющаго средства, исчезаетъ. Остается два явленія — организмъ біологическій и организмъ соціальный, оба неизвѣстныя, оба подлежащія изученію, но уже ранѣе такового подведенные подъ одно и тоже понятіе. Произвольность и безплодность такого пріема мнѣ кажется очевидной.

---

[1]) *Л. Вольтманнъ.* Теорія Дарвина и соціализмъ, русск. изд., 1900, стр. 176—177.

него, объективное. Въ этомъ именно смыслѣ понимаетъ типичность соціальныхъ явленій Grabski, но объясненіе природы этой объективности, характеризующей соціальное явленіе, построено имъ, какъ мы увидимъ ниже, на ошибочныхъ предположеніяхъ.

На той же критической точкѣ зрѣнія должны мы стоять и по отношенію къ опредѣленію экономическихъ явленій, какъ функцій общественнаго организма. Сущность здѣсь не въ самомъ опредѣленіи экономическаго, а въ опредѣленіи соціальнаго. Если исключить изъ опредѣленія Schäffle понятіе соціальнаго организма, то собственно экономическое опредѣленіе народнаго хозяйства сведется къ шаблонному представленію о совокупности отдѣльныхъ хозяйствъ, матеріальномъ удовлетвореніи потребностей и многообразныхъ отношеніяхъ содѣятельности и борьбы. Что же касается идеи организма, то таковая мнѣ кажется абсолютно несостоятельной. Говорить о костяхъ, тканяхъ, крови и сердцѣ соціальнаго тѣла въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно понимаемъ эти слова, очевидная нелѣпость, одинаково нелѣпость, будемъ ли мы понимать устройство общества или его функцію. Слѣдовательно, обо всѣхъ этихъ вещахъ можно говорить въ двоякомъ смыслѣ: либо въ переносномъ, либо въ точномъ, прямомъ, но отличномъ отъ обыденнаго. Что касается переноснаго смысла, то значеніе его, по моему мнѣнію, не больше того, какъ въ томъ случаѣ, когда говорятъ о золотомъ сердцѣ и желѣзномъ характерѣ. Если мы назовемъ деньги кровью общественнаго организма, то, быть можетъ, такія слова весьма выразительны въ поэзіи, но рѣшительно ничего не говорятъ въ научной прозѣ. Деньги не красныя и не жидкія и не текутъ въ сосудахъ; слѣдовательно, не имѣютъ всѣхъ свойствъ крови; онѣ не заключаютъ въ себѣ бѣлковъ или другихъ органическихъ соединеній, слѣдовательно, и по своей функціи онѣ не тождественны съ кровью; остается такимъ образомъ лишь какое-то сходство между деньгами и кровью, при несомнѣнной разницѣ. Въ чемъ же состоитъ это сходство? Самое сравненіе не даетъ ключа къ открытію этого сходства; оно можетъ быть найдено не иначе, какъ особымъ и самостоятельнымъ изученіемъ одного и другого явленія. Но въ такомъ случаѣ какая же польза такого сравненія, если экономистъ не только долженъ попрежнему изучать экономическія

Обратимся, наконецъ, къ теоріи Stammler'a [1]). Въ ней можно различать двѣ части; во-первыхъ, утвержденіе, что рѣшающимъ признакомъ соціальной жизни является внѣшнее ея регулированіе, и, во-вторыхъ, что экономическое явленіе есть осуществленіе юридическихъ нормъ. Эти два утвержденія возможно различать потому, что, если бы даже первое оказалось невѣрнымъ, второе все-таки могли бы оставаться въ силѣ; если внѣшняя норма, у насъ, по-преимуществу, право, и не составляетъ того момента, который сообщаетъ явленію соціальный характеръ, она можетъ быть сама соціальнымъ явленіемъ, правда, уже не опредѣляющимъ другія, но равнымъ съ другими явленіями, однимъ изъ соціальныхъ явленій; въ такомъ случаѣ она можетъ совпадать съ другимъ соціальнымъ явленіемъ — хозяйствомъ, и изъ числа всевозможныхъ между ними отношеній (простого совпаденія, равноправнаго взаимодѣйствія, обусловленности права хозяйствомъ и хозяйства правомъ) можетъ имѣть мѣсто и то, на которое указываетъ Stammler, а именно, что право логически обусловливаетъ хозяйство. Что касается перваго утвержденія, то оно цѣликомъ относится къ характеристикѣ вообще соціальнаго явленія и здѣсь можетъ быть подвергнуто только краткому обсужденію. Хотя, по моему мнѣнію, его нельзя признать правильнымъ, тѣмъ не менѣе доказать эту неправильность не легко. Затрудненіе состоитъ здѣсь въ томъ, что норма (у насъ спеціально юридическая норма), составляетъ общее явленіе всякой извѣстной намъ соціальной жизни, и слѣдовательно, какое бы явленіе мы ни взяли, оно всегда будетъ происходить въ средѣ, въ которой дѣйствуютъ правовыя нормы. Затрудненіе усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что для тѣхъ случаевъ, когда соціальное явленіе, происходя въ правовой средѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ правовымъ нормамъ, Stammler устанавливаетъ понятіе условной нормы, регулирующей это явленіе, и оба вида нормъ объединяетъ въ понятіе внѣшняго регулированія. Благодаря такому логическому построенію, дѣйствительно нельзя найти ни одного

[1]) Указанія на вызванныя книгой Stammler'a рецензіи приведены въ рецензіи рефератѣ Karl *Diehl*'a, въ Jahrb. f. Nat. Oek. u. St. B 69 (III Folge 14 B.), стр. 813—850.

соціальнаго явленія, которое происходило бы внѣ сферы «внѣшняго» регулированія, и такимъ образомъ возникаетъ сама собой презумпція въ пользу того, что соціальное неразрывно связано съ внѣшнимъ регулированіемъ. Однако совмѣстное хотя бы и постоянное существованіе соціальныхъ явленій съ внѣшними нормами нисколько само по себѣ не доказываетъ ни ихъ причинной, ни ихъ логической связи. Внѣшнія нормы могутъ быть однимъ изъ проявленій соціальной жизни, непремѣннымъ и повсемѣстнымъ, другія же соціальныя явленія могутъ быть такими же проявленіями соціальной жизни, хотя и не столь распространенными и неизбѣжными, но столь же самостоятельными и особыми отъ перваго. Такъ какъ соціальная жизнь выражается въ поведеніи людей и возникающихъ между ними отношеніяхъ, то утвержденіе, что непремѣннымъ условіемъ соціальнаго характера жизни есть внѣшнее регулированіе, равносильно утвержденію, что только такое поведеніе даетъ соціальныя отношенія и соціальную жизнь, которое регулируется внѣшней нормой. Но если даже поведеніе и регулируется нормой, то создаетъ ли оно соціальныя отношенія именно вслѣдствіе того, что оно регулируется, это еще вопросъ. Въ этомъ отношеніи надо различать два момента въ поведеніи. Во-первыхъ, поведеніе можетъ быть направлено къ нормѣ, какъ цѣли, норма является мотивомъ дѣйствія и самое дѣйствіе выражается въ осуществленіи нормы; такъ какъ внѣшняя норма есть сама по себѣ явленіе соціальное, то и поведеніе, осуществляющее ее, будетъ носить соціальный характеръ; тоже будетъ и въ томъ случаѣ, если норма дѣйствуетъ не какъ побудительный мотивъ, а какъ принудительная причина. Во-вторыхъ, поведеніе можетъ не вытекать изъ нормы, ни какъ изъ мотива, ни какъ изъ причины; оно можетъ имѣть свою собственную причину или мотивъ, въ чемъ бы они не заключались, лишь бы не въ нормахъ; такой причиной можетъ быть побужденіе, инстинктъ или другая сила человѣческаго существа, а мотивомъ—мотивы его цѣлесообразной дѣятельности; если сила, вызывающая поведеніе человѣка, дѣйствуетъ съ извѣстнымъ постоянствомъ и правильностью и по отношенію ко многимъ индивидамъ, то она можетъ создавать нѣкоторый общій и постоянный способъ поведенія, извѣстную типичную форму поведенія, вслѣдствіе которой люди постоянно приходятъ къ однооб-

разнымъ результатамъ; но приходятъ не потому, что они руководствуются или подчиняются внѣшнимъ обязательнымъ правиламъ, а потому, что къ такому поведенію и такимъ результатамъ приводятъ ихъ вызывающія ихъ поведеніе причины и цѣли. Постоянная форма поведенія вызываетъ постоянныя отношенія къ другимъ людямъ и постоянныя отношенія всѣхъ людей между собою. Эти типичныя формы поведенія и возникающія изъ нихъ отношенія представляютъ собою не что иное, какъ соціальныя явленія. Къ нимъ могутъ присоединиться впослѣдствіи и нормы, регулирующія эти формы поведенія, но наличность нормы только усугубляетъ соціальный характеръ поведенія; норма для такой категоріи поведенія и отношеній есть элементъ внѣшній, добавочный и не сообщаетъ имъ впервые соціальнаго характера, который присущъ этимъ явленіямъ по самой ихъ природѣ. Я думаю, что можно доказать такой именно характеръ и такое происхожденіе основныхъ соціальныхъ явленій: языка, брака, собственности. Первоначальное ихъ существованіе носитъ характеръ типическихъ формъ поведенія, къ которымъ затѣмъ прибавляются внѣшнія нормы (за исключеніемъ языка). Но и при наличности уже послѣднихъ всякое новообразованіе въ этихъ соціальныхъ явленіяхъ происходитъ такимъ же путемъ, какъ и первоначальное возникновеніе. Изъ причинъ и цѣлей возникаетъ извѣстная новая форма поведенія, независимо отъ существующихъ нормъ, нерѣдко въ сторонѣ отъ нихъ и вопреки имъ, становится типичной и затѣмъ покрывается нормой. Но соціальный характеръ она получаетъ еще задолго до того, какъ подчиняется нормѣ или признается ею. Отрицать очевидность такихъ формъ поведенія, составляющихъ содержаніе соціальной жизни, невозможно, тѣмъ болѣе, что есть такія сферы соціальной жизни, гдѣ эти формы проявляются въ чистомъ видѣ, безъ присоединенія къ нимъ нормъ. Таковъ языкъ. Онъ не подчиняется никакому внѣшнему регулированію и всѣ грамматики, словари и академіи стараются лишь уловить формы языка, но еще никто не регулировалъ его внѣшними нормами. Если въ грамматикахъ и преподаются правила рѣчи—jus et norma loquendi—то не эти грамматическія правила создаютъ соціальный характеръ языка, а тѣ формы рѣчи, которыя лишь улавливаются этими «условными нормами», какъ называетъ ихъ Stammler (op. cit, 103—104). Правда, грамматическія правила суть нормы пове-

денія для изучающаго языкъ, но они не являются нормами для самаго языка.

Если право, и въ частности внѣшняя норма вообще, не составляютъ критерія соціальнаго явленія, то они не составляютъ критерія и для экономическаго явленія, какъ явленія соціальнаго. Экономическое поведеніе есть именно одна изъ такихъ формъ поведенія, которая создаетъ соціальныя отношенія сама по себѣ; правовая норма можетъ затѣмъ присоединиться къ этой формѣ поведенія, подчинить ее себѣ, предписать ей внѣшній видъ, но логически она не находится ни въ какомъ соотношеніи съ экономическимъ явленіемъ. Вслѣдствіе этого a priori допустимо несовпаденіе юридическаго съ экономическимъ и такое несовпаденіе дѣйствительно имѣетъ мѣсто, чѣмъ окончательно подрывается ученіе Stammler'a. Экономическое поведеніе затрагиваетъ самые существенные интересы соціальной группы и потому неудивительно, что общество стремится воздѣйствовать на него могущественнымъ орудіемъ правового регулированія. Но такъ какъ формы экономическаго поведенія представляютъ собою историческое prius, сравнительно съ регулирующими ихъ нормами, то и происходитъ то, что правовая система регулированія нерѣдко въ общемъ или въ частяхъ отстаетъ отъ системы экономическихъ отношеній. Отсюда возникаютъ двоякаго рода явленія: съ одной стороны, юридическія нормы, не осуществляемыя экономическимъ поведеніемъ и, съ другой—что совершенно противорѣчитъ теоріи Stammler'a—экономическое поведеніе, для котораго вовсе нѣтъ юридическихъ нормъ. Случаи перваго рода общеизвѣстны; что же касается случаевъ второго рода, то они, въ свою очередь, бываютъ двухъ категорій: одни отношенія извѣстны праву, но оно не считаетъ нужнымъ ихъ регулировать; таково экономическое явленіе цѣны; обмѣнъ юридически регулируется, но на пропорцію обмѣниваемыхъ предметовъ регулированіе никогда почти не распространяется; другія явленія не регулируются, потому что право ихъ не знаетъ или игнорируетъ, либо по новизнѣ явленія, либо по недосмотру законодателя. Такого рода экономическія отношенія облекаются въ несоотвѣтствующія имъ юридическія формы, установленныя для другихъ экономическихъ отношеній.

Тоже самое происходитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо экономическое явленіе нежелательно праву; оно тѣмъ не менѣе продолжаетъ существовать какъ экономическое явленіе sui generis, но подъ покровомъ посторонней ему юридической нормы; очевидно, однако, что во всѣхъ этихъ случаяхъ юридическая норма нисколько не измѣняетъ природы прикрываемаго ею отношенія.

Всѣ эти факты безспорно доказываютъ, что экономическое явленіе не есть только простое осуществленіе правовой нормы, но что оно имѣетъ свое самостоятельное существованіе, и уже если говорить о взаимномъ ихъ отношеніи, то можно утверждать, что первоначально существуетъ экономическое явленіе, какъ форма поведенія и возникающія изъ нея соціальныя отношенія, а затѣмъ возникаютъ соотвѣтствующія нормы.

§ 6. Нѣкоторыя другія опредѣленія экономическаго явленія.

Особую группу составятъ тѣ опредѣленія, которыя, не довольствуясь комбинаціей умѣреннаго числа признаковъ, соединяютъ въ себѣ все ихъ возможное количество; но увеличеніемъ количества не возмѣщается недостатокъ качества; экономическое явленіе, хотя и описанное многими терминами, если ни одинъ изъ нихъ не характеризуетъ самой сущности явленія, остается все-таки неопредѣленнымъ. Такъ Supino [1]) опредѣляетъ экономическое явленіе слѣдующимъ образомъ: экономическое явленіе всегда отличается отъ всякаго другого тѣмъ, что имѣетъ субъектомъ человѣка, объектомъ—удовлетвореніе его потребностей и средствомъ для достиженія цѣли—человѣческій трудъ, направленный на внѣшній міръ, согласно съ экономическимъ принципомъ; къ этимъ признакамъ въ опредѣленіи экономической науки присоединяется еще и то, что хозяйства соціальной системы соединены между собою отношеніями обмѣна и составляютъ организмъ, и что человѣкъ, изучаемый экономикой, есть общественное существо. Такимъ образомъ понятіе экономическаго характеризуется одновременно слѣдующимъ рядомъ признаковъ: соціальная система, организмъ, хозяйство, обмѣнъ,

[1]) La definizione del' econ. pol., 1883, стр. 71, 73—74.

человѣкъ, онъ же, какъ существо общественное, удовлетвореніе потребностей, трудъ, внѣшній міръ, экономическій принципъ. Однако этотъ длинный рядъ не въ состояніи опредѣлить ни понятія экономическаго явленія, ни предмета экономической науки. Опредѣленіе экономическаго явленія не даетъ признака для отличія его отъ техники, а опредѣленіе предмета экономической науки не заключаетъ признака для отличія экономической стороны соціальной жизни отъ другихъ ея сторонъ. Къ этому надо прибавить еще и то, что наборъ большого числа признаковъ не слагается въ одно цѣльное понятіе, которое поддавалось бы ясному представленію. Легко можетъ случиться, что недостатки отдѣльныхъ признаковъ въ такомъ сборномъ опредѣленіи суммируются въ одну общую неопредѣленность, разобраться въ которой едва-ли представляется возможнымъ. Такимъ неопредѣленнымъ характеромъ отличается, между прочимъ, опредѣленіе предмета политической экономіи и народнаго хозяйства въ учебникѣ проф. Ходскаго [1]). Разумѣется, въ значительной части неясность эта должна быть отнесена на счетъ краткости изложенія, но, и при самыхъ подробныхъ объясненіяхъ, едва-ли можно удовлетворительно разрѣшить всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя заключаются въ приведенномъ опредѣленіи.

Опредѣленіе это гласитъ слѣдующее. Предметъ политической экономіи составляетъ хозяйственная сторона жизни общества и его основного элемента—человѣка. Подъ хозяйствомъ вообще разумѣется имущество, которымъ располагаетъ человѣкъ, въ связи съ его планомѣрною дѣятельностью, выражающейся въ созданіи, сохраненіи и расходованіи этого имущества. Совокупность всѣхъ частныхъ и общественныхъ хозяйствъ данной страны, находящихся между собою въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости и связи, составляетъ народное хозяйство. Въ свою очередь, и хозяйства отдѣльныхъ культурныхъ государствъ въ настоящее время связаны между собою многообразными экономическими отношеніями, вслѣдствіе чего въ понятіе народнаго хозяйства входитъ и совокупность явленій такъ называемаго мірового хозяйства. Главнымъ предметомъ политической эконо-

[1]) *Л. В. Ходскій*, Политическая экономія въ связи съ финансами, 1899—1900, вып. 1, стр. 1, 2.

міи служитъ народное хозяйство, какъ единое цѣлое. Въ приведенныхъ объясненіяхъ не заключается ничего болѣе, кромѣ терминовъ, которые обыкновенно употребляются для характеристики предмета экономической науки; но только они здѣсь собраны всѣ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего самое опредѣленіе заключаетъ въ себѣ больше противорѣчій и недоразумѣній, чѣмъ это кажется съ перваго раза. Мы видѣли, что политическая экономія опредѣляется и какъ наука объ общественномъ хозяйствѣ, и какъ наука о народномъ хозяйствѣ; каждый терминъ вызываетъ свои сомнѣнія; здѣсь они употреблены оба вмѣстѣ, благодаря чему опредѣленіе соединяетъ въ себѣ какъ неясности, свойственныя одному термину, такъ и неясности свойственныя другому термину, да сверхъ того къ нимъ присоединяется еще новый источникъ затрудненій,— необходимость найти и указать соотношеніе между этими двумя понятіями: хозяйственной жизнью общества и народнымъ хозяйствомъ. Если мы обратимся къ понятіямъ хозяйственной жизни общества и народному хозяйству каждому въ отдѣльности, то и здѣсь и тамъ откроемъ новый рядъ поводовъ къ недоразумѣніямъ. Характеристика общественнаго хозяйства можетъ исходить или изъ понятія общества, какъ самостоятельнаго цѣлаго, для котораго индивиды не суть производящіе его элементы, или изъ понятія индивида, какъ элемента, составляющаго общество въ совокупности съ другими; каждое представленіе уязвимо съ своей особой стороны; авторъ въ своемъ опредѣленіи соединяетъ и одну и другую точку зрѣнія, говоря раздѣльно о хозяйственной сторонѣ жизни общества и (рядомъ съ этимъ) его основнаго элемента—человѣка, открывая такимъ образомъ возможность возраженій и съ одной и съ другой точки зрѣнія. Подъ народнымъ хозяйствомъ онъ понимаетъ совокупность хозяйствъ данной страны; но въ тоже время утверждаетъ, что въ понятіе народнаго хозяйства входитъ и совокупность явленій такъ называемаго мірового хозяйства; но очевидно, что одно и тоже понятіе не можетъ сразу быть и совокупностью хозяйственныхъ явленій одной страны и совокупностью такихъ явленій всего земного шара. Мы знаемъ, что одни экономисты опредѣляютъ объектъ экономическаго изученія, какъ хозяйство одной страны или государства; другіе— какъ область явленій, выходящихъ за предѣлы одной страны или государства; въ данномъ случаѣ противорѣчіе произошло

вслѣдствіе того, что обѣ точки зрѣнія соединены. Если, далѣе, въ понятіе народнаго хозяйства входитъ совокупность явленій всего мірового хозяйства, то спрашивается, какимъ образомъ народное хозяйство можетъ составлять только главный предметъ изученія въ политической экономіи, и что можетъ подлежать экономическому изученію сверхъ экономическихъ явленій всего міра? Мы знаемъ, что въ опредѣленіе объекта экономической науки вводятся понятія страны, государства, общества; здѣсь всѣ три понятія употребляются вмѣстѣ, благодаря чему, сверхъ ошибочности или затрудненій, связанныхъ съ опредѣленіемъ каждаго понятія въ отдѣльности, возникаетъ добавочное затрудненіе опредѣленія взаимнаго ихъ соотношенія. Понятіе хозяйства также представляетъ соединеніе двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; можно исходить либо изъ понятія вещей, богатства, имущества, либо изъ понятія дѣятельности; въ опредѣленіи автора хозяйство есть и имущество и дѣятельность, или имущество въ связи съ дѣятельностью; но какимъ образомъ соединить двѣ вещи—предметъ въ связи съ направленнымъ на него дѣйствіемъ—въ единое понятіе, это трудно себѣ представить. Наконецъ, и въ опредѣленіи планомѣрности хозяйственной дѣятельности соединены столь сложныя понятія, что они сами едва-ли могутъ быть сколько-нибудь удовлетворительно опредѣлены при современномъ состояніи знанія, и никоимъ образомъ не могутъ сами служить для опредѣленія другихъ понятій. Такимъ образомъ подъ хозяйственнымъ расчетомъ понимается не просто пріобрѣтеніе съ наименьшими усиліями наибольшей суммы цѣнностей, но съ условіемъ, чтобы оно не нарушало чужихъ правъ и не вредило интересамъ всего народнаго хозяйства (стр. 14). Очевидно, что опредѣленіе, нагромождающее съ каждымъ новымъ признакомъ новое противорѣчіе или недоразумѣніе, должно быть замѣнено болѣе простымъ, исходящимъ изъ какого-либо одного, но, по возможности, простого и безспорнаго критерія.

Если до сихъ поръ опредѣленіямъ политической экономіи не удавалось отграничить экономическія явленія то отъ техники, то отъ другихъ соціальныхъ явленій, то, съ другой стороны, есть и такія опредѣленія, которыя и не считаютъ нужнымъ искать этихъ разграниченій, полагая, что экономическая

наука должна быть всеобъемлющей наукой о благосостояніи или цивилизаціи. Таково извѣстное опредѣленіе Storch'a [1]); въ этомъ же смыслѣ выражается г. Симоненко: «болѣе точнаго, простого и наиболѣе соотвѣтствующаго своему названію опредѣленія политической экономіи нельзя придумать, какъ наука о народномъ или общественномъ благосостояніи» (op. cit., 5). По поводу подобныхъ взглядовъ можно сказать лишь слѣдующее. Быть можетъ, со временемъ и возможна будетъ наука, которая станетъ трактовать о культурѣ и благосостояніи человѣка вообще и въ тоже время будетъ единой наукой, а не механическимъ сопоставленіемъ разныхъ областей знанія. Но нѣтъ никакого основанія, почему бы ей называться политической экономіей; спеціальные экономическіе законы могли бы стать общими законами жизни человѣка только въ томъ случаѣ, если бы всѣ явленія человѣческой жизни превратились въ экономическія. Правда, подобной возможности нельзя отрицать; но вѣроятность ея такова же, какъ и вѣроятность обратной возможности: что всѣ явленія экономическія превратятся въ неэкономическія. А потому и всякія предположенія насчетъ того, что экономика или противоположный ей принципъ завладѣютъ всей сферой дѣятельности человѣка, витаютъ пока въ области одной фантазіи.

Здѣсь умѣстно упомянуть объ опытѣ Грабскаго свести экономическія явленія, согласно съ однимъ изъ направленій современной философіи, къ терминамъ познанія. Хозяйство можно изучать — говоритъ Grabski — съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ и съ точки зрѣнія общества. Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ хозяйство представляетъ собою планомѣрную дѣятельность, направленную на матеріальныя средства для удовлетворенія потребностей, и въ этомъ смыслѣ оно совпадаетъ съ понятіемъ техники. Экономическимъ явленіемъ хозяйство становится только тогда, когда мы посмотримъ на него черезъ призму понятія «общество». Хозяйство станетъ тогда частнымъ случаемъ общества и представится намъ въ видѣ имманентныхъ свойствъ благъ и внѣшняго порядка взаим-

[1]) *Storch*, Cours d'économie politique, 1815, стр. 23: «l'économie politique est la science des lois naturelles qui determinent la prosperité des nations, c est à dire leur richesse et leur civilisation».

ныхъ отношеній людей. Общество вообще есть система постоянныхъ, длящихся взаимныхъ отношеній индивидовъ и ихъ группъ; видовое отличіе отношеній экономическихъ состоитъ въ томъ, что они вытекаютъ изъ удовлетворенія *матеріальныхъ* потребностей. Задача изученія экономическихъ явленій съ точки зрѣнія теоріи познанія сводится такимъ образомъ къ тому, чтобы опредѣлить въ познавательныхъ терминахъ сущность общества и затѣмъ выразить въ этихъ терминахъ ту модификацію общества, которую мы называемъ экономическимъ явленіемъ. Природа общественныхъ отношеній характеризуется тѣмъ, что они не выражаются въ пространственной координаціи или морфологическомъ измѣненіи структуры составныхъ частей общества и вообще не относятся къ матеріальной сущности этихъ частей, слѣдовательно отношенія эти могутъ быть только продуктами психики. Но такъ какъ внѣиндивидуальной психики нѣтъ, то, слѣдовательно, общественныя отношенія должны быть нѣкоторымъ измѣненіемъ индивидуальной психики. Это измѣненіе состоитъ въ томъ, что индивидъ сознаетъ и чувствуетъ, какъ сочленъ совокупности одинаковыхъ существъ, какъ средняя единица группы, что онъ сознаетъ и чувствуетъ общую потребность группы, какъ свою собственную, общее благо группы, какъ свое собственное. Такое психическое состояніе не является продуктомъ сознательнаго опытнаго познанія индивидомъ тожественности его интересовъ съ интересами другихъ лицъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ сознаніе блага оставалось бы все таки лично — индивидуальнымъ. Сознаніе общаго блага, какъ своего собственнаго, сознаніе себя, какъ средней единицы группы, представляетъ результатъ безсознательнаго біологическаго приспособленія психики, вырабатывающагося телеологически подъ вліяніемъ борьбы за существованіе. Разъ такое телеологическое приспособленіе психики индивида существуетъ, то оно объясняетъ объективность общественныхъ отношеній. Индивидъ можетъ мыслить себя или какъ Я, въ противоположность Мы, или какъ Мы, въ противоположность Я. Въ первомъ случаѣ психическія явленія остаются индивидуальными, во второмъ — они становятся соціальными и получаютъ характеръ объективности; но объективность соціальныхъ явленій есть не ихъ матеріальность, а ихъ общность для всѣхъ.

Эту общую познавательную категорію соціальнаго мы мо-

жемъ въ частности, примѣнить и къ экономическому. Экономическія явленія представляются намъ въ троякой формѣ: во-первыхъ, какъ свойства вещей; во-вторыхъ, какъ дѣятельность, направленная на факты, отчасти зависящіе отъ насъ, и, въ-третьихъ, какъ дѣятельность, подчиняющаяся внѣшнимъ установленіямъ. Что касается первой категоріи, то она возникаетъ въ томъ случаѣ, когда мы воспринимаемъ явленія, въ качествѣ среднихъ единицъ соціальной группы; это свойство воспріятія имѣетъ тотъ результатъ, что явленіе представляется намъ, какъ объективное, внѣ насъ стоящее; возникающія въ нашей психикѣ сужденія мы проецируемъ во-внѣ и воспринимаемъ ихъ, какъ *имманентныя свойства благъ*. Такъ возникаютъ такія основныя экономическія категоріи, какъ цѣнность, капиталъ, прибыль, рента. Во-вторыхъ, воспринимая имманентныя свойства благъ въ качествѣ среднихъ членовъ группы, мы можемъ однако воспринимать ихъ не вполнѣ одинаково. Но эти индивидуальныя различія *объективно* всѣ координированы такимъ образомъ, что въ совокупности приводятъ къ общей цѣли. Такая объективная координація съ точки зрѣнія *индивидуальныхъ* стремленій должна сознаваться, какъ выравниваніе индивидуальныхъ противоположностей, и собственное состояніе индивида должно представляться ему, какъ дѣятельность, направленная на проявленіе имманентныхъ свойствъ благъ, только до извѣстной степени отъ него зависящее. Такимъ образомъ возникаютъ *экономическіе факты*, какъ конкурренція, тотъ или другой размѣръ прибыли, движеніе ренты, стремленіе капиталовъ къ нормальной прибыли и т. д. Наконецъ, въ третьихъ, когда индивидуальныя различія сужденій въ процессѣ дифференціаціи индивидовъ усиливаются настолько, что не могутъ быть выравнены объективной координаціей предшествующаго вида, наступаетъ регулированіе индивидуальныхъ стремленій въ интересахъ общей цѣли со стороны уже самого общества; общество гарантируетъ благамъ опредѣленныя свойства, если блага отвѣчаютъ извѣстнымъ условіямъ. Такъ возникаютъ экономическія установленія (напримѣръ, деньги), которыя представляются съ точки зрѣнія индивидовъ внѣшними принудительными границами, налагаемыми на ихъ дѣятельность со стороны общественной власти.

Такимъ образомъ задача экономической науки, по мнѣнію автора, сводится къ изученію, какъ образуются общія формы

сужденій о благахъ, какъ средствахъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей общества, какъ эти сужденія проецируются во внѣ и затѣмъ воспринимаются, въ качествѣ имманентныхъ свойствъ; какъ эти общія формы модифицируются для различныхъ соціальныхъ группъ, какъ эти модификаціи выравниваются; и, наконецъ, какъ это выравниваніе опредѣляется формами субординаціи въ направленіи интересовъ общества (стр. 131). Короче говоря, конечное познаніе экономическихъ явленій состоитъ въ изученіи психологически необходимыхъ правилъ образованія, оформленія и координаціи нашихъ объективно цѣлесообразныхъ, экономическихъ сужденій (142).

Съ изложенной теоріей нельзя согласиться ни съ формальной стороны—съ точки зрѣнія необходимости и цѣлесообразности сведенія экономики къ теоріи познанія, ни по существу—съ точки зрѣнія способовъ такого сведенія. Въ послѣднемъ отношеніи центръ тяжести ученія разсматриваемаго автора лежитъ въ анализѣ сущности общества. Необходимо согласиться съ Grabski'мъ, когда онъ утверждаетъ, что общественныя явленія могутъ быть только психическими, и, такъ какъ внѣиндивидуальной психики нѣтъ, то они должны быть только продуктами индивидуальной психики. Но объясненіе объективаціи, дѣлающей продукты психики соціальными явленіями, ошибочно и несостоятельно. Причину и сущность объективаціи Grabski усматриваетъ въ томъ, что индивидъ, вслѣдствіе біологическаго приспособленія, начинаетъ сознавать себя не какъ автономнаго индивида, а какъ воплощеніе средней единицы общественной группы. Такое телеологическое приспособленіе, безспорно, имѣется во многихъ случаяхъ, и тамъ, гдѣ оно на лицо, существуетъ междуиндивидуальная связь, объединяющая отдѣльныя единицы въ одно цѣлое высшаго порядка—общественную группу. Однако чувство и сознаніе тожественности личнаго и общаго блага, охватывая въ исключительныхъ случаяхъ громадное количество индивидовъ съ необыкновенной интенсивностью и проявляясь въ другихъ случаяхъ въ меньшихъ группахъ и съ меньшей интенсивностью, во множествѣ случаевъ совершенно отсутствуетъ. Обстоятельство это, разумѣется, признается Grabski'мъ. Одни индивиды—говоритъ онъ—различаютъ свое и общее благо, другіе ставятъ свои интересы выше общаго блага, третьи не знаютъ другихъ интере-

совъ, кромѣ лично эгоистическихъ. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что это обстоятельство нисколько не подрываетъ его исходной точки зрѣнія: даже и не думая объ общемъ благѣ, преслѣдуя исключительно индивидуальныя и эгоистическія цѣли, индивиды осуществляютъ ихъ, входя въ соціальныя отношенія, и, слѣдовательно, осуществленіе личныхъ цѣлей составляетъ въ тоже время и осуществленіе соціальныхъ отношеній. Если однако для соціальнаго явленія, какъ существующаго факта, безразлично осуществляется ли онъ стремленіемъ индивида къ общей цѣли, или стремленіемъ къ лично-индивидуальной пользѣ, то эта разница далеко не безразлична съ точки зрѣнія опредѣленія соціальнаго явленія, устанавливаемаго Grabski'мъ. Дѣйствительно, по его ученію, и соціальное явленіе и объективный сверхиндивидуальный характеръ его представляютъ собою результатъ такого устройства психики, въ силу котораго общая цѣль и благо сознаются какъ личныя. Если же такого сознанія нѣтъ, если общая цѣль вовсе не присутствуетъ въ сознаніи, и послѣднее исчерпывается исключительно лично-индивидуальными и эгоистическими потребностями, то нѣтъ и источника, изъ котораго могло бы произойти соціальное явленіе, согласно съ теоріей Grabsk'аго, не можетъ быть и объективаціи психическаго состоянія, превращающей его въ соціальное отношеніе. Такимъ образомъ возникновеніе соціальныхъ отношеній изъ осуществленія лично-индивидуальныхъ цѣлей является необъяснимымъ съ точки зрѣнія теоріи Grabsk'аго. Если же допустить, что соціальныя отношенія въ подобныхъ случаяхъ не *возникаютъ*, а только осуществляются, для чего необходимо допустить, что они существуютъ ранѣе того, какъ столкновеніемъ личныхъ интересовъ проявляются въ конкретной дѣйствительности, то, для объясненія ихъ происхожденія, остается только одинъ источникъ, а именно ранѣе указанное телеологически приспособленное индивидуальное сознаніе. Послѣднее однако не можетъ объяснить соціальнаго характера такихъ отношеній, при которыхъ индивиды не сознаютъ себя средними единицами группы или вовсе не думаютъ объ общихъ цѣляхъ, преслѣдуя свои личные интересы.

Если здѣсь несостоятельность ученія Grabsk'аго проявляется, благодаря уже наличности соціальныхъ отношеній, осуществленіе которыхъ сопровождается только отсутствіемъ въ индивидуальномъ сознаніи отожествленія общихъ цѣлей съ лич-

ными, то тѣмъ болѣе подрываютъ эту теорію тѣ случаи, когда соціальныя отношенія образуются стремленіями индивидовъ, прямо противополагающихъ свои интересы интересамъ группы или другихъ индивидовъ. Часть такихъ соціальныхъ явленій Grabski устраняетъ изъ разсмотрѣнія, считая ихъ патологическими. Это, именно, тѣ явленія, которыя возникаютъ изъ положительно вредныхъ для общества стремленій индивидовъ, какъ кража, ростовщичество, проституція и т. п. Но, само собою понятно, что устранимъ ли мы подобныя явленія изъ теоріи или нѣтъ, они останутся реальными явленіями, и соціальный характеръ ихъ несомнѣненъ. Однако и послѣ устраненія свидѣтельства такихъ сильно скомпрометированныхъ съ общественной точки зрѣнія фактовъ, остаются тѣмъ не менѣе соціальныя явленія, образуемыя расходящимися другъ съ другомъ интересами. Это явленія классовой борьбы. Общество состоитъ изъ дифференцировавшихся группъ съ различнымъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ. Интересы группъ противоположны, и тѣмъ не менѣе самая борьба классовъ создаетъ рядъ соціальныхъ явленій. Признавая этотъ фактъ, Grabski однако старается подвести и его подъ свою теорію. Во-первыхъ, утверждаетъ онъ, возможно, что порабощенная группа вовсе не считается частью общественнаго цѣлаго; во-вторыхъ, и при классовой розни существуютъ общесознаваемыя и общепризнанныя потребности; въ-третьихъ, классовое сознаніе не есть сознательное противопоставленіе интересовъ класса интересамъ всего общества, а лишь ошибочное отожествленіе интересовъ группы съ интересами всего общества, слѣдовательно, опять таки отожествленіе своего блага съ общимъ. Изъ указанныхъ возраженій первое можно обойти молчаніемъ, какъ не представляющее въ настоящее время практическаго значенія; второе признаетъ *возможность* согласнаго сознанія *нѣкоторыхъ* потребностей, чего никто не отрицаетъ, и что не устраняетъ наличности классовой противоположности интересовъ въ другихъ случаяхъ; остается такимъ образомъ третье возраженіе. Классовое сознаніе не есть сознаніе интересовъ класса въ ущербъ другимъ группамъ, а лишь сознаніе своихъ интересовъ, какъ интересовъ всего общества. Однако подобная конструкція сознанія не отвѣчаетъ теоріи Grabsk'аго. По этой теоріи соціальное явленіе возникаетъ тогда, когда общее благо сознается даннымъ сознаніемъ, въ ка-

чествѣ собственнаго, но не обратно, собственное, въ качествѣ общаго; а между тѣмъ къ этому послѣднему именно случаю сводится классовое сознаніе, по мнѣнію Grabsk'аго. Такимъ образомъ теорія объективаціи индивидуально-психическихъ явленій, превращающая послѣднія въ соціальныя отношенія, въ томъ видѣ, какъ представляетъ ее Grabski, не можетъ быть признана состоятельной, а вслѣдствіе этого падаетъ и примѣненіе ея къ соціально-экономическимъ явленіямъ.

Независимо отъ осуществленія, и самая идея сведенія экономическихъ явленій къ конечнымъ познавательнымъ терминамъ представляется безплодной и нецѣлесообразной. Она безплодна какъ съ точки зрѣнія интересовъ гносеологіи, такъ и съ точки зрѣнія интересовъ экономической науки. Теорія познанія задается не тою цѣлью, чтобы свести къ послѣднимъ познавательнымъ терминамъ конкретныя различія вещей, чтобы выразить въ этихъ терминахъ различіе стола отъ стула или водорода отъ кислорода; ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы свести къ терминамъ познанія основныя категоріи вещей и ихъ отношеній, а прежде всего и главнымъ образомъ, опредѣлить, что есть все. Поэтому для теоріи познанія и рента, и прибыль, и постоянный, и оборотный капиталъ не представляютъ никакого интереса въ ихъ специфическихъ различіяхъ и отличныхъ другъ отъ друга законахъ. Съ другой стороны, экономику, вмѣстѣ съ другими положительными науками, интересуютъ эмпирическія явленія въ ихъ конкретномъ проявленіи только до тѣхъ поръ, пока они не сведены къ общей и конечной метафизической сущности. Подобно тому, какъ для химіи кислородъ и водородъ перестали бы быть объектомъ химическаго изученія съ того момента, какъ они были бы сведены къ метафизической субстанціи или выражены въ терминахъ познавательныхъ сужденій, такъ и для экономической науки явленія цѣнности, ренты, конкурренціи и т. д. перестаютъ быть объектами экономическаго изученія послѣ того, какъ они превращаются въ функціи познающаго сознанія. Пусть весь міръ будетъ представленіемъ или сужденіемъ или какой-либо иной формой сознанія; но для положительныхъ наукъ онъ является объектомъ изученія не въ этой первоначальной метафизической формѣ, а лишь въ той, въ какой онъ является эмпирически въ конкретной дѣйствительности. Различіе между психическими и физическими явленіями,

между апріорными и опытными элементами лежитъ внѣ интереса и области изслѣдованія экономики, и экономисты могутъ заниматься этими вопросами въ качествѣ философовъ, но не въ качествѣ экономистовъ. Въ сферѣ экономики машины, рабочій скотъ, матеріалы и т. п. суть не сужденія или другія познавательныя формы, а матеріальные предметы; человѣкъ же—не умопостигаемая вещь въ себѣ съ разнаго рода абсолютами и трансцедентными императивами, а эмпирическая личность. Поэтому сведеніе экономическихъ явленій къ формамъ и правиламъ сужденій, точно также, какъ и къ метафизической сущности не разрѣшаетъ вопросовъ экономики, а замѣняетъ ихъ посторонними экономикѣ проблемами, причемъ замѣна эта не представляетъ къ тому же интереса и для гносеологіи или философіи.

Въ заключеніе необходимо указать, что не только спорнымъ и неопредѣленнымъ является самый предметъ изученія экономической науки, но и то, въ какихъ временныхъ границахъ и въ какой степени абстракціи отъ другихъ явленій жизни онъ можетъ быть изучаемъ. Въ то время, какъ основныя экономическія истины открыты изученіемъ одной опредѣленной стадіи развитія экономической жизни, именно современнаго намъ хозяйства, и законность такого изученія обосновывается многими учеными теоретически, другіе упорно отстаиваютъ непремѣнную необходимость охватывать умомъ всю исторію хозяйства. Roscher вводитъ признакъ историческаго развитія въ самое опредѣленіе политической экономіи [1]). Мнѣнія Knies'a, Schmoller'a и вообще послѣдователей такъ называемыхъ старой и новой историческихъ школъ достаточно извѣстны. Аналогичное же разногласіе существуетъ и по вопросу о возможной абстракціи хозяйственныхъ явленій, при ихъ изученіи, отъ прочихъ сторонъ жизни. Подобно тому, какъ историческая школа требуетъ распространенія изученія на все непрерывное развитіе хозяйства, такъ и здѣсь она настаиваетъ на необходимости охватывать при изученіи всю нераздѣльную совокупность соціальныхъ явленій человѣческой жизни, съ присоединеніемъ сюда же и вліяющихъ на нее естественныхъ факторовъ.

---

[1]) *Roscher*, Grundlagen, 20 изд., 1892, т. 1, стр. 36, § 16.

Практика научныхъ изслѣдованій получила однако до сихъ поръ всѣ свои цѣнные выводы обратнымъ путемъ: избирая своимъ исключительнымъ предметомъ изученія именно одну категорію явленій, а не всю ихъ совокупность одновременно. И такой способъ нашелъ себѣ и теоретическихъ защитниковъ. Не говоря о столь часто цитируемомъ изслѣдованіи Menger'a, сошлюсь хотя бы на Dietzel'a, утверждающаго, что объектомъ экономическаго изученія могутъ быть только явленія несуществующаго въ дѣйствительности, но измышленнаго съ методологическою цѣлью общества, такого общества, въ которомъ отношенія хозяйствующихъ субъектовъ возникаютъ лишь вслѣдствіе взаимной потребности въ обмѣнѣ услугъ и благъ съ цѣлью удовлетворенія ихъ потребности въ матеріальныхъ благахъ [1]).

Приведенный очеркъ мнѣній свидѣтельствуетъ о крайнемъ разногласіи по вопросу о томъ, какъ понимать экономическое явленіе и что изучать въ экономической наукѣ. Въ то время, какъ одни видятъ экономическое во всякомъ движеніи, т. е. все въ жизни живыхъ существъ признаютъ экономическимъ (Ludassy), другіе (Stammler) совсѣмъ отрицаютъ существованіе экономическаго, ибо частое осуществленіе юридической нормы будетъ только осуществленіемъ юридической нормы, а не чѣмъ либо инымъ, хотя бы мы его и назвали иначе. Въ то время, какъ одни требуютъ, чтобы изученіе экономическаго охватывало всю его исторію отъ сотворенія, если не міра, то человѣка, и всю совокупность явленій жизни человѣка и природы, другіе довольствуются изученіемъ одной только стороны жизни общества, да къ тому еще не дѣйствительнаго, а для бо́льшей простоты, выдуманнаго. Между столь крайними мнѣніями довольно мѣста для всевозможныхъ промежуточныхъ мнѣній, и мы видимъ, что ихъ вообще не мало. Поэтому простительно, если къ нимъ прибавить еще одну попытку дать опредѣленіе экономическаго явленія, хотя бы она не оказалась ни особенно удачной, ни новой

[1]) *Dietzel*, Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft, Jahrb. für N. Oek. u. Stat., 1884, B. 43, N. F. IX, стр. 19.

Б. Часть догматическая.

I. Предварительныя методологическія замѣчанія.

§ 1. Человѣкъ, какъ субъектъ.

Въ обыденной жизни хозяйствомъ называютъ безразлично, какъ извѣстную совокупность предметовъ и силъ, которыми распоряжается какое либо лицо, или нѣсколько лицъ, хозяинъ, такъ и дѣятельность этого лица (или лицъ). Предметы и силы могутъ быть изучаемы, во-первыхъ, сами по себѣ, какъ части реальнаго міра, въ ихъ естественныхъ свойствахъ и взаимномъ воздѣйствіи; въ этомъ смыслѣ они составляютъ объектъ естествознанія. Съ этой же точки зрѣнія можетъ быть изучаемъ и человѣкъ съ его дѣйствіями. Само собою разумѣется, что въ этомъ смыслѣ вещи, силы и человѣкъ съ его дѣятельностью не составляютъ хозяйства, и изученіе ихъ съ этой стороны не составляетъ экономической науки. Во-вторыхъ, объекты внѣшняго міра могутъ быть разсматриваемы, какъ средства для достиженія извѣстныхъ объективныхъ цѣлей. Человѣкъ данъ намъ съ присущими ему потребностями, стремленіями, вкусами, наклонностями; эти потребности, стремленія, вкусы, наклонности ставятъ ему рядъ цѣлей; если мы пріймемъ эти цѣли, какъ объективно данную исходную точку, то вся природа, включая сюда и силы самого человѣка, можетъ быть разсматриваема, какъ средство для достиженія этихъ цѣлей. Эта точка зрѣнія присуща техническимъ дисциплинамъ; онѣ имѣютъ передъ собой извѣстный рядъ цѣлей, задачъ, происхожденіе и обоснованіе которыхъ находится внѣ ихъ компетенціи: необходимо под-

держать извѣстную температуру въ опредѣленномъ мѣстѣ, необходимо найти способъ обработки извѣстнаго вещества, удовлетворяющій цѣлямъ питанія и вкуса; необходимо построить домъ, сооружать мостъ и т. д. Исходя изъ этихъ задачъ, техника отыскиваетъ и изучаетъ тѣ предметы и силы, тѣ ихъ свойства, тѣ процессы и комбинаціи, которые пригодны для достиженія данныхъ цѣлей. Отличіе техническихъ наукъ отъ естествознанія заключается не въ способѣ изученія, а лишь въ объемѣ такового. Въ то время, какъ цѣлью естествознанія является изученіе всѣхъ вещей и процессовъ, самихъ по себѣ, не ограниченное никакой спеціальной задачей, слѣдовательно, въ идеалѣ — изученіе всѣхъ вещей и всѣхъ процессовъ во всей ихъ полнотѣ, посколько умъ можетъ уловить ихъ тожество и различіе, и лишь практически задача съуживается вслѣдствіе ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ; въ техникѣ изученіе объектовъ сразу ограничено кругомъ тѣхъ вещей, свойствъ и процессовъ, которые приводятъ или могутъ приводить къ извѣстному опредѣленному результату. Все, что не находится въ связи или не можетъ быть приведено въ связь съ заранѣе опредѣленной комбинаціей вещей и силъ, исключается изъ области изученія и интереса. Здѣсь, слѣдовательно, изучаются не всѣ вещи, силы, свойства и процессы, а только часть ихъ; но затѣмъ эта часть изучается столь же объективно, какъ и въ естествознаніи. Вещи, свойства, процессы попавшіе въ кругъ интереса техническихъ дисциплинъ, изучаются какъ естественныя, физическія явленія; въ томъ числѣ и дѣятельность человѣка разсматривается, какъ сила, производящая тѣ или другія физическія измѣненія. Правда, критерій, опредѣляющій, какое естественное явленіе или объектъ входитъ въ кругъ техническаго изученія, представляетъ собою нѣчто отличное отъ объективно-безразличной точки зрѣнія на явленія реальнаго міра, при естественнонаучномъ изученіи ихъ самихъ по себѣ; но этотъ субъективный критерій исчерпываетъ свое вліяніе лишь тѣмъ, что отмѣчаетъ явленія, подлежащія техническому изученію, нисколько не измѣняя ни метода изученія ихъ, ни отношенія къ нимъ изучающаго ума; самый же критерій не входитъ въ область техническихъ дисциплинъ, онъ данъ имъ въ готовомъ видѣ и вырабатывается внѣ ихъ. Изъ безконечнаго множества дѣйствительныхъ и возможныхъ комбинацій вещей и силъ, вклю-

чая сюда и дѣйствія человѣка, нѣкоторый извнѣ привходящій критерій отмѣчаетъ опредѣленныя комбинаціи, и затѣмъ техника изучаетъ всѣ предшествующія и ведущія къ этимъ отмѣченнымъ комбинаціямъ явленія точно такъ, какъ естествознаніе изучаетъ всѣ вообще явленія въ ихъ комбинаціяхъ, безъ такого извнѣ привходящаго ихъ выбора.

Если такимъ образомъ міръ вещей и силъ, изучаемыхъ въ самихъ себѣ, и часть этого міра, отмѣченная опредѣленнымъ критеріемъ соотвѣтствія объективной цѣли, составляетъ предметъ естествознанія и техническихъ дисциплинъ, то изъ всего, что обыденная жизнь безразлично называетъ хозяйствомъ, на долю экономической науки остается лишь то, что выходитъ за предѣлы объективно-естественныхъ процессовъ и что привносится въ этотъ объективный рядъ вещей, силъ и явленій субъективнымъ отношеніемъ къ нему человѣка. Съ одной стороны, человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ объективно естественное явленіе, и дѣйствія его, какъ естественная сила, присоединяющаяся къ другимъ естественнымъ силамъ; съ другой стороны, онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ субъектъ, противополагающій себя всему остальному и относящій все остальное къ себѣ. Это отношеніе субъекта къ остальному міру объектовъ можетъ быть двояко: во-первыхъ, субъектъ пассивно испытываетъ вліяніе объектовъ, но не такъ, какъ одинъ объектъ испытываетъ дѣйствіе другого, а именно, какъ субъектъ, т. е. онъ испытываетъ воздѣйствія объектовъ, какъ свои состоянія субъекта, и выражаетъ эти пассивныя свои состоянія въ соотвѣтствующей имъ квалификаціи воздѣйствующихъ объектовъ; онъ приписываетъ имъ то или другое значеніе, ту или другую цѣнность; съ другой стороны, эти пассивныя состоянія порождаютъ активное отношеніе къ дѣйствующимъ объектамъ; субъектъ предпочитаетъ одни объекты другимъ, выбираетъ, ставитъ цѣли, подчиняетъ имъ средства, дѣйствуетъ.

Субъективное отношеніе человѣка къ міру составляетъ особый классъ явленій, и благодаря этому человѣкъ причастенъ къ двумъ классамъ явленій; разсматриваемый какъ объектъ, онъ составляетъ часть объективнаго міра, извѣстную комбинацію силъ, проявляющихся частью въ общей физической и химической формѣ, частью въ особой психо-физической; съ этой точки зрѣнія онъ составляетъ подкатегорію, соподчиненную вся-

кому другому естественно физическому явленію; разсматриваемый какъ субъектъ, онъ составляетъ явленіе, отличное отъ всего прочаго, единственную категорію, не имѣющую соподчиненыхъ себѣ явленій, съ которыми вмѣстѣ она составляла бы предметъ общаго изученія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ объективно человѣкъ составляетъ предметъ изученія наряду съ другими явленіями природы. Если изученіе человѣка и проявленій его жизни въ объективномъ смыслѣ составляетъ предметъ естествознанія и техническихъ наукъ, то изученіе человѣка, какъ субъекта, въ его пассивномъ и активномъ отношеніи къ внѣшнему міру, должно составлять предметъ особой или особыхъ наукъ, которыя мы можемъ назвать субъективными. Экономическая наука, исключенная изъ области естествознанія и технологіи (въ широкомъ смыслѣ этого слова) можетъ и должна входить въ область дисциплинъ о субъектѣ.

Съ двоякой точки зрѣнія можно было бы отрицать самостоятельное существованіе особыхъ дисциплинъ о субъектѣ. *Во-первыхъ*, можно было бы утверждать, что субъективное отношеніе человѣка къ міру, оцѣнка имъ явленій, самоопредѣленіе, постановка цѣлей и сознательно-произвольная дѣятельность представляютъ собою лишь кажущіяся, мнимыя явленія; тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ его субъективныя отношенія и всѣ произвольныя дѣйствія объективно предопредѣлены въ извѣстномъ направленіи по законамъ причинности, а именно, въ направленіи сохраненія вида. A priori очевидно, что возможно существованіе только такихъ индивидовъ, организація и функціи которыхъ, безсознательныя и сознательныя, и въ послѣднемъ случаѣ произвольныя или непроизвольныя, безразлично служатъ сохраненію вида; такимъ образомъ и самое субъективное отношеніе возникло и могло возникнуть только потому, что оно способствовало сохраненію вида, и направленіе этого отношенія, т. е. характеръ квалификаціи, сообщаемой индивидомъ объектамъ, и характеръ вытекающихъ изъ этой квалификаціи дѣйствій предопредѣлены тѣмъ же моментомъ сохраненія вида. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ, съ его субъективно сознаваемыми состояніями и дѣйствіями, есть лишь комбинація силъ или матеріи, возникшая и дѣйствующая по законамъ естественнаго подбора и наслѣдственности, т. е. по законамъ причинности, которымъ оди-

наково подчинены какъ всѣ остальные организмы, такъ и вся природа вообще. Но если пассивное и активное отношеніе человѣка, какъ субъекта, къ остальному міру въ генезисѣ и функціи подчинено общему со всѣми остальными явленіями порядку, то не есть ли субъективное ощущеніе этого отношенія, какъ чего то sui generis, специфически присущаго человѣку въ роли субъекта, лишь нѣчто мнимое, а слѣдовательно и изученіе этого мнимаго не больше, какъ безполезная наука о несуществующемъ, а лишь кажущемся?

Это возраженіе съ полнымъ основаніемъ можетъ быть направлено только противъ абсолютной свободы воли. Вполнѣ произвольное самоопредѣленіе и предустановленное направленіе субъективныхъ отношеній къ міру взаимно отвергаютъ другъ друга. Если человѣкъ можетъ по произволу, безъ причиннаго принужденія, совершить то или другое дѣйствіе, то непонятно, какимъ образомъ онъ совершаетъ только то или въ бóльшей мѣрѣ какъ разъ то, что приводитъ къ сохраненію вида. Если допустить предустановленную гармонію воли съ объективнымъ результатомъ дѣйствій—сохраненіемъ вида, то этимъ самымъ отрицается свобода воли. Если предположить, что воля, будучи свободной, играетъ роль случайной и пертурбаціонной причины, и, взаимно уничтожаясь въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, въ массѣ приводитъ къ господству общихъ причинъ, то мы приписываемъ волѣ два взаимно противоположныхъ свойства: и свободу, и несвободу. Дѣйствительно, допуская, что общія причины въ массѣ опредѣляютъ дѣйствія человѣка, мы признаемъ, что воля несвободна; допуская, что она свободна, мы отвергаемъ это.

Но если исключить абсолютную свободу воли, если распространить постулатъ причинности и на цѣлесообразныя дѣйствія человѣка, то біологическая объективная цѣлесообразность нисколько не уничтожаетъ субъективно сознаваемой цѣлесообразности и наличности эмпирической свободы самоопредѣленія субъекта. Изъ того, что субъективная цѣлесообразность предопредѣлена, слѣдуетъ только то, что она не самопроизвольна, но не слѣдуетъ, что она не существуетъ. Тотъ фактъ, что человѣкъ субъективно сознаетъ свободу самоопредѣленія, что онъ въ своемъ сознаніи свободно ставитъ цѣли, остается фактомъ, независимо отъ того, къ какому объективному результату приводитъ его

субъективно цѣлесообразная дѣятельность. Предопредѣленность субъективныхъ отношеній въ направленіи сохраненія вида есть лишь частный случай приспособленія организмовъ къ условіямъ существованія, которое, въ свою очередь, представляетъ лишь частный случай стремленія всѣхъ вообще силъ къ наиболѣе, при данныхъ условіяхъ, устойчивымъ комбинаціямъ. Но общее подчиненіе всего существующаго этому правилу нисколько не устраняетъ специфическихъ отличій отдѣльныхъ явленій, подчиненныхъ дѣйствію правила. Біологическое приспособленіе, дѣйствующее посредствомъ механизма субъективныхъ отношеній, существенно отлично отъ біологическаго приспособленія, проявляющагося иными способами. При этомъ біологія можетъ заниматься вопросомъ, почему эти отношенія въ своемъ генетическомъ развитіи изъ низшихъ формъ пришли къ такому именно состоянію, въ какомъ они теперь функціонируютъ; она можетъ изучать эти состоянія и ихъ функціи съ точки зрѣнія ихъ объективно-полезнаго приспособленія къ средѣ. Но, независимо отъ такого изученія, субъективныя явленія могутъ быть изслѣдуемы сами по себѣ; можетъ быть изучаема правильность, съ какою они проявляются и дѣйствуютъ по своимъ собственнымъ законамъ; могутъ быть изучаемы законы, которымъ подчиняются субъективныя отношенія человѣка къ воздѣйствующимъ на него факторамъ, возникающая отсюда постановка цѣлей и осуществленіе этихъ цѣлей дѣятельностью. При этомъ цѣлью такого изученія, между прочимъ можетъ явиться и обнаруженіе того приспособленія, посредствомъ котораго произвольно-цѣлесообразныя дѣйствія, возникающія по своимъ собственнымъ законамъ изъ субъективнаго отношенія къ разнаго рода воздѣйствіямъ, въ общемъ укладываются въ рамки объективной біологической цѣлесообразности. *Во-вторыхъ*, можно было бы отрицать специфичность и самостоятельность субъективныхъ дисциплинъ, отрицая самостоятельность субъективныхъ отношеній, въ качествѣ явленій психическихъ. Отношенія субъекта къ внѣшнему міру, какъ пассивныя, состоящія въ пассивно переживаемыхъ состояніяхъ, такъ и активныя, выражающіяся въ вытекающихъ изъ пассивныхъ состояній дѣйствіяхъ, суть, безспорно, психическія явленія. Можно утверждать, что психическія явленія сами по себѣ несамостоятельны и особаго предмета изученія составить не

могутъ. Такъ, по мнѣнію Münsterberg'a [1]), психическія явленія представляютъ собою лишь извѣстную сторону физическихъ. Среди безконечнаго множества моллекулярныхъ процессовъ міра—говоритъ онъ—существуетъ нѣкоторое количество матеріальныхъ процессовъ, которые даны нашему сознанію не только съ внѣшней стороны, какъ движеніе, но и съ внутренней, какъ содержаніе сознанія; это именно тѣ матеріальные процессы, которые имѣютъ мѣсто въ центральной нервной системѣ. Ощущенія, изъ которыхъ въ послѣднемъ итогѣ слагается вся психика, представляютъ собою извѣстное раздраженіе нервной системы, и, какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ сочетаніяхъ и послѣдовательности, обусловлены моллекулярными процессами мозга, вытекающими изъ законовъ матеріи. Такимъ образомъ каждое психическое явленіе есть лишь нѣкоторая сторона физическаго процесса и только къ послѣднему и находится въ извѣстномъ отношеніи; между собою же психическія явленія не находятся ни въ какой непосредственной связи. Они не представляютъ собою непрерывнаго ряда, и каждое новое воспріятіе представляетъ нѣчто, что не поддается опредѣленію и выводу изъ остального психическаго матеріала. Поэтому психическія явленія сами по себѣ не подчинены закону причинности, и правильность, которую они представляютъ, объясняется не ихъ взаимной другъ отъ друга зависимостью, а зависимостью ихъ отъ соотвѣтствующихъ матеріальныхъ процессовъ, которые уже находятся между собою въ причинной связи (109—112). Очевидно, что съ такой точки зрѣнія и субъективныя отношенія человѣка къ внѣшнему міру представляютъ собою лишь своего рода моллекулярныя движенія нервной системы, а правильность, какую эти движенія обнаруживаютъ, сводится къ правильности физіологическихъ процессовъ, и, слѣдовательно, субъективныя отношенія, сами по себѣ, самостоятельнымъ предметомъ изученія быть не могутъ.

Матеріалистическій взглядъ на психическія явленія опровергается выясненіемъ смысла того утвержденія, посредствомъ котораго психическія явленія сводятся къ физическимъ или физіологическимъ. Утвержденіе это можетъ быть понимаемо и вы-

---

[1]) *Hugo Münsterberg*, Die Willenshandlung, Freiburg i. B., 1888.

сказываемо въ различныхъ значеніяхъ. Во-первыхъ, оно можетъ утверждать, что психическое явленіе есть не что иное, какъ физическое или физіологическое, напримѣръ—мысль есть молекулярное движеніе мозга. Въ этомъ значеніи выраженіе, какъ неоднократно было указываемо, не имѣетъ смысла. Для явленій физическихъ подобное сведеніе вещи или процесса къ атомамъ или ихъ движеніямъ не представляетъ никакой несообразности, такъ какъ, сами по себѣ, вещи и процессы не таковы, какими они являются въ нашемъ сознаніи, и потому нѣтъ причины, почему бы имъ не быть атомами или движеніями, если эта гипотеза вообще нужна для объясненія явленій внѣшняго міра. Матеріалистическая же психологія сводитъ самыя состоянія сознанія, какъ таковыя, къ тому, что не есть состояніе сознанія, а нѣчто такое, что не можетъ быть выражено въ терминахъ, одинаковыхъ съ терминами, выражающими факты сознанія. Если, во-вторыхъ, понимать сведеніе психическихъ явленій къ физическимъ въ томъ смыслѣ, что психическое *производится* физическимъ, напримѣръ, ощущеніе звука производится физіологическими процессами нервной ткани, то въ такомъ случаѣ мы имѣли бы причинную зависимость между двумя моментами, а слѣдовательно, должны были бы допустить реальное существованіе обоихъ явленій что противорѣчило-бы, съ одной стороны, предположенію о единственной феноменологической реальности физическаго явленія и оставляло бы для матеріализма только область метафизической спекуляціи, и, съ другой стороны, приводило бы къ возможности и обратной причинной зависимости—зависимости физическихъ явленій отъ психическихъ. Наконецъ, въ третьихъ, отношеніе явленій психическихъ и физическихъ можно понимать въ томъ смыслѣ, что они составляютъ двѣ стороны одной и той же сущности; но и такое пониманіе исключаетъ возможность признанія реальности единственно за явленіями физическаго ряда. Такимъ образомъ, мы должны отвергнуть предположеніе, что психическія явленія въ мірѣ явленій представляются чѣмъ то кажущимся, мнимымъ, или менѣе реальнымъ, чѣмъ физическіе процессы.

Эмпирически намъ даны два ряда явленій: явленія психическія и явленія физическія; этого дуализма мы не можемъ уничтожить въ области наукъ о субъектѣ и, въ частности, въ

области политической экономіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ былъ бы уничтоженъ самый смыслъ этихъ наукъ. Метафизическая философія, въ частности теорія познанія, можетъ задаваться вопросомъ, что есть все сущее, и сводить его либо къ духу, либо къ матеріи, либо къ единой субстанціи съ двумя аттрибутами. Но науки опытныя (въ широкомъ смыслѣ слова) изучаютъ сущее, какъ явленія, и не могутъ абстрагироваться отъ той формѣ, въ которой сущее дано въ мірѣ явленій. Въ частности, предметомъ наукъ о субъектѣ являются отношенія субъекта къ объектамъ, отношенія человѣка къ вещамъ и другимъ людямъ. Эти науки имѣютъ смыслъ только до тѣхъ поръ, пока существуетъ ихъ предметъ, т. е. только до тѣхъ поръ, пока мы удерживаемъ и признаемъ различіе между человѣкомъ, какъ субъектомъ, и окружающимъ его внѣшнимъ міромъ; только въ такомъ случаѣ мы можемъ изучать ихъ взаимныя отношенія. Если мы уничтожимъ различіе между человѣкомъ и окружающимъ его внѣшнимъ міромъ, если мы сведемъ все сущее къ функціямъ нашего сознанія или къ силамъ матеріи, то этимъ устранится самый матеріалъ экономическаго изученія. Въ такомъ случаѣ будетъ разрѣшенъ вопросъ о томъ, что есть все, но останется обойденнымъ и устраненнымъ вопросъ о томъ, что представляютъ собою отношенія той части сущаго, которая является въ видѣ субъекта, къ другой части сущаго, которая является въ видѣ окружающаго субъекта внѣшняго міра.

Слѣдовательно, исходная точка зрѣнія наукъ о субъектѣ должна состоять въ признаніи эмпирически даннаго реальнаго существованія какъ психическаго, такъ и физическаго ряда явленій. Отношенія между тѣмъ и другимъ мыслимы либо въ формѣ параллелизма, либо въ формѣ причиннаго взаимодѣйствія души и тѣла. Теорія параллелизма, проведенная строго логически, требуетъ многихъ гипотетическихъ допущеній. Такъ какъ каждому моменту физическаго ряда долженъ соотвѣтствовать моментъ психическаго ряда, то превращеніе физическаго ряда, путемъ научной обработки, въ міръ атомовъ или движеній требуетъ соотвѣтствующаго гипотетическаго разложенія психическихъ состояній на первоначальные и простые элементы, намъ пока неизвѣстные. Причиннымъ соотношеніямъ замкнутаго въ себѣ физическаго ряда должны отвѣчать столь же правильныя соотношенія психическаго ряда; а это приводитъ,

съ одной стороны, къ воззрѣнію на человѣка, какъ на простой механизмъ и, съ другой,—къ одушевленію всей природы. При всемъ томъ, самые обыкновенные случаи воздѣйствія тѣла на душу и души на тѣло—столь часто приводимые примѣры вліянія спирта на психику и содержанія телеграммы на тѣло — не находятъ себѣ достаточно простого и естественнаго объясненія.

Съ другой стороны, и теорія причиннаго взаимодѣйствія между физическими и психическими явленіями наталкивается на существенное препятствіе въ видѣ закона сохраненія энергіи и постулата о замкнутости физическаго ряда причинъ. Правда, утверждаютъ, что самое понятіе причины нисколько не противорѣчитъ допущенію причиннаго соотношенія между психическими и физическими явленіями, такъ какъ логическое понятіе причинной связи исчерпывается лишь моментомъ послѣдовательности (и сосуществованія); а правильность въ послѣдовательности (и сосуществованіи) психическихъ и физическихъ явленій дана, какъ несомнѣнный фактъ. Но дѣло въ томъ, что для явленій физическихъ эта пустая логическая форма простой послѣдовательности наполнена своимъ специфическимъ содержаніемъ—закономъ сохраненія энергіи. Поэтому для того, чтобы включить психическія явленія въ общую съ физическими цѣпь причинной зависимости, необходимо либо выразить психическія явленія, не лишая ихъ психическаго характера, въ такомъ видѣ, чтобы къ нимъ можно было приложить понятіе энергіи, либо замѣнить понятіе энергіи такой гипотезой, которая представлялась бы не менѣе цѣлесообразной для міра физическаго и въ тоже время была общей для него и для явленій психическихъ. И та, и другая возможность слишкомъ далеки отъ ихъ практическаго осуществленія [1]).

Однимъ изъ соображеній въ пользу теоріи взаимодѣйствія является, впрочемъ, самый фактъ существованія психики. Если

---

[1]) Однако существуетъ движеніе и въ одномъ и въ другомъ направленіи. Съ одной стороны высказывается мнѣніе, что психическія явленія возможно было бы подвести подъ общіе законы энергіи, напр. *Н. Гротъ*, Понятіе о душѣ и психической энергіи, Вопросы филос. и психол., 1897, кн. 2 (37), стр.

бы психика лишена была всякой возможности вліять на физическій рядъ явленій, то самая наличность ея въ организмахъ, наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе, была бы совершенно непонятна съ точки зрѣнія біологической цѣлесообразности. Если реакція человѣка на сложныя и измѣнчивыя дѣйствія внѣшнихъ и внутреннихъ агентовъ можетъ быть объяснена на всемъ пространствѣ безсознательнымъ механизмомъ физіологическаго процесса, то какую роль въ экономіи природы играло бы тогда сознаніе съ его борьбой мотивовъ и выборомъ рѣшенія? Существованіе такого безполезнаго душевнаго зеркала, неизвѣстно для какой цѣли своеобразно отражающаго всѣ стадіи моллекулярныхъ процессовъ мозга, представляло бы собою совершенную загадку, которая нарушала бы единство всякаго объясненія явленій, оставляющаго ее безъ отвѣта. Напротивъ, допущеніе возможности вліянія души на тѣло вноситъ извѣстный смыслъ въ существованіе психики. Вмѣсто того, чтобы устанавливать особый физіологическій передаточный путь между всякимъ возможнымъ раздраженіемъ и цѣлесообразной реакціей организма, природа оставляетъ этотъ способъ только для ограниченнаго числа извѣстныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ раздраженій. Для безконечнаго же множества остальныхъ комбинацій раздражителей она вырабатываетъ нѣчто въ родѣ психическаго коммутатора, который разъ на всегда снабженъ ею свойствомъ оцѣнивать явленія, сообразно съ ихъ біологической пользой или вредомъ, и, соотвѣтственно съ этимъ, открывать раздраженію тотъ или другой путь для производства реакціи.

Указанное соображеніе, хотя и говоритъ въ пользу теоріи взаимодѣйствія, недостаточно, разумѣется, для того, чтобы считать ее доказанной. Оба ученія, какъ параллелизма, такъ и взаимодѣйствія, слишкомъ гипотетичны для того, чтобы можно было принять ихъ за основаніе для построенія тѣхъ или дру-

---

239—300 и прод.; съ другой стороны, законъ сохраненія энергіи и гипотеза атомовъ подвергаются критикѣ со стороны физиковъ, см. *H. Kleinpeter*, J. B. Stallo als Erkenntnisskritiker, Vierteljahrsschr. f. wiss. Philos., XXV, 1901, стр. 401—440 и *J. B. Stallo*, Die Begriffe u. Theorieen der modernen Physik, übersetzt v. H. Kleinpeter, Leipzig, 1901.

гихъ выводовъ изъ положительнаго матеріала другихъ наукъ. Но въ этомъ и не представляется настоятельной надобности. Все, что требуется въ данномъ случаѣ для нашей спеціальной цѣли—изученія отношенія субъекта къ внѣшнему міру—ограничивается лишь констатированіемъ того, что между психическими и физическими явленіями существуетъ правильная и постоянная зависимость; а это фактъ, который одинаково лежитъ въ основѣ всѣхъ теорій. Поэтому, предоставивъ рѣшеніе вопроса о конечной природѣ зависимости психическихъ и физическихъ явленій философіи и психологіи, мы можемъ остановиться на несомнѣнномъ фактѣ существованія и правильности такой зависимости. Эта зависимость психическаго и физическаго ряда сводится къ тому, что различнымъ значеніямъ членовъ физическаго ряда правильно соотвѣтствуютъ значенія ряда психическаго и обратно, причемъ подобная *функціональная* зависимость не предрѣшаетъ и не исключаетъ ни монизма ни дуализма, ни, въ частности, причиннаго взаимодѣйствія, которое представляется наиболѣе правдоподобнымъ [1]).

Съ указанной точки зрѣнія рядъ подлежащихъ нашему изслѣдованію явленій представится въ слѣдующемъ видѣ. Нѣкоторыя матеріальныя явленія по законамъ физическимъ производятъ дѣйствіе на нашъ организмъ и вызываютъ въ немъ матеріальные процессы. Нервному процессу организма правильнымъ и постояннымъ, но точнѣе не опредѣляемымъ образомъ

---

[1]) *Al. Höfler*, Psychologie, Wien u. Prag, 1897, стр. 42 — 63; *H. Höffding*, Psychologie in Umrissen etc., Leipzig, 1887, стр. 67 — 87; *Fr. Paulsen*, Einleitung in die Philosophie, русскій пер. со 2-го изд., Москва, 1894; *Г. Челпановъ*, Очеркъ современныхъ ученій о душѣ, Вопр. фил. и псих., 1900, кн. 52 (III), стр. 287 — 333; *Л. Лопатинъ*, Спиритуализмъ, какъ психолог. гипотеза, тамъ же, 1897, кн. 3 (38), стр. 486 — 534; *H. Rickert*, Psychophisische Causalität und psychophisischer Parallelismus, Philosophische Abhandlungen Christoph Sigwart gewidmet, Tübingen, 1900, стр. 61 — 87; *L. Busse*, Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele und das Gesetz der Erhaltung der Energie, ib., стр. 91—126; *W. Wundt*, Ueber psychische Causalität und das Princip des psychophisischen Parallelismus, Philos. Studien, 10 Bd., Leipzig, 1894, стр. 1—124 (съ спеціальной критикой Münsterberg'a); *J. Petzold*, Die Notwendigkeit und Allgemeinheit des Psychophysischen Parallelismus, Arch. f. Philos., II Abth., N. F. VIII B., 1902, стр. 281—337.

отвѣчаетъ психическій процессъ; съ этого момента начинается теченіе двухъ рядовъ явленій: ряда физическаго и ряда психическаго. Что между обоими рядами есть правильное соотношеніе, это не подлежитъ сомнѣнію. Какъ течетъ рядъ физіологическій, этотъ вопросъ насъ не касается; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что для явленій болѣе сложныхъ всѣхъ нашихъ знаній нервныхъ процессовъ совершенно недостаточно, чтобы вывести самый простой результатъ изъ комбинаціи моллекулярныхъ движеній. Такимъ образомъ у насъ остается процессъ психическій; этотъ процессъ состоитъ изъ пассивнаго отношенія къ внѣшнему раздражанію и слѣдующаго за нимъ активнаго отношенія, заканчивающагося извѣстнымъ психическимъ моментомъ, которому функціонально соотвѣтствуетъ отвѣтное внѣшнее дѣйствіе субъекта. Какъ физическій, такъ и психическій рядъ, представляютъ собою явленія реальныя и потому должны быть подчинены постулату причинности, съ двумя функціональными зависимостями, не исключающими, впрочемъ, причинности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одинъ рядъ переходитъ въ другой; причинность, связывающая члены психическаго ряда, должна быть внутренней, иначе говоря, одни психическія состоянія этого ряда должны быть причинно связаны съ другими. Изученіе этого психо-физическаго ряда, со точки зрѣнія центральнаго члена—субъекта, и составляетъ самостоятельный специфическій матеріалъ для дисциплинъ субъективныхъ, куда, въ числѣ прочихъ, мы относимъ и экономическую науку.

Если предметомъ субъективныхъ наукъ являются психическія состоянія субъекта, то не совпадаютъ ли эти дисциплины съ психологіей и, въ частности, не составляетъ ли экономическая наука части психологіи? Надо сознаться, что съ тѣхъ поръ, какъ психологія, съ одной стороны, въ формѣ соціальной психологіи, стала заниматься вопросами соціологіи, исторіи и языка, а съ другой, политическая экономія, а за ней и нѣкоторыя соціальныя науки стали пользоваться т. н. психологическимъ методомъ, границы между этими двумя науками, прежде совершенно чуждыми другъ другу, стали довольно неопредѣленны. Неудивительно поэтому, что въ послѣднее время экономическую науку, то одну, то вмѣстѣ съ нѣкоторыми соціальными науками, считаютъ въ той или другой формѣ частью пси-

хологіи. Такъ Münsterberg [1]) считаетъ экономическую науку, соціологію, юриспруденцію лишь частями соціальной психологіи; съ другой стороны, теоретики психологическаго ученія о цѣнности склонны считать всю политическую экономію лишь отдѣломъ психологическаго ученія о цѣнности [2]).

Въ этомъ смѣшеніи понятій вѣрно лишь то, что психологія составляетъ вспомогательную науку для дисциплинъ о субъектѣ. Субъективныя отношенія человѣка къ внѣшнему міру, построенныя на извѣстныхъ комбинаціяхъ интеллектуальныхъ элементовъ, чувства и воли, требуютъ уясненія нѣкоторыхъ психологическихъ моментовъ. Но затѣмъ задачи и предметъ психологіи и субъективныхъ наукъ различны. Для психологіи эмпирическое содержаніе сознанія, сложныя формы отношеній субъекта къ внѣшнему міру представляютъ собою только необработанный матеріалъ, составъ и происхожденіе котораго изъ нѣкоторыхъ первоначальныхъ элементовъ требуется найти; эмпирически данныя состоянія разлагаются на конечные элементы, чтобы изъ комбинаціи послѣднихъ снова вернуться къ этимъ эмпирическимъ состояніямъ. Этимъ разложеніемъ данныхъ состояній на первоначальные конечные элементы и сложеніемъ послѣднихъ въ фактическія состоянія исчерпывается сущность и задача психологіи. Поэтому для послѣдней субъектъ есть нѣчто реальное и единое лишь до момента его изслѣдованія. Послѣ того, какъ психологія исполнила свою задачу, или по мѣрѣ того, какъ она ее исполняетъ, субъектъ становится сложнымъ явленіемъ, комбинаціей извѣстныхъ элементовъ; тоже слѣдуетъ сказать и о всякомъ конкретномъ психическомъ состояніи или явленіи; самое единство сознанія также подвергается анализу. Въ отличіе отъ этого, субъективныя науки принимаютъ субъекта, какъ исходную, конкретную единицу, а его психическія состоянія, какъ конечныя состоянія, между которыми, какъ цѣлыми единицами, требуется установить зависимость. То, что въ психологіи разсматривается какъ сложный комплексъ простѣйшихъ элементовъ, то въ субъективныхъ дисциплинахъ является

---

[1]) Grundzüge. d. Psych., Leipzig, 1900, стр. 133—137 (*136*).

[2]) Напр. Dr. *J. Cl. Kreibig*, Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie. Wien 1902, стр. 97—105.

конкретной неразложимой единицей, изъ свойствъ и сочетаній которой требуется вывести объясненіе сложныхъ явленій, для которыхъ эта единица—субъектъ—является конечнымъ элемен томъ, элементомъ съ дальнѣйшимъ разложеніемъ котораго субъективныя дисциплины теряютъ свой смыслъ. Изъ этого основного различія вытекаетъ другое. Психологію интересуетъ различіе содержанія психическихъ состояній лишь постолько, посколько изъ него вытекаетъ необходимость допущенія различныхъ другъ отъ друга простѣйшихъ элементовъ или ихъ различное сочетаніе; разъ разница въ конкретномъ содержаніи не требуетъ принятія новыхъ простѣйшихъ элементовъ или особой, неизвѣстной еще ихъ комбинаціи, конкретное содержаніе психическаго состоянія не представляетъ интереса для психологіи; будетъ ли содержаніемъ психическихъ процессовъ воли убійство, купля-продажа, обмѣнъ, для психологіи во всѣхъ этихъ случаяхъ воля разлагается на извѣстный комплексъ тѣхъ или другихъ первоначальныхъ элементовъ, какъ ощущеніе, представленіе, чувство, хотѣніе; матеріальное содержаніе воленія не имѣетъ значенія. Для дисциплинъ субъективныхъ фактическія состоянія субъекта суть первоначальныя единицы; а потому различіе ихъ содержанія есть различіе самыхъ единицъ, и оно естественнымъ образомъ входитъ въ область изслѣдованія субъективныхъ дисциплинъ.

Но если бы даже теоретически и нельзя было провести точной границы между психологическимъ и тѣмъ, что названо здѣсь субъективнымъ изслѣдованіемъ, то и тогда существовала бы практическая потребность раздѣленія этихъ двухъ областей изслѣдованія. Субъективныя дисциплины принимаютъ во вниманіе множество такихъ моментовъ, имѣющихъ притомъ для этихъ наукъ жизненное значеніе, которые психологія, занятая на неопредѣленное время конечнымъ изученіемъ сравнительно самыхъ простыхъ фактовъ, не въ состояніи даже включить въ область своихъ интересовъ.

§ 2. Причинность или цѣлесообразность?

Особенность субъективныхъ явленій, по сравненію съ объективными, состоитъ въ томъ, что здѣсь процессъ въ извѣстной части своей протекаетъ черезъ среду субъекта, въ которомъ онъ вызываетъ сперва извѣстныя пассивныя отношенія,

переходящія затѣмъ въ активное воздѣйствіе субъекта на среду. Эта субъективная часть процесса отражается въ самосознаніи, какъ состоянія и дѣйствія личности и характеризуется специфическимъ сознаніемъ свободной и цѣлесообразной дѣятельности. Въ то время, какъ для объективнаго теченія явленій, при которомъ мы не допускаемъ въ явленіяхъ субъективнаго сознанія того, что происходитъ съ ними, весь процессъ ограничивается связью однихъ явленій съ другими цѣпью причинъ и слѣдствій, въ явленіяхъ субъективныхъ привходитъ внутреннее сознаніе, разсматривающее реакцію субъекта, какъ цѣлесообразное дѣйствіе его личности. Это обстоятельство постоянно служитъ поводомъ къ тому, что для изученія міра субъективныхъ отношеній и дѣйствій неоднократно предлагали методъ объясненія по цѣлямъ, въ противоположность причинному объясненію явленій физическаго міра. Такъ, Dilthey [1]) полагаетъ, что методъ причиннаго объясненія примѣнимъ безъ ограниченій только къ внѣшнему міру; внутри себя человѣкъ находитъ волю и свободу (стр. 7); здѣсь ему дано только то, что имѣетъ цѣнность и цѣль, поэтому и методъ изученія опредѣляется этими моментами (11); ясность и простота механическаго порядка внѣшняго міра представляетъ собою простой результатъ того, что внѣшній міръ освобожденъ нашимъ сознаніемъ отъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые не укладываются въ рамки этой механической необходимости; мы не можемъ представить себѣ природы иначе, какъ внеся въ нее логическую необходимость и тотъ распорядокъ, въ какомъ вещи находятся въ нашемъ сознаніи; такимъ образомъ мы создаемъ пространство, время, причинность; поэтому причинность, будучи сама созданіемъ внутренняго міра, можетъ примѣняться къ нему самому лишь постолько, посколько онъ самъ это допускаетъ (стр. 470—511).

Въ послѣднее время вопросъ о цѣлесообразности въ наукахъ о человѣкѣ и обществѣ съ особенной силой выдвинутъ Stammler'омъ и Münsterberg'омъ.

По мнѣнію перваго [2]), для выясненія явленій цѣлесообразнаго поведенія недостаточно закона причинъ, необходимъ еще особый методъ цѣлей. Въ соціальныхъ явленіяхъ — говоритъ

---

[1]) *W. Dilthey*, Einleitung in die Geisteswissenschaften, Leipzig, 1883.

[2]) *R. Stammler*, Wirtschaft und Recht, 1896.

онъ—существуетъ двоякая правильность: познанія и дѣятельности. Познаніе относится къ эмпирическому матеріалу совершившихся явленій и состоитъ въ установленіи среди нихъ единства по закону причинъ. Но законъ причинъ не можетъ объяснить будущихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, не можетъ не только потому, что всѣ извѣстные законы причинности еще несовершенны, но потому что эти дѣйствія суть явленія будущія, еще не существующія, только возможныя, слѣдовательно, еще пока не реальныя, а только для реальныхъ явленій законъ причинности можетъ служить объясненіемъ. Но если для такихъ явленій не существуетъ правильности по закону причинъ, то для нихъ существуетъ правильность по закону цѣли. Подобно тому, какъ правильность по закону причинъ состоитъ въ томъ, что данный эмпирическій матеріалъ подводится подъ общую идею причинности, и истиной называется то, что соотвѣтствуетъ конечному критерію истины, такъ познаніе будущихъ дѣйствій по закону цѣли состоитъ въ подведеніи конкретныхъ цѣлей подъ идею конечной цѣли и признаніи объективно-правильными тѣхъ цѣлей, которыя соотвѣтствуютъ конечной цѣли. Но для того, чтобы необходимъ былъ особый принципъ познанія по цѣли—продолжаетъ Stammler—кромѣ познанія по причинамъ, необходимо, чтобы будущія цѣлесообразныя дѣйствія не охватывались вполнѣ однимъ лишь закономъ причинъ. Что логически они не охватываются закономъ причинъ, на это уже было указано—логически законъ причинъ относится только къ эмпирическому матеріалу имѣвшихъ мѣсто явленій и не можетъ охватить того, что эмпирически еще не существуетъ—но и реально будущія цѣлесообразныя дѣйствія не опредѣляются закономъ причинъ, но подчинены особаго рода правильности. Выборъ между двумя цѣлями свободенъ отъ каузальной зависимости, ибо онъ есть выборъ, простая возможность одного или другого (стр. 352, 356); но разъ цѣль поставлена, ей отвѣчаетъ присущее духу стремленіе, побужденіе къ дѣятельности для ея осуществленія. Съ того момента, какъ человѣкъ приступаетъ къ осуществленію поставленной цѣли, онъ вступаетъ въ эмпирическій міръ явленій и слѣдовательно цѣликомъ подчиняется закону причинности, но свободно поставленная цѣль уже есть, есть моментъ, къ которому причинность не имѣетъ никакого отношенія. Эта цѣль поставлена не

подъ давленіемъ каузально дѣйствующихъ эмпирическихъ условій, а по принципу цѣлесообразности, по принципу оцѣнки соотвѣтствія ея съ конечной цѣлью. Но если каждая отдѣльная цѣль свободна отъ причинной зависимости и сообразуется съ конечной цѣлью, то не находится ли послѣдняя въ какой-либо причинной зависимости отъ эмпирической дѣйствительности и не проникаетъ ли причинная зависимость черезъ конечную цѣль въ опредѣленіе цѣлесообразныхъ дѣйствій? Конкретно содержаніе всякой исторически данной цѣли Stammler дѣйствительно признаетъ зависящимъ отъ эмпирическаго развитія соціальной жизни и, слѣдовательно, обусловленнымъ каузально, но самая идея абсолютной цѣли не можетъ быть дана конечными условіями эмпирической дѣйствительности, подобно тому, какъ не дается ею абсолютная идея истины и причины. Такимъ образомъ и конечная цѣль свободна отъ причинной зависимости, и слѣдовательно и этимъ путемъ законъ причинности не проникаетъ въ опредѣленіе цѣлесообразныхъ дѣйствій [1]).

Основное положеніе Stammler'a, что въ цѣлесообразной дѣятельности моментъ постановки цѣли свободенъ отъ причинной зависимости, и потому для объясненія цѣлесообразныхъ дѣйствій необходимо изученіе ихъ по цѣли, не выдерживаетъ критики. Правда, цѣлесообразное дѣйствіе въ моментъ постановки цѣли еще не существуетъ, и, слѣдовательно, является лишь будущимъ; однако эта квалификація явленія, въ качествѣ будущаго, сама по себѣ еще не устраняетъ возможности изученія его по законамъ причинности. Если причинные законы явленій достаточно намъ извѣстны изъ прошедшаго опыта, то мы можемъ объяснить ими и будущее теченіе явленій, въ той или другой ихъ комбинаціи. Сама по себѣ квалификація будущности не освобождаетъ явленія, имѣющаго наступить, въ какой бы то ни было моментъ времени отъ дѣйствія законовъ при-

---

[1]) Аналогичная мысль высказана Л. Толстымъ, Война и миръ, 1868, т. 4, стр. 7: каждый человѣкъ пользуется свободой для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлать такое то дѣйствіе; но какъ скоро онъ сдѣлаетъ его, такъ дѣйствіе это, *совершенное въ извѣстный моментъ времени*, становится невозвратимымъ и дѣлается достояніемъ исторіи, въ которой оно имѣетъ *не свободное*, а предопредѣленное значеніе.

чинности. Не будущій характеръ явленія устраняетъ примѣнимость къ нему законовъ причинности, а самое сомнѣніе въ томъ, будетъ ли ожидаемое явленіе подлежать закону причинъ. По отношенію къ явленіямъ совершившимся научныя воззрѣнія нашего времени не допускаютъ возможности свободы отъ причинной зависимости; точно также не допускаютъ они возможности устраненія причинной зависимости для будущихъ явленій физическаго міра; если же возникаетъ рѣчь о томъ, примѣнимъ ли законъ причинности къ будущимъ поступкамъ человѣка, то очевидно, что допущеніе свободы отъ причинной зависимости вытекаетъ здѣсь не изъ понятія о будущемъ, какъ таковомъ, а изъ извѣстныхъ представленій о произвольности дѣйствій человѣка, еще не наступившихъ. Такимъ образомъ, утвержденіе, что будущія цѣлесообразныя дѣйствія не подчинены закону причинъ, какъ еще не совершившіяся, либо неправильно—въ томъ случаѣ, если бы мы утверждали, что къ нимъ не примѣнимъ законъ причинъ, какъ къ явленіямъ будущимъ, либо сводится къ тавтологіи, если мы станемъ утверждать, что будущія произвольныя дѣйствія не подчинены закону причинности, такъ какъ они могутъ наступить или не наступить независимо отъ причинной зависимости. Равнымъ образомъ неправильны соображенія Stammler'a, которыми онъ доказываетъ положительное присутствіе свободы въ дѣйствіяхъ человѣка. По его мнѣнію, эта свобода осуществляется въ моментъ выбора, когда нѣтъ еще никакого явленія, которое, какъ реальное, было бы подчинено закону причинъ, а между тѣмъ, въ этотъ моментъ существуетъ возможность постановки цѣли, которая по присущему духу порядку вызываетъ влеченіе къ дѣйствію. Однако подобное представленіе ошибочно: въ моментъ выбора есть вполнѣ реальное явленіе, подчиненное закону причинности—это психическій процессъ выбора. Возможность выбора и постановка цѣли совершаются не въ какой-либо трансцедентной области; и выборъ и постановка цѣли суть психическіе процессы, протекающіе въ психофизическомъ организмѣ, а слѣдовательно, невозможно говорить о свободѣ ихъ отъ дѣйствія закона причинъ. Правда, эти процессы неосязаемы и невидимы, но они столь же реальны, какъ и всѣ прочіе невидимые и неосязаемые процессы нашей психической жизни. Если утверждать ихъ свободу отъ причинной зависимости, то ни въ

какомъ случаѣ не на основаніи нереальнаго характера возможности выбора, что совершенно невѣрно, а лишь въ силу реальнаго факта свободы воли, если бы эту свободу можно было доказать. Выборъ цѣли реально былъ бы свободенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы возможно было доказать, что въ реально протекающій психическій процессъ выбора въ извѣстный моментъ привходитъ свободное отъ каузальной зависимости рѣшеніе воли въ той или другой формѣ. Stammler однако не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу такой возможности, кромѣ субъективнаго ощущенія свободы воли, которое не можетъ служить доказательствомъ объективнаго существованія такой свободы.

Но если бы даже допустить, что въ моментъ выбора воля свободна отъ дѣйствія причинной зависимости, то и тогда еще нельзя утверждать, что цѣлесообразныя дѣйствія свободны отъ закона причинъ. Свободу выбора Stammler допускаетъ не въ смыслѣ самопроизвольнаго лишеннаго всякой правильности акта; въ тотъ моментъ, когда выборъ свободенъ отъ каузальной зависимости, онъ сообразуется съ цѣлью, и въ этой цѣлесообразности состоитъ именно, по мнѣнію Stammler'а, правильность произвольныхъ дѣйствій, противополагаемая имъ той правильности, которая проявляется въ подчиненіи причинамъ. Но если такъ, то и самая цѣль, съ которой сообразуется выборъ, также должна быть свободной отъ причинной зависимости, какъ вполнѣ послѣдовательно утверждаетъ Stammler, ибо въ противномъ случаѣ, выборъ, сообразующійся съ каузально обусловленной цѣлью, самъ былъ бы причинно предрѣшенъ. Поэтому Stammler старается доказать свободу отъ причинной зависимости и для цѣли. Онъ признаетъ, что каждая конкретная цѣль каузально обусловлена; но самая идея соотвѣтствія съ цѣлью, идея абсолютной цѣлесообразности, выходитъ за предѣлы эмпирической дѣйствительности, подобно идеѣ абсолютной причинности, и въ этомъ смыслѣ не можетъ зависѣть отъ закона причинности.

Очевидно, здѣсь смѣшивается формальное понятіе конечной цѣли (которое не дано эмпирической дѣйствительностью, подобно идеѣ конечной причины) съ матеріальнымъ содержаніемъ такой цѣли. Поступки людей сообразуются не съ идеей конечной цѣли, а съ тѣмъ или другимъ ея содержаніемъ, подобному тому, какъ и явленія физическія объясняются не идеей причины, а тѣмъ

или другимъ конкретнымъ содержаніемъ этого понятія въ каждомъ данномъ случаѣ. Но если всякое конкретное содержаніе обусловлено каузально, то и всякое дѣйствіе, направляемое къ цѣли, также предрѣшено каузально и отъ такой зависимости оно не можетъ быть освобождено свободной отъ каузальной зависимости *идеей* цѣли, которая безъ опредѣленнаго содержанія не есть то, что влечетъ дѣйствіе къ себѣ. При выборѣ того или другого дѣйствія человѣкъ сообразуется не съ абсолютной идеей цѣли, свободной отъ дѣйствія причинъ, но всегда съ нѣкоторой конкретной цѣлью, данной условіями его дѣйствительной жизни. А такъ какъ всѣ эти цѣли вытекаютъ изъ потребностей эмпирической дѣйствительности, то всѣ онѣ причинно обусловлены, а слѣдовательно и выборъ, сообразующійся съ этими цѣлями, также не свободенъ отъ причинной зависимости.

Равнымъ образомъ, если мы станемъ разсматривать цѣлесообразность, также какъ и причинность, какъ познавательныя категоріи, какъ способы координаціи представленій, то и въ такомъ случаѣ нельзя согласиться съ выводами Stammler'a, такъ какъ они основаны на произвольномъ и неправильномъ оперированіи съ этими познавательными категоріями. Нельзя по произволу одну категорію устранять и замѣнять другой; подобно тому, какъ координацію посредствомъ категоріи пространства нельзя замѣнить координаціей посредствомъ категоріи времени, такъ и координацію причинную нельзя устранить и произвольно замѣнить координаціей посредствомъ категоріи цѣлесообразности. Весь эмпирическій матеріалъ явленій, какъ таковыхъ, познается нами, какъ это признаетъ и Stammler, посредствомъ причинности; а такъ какъ причинность исключаетъ возможность внутренней, направляющей цѣлесообразности, то для послѣдней не можетъ быть мѣста въ мірѣ явленій. Она можетъ существовать только въ мірѣ трансцедентной свободы, и перевести ее оттуда въ міръ явленій возможно только съ отступленіемъ отъ требованій логики, путемъ извѣстнаго метафизическаго произвола.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что особое изученіе произвольныхъ дѣйствій по закону цѣлесообразности въ той части ихъ, которая не объясняется закономъ причинности, невозможно, такъ какъ самой этой части не существуетъ: все цѣлесообразное дѣйствіе съ перваго момента возникно-

венія мысли о его возможности и до полнаго его осуществленія является реальнымъ процессомъ, вполнѣ подчиненнымъ закону причинности [1]).

Иначе мотивируетъ необходимость изученія человѣка, какъ субъекта, по особому закону цѣлей Münsterberg [2]). Онъ вполнѣ признаетъ, что дѣйствія человѣка, изучаемыя, какъ явленія объективныя, подчинены закону причинности на всемъ своемъ протяженіи, и ни на одинъ моментъ эта цѣпь причинъ и слѣдствій не нарушается появленіемъ воли съ ея свободнымъ выборомъ; но, помимо этого объективнаго изученія явленій дѣятельности человѣка по закону причинности, возможно, по его мнѣнію, научное изображеніе ея съ другой точки зрѣнія, не допускающей вовсе идеи причинности, а именно, съ точки зрѣнія, разсматривающей человѣка, какъ субъекта, дѣйствующаго и относящагося къ остальному міру, въ противоположность человѣку, какъ простому объекту изученія; дѣйствія субъекта, именно какъ субъекта, и его отношенія становятся понятными и обнаруживаютъ правильности не съ точки зрѣнія причинъ, а съ точки зрѣнія цѣлей. Поэтому для изученія субъекта, какъ субъекта, возможенъ только методъ изображенія его по цѣлямъ. Но для того, чтобы допустить возможность изображенія по цѣлямъ, необходимо показать, что постановка цѣли свободна отъ причиннаго принужденія. По мнѣнію Münsterberg'a, законъ причинъ дѣйствуетъ лишь по отношенію къ тому производному міру явленій, который мы искуственно объективировали, чтобы сдѣлать предметомъ изученія; и такъ какъ мы объективировали его именно съ тою цѣлью, чтобы изучить явленія въ ихъ взаимной связи, независимо отъ нашей субъективной въ немъ роли, то въ этомъ самомъ процессѣ объективаціи, въ этомъ искуственномъ производствѣ объективнаго міра явленій изъ первоначальной дѣйствительности и заключается implicite возможность и необходимость причинной и одной только причинной зависимости. Тотъ объективный міръ, который мы представляемъ себѣ подчиненнымъ причинной зависимости, и есть тотъ именно

---

[1]) Ср. *С. Булгаковъ*, О закономѣрности соціальныхъ явленій, Вопр. фил. и псих., 1896, кн. 5 (35), стр. 575—611; *П. Струве*, Свобода и историческая необходимость, тамъ же, 1897, кн. 36 (1), стр. 120—139.

[2]) *Hugo Münsterberg*, Grundzüge der Psychologie, Band 1, Leipzig, 1900.

міръ, который мы извлекли изъ дѣйствительности, чтобы создать объективную цѣпь причинной зависимости (стр. 86—87). Поэтому понятно и необходимо, что въ этомъ мірѣ не можетъ быть ничего, что не было бы подчинено причинной зависимости; туда попадаетъ только то, что заранѣе можетъ быть подведено подъ причинное объясненіе. Въ этомъ вторичнаго происхожденія мірѣ объективированныхъ явленій мы помѣщаемъ субъекта; и онъ подвергается такой же переработкѣ, и здѣсь вмѣсто первоначальной реальности, мы подставляемъ нѣчто производное; это производное не есть, правда, нашъ произвольный вымыселъ; оно есть неизбѣжный актъ сознанія, но все же это не первоначально данный субъектъ; желая фиксировать наше я и сдѣлать его предметомъ размышленія, мы замѣняемъ насъ, какъ первоначальнаго субъекта, дѣйствующаго и относящагося, познаваемыми состояніями сознанія; реальный субъектъ замѣняемъ суммой представленій, чувствъ и актовъ воли, составляющихъ объективное содержаніе сознанія познающаго субъекта (стр. 94—97).

Этотъ объективированный субъектъ извлекается изъ дѣйствительности тѣмъ же способомъ и одновременно съ объективаціей всего остальнаго міра; однимъ общимъ актомъ мы извлекаемъ изъ первоначально данной дѣйствительности сперва все познаваемое, объективное, чтобы затѣмъ раздѣлить его на объективный физическій и объективный психическій міръ (стр. 66); въ этомъ объективно познаваемомъ мірѣ мы, прежде всего, находимъ только противоположность объекта вообще и объективировавшаго міръ я, составляющаго условіе существованія объекта (71); но затѣмъ объектъ раздѣляется на двѣ категоріи; одна, которая мыслится, какъ доступная общему познанію многихъ познающихъ субъектовъ — это то, что мы называемъ явленіями физическими; все же остальное познавамое въ объектѣ, что составляетъ принадлежность только одного познающаго я, образуетъ другую группу, которую мы называемъ психическими явленіями (71—72).

Общее происхожденіе одной и другой группы изъ первоначальной дѣйствительности влечетъ за собою извѣстное сходство въ дальнѣйшей методологической ихъ обработкѣ; явленія физическія и психическія должны образовать одну общую замкнутую въ себѣ систему объективированной дѣйствительности

(66, 386). Дальнѣйшая методологическая обработка объективныхъ явленій состоитъ въ сведеніи ихъ къ закону причинности, т. е. къ установленію между однимъ и другимъ явленіемъ такой связи, которую мы называемъ необходимой. Понятіе причинности представляетъ лишь примѣненіе принципа тожественности. Свести одно явленіе къ другому, какъ его причинѣ, значитъ показать тожественность объективнаго явленія въ его новой и прежней формѣ; съ этой цѣлью каждое явленіе мы разлагаемъ на такіе элементы, чтобы новый комплексъ ихъ представлялъ собою тѣ же части, что и прежній, каждую въ томъ положеніи, къ какому приводитъ ее состояніе ея покоя или движенія (83—84). Законъ причинности требуетъ такимъ образомъ возможности отожествленія одного объекта съ другимъ. Эта возможность дана для міра явленій физическихъ; физическія явленія это тѣ явленія, которыя могутъ быть объектомъ многихъ субъективныхъ актовъ познанія, которыя, слѣдовательно, могутъ быть повторно находимы во многихъ случаяхъ и отождествляемы (83). Въ иномъ положеніи находится психическій объектъ; такъ какъ психическимъ является то, что въ познаваемомъ объектѣ составляетъ исключительную принадлежность одного познавательнаго субъективнаго акта, то, въ силу самого опредѣленія, психическое не можетъ повторяться тождественно во многихъ случаяхъ, будутъ ли эти случаи относиться къ разнымъ субъектамъ или къ разнымъ актамъ одного субъекта (72, 384); этимъ самымъ для нихъ исключается возможность непосредственной причинной зависимости (88, 384, сл). Если тѣмъ не менѣе психическіе объекты, какъ объекты, должны раздѣлить судьбу всей остальной объективированной дѣйствительности, и если для нихъ не существуетъ непосредственной причинной зависимости, то они могутъ быть подведены подъ нее косвенно, при помощи сведенія къ физическимъ явленіямъ, которыя уже находятся между собою въ причинной связи. Связь психическаго объекта съ тѣмъ физическимъ, который ему непосредственно отвѣчаетъ (представленія съ предметомъ) не можетъ служить къ объясненію явленій психическихъ, такъ какъ физическій объектъ, по самому своему опредѣленію, представляется общимъ для многихъ актовъ познанія, и благодаря этому не заключаетъ въ себѣ тѣхъ именно признаковъ, которые могли бы характеризовать психическій объектъ, какъ ис-

ключительно индивидуальный актъ одного только я (423). Необходимо поэтому связать психическій объектъ съ такимъ физическимъ, который, самъ будучи подчиненъ причинной зависимости, въ тоже самое время могъ бы выступать не въ роли доступнаго общему познанію объекта (424). Такимъ объектомъ является мозгъ; вызванный представляемымъ объектомъ мозговой процессъ является физическимъ процессомъ, подчиненнымъ всѣмъ законамъ физическаго объективнаго міра, и въ тоже время не можетъ быть для субъекта объектомъ, сохраняя только индивидуальное значеніе; благодаря этому свойству, онъ получаетъ такой же индивидуальный характеръ, какъ психическое состояніе, а это дѣлаетъ возможнымъ сопоставленіе обоихъ явленій (425, 429).

Изъ соотвѣтствія, съ одной стороны, психическаго состоянія съ вызвавшимъ его физическимъ объектомъ и, съ другой— соотвѣтствія того же объекта съ мозговымъ процессомъ вытекаетъ возможность сопоставленія психическихъ объектовъ сознанія съ физическими объектами мозговыхъ процессовъ. А такъ какъ послѣдніе подчинены закону причинности, то косвенно и психическіе объекты могутъ быть связаны между собою тѣми же причинными отношеніями, которыми связаны соотвѣтствующіе психическимъ физическіе объекты (430 сл.).

Слѣдовательно, какъ объекты физическіе, такъ и психическіе могутъ быть подведены подъ законъ причинности, первые сами по себѣ и непосредственно, вторые косвенно, черезъ посредство физическихъ объектовъ; законъ причинности такимъ образомъ можетъ служить объясненіемъ для всего объективнаго міра; онъ и *долженъ* служить такимъ объясненіемъ, ибо цѣль объективаціи состоитъ въ томъ, чтобы переработать первоначальную дѣйствительность въ такую форму, въ которой объекты опредѣлялись бы только причинностью. Но объективный міръ есть не весь міръ, или, вѣрнѣе сказать, не есть первоначально данный дѣйствительный міръ; это искуственная, хотя и логическая необходимая переработка дѣйствительнаго міра. Въ дѣйствительномъ мірѣ, какъ онъ намъ данъ непосредственно, ранѣе всякой теоріи и логической переработки, нѣтъ я, ограничивающагося чистымъ созерцаніемъ всего остальнаго, нѣтъ я, для котораго собственное содержаніе представляется въ видѣ познаваемыхъ психическихъ состояній представленія, чувства и воли;

въ этомъ мірѣ нѣтъ раздвоенія объекта на физическій предметъ и психическое представленіе предмета.

Въ первоначальной дѣйствительности я есть не нѣчто ощущаемое и находимое, а нѣчто переживаемое, дѣйствующее и опредѣленнымъ образомъ относящееся ко всему остальному; объ этомъ я мы не узнаемъ созерцаніемъ, а переживаемъ его, испытываемъ въ его активномъ самопроявленіи; мы знаемъ о немъ способами, которые вовсе несравнимы съ представленіями, переживаемыми этимъ я; мы не можемъ дать понять его описаніемъ; чтобы понять его, надо пережить и испытать. Это я создаетъ свою реальность тѣмъ, что избираетъ и отклоняетъ, любитъ и ненавидитъ, преклоняется и отвращается, стремится и отказывается, обращаетъ и отвращаетъ вниманіе, утверждаетъ и отрицаетъ, словомъ тѣмъ, что проявляетъ воленіе и неволеніе во всемъ безконечномъ разнообразіи оттѣнковъ (50—51).

Это волящее и дѣйствующее я противопоставляетъ себя, какъ субъекта, всему остальному, какъ объектамъ, но эти объекты не суть безразличныя явленія, о которыхъ я узнаетъ однимъ созерцаніемъ; это міръ, къ которому субъектъ становится въ то или другое отношеніе, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, ставитъ цѣли, выбираетъ средства, однимъ словомъ это не міръ, самъ по себѣ существующій, а міръ, оцѣниваемый съ точки зрѣнія интересовъ субъекта. Въ этомъ мірѣ нѣтъ раздѣленія представленія о вещахъ отъ самыхъ вещей; въ немъ вещи помѣщаются въ пространствѣ, во времени и всегда внѣ субъекта и во всей ихъ наглядной реальности (47).

Такимъ образомъ логически первоначальнымъ является міръ небезразличныхъ явленій, въ которомъ нѣтъ только сущаго, а есть имѣющее значеніе, нѣтъ пассивно совершающагося, а дѣйствующее, нѣтъ чистаго созерцанія, а есть признаніе и отрицаніе, нѣтъ безучастнаго воспріятія, а есть переживаніе, нѣтъ физическаго и психическаго, а есть лишь оцѣнивающіе субъекты и относящіеся къ нимъ объекты, міръ, въ которомъ цѣль жизни не физическія или психическія содержанія, а осуществленіе цѣнныхъ цѣлей (53).

Въ этомъ первоначально данномъ мірѣ субъектъ въ своихъ цѣляхъ и дѣйствіяхъ свободенъ; не потому, чтобы законъ причинности не распространялся на него по какой-либо специфи-

ческой причинѣ, или въ какой-либо особый моментъ времени, а просто потому, что о причинахъ здѣсь не можетъ быть рѣчи, и понятіе причины здѣсь не имѣетъ никакого смысла; понятіе причины является лишь вмѣстѣ съ переработкой первоначальной дѣйствительности въ міръ объектовъ, съ превращеніемъ оцѣнивающаго и дѣйствующаго субъекта къ рядъ пассивныхъ психическихъ объектовъ, а оцѣниваемыхъ и подвергающихся дѣйствію вещей въ рядъ безразличныхъ физическихъ объектовъ; однимъ словомъ, съ устраненіемъ изъ первоначальной дѣйствительности понятія цѣли и цѣлесообразно дѣйствующаго субъекта; понятіе причинности implicite заключено въ объективаціи міра, рождается вмѣстѣ съ этимъ міромъ и только въ немъ и для него имѣетъ смыслъ и значеніе. Очевидно, что причинность не можетъ быть способомъ изученія первоначальной дѣйствительности.

Методъ изученія этой дѣйствительности долженъ быть сообразенъ съ подлежащимъ изученію матеріаломъ. Таковымъ является здѣсь оцѣнивающій и дѣйствующій субъектъ, въ связи съ другими такими же субъектами, и вмѣстѣ съ ними составляющій міръ проявленій воли. Воленія являются здѣсь реальностью, которая не подлежитъ, подъ угрозой потери смысла, разложенію на части; они должны быть прочувствованы, пережиты и поняты въ своемъ значеніи, какъ реальная единица, цѣлость (115, 396). Задача изученія состоитъ въ томъ, чтобы въ этотъ міръ воленій внести единство и каждый отдѣльный актъ воли поставить въ отношеніе къ цѣлому. И здѣсь единство вносится принципомъ тожественности (126, 396). Но тожественнымъ здѣсь, въ противоположность объективному міру, является не объектъ, а субъективные акты, а такъ какъ эти акты проявляются въ различныхъ актахъ воленія, то тожественность состоитъ здѣсь въ одинаковомъ направленіи воли (82, 117, 127). Объединяя отдѣльныя воленія, проявляющіяся въ различныхъ психологическихъ субъектахъ, по тожеству цѣли, мы получаемъ цѣлесообразныя реальности (127); объединяя эти реальности по тому же принципу телеологическаго тожества далѣе, мы получаемъ цѣлесообразное единство болѣе общаго порядка; продолжая эту операцію, мы могли бы получить объемлющее весь міръ воленій телеологическое единство (136), и такое единство и составило бы конечную цѣль изученія (127).

И обратно, объясненіе единичнаго въ этомъ мірѣ воленій сводилось бы къ тому, чтобы поставить цѣль этого воленія въ связь съ общимъ телеологическимъ единствомъ (120).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Münsterberg'a, цѣлесообразность является способомъ изученія первоначальной дѣйствительности, причинность—производнаго міра объективированныхъ явленій.

Переходя къ обсужденію правильности этого окончательнаго вывода, мы должны остановиться, прежде всего, на вопросѣ о томъ, что такое «первоначальная дѣйствительность» Münsterberg'a, и откуда авторъ знаетъ ея свойства и конструкцію. Первоначальная дѣйствительность это, прежде всего, не та дѣйствительность, которую мы видимъ въ свѣтѣ нашихъ научныхъ и философскихъ воззрѣній; теоріи и наши понятія уже ее обработали и измѣнили. Равнымъ образомъ это не та дѣйствительность, какою представляется она первобытному человѣку, потому что здѣсь суевѣріе и незнаніе производятъ тотъ же результатъ, что у насъ философія и наука. Такимъ образомъ первоначальная дѣйствительность нигдѣ не дана намъ конкретно; она должна быть искусственно получена послѣ того, какъ мы изъ конкретной массы нашихъ понятій, теорій, опыта исключимъ все то, что привнесено въ него теоретической обработкой, и оставимъ только то, что мы считаемъ первоначальной дѣйствительностью. Однако для того, чтобы сдѣлать подобнаго рода операцію, необходимо, очевидно, имѣть нѣкотораго рода критерій, при помощи котораго мы могли бы сдѣлать расчленіе нашего конкретнаго матеріала на первоначальную дѣйствительность и послѣдующую ея обработку. Критерій этотъ не данъ намъ однако непосредственно, конкретно и безошибочно; онъ самъ есть продуктъ теоріи; реконструкція первоначальной дѣйствительности будетъ различна, въ зависимости отъ ступени нашего теоретическаго развитія, а на одной и той же ступени—въ зависимости отъ качественнаго различія нашихъ теорій. Такимъ образомъ теоретическая обработка проникаетъ въ самое построеніе первоначальной дѣйствительности, которая благодаря этому является логическимъ кругомъ.

Затѣмъ и самая первоначальная дѣйствительность Münsterberg'a представляетъ собою весьма своеобразное явленіе. Въ ней люди никогда не находятся въ покоѣ, никогда не со-

зерцаютъ явленій, какъ они происходятъ сами собою; всегда они стремятся къ цѣлямъ, выбираютъ средства, любятъ, ненавидятъ. Такъ какъ въ первоначальной дѣйствительности отсутствуетъ принципъ причинности, и въ тоже время люди тамъ ни къ чему не относятся равнодушно, то ничто для нихъ не происходитъ по своимъ собственнымъ законамъ, все является лишь для того, чтобы помѣшать осуществленію цѣлей или содѣйствовать таковому. Дождь здѣсь никогда не вызывается состояніемъ погоды, а идетъ для того, чтобы помѣшать прогулкѣ; если человѣкъ споткнулся, онъ никогда не разсматриваетъ этого происшествія, какъ результатъ неосторожности или неловкости, а только какъ препятствіе, очутившееся здѣсь, чтобы помѣшать осуществленію какой либо цѣли. Быть можетъ, подобная дѣйствительность и существуетъ для нѣкоторыхъ людей, но нѣтъ достаточныхъ основаній приписывать ее всѣмъ безъ исключенія.

На самомъ дѣлѣ не существуетъ дѣйствительности, въ которой для человѣка исключено было бы созерцаніе явленій, какъ они происходятъ по своимъ собственнымъ законамъ. Хотя объекты и служатъ цѣлями и средствами, но и въ этой своей роли, въ промежуткѣ между воздѣйствіями человѣка, они живутъ своей собственной жизнью, измѣняются или остаются неизмѣнными по своимъ собственнымъ законамъ, и чтобы не видѣть этого, человѣкъ, живущій въ «первоначальной дѣйствительности», долженъ былъ бы нарочно закрывать глаза. Равнымъ образомъ и самое осуществленіе цѣлей, которымъ исключительно занимается человѣкъ въ этой дѣйствительности, совершенно невозможно, если не принимать во вниманіе правильности послѣдованія и сосуществованія вещей и процессовъ, а въ этомъ implicite заключается законъ причинности, съ которымъ, слѣдовательно, осуществляющій цѣли долженъ и не можетъ не считаться въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ только созерцающій. Наконецъ, въ самую постановку цѣли входитъ моментъ созерцанія, а слѣдовательно, объективаціи, элементъ объективаціи заключенъ и въ природѣ цѣнностей, въ видѣ которыхъ существуютъ для человѣка вещи въ первоначальной дѣйствительности, по мнѣнію Münsterberg'a. Но съ моментомъ объективаціи неразлученъ и моментъ причинности, а

потому черезъ цѣнность и цѣль причинность проникаетъ во всякую дѣйствительность, въ томъ числѣ и первоначальную.

Такимъ образомъ, первоначальная дѣйствительность является логически невѣрнымъ построеніемъ и методологически ошибочной абстракціей. Но если бы даже она и существовала, то изученіе ея было бы невозможно. Это слѣдуетъ изъ того, что первоначальная дѣйствительность доступна только переживанію, но не пониманію или описанію. Всякое изученіе требуетъ созерцанія и объективаціи изучаемаго, поэтому методъ ознакомленія съ первоначальной дѣйствительностью, рекомендуемый Münsterberg'омъ и состоящій въ томъ, чтобы заставить переживать цѣли, чувства, состоянія изображаемаго субъекта, является методомъ художественнаго творчества, а не научной теоріи.

Отсюда слѣдуетъ, что методъ изученія по принципу цѣлесообразности, предлагаемый Münsterberg'омъ для наукъ о духѣ, не выдерживаетъ критики, во-первыхъ, за отсутствіемъ той первоначальной дѣйствительности, къ которой этотъ методъ долженъ былъ бы прилагаться, и, во-вторыхъ, даже въ случаѣ допущенія такой дѣйствительности — за невозможностью примѣненія къ ней этого и какого-бы то ни было другого метода изученія.

Въ такой-же степени произвольны и неправильны утвержденія этого автора и относительно невозможности непосредственнаго приложенія принципа причинности къ изученію психическихъ явленій въ мірѣ объективированномъ. Утвержденія эти основаны на неправильномъ пониманіи сущности причинности и отрицаніи возможности какого-либо непосредственнаго объединенія психическихъ явленій. Принципъ причинности, согласно мнѣнію Münsterberg'а, состоитъ въ тожествѣ причины со слѣдствіемъ. Однако, если причина и слѣдствіе, по словамъ самого же автора, разлагаются на элементы, которые въ слѣдствіи осуществляютъ то положеніе покоя или движенія, какое имъ виртуально свойственно въ причинѣ, то этимъ самымъ уничтожается тожество причины со слѣдствіемъ, и логическое объединеніе обоихъ комплексовъ является лишь слѣдствіемъ той необходимой ихъ послѣдовательности, которая создается понятіемъ причинной связи. Понятіе причинности требуетъ только послѣдовательности и сосуществованія, съ присоединеніемъ момента

необходимости, безусловности или т. п. Сведеніе матеріальнаго содержанія причины и слѣдствія къ различнымъ проявленіямъ тожественнаго (силы, атомовъ) представляетъ собою послѣдующую гипотезу, не имѣющую логически необходимой связи съ самымъ принципомъ причинности.

Что касается признанія каждаго психическаго явленія чѣмъ-то абсолютно единичнымъ, абсолютно безсвязнымъ и абсолютно неповторяемымъ, то оно является совершенно произвольнымъ. Если бы психическія явленія абсолютно не поддавались никакому логическому и познавательному объединенію, то такая же сингулярная обособленность была бы и удѣломъ физическихъ явленій. Всякое физическое явленіе дается намъ, какъ воспріятіе; если бы два послѣдовательныхъ воспріятія, какъ психическія состоянія, были абсолютно несравнимы ни въ какомъ отношеніи, то и данныя въ нихъ содержанія были также всякій разъ индивидуально-сингулярны. Отожествленіе одного и того же физическаго объекта въ двухъ послѣдовательныхъ воспріятіяхъ есть не что иное, какъ отожествленіе содержанія двухъ представленій. Подобно тому, какъ психическія состоянія сравнимы по содержанію, такъ они сравнимы по интенсивности, по чувственному тону; они могутъ быть объединяемы по принадлежности къ сознанію, по категоріи сосуществованія и послѣдовательности. Если же нѣтъ принципіальныхъ препятствій вообще къ познавательному объединенію психическихъ явленій, то нѣтъ формальнаго препятствія и къ возможному примѣненію къ нимъ, въ частности, причинной связи; такимъ образомъ, необходимость связывать психическія явленія косвенно черезъ процессы мозга отпадаетъ сама собою. Этотъ послѣдній способъ объясненія психическихъ явленій, помимо того, что онъ не нуженъ, вызываетъ много возраженій, какъ самъ по себѣ, такъ и въ той формѣ, какъ обосновываетъ его разсматриваемый авторъ. Объясненіе психическихъ явленій черезъ посредство физіологическихъ страдаетъ тѣмъ отсутствіемъ опредѣленнаго смысла и противорѣчіями съ данными опыта, какія уже давно обнаружены въ матеріалистическомъ объясненіи психическихъ явленій. Къ этимъ недостаткамъ Münsterberg присоединяетъ еще произвольное обособленіе мозговыхъ процессовъ, которымъ приписывается специфическая особенность— невозможность быть объектами для познающаго субъекта. Нѣтъ

ничего невозможнаго въ томъ, чтобы мы наблюдали нашъ собственный мозгъ, если для этого будетъ придуманъ соотвѣтствующій аппаратъ; правда, мы не можемъ наблюдать молекулярнаго движенія, соотвѣтствующаго мыслямъ, но не въ лучшемъ положеніи мы находимся и по отношенію ко всѣмъ прочимъ молекулярнымъ процессамъ.

Такимъ образомъ все ученіе Münsterberg'а о необходимости телеологическаго изученія общественныхъ явленій и невозможности причиннаго изслѣдованія психики человѣка является произвольной и недоказанной гипотезой, и потому нисколько не въ состояніи устранить примѣненіе въ соціальныхъ наукахъ столь испытаннаго средства, какъ принципъ причинности. Этотъ выводъ нисколько однако не устраняетъ возможности и плодотворности изображенія соціальной дѣйствительности по цѣлямъ, преслѣдуемымъ отдѣльными индивидами и ихъ группами или союзами, съ координаціей этихъ цѣлей по степени ихъ общности, если только этимъ не рѣшается вопросъ объ устраненіи дѣйствія закона причинности, и если цѣлесообразности не приписывается свойства устанавливать между явленіями такую связь, которая устраняла бы связь причинную. Подобнаго рода изображеніе брало бы индивидовъ и ихъ группы такъ, какъ они живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ субъективномъ самосознаніи, ставящими себѣ цѣли, выбирающими средства. Такое изображеніе отрываетъ намъ внутренній смыслъ стремленій, желаній, убѣжденій, дѣйствій и является давно извѣстнымъ и постоянно примѣняемымъ способомъ объясненія смысла жизни, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ скрытъ отъ насъ временемъ или пространствомъ. Это обыкновенный методъ исторіи, который не требуетъ никакой дѣйствительности, кромѣ той, какая дѣйствительно существуетъ и существовала. Но, становясь на точку зрѣнія дѣйствующихъ лицъ и массъ, мы допустили бы логическій произволъ, если бы стали утверждать, что и объективно, независимо отъ представленій дѣйствующихъ лицъ, ходъ вещей опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ и независимой отъ каузальнаго принужденія постановкой цѣлей. Въ своемъ внутреннемъ самоопредѣленіи дѣйствующія лица могутъ сознавать себя свободными отъ причинной необходимости, сообразующимися съ цѣлями, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что и объективный порядокъ ихъ дѣйствій составляетъ исключеніе изъ об-

щаго для всѣхъ явленій закона причинности. Послѣднее обстоятельство должно быть доказано, и притомъ не ссылкой на ту абсолютную свободу, которая присуща вещи въ себѣ и, слѣдовательно, допустима только въ трансцедентной области умопостигаемаго, и не для фиктивнаго теоретическаго міра, а для того, именно, міра явленій, который составляетъ эмпирическій матеріалъ научныхъ изслѣдованій. Я и не вижу, чтобы для этого міра свобода и цѣлесообразность, независимыя отъ каузальной необходимости, были доказаны.

Наконецъ, невозможность изучать произвольныя дѣйствія съ точки зрѣнія абсолютной цѣлесообразности, устраняющей причинность, нисколько не мѣшаетъ, разумѣется, изучать ихъ, если надо, съ точки зрѣнія апостеріорной цѣлесообразности, при полномъ признаніи причинной зависимости. Всякое явленіе можно разсматривать какъ цѣль, къ которой ведетъ предшествующее, не утверждая при этомъ, что это предшествующее, свободно дѣйствуя, имѣло въ виду осуществить и осуществило произведенный результатъ, и не отрицая что предшествующее дѣйствовало по причинамъ и съ каузальною необходимостью произвело послѣдующее. Но разъ мы имѣемъ это послѣдующее, ничто не мѣшаетъ намъ разсматривать его, какъ конечный моментъ, и массу предшествующаго раздѣлить на явленія, которыя вели къ этому моменту, и явленія, которыя ему препятствовали или относились къ нему безразлично. Подобная точка зрѣнія необходима и плодотворна повсюду. Въ дѣйствительности цѣлесообразность эта является ничѣмъ инымъ, какъ обратной причинностью, въ родѣ будущаго времени для повѣствованія о прошедшихъ событіяхъ, и никоимъ образомъ не можетъ ни быть настоящей цѣлесообразностью, устраняющей причинность, ни переходной ступенью къ ней [1]).

Въ качествѣ такой апостеріорной цѣли мы можетъ взять не только реальное, осуществившееся явленіе, но и произвольно предполагаемое, разсматривая весь рядъ дѣйствительныхъ явленій съ точки зрѣнія приближенія или удаленія отъ этого извнѣ привнесеннаго момента. Такимъ образомъ привносимъ мы въ изслѣдованіе моменты, обладающіе той или другой цѣн-

[1]) Какъ, между прочимъ, думаетъ *Sigwart*, Kleine Schriften, 2 Reihe, Freiburg i. B. u. Tübingen, 1881, Der Kampf gegen Zweck, стр. 24—67..

ностью, этической, художественной и т. п., и тогда все предшествующее, сообразно тому, стремится ли оно къ этой апостеріорной цѣли или уклоняется отъ нея, получаетъ квалификацію разумнаго, справедливаго, прекраснаго, или неразумнаго, несправедливаго, безобразнаго и т. д. Такова точка зрѣнія всѣхъ наукъ, которыя въ юриспруденціи и экономикѣ принято называть политиками: политика экономическая, административная, финансовая, уголовная и гражданская.

Экономическая политика, играющая безспорно важную роль среди соціальныхъ дисциплинъ, исчерпываетъ собою сферу примѣненія этого квалифицированнаго метода апостеріорной цѣлесообразности. Но она, разумѣется, не исчерпываетъ собою всей возможной области экономическаго изученія явленій. Для послѣдняго такимъ образомъ остается единственный, но зато испытанный и давшій уже цѣнные результаты методъ изученія по причинамъ.

§ 3. Полный и неполный причинный рядъ.

Изученіе субъекта въ его отношеніяхъ къ внѣшнему міру и цѣлесообразной дѣятельности можетъ происходить и происходитъ двоякимъ образомъ. Субъектъ, съ свойственной себѣ психической организаціей, поставленъ въ извѣстныя внѣшнія условія существованія. Внѣшняя среда производитъ на него свое дѣйствіе, субъектъ реагируетъ на это дѣйствіе извѣстнымъ отношеніемъ, которое черезъ рядъ психическихъ процессовъ переходитъ въ импульсъ къ поступку, затѣмъ въ поступокъ, послѣдній вызываетъ тѣ или другія измѣненія внѣшней среды. Такимъ образомъ цѣпь причинъ начинается съ внѣшняго воздѣйствія и кончается внѣшними же результатами, проходя этотъ путь черезъ психику субъекта. Сообразно съ этимъ, и изученіе субъекта въ его отношеніяхъ и дѣйствіяхъ, можетъ быть направлено либо на открытіе правильныхъ соотношеній и зависимости между внѣшними агентами и внѣшними результатами дѣйствій, съ исключеніемъ промежуточной стадіи — психики субъекта, либо на весь рядъ, начиная отъ внѣшняго агента, проходя черезъ психику субъекта и кончая внѣшнимъ дѣйствіемъ. Напримѣръ, правильность соотношенія между количествомъ товаровъ и ихъ цѣною можетъ быть изучаема двоякимъ

образомъ: во-первыхъ, мы можемъ констатировать измѣняющіяся количества товаровъ и соотвѣтствующія каждому количеству цѣны и установить зависимость между этими двумя объективными фактами; во-вторыхъ, мы можемъ прослѣдить дѣйствіе увеличивающагося или уменьшающагося количества товаровъ на психическое отношеніе субъекта къ этому факту, переходъ этого отношенія въ другое психическое состояніе—оцѣнку, наконецъ, выраженіе послѣдней во внѣшнемъ дѣйствіи—опредѣленіи цѣны.

Первый способъ даетъ внѣшнюю зависимость между двумя отдѣльно стоящими явленіями, промежуточныя звенья причинной зависимости между которыми исключаются изъ изученія; второй способъ устанавливаетъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій, начиная отъ перваго и кончая послѣднимъ явленіемъ. Первый способъ никогда на практикѣ не даетъ намъ знанія вполнѣ точныхъ соотношеній между первымъ и послѣднимъ явленіемъ, не даетъ знанія т. н. точныхъ законовъ, а устанавливаетъ лишь эмпирическую зависимость между ними. Дѣйствительно, точная причинная зависимость можетъ быть выведена только при томъ условіи, если послѣдующее явленіе (предполагаемое слѣдствіе) не можетъ быть отнесено ни къ чему иному, какъ данному предшествующему (предполагаемой причинѣ). Это условіе осуществляется въ двухъ идеальныхъ случаяхъ: когда предшествующее остается тожественнымъ самому себѣ, а всѣ прочія явленія безъ исключенія, связанныя съ нимъ въ конкретно данную эмпирическую причину, мѣняются (правило единственнаго совпаденія); или, обратно, когда измѣняется только данное предшествующее, а всѣ остальныя части конкретнаго факта, въ которомъ является предшествующее, остаются абсолютно тожественными (правило единственной разницы). Ни то, ни другое условіе въ данномъ случаѣ не можетъ быть осуществлено въ дѣйствительности, благодаря самой природѣ метода изслѣдованія. Послѣдующее явленіе — внѣшній результатъ дѣйствія—есть слѣдствіе психическаго акта субъекта; самый актъ этотъ, по характеру метода, не входитъ въ область изученія, слѣдовательно зависимость между отдѣльными моментами психическаго акта и соотвѣтствующими имъ частями внѣшнихъ результатовъ дѣйствія не устанавливается; иначе говоря, внѣшніе результаты дѣйствія (конечный моментъ причинной цѣпи)

берутся во всей ихъ эмпирически данной полнотѣ. Для того, чтобы внѣшніе результаты дѣйствія, какъ конечный моментъ изслѣдованія, не могли быть отнесены ни къ чему другому, какъ только къ своему предшествующему—предполагаемой причинѣ—въ данномъ случаѣ внѣшнему агенту, необходимо, чтобы психическое состояніе, вызывающее внѣшніе результаты дѣйствія, въ свою очередь, было слѣдствіемъ только одного этого внѣшняго агента и ничего другого; иначе въ слѣдствіе—внѣшніе результаты дѣйствія—черезъ психическое состояніе проникнетъ больше, чѣмъ заключается въ причинѣ, на которой мы фиксируемъ вниманіе—внѣшнемъ агентѣ. Между тѣмъ, на практикѣ совершенно невозможно взять такой случай, чтобы психическое состояніе было единственно и исключительно вызвано одной изслѣдуемой причиной—даннымъ внѣшнимъ агентомъ [1]). При непрерывномъ вліяніи на психику множества условій внѣшней среды, организма и элементовъ самой психики, не возможно найти психическій актъ, который былъ бы слѣдствіемъ одной данной причины — внѣшняго агента, на которомъ мы произвольно, сообразно съ той или другой цѣлью, останавливаемся въ нашемъ изслѣдованіи. Такимъ образомъ въ эмпирически данные внѣшніе результаты дѣйствія привходитъ черезъ посредство упускаемаго изъ вниманія психическаго акта всегда бо́льшее дѣйствіе, чѣмъ сколько это обусловлено одной данной причиной. Благодаря этому и отношеніе между внѣшними результатами дѣйствія и внѣшнимъ агентомъ никогда не бываетъ точнымъ, а всегда лишь болѣе или менѣе приблизительнымъ и тѣмъ точнѣе, чѣмъ лучше удается исключить всѣ вліянія, кромѣ дѣйствія изслѣдуемаго внѣшняго агента. За невозможностью экспериментальнаго устраненія посторонніхъ вліяній въ цѣляхъ научнаго изслѣдованія, наилучшимъ способомъ является сведеніе дѣйствія этихъ явленій къ возможному минимуму, посредствомъ подбора возможно большаго числа случаевъ наличности даннаго изслѣдуемаго внѣшняго агента, безъ вниманія къ присутствію или отсутствію другихъ дѣйствующихъ моментовъ. Случайныя по отношенію къ данному агенту вліянія будутъ

---

[1]) Примѣры теорій, построенныхъ на такомъ ошибочномъ предположеніи см. Robert *Eisler*, Studien zur Werttheorie, Leipzig, 1902, стр. 11 и вообще по этому вопросу стр. 1—22.

комбинироваться въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и въ общей своей массѣ нейтрализовать другъ друга, благодаря чему конечный результатъ будетъ выступать все яснѣе и яснѣе, какъ слѣдствіе даннаго неизмѣннаго агента. Однако и при этомъ способѣ вполнѣ устранить вліяніе постороннихъ причинъ невозможно, ибо только теоретически при безконечно большомъ числѣ наблюденій вѣроятность того, что такого рода вліянія стремятся къ нулю, приближается къ единицѣ, на практикѣ же мы никогда не имѣемъ безконечно большого числа наблюденій, и потому эмпирическій результатъ дѣйствія данной причины даже при массовомъ наблюденіи всегда отличается на нѣкоторую конечную величину отъ истиннаго дѣйствія этой причины

Но даже и въ такомъ случаѣ намъ удается устранить лишь случайно комбинирующіяся вліянія; но никакимъ накопленіемъ числа случаевъ мы не въ состояніи устранить дѣйствія причинъ постоянныхъ. А между тѣмъ мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы такихъ постоянныхъ причинъ не было въ психикѣ субъекта. Дѣйствуя постоянно вмѣстѣ съ внѣшними агентами и всегда въ одномъ направленіи, онѣ всегда привносятъ въ конечный результатъ нѣкоторую добавочную прибавку, которая не связана причинно съ внѣшнимъ агентомъ.

Кромѣ неточности, открываемыя такимъ пріемомъ правильныя соотношенія характеризуются еще другою особенностью, которую можно назвать ихъ неконечностью, и которая состоитъ въ томъ, что соотношенія эти не представляются нашему уму окончательнымъ, самимъ по себѣ понятнымъ объясненіемъ явленій. Въ этомъ отношеніи законы, относящіеся къ явленіямъ цѣлесообразной жизни субъекта, отличаются отъ законовъ физическаго міра. Если въ области физическихъ явленій установлено точное количественное соотношеніе двухъ элементарныхъ дѣйствій или явленій, то это соотношеніе, поскольку оно абсолютно точно, представляетъ собою не только точный, но и конечный законъ, т. е. законъ, который принимается нами, какъ окончательное объясненіе, не нуждающееся въ дальнѣйшемъ сведеніи къ чему-либо болѣе понятному. Наиболѣе характернымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить законъ тяготѣнія, который устанавливаетъ фактъ точнаго количественнаго соотношенія между силой притяженія, разстояніемъ и массой

тѣлъ. Таковъ же законъ эквивалентности различныхъ видовъ энергіи и многіе другіе. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ правильными соотношеніями между явленіями, затрагивающими область субъекта. Здѣсь внѣшнія соотношенія между явленіями, хотя бы удалось выразить ихъ въ абсолютно точныхъ цифрахъ, никогда не будутъ понятны до тѣхъ поръ, пока мы не выразимъ ихъ въ окончательныхъ терминахъ психики субъекта. Если бы намъ удалось найти вполнѣ точное количественное соотношеніе между увеличеніемъ количества товаровъ и паденіемъ ихъ цѣны, или вполнѣ точное количественное соотношеніе между размѣромъ рабочей платы и высотой прибыли, то такого рода соотношенія все таки представлялись бы нашему уму нѣкотораго рода загадкой до тѣхъ поръ, пока намъ не удалось бы выразить ихъ въ терминахъ психики субъекта, свести ихъ къ функціямъ субъекта. Такого рода загадки представляютъ намъ всѣ статистическіе законы въ тѣхъ случаяхъ, когда психическая сторона внѣшнихъ соотношеній не очевидна сама собою; такимъ образомъ зависимость количества кражъ отъ цѣны на главный или существенный продуктъ питанія населенія, если таковая замѣчается, понятна намъ, вслѣдствіе очевидности психической стороны этого соотношенія, тогда какъ распредѣленіе числа самоубійствъ по часамъ сутокъ остается непонятнымъ до тѣхъ поръ, пока мы не сдѣлаемъ попытки, подобно, напримѣръ, Durkheim'у, свести эту зависимость къ дѣйствію внѣшнихъ причинъ, вызывающихъ самоубійство, на психику субъекта, совершающаго этотъ поступокъ.

Такимъ образомъ изученіе причинной зависимости между внѣшними агентами и внѣшними результатами дѣйствій, съ пропускомъ связующей эти два конечныхъ момента психики субъекта, даетъ въ результатѣ неокончательное знаніе приблизительныхъ соотношеній, или неточные и неконечные, иначе говоря, эмпирическіе законы.

Другой способъ изученія состоитъ въ непрерывномъ изслѣдованіи всего ряда причинъ и слѣдствій, начиная отъ внѣшняго агента, переходя черезъ психическія состоянія и кончая внѣшнимъ дѣйствіемъ и его результатами. Не пропуская ни одного звена причинной зависимости между двумя конечными моментами, подлежащими изслѣдованію, этотъ способъ устраняетъ въ теоріи безконтрольную возможность проникновенія въ

слѣдствіе, сверхъ той причины, которая принимается за начальный моментъ изслѣдованія, дѣйствія другихъ причинъ; съ другой стороны, проводя цѣпь причинъ и слѣдствій черезъ психику субъекта, этотъ способъ дѣлаетъ зависимость между конечными внѣшними моментами окончательно для насъ понятной. Такимъ образомъ здѣсь мы можемъ получить вполнѣ точные въ теоріи и конечные законы. Но эти точные и конечные законы по своей природѣ обладаютъ абстрактностью, въ томъ смыслѣ, что не обнимаютъ собою вполнѣ какого-либо эмпирически даннаго явленія, такъ какъ всякое эмпирически данное явленіе представляетъ собою комплексъ причинъ и комплексъ слѣдствій, методъ же отысканія точной зависимости по природѣ своей стремится къ расчлененію каждаго комплекса на конечные элементы и сопоставленію каждаго отдѣльнаго элемента съ предшествующими ему или послѣдующими элементами. Если бы возможно было изучить рядъ причинъ и слѣдствій для каждаго безъ исключенія элемента эмпирически данныхъ явленій, то этимъ самымъ было бы дано полное точное и конечное знаніе этихъ эмпирическихъ явленій въ ихъ конкретной дѣйствительности. Однако подобное полное изученіе всѣхъ первоначальныхъ элементовъ въ ихъ причинной и слѣдственной зависимости въ области наукъ, касающихся субъекта, при сложности, измѣнчивости явленій и маломъ пока знакомствѣ нашемъ съ ними, невозможно. Поэтому неизбѣжно приходится выбирать изъ сложнаго комплекса эмпирическаго явленія тотъ или другой наиболѣе существенный элементъ и затѣмъ слѣдить за его искуственно изолированнымъ прохожденіемъ черезъ цѣпь конкретныхъ причинъ и слѣдствій, заключающихъ въ себѣ, кромѣ даннаго изолируемаго элемента, еще бо́льшее или меньшее количество другихъ элементовъ, сознательно оставляемыхъ нами безъ изученія. Если намъ удастся уловить элементъ, составляющій существенную часть явленія и правильно прослѣдить его переходы въ цѣпи причинъ и слѣдствій, то мы получаемъ точный и конечный законъ дѣйствія нѣкоторой существенной части эмпирическаго явленія, не исчерпывающій однако и въ этомъ случаѣ всей полноты и сложности конкретнаго явленія.

Къ этой абстрактности конечныхъ и точныхъ законовъ присоединяется еще во многихъ случаяхъ ихъ гипотетичность, вытекающая изъ того, что во многихъ случаяхъ, за невозмож-

ностью установить соотношеніе между тѣми или другими элементами точнымъ путемъ индуктивнаго наблюденія, приходится выводить его дедуктивнымъ способомъ, исходя изъ истинъ, полученныхъ, въ свою очередь, путемъ болѣе или менѣе грубой популярной индукціи изъ повседневнаго опыта эмпирическихъ фактовъ. Едва ли, напримѣръ, возможно вывести точнымъ индуктивнымъ путемъ соотношеніе между количествомъ товаровъ и ихъ цѣною черезъ всю цѣпь причинъ и слѣдствій; уже одно соотношеніе между измѣняющимся количествомъ товаровъ и психическимъ отношеніемъ субъекта къ этому явленію не поддается точному индуктивному изслѣдованію въ виду того, что воспроизвести эти явленія экспериментальнымъ путемъ въ томъ самомъ видѣ, какъ то необходимо для экономическаго изученія, невозможно, въ конкретной же дѣйствительности данный агентъ— измѣняющееся количество — комбинируется съ такимъ множествомъ столь измѣнчивыхъ другихъ агентовъ, что невозможно фиксировать двухъ случаевъ, въ которыхъ всѣ прочія части были бы тожественны, за исключеніемъ измѣнившагося количества, или обратно, только количество оставалось бы неизмѣннымъ, при достаточной доказанности факта различія всѣхъ безъ исключенія остальныхъ элементовъ явленія. Вмѣсто точнаго индуктивнаго вывода приходится довольствоваться болѣе или менѣе эмпирической индукціей, пріобрѣтающей научное значеніе только благодаря тому, что въ огромномъ запасѣ накопленныхъ жизненнымъ опытомъ фактовъ она не встрѣчаетъ себѣ противорѣчія, а дедуктивные изъ нея выводы болѣе или менѣе согласны съ дѣйствительностью. Принявъ полученное такимъ образомъ положеніе за истину, мы дедуцируемъ изъ него долженствующія наступить дѣйствія и таковыя же ихъ внѣшнія послѣдствія и доказываемъ наличность послѣднихъ въ сложномъ комплексѣ эмпирическаго явленія. Весьма понятно, что въ каждой стадіи этого процесса: въ популярномъ наведеніи, въ дедуктивномъ выводѣ, въ провѣркѣ вывода на основаніи неизбѣжно приблизительнаго согласованія его съ гораздо болѣе сложнымъ эмпирическимъ явленіемъ, всюда скрыта возможность недостаточнаго соотвѣтствія нашихъ положеній съ истиной сущностью явленій. Благодаря то этимъ обстоятельствамъ, выведенные законы и причинныя соотношенія, при ихъ формальной точности и окончательной самопонятности, нерѣдко

являются гипотетичными. Если же принять во вниманіе, что по самой природѣ метода они обязательно должны быть абстрактными, т. е. не совпадающими со всей полнотой и сложностью объясняемаго ими эмпирическаго явленія, станетъ понятнымъ, что во многихъ случаяхъ такіе законы и причинныя соотношенія, по необходимости, должны сохранять свой гипотетическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, когда гипотетическое положеніе въ дѣйствительности вполнѣ истинно, истинность его часто не можетъ быть достаточно убѣдительно доказана согласіемъ съ эмпирическими фактами, такъ какъ въ силу абстрактности выведенныхъ законовъ, эмпирически данный фактъ всегда полнѣе по своему содержанію, сравнительно съ тѣмъ выводомъ, какой вытекаетъ изъ предполагаемаго закона; благодаря такому неполному совпаденію факта съ выводомъ изъ гипотетическаго положенія, послѣднее не можетъ быть строго доказано путемъ провѣрки; и обратно, несоотвѣтствіе положеній гипотезы съ дѣйствительностью, даже въ случаѣ ошибочности гипотезы, легко можетъ быть относимо на счетъ необходимаго уклоненія эмпирическихъ фактовъ отъ абстрактнаго закона. Современная научная техника выработала много средствъ для того, чтобы, по-возможности, устранить или ослабить гипотетическій характеръ точныхъ законовъ и объясненій; дедукціи строятся только на такихъ эмпирически полученныхъ индукціяхъ, правильность которыхъ почти безспорна, вслѣдствіе постояннаго подтвержденія ихъ на практикѣ; простыя массовыя наблюденія восполняются методическими сравнительными, историческими и статистическими изслѣдованіями; эти же методическіе пріемы наблюденія служатъ и для провѣрки выводовъ; на помощь популярной психологіи приходитъ психологія научная.

Указанными двумя способами исчерпывается изслѣдованіе цѣлесообразной дѣятельности субъекта по закону причинъ. Изученіе соотношенія внѣшнихъ факторовъ съ внѣшними результатами дѣйствій выражается въ установленіи внѣшнихъ неточныхъ и неконечныхъ эмпирическихъ законовъ; изученіе соотношенія между тѣми же конечными моментами черезъ посредство психической среды субъекта даетъ точные и конечные, но абстрактные и отчасти гипотетическіе законы. Оба способа стремятся къ познанію опредѣленной сферы реальныхъ явленій съ такимъ приближеніемъ къ истинѣ, какое допускается состояніемъ научной техники, и нѣтъ никакого основаія требо-

вать исключительнаго примѣненія одного какого либо метода. Опытъ показалъ, что каждый способъ даетъ результаты, которые не могутъ быть получены другимъ способомъ, и каждый имѣетъ свою сферу примѣненія. Способъ изслѣдованія эмпирической зависимости между внѣшними фактами выражается въ историческомъ и статистическомъ методахъ и служитъ для изученія историческаго развитія хозяйственныхъ явленій, въ ихъ эмпирическомъ видѣ, и для изученія эмпирическаго состоянія хозяйства въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Но точные законы хозяйственныхъ отношеній и дѣйствій субъекта могутъ быть открыты только полнымъ изученіемъ всей цѣпи причинъ и слѣдствій. Такое полное изученіе, характеризуемое введеніемъ психики субъекта, примѣнялось въ экономической наукѣ съ самого начала ея возникновенія, оно практиковалось физіократами, А. Смитомъ, англійскими классиками, но наиболѣе полное выраженіе нашло себѣ въ т. н. психологическомъ направленіи политической экономіи. Подобно тому, какъ простыя дедукціи изъ точныхъ законовъ могутъ приводить и приводили къ ложнымъ выводамъ въ области возстановленія экономической исторіи, такъ съ другой стороны, самыя тщательныя историческія изслѣдованія внѣшнихъ отношеній не дали ни одного точнаго закона. Уравновѣшенный представитель историческаго направленія, Roscher, бралъ для своихъ теоретическихъ положеній точные абстрактные законы и только иллюстрировалъ ихъ историческими изслѣдованіями, а главный основатель историческаго направленія — Knies — въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ работалъ методомъ точнаго изученія, который онъ, въ своемъ увлеченіи историзмомъ, прежде вполнѣ отрицалъ. Эти факты неоспоримо свидѣтельствуютъ, что каждый методъ имѣетъ свою особую область примѣненія и даетъ свои особые результаты. Примѣненіе историческаго и статистическаго метода господствуетъ при изученіи внѣшняго развитія и изображеніи внѣшняго эмпирическаго состоянія хозяйства въ ту или другую эпоху, въ томъ или другомъ мѣстѣ, примѣненіе же точнаго метода господствуетъ въ области теоріи экономическихъ явленій.

§ 4. Воля и ея причина.

Предъидущія соображенія привели насъ къ выводу, что теорія экономическихъ явленій изучаетъ конечные и точные

законы цѣлесообразной реакціи субъекта. Въ настоящее время необходимо выяснить, въ чемъ заключается признакъ цѣлесообразности. Цѣлесообразность, о чемъ уже упоминалось, бываетъ двоякаго рода: біологическая и субъективная. Первая состоитъ въ соотвѣтствіи дѣйствій индивида съ объективною пользою для него и для вида. Такое соотвѣтствіе устанавливается подъ вліяніемъ естественнаго дѣйствія законовъ жизни, независимо отъ желанія, воли, или участія индивида, и неизбѣжность наличности подобнаго цѣлесообразнаго приспособленія жизненныхъ отправленій къ условіямъ существованія для существующихъ видовъ явствуетъ a priori: видъ, который былъ бы лишенъ ея, былъ бы обреченъ на гибель. Въ этомъ смыслѣ цѣлесообразны въ общемъ всѣ функціи индивида, какъ его физіологическія, такъ и психическія отправленія, какъ его сознательныя, такъ и безсознательныя дѣйствія. Но въ то время, какъ для одной категоріи отправленій и дѣйствій индивида существуетъ только эта объективная цѣлесообразность, для другой существуетъ еще цѣлесообразность субъективная. Эта послѣдняя состоитъ въ томъ, что дѣйствія индивида согласны съ его желаніями, намѣреніями, усмотрѣніями и направлены на цѣли, которыя ставитъ себѣ индивидъ въ своемъ субъективно-свободномъ самоопредѣленіи. Объективное изслѣдованіе показываетъ, что въ общемъ эти цѣли укладываются въ предѣлахъ объективной біологической цѣлесообразности; но самая субъективная постановка такихъ цѣлей съ точки зрѣнія субъективнаго самосознанія не имѣетъ никакого отношенія къ объективной цѣлесообразности, съ нею не сообразуется и подчиняется своимъ особымъ законамъ. Признакъ, отличающій дѣйствія, добавочно подчиненныя субъективной цѣлесообразности, въ отличіе отъ дѣйствій, подчиненныхъ одной только объективной цѣлесообразности, состоитъ въ ихъ произвольности. Въ то время, какъ одни дѣйствія индивида либо безсознательны, либо сознательны, но вытекаютъ изъ его природы и предшествующихъ состояній съ необходимой неизбѣжностью по отношенію къ самосознанію или, по крайней мѣрѣ, безъ активнаго участія личности, другія вытекаютъ изъ предшествующихъ данныхъ не сами собою, а черезъ посредство субъективнаго самоопредѣленія. Первыя— сюда принадлежатъ, изъ числа сознательныхъ, дѣйствія инстинктивныя, рефлекторныя и отчасти внѣшнія проявленія аффек-

товъ—если цѣлесообразны, то лишь въ объективномъ смыслѣ, вторыя—цѣлесообразны, сверхъ того, и въ субъективномъ смыслѣ. Въ чемъ же заключается признакъ произвольности дѣйствій?

Однимъ изъ существенныхъ и общепризнанныхъ признаковъ произвольнаго дѣйствія является сознательная антиципація произвольнаго движенія. Дѣйствіе не только совершается, но и совершеніе его предусматривается въ сознаніи ранѣе его фактическаго осуществленія. Въ этомъ смыслѣ Sergi [1]) опредѣляетъ произвольное дѣйствіе, какъ движеніе, которое наступаетъ не сейчасъ послѣ возбужденія, а послѣ нѣкоторой паузы, во время которой возникаетъ антиципированное сознаніе этого самаго движенія. Одна антиципація движенія недостаточна однако для характеристики произвольнаго дѣйствія, такъ какъ она возможна и при простомъ представленіи, не сопровождающемся, или не переходящемъ въ движеніе [2]). Къ антиципаціи движенія должно присоединиться еще нѣчто, характеризующее волевое состояніе въ отличіе отъ простого представленія. Такимъ добавочнымъ моментомъ является сознаніе усилія или инициативы, которыя ощущаются, какъ вызывающія или сопровождающія произвольное дѣйствіе; по отношенію къ движеніямъ это усиліе испытывается, какъ нѣкоторое чувство иннерваціи. Однако мышечныя движенія, являясь очевиднымъ и рѣзкимъ случаемъ проявленія воли, не исчерпываютъ собою всей области послѣдней; рядомъ съ внѣшними проявленіями воли, существуютъ волевые процессы, не выходящіе за предѣлы внутреннихъ психическихъ состояній. Въ сущности послѣдніе, съ психологической точки зрѣнія, имѣютъ главное значеніе, такъ какъ произвольныя мускульныя движенія также имѣютъ своей окончательной цѣлью измѣненіе внутренняго психическаго состоянія индивида. Поэтому Wundt [3]) опредѣляетъ произвольныя дѣйствія, какъ измѣненія состоянія представленій и чувствъ, причемъ въ однихъ случаяхъ эти измѣненія являются результатомъ внѣшнихъ движеній тѣла, вытекающихъ изъ предшествующихъ состояній

[1]) *G. Sergi.* La psychologie physiologique, éd. franç., Paris, 1888, стр. 407, 410, 412.

[2]) Contra: *W. Wund*, Phys. Psych. 3 Aufl., II B, 1887, impulsive Vorstellung, стр. 471—472.

[3]) *W. Wundt*, Grundriss der Psychologie, Leipzig, 1896, стр. 215, 216, 225.

представленій и чувствъ, въ другихъ случаяхъ осуществляются безъ внѣшнихъ движеній. Если привхожденіе мускульныхъ движеній въ волевой процессъ есть добавочное явленіе, то сущность произвольнаго дѣйствія состоитъ въ направленіи сознанія на извѣстный объектъ и сосредоточеніи на немъ вниманія; сообразно съ этимъ, и ощущаемое усиліе, инициатива или чувство иннервацiи должно быть фактомъ чисто внутренняго психическаго, центральнаго происхожденія. По мнѣнію Джемса [1]), сущность этого усилія состоитъ въ томъ, чтобы задержать и сдѣлать господствующей въ нашемъ умѣ идею, которая ускользнула бы изъ сознанія, будучи предоставлена самой себѣ; ощущеніе же усилія есть результатъ испытываемаго нами сопротивленія идеи, при вовлеченіи ея въ область сознанія. Весь процессъ воленія сводится такимъ образомъ къ сопротивленію при вовлеченіи идеи въ область сознанія и ощущенію усилія при побѣжденіи этого сопротивленія. Въ чемъ же заключается это сопротивленіе? По мнѣнію Джемса, въ самыхъ свойствахъ идеи и въ нашемъ отрицательномъ къ ней отношеніи, выражающемся въ томъ, что безъ особаго усилія воли, мы не даемъ ей хода (стр. 381). Съ послѣднимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Сама идея не можетъ обладать противными или отрицательными по отношенію къ намъ свойствами, ибо, укрѣпившись въ нашемъ сознаніи съ этими своими свойствами, она повела бы къ ухудшенію душевнаго состоянія, къ чему волевыя усилія, очевидно, не могутъ направляться; равнымъ образомъ сопротивленіе не можетъ быть вызвано нашимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ идеѣ, ибо въ такомъ случаѣ было бы совершенно необъяснимо усиліе исходящей отъ насъ же воли вовлечь идею въ область сознанія. Если такимъ образомъ ощущеніе сопротивленія лежитъ не въ свойствахъ самой идеи и не въ нашемъ къ ней отношеніи, то чѣмъ же оно вызывается? Оно вызывается сопротивленіемъ, которое оказываютъ вовлеченію идеи въ область сознанія другія идеи, уже въ немъ находящіяся, или такимъ же самымъ образомъ стремящіяся въ немъ укрѣпиться. Поле сознанія ограничено, и къ тому же субъективное сознаніе характеризуется единствомъ; поэтому въ немъ одновременно (въ неточномъ смыслѣ этого слова) можетъ

[1]) *У. Джемсъ*, Психологія, перев. съ англ., С.-Пбргъ, 1901, стр. 375, 376, 380, 381.

помѣститься ограниченное количество идей, и притомъ не могутъ помѣститься идеи, противоположныя другъ другу. Каждая идея—говоритъ Ehrenfels [1])—или выражаясь болѣе обще, каждое психическое состояніе обладаетъ своими особыми качествами, которыя привлекаютъ къ нему вниманіе субъекта; идеи и состоянія, дѣйствующія на субъекта въ одинаковомъ направленіи, соединяются въ одинъ общій комплексъ, снабженный общими средствами борьбы за ограниченное поле сознанія; иногда идеи, сами по себѣ весьма слабо привлекающія наше вниманіе, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ общій собирательный комплексъ, получающій необыкновенно сильную привлекательность [2]). Каждая идея или состояніе и каждый ихъ комплексъ сопротивляются идеямъ, состояніямъ и ихъ комплексамъ, съ ними несогласнымъ. Противоположные комплексы и состоянія стремятся каждый для себя укрѣпиться въ полѣ сознанія и вытѣснить другъ друга. Иногда смѣна однихъ состояній другими происходитъ при пассивномъ участіи нашего вниманія, безъ ощущенія усилія и предпочтительнаго выбора; въ этихъ случаяхъ субъектъ играетъ пассивную роль и мы не говоримъ о произвольномъ дѣйствіи. Но въ другихъ случаяхъ побѣда однихъ состояній надъ другими сопровождается сознаніемъ активнаго вмѣшательства, которое выражается въ томъ, что мы становимся на сторону одного изъ конкуррирующихъ между собою состояній, наше я присоединяется къ нему, дѣлаетъ его своимъ; сопротивленіе, которое испытываетъ данное предпочтенное состояніе, ощущается, какъ сопротивленіе, испытываемое нашимъ я, а побѣда этого состоянія надъ другими—какъ достигнутая, или сопровождающаяся усиліями нашего я. Такой процессъ произвольнаго дѣйствія представляетъ собою то, что называютъ выборомъ или рѣшеніемъ; нашему вниманію представляются идеи и состоянія, взаимно исключающія другъ друга, каждый комплексъ съ нѣкоторой присущей ему силой привлекательности; вниманіе переходитъ отъ одного комплекса къ другому, иногда по нѣсколько разъ; одно изъ состояній постепенно завладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, пред-

---

[1]) *Ch. Ehrenfels*, System der Werttheorie, I B., Leipzig, 1897, стр. 231—242.

[2]) *Patten*, The econ. causes of mor. progr. (Publ. of the Amer. Ec. Ass.).

почтительно передъ другими; затѣмъ наступаетъ моментъ, когда я присоединяется къ этому состоянію, совершается выборъ, и вмѣстѣ съ нимъ осуществляется то, что мы называемъ проі явленіемъ воли. Такъ какъ произвольное дѣйствіе особенно ясно проявляется при возможности различныхъ дѣйствій и предпочтеніи одного, то выборъ часто разсматриваютъ, какъ существенный и необходимый моментъ воли; гдѣ нѣтъ выбора, говоритъ Natorp, тамъ нѣтъ воли—«da ist auch nichts zu wollen» [1]). Однако многіе отрицаютъ подобное значеніе выбора, считая его либо характернымъ, но привходящимъ моментомъ волевого процесса, либо вовсе не существеннымъ. Pfänder, который держится перваго мнѣнія, говоритъ, что съ моментомъ выбора соединяется скорѣе представленіе о слабости воли, тогда какъ сильная воля характеризуется именно тѣмъ, что значеніе выбора отодвигается на задній планъ [2]). Въ этомъ утвержденіи есть доля истины, хотя и въ невѣрномъ освѣщеніи. Слабость воли характеризуется не фактомъ наличности выбора, а колебаніемъ при выборѣ, и сильной волей мы называемъ не ту, которая дѣйствуетъ безъ предшествующихъ конфликтовъ, а ту, которая во всякомъ конфликтѣ находитъ сравнительно скорое и безповоротное рѣшеніе безъ особенныхъ колебаній. Но затѣмъ безспорно, что моментъ выбора не составляетъ необходимаго признака произвольнаго дѣйствія, и что существуютъ произвольныя дѣйствія безъ предшествующаго конфликта, опредѣленныя въ единственномъ направленіи, eindeutige; ихъ Wundt называетъ просто волевыми, въ противоположность произвольнымъ (Willkürhandlung), которымъ предшествуетъ конфликтъ и выборъ [3]). Опредѣлить признакъ произвольности въ такихъ однолинейныхъ волевыхъ дѣйствіяхъ чрезвычайно трудно, такъ какъ объективно они ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ сознательныхъ дѣйствій, которыя навязаны индивиду инстинктомъ; Pfänder, который даетъ тщательное описаніе пси-

---

[1]) *P. Natorp*, Grundlinien einer Theorie der Willensbildung. Arch. f. syst. Phil., N. F., I B., 1895, стр. 76.

[2]) *Al. Pfänder*, Phaenomenologie des Wollens. Leipzig, 1900, стр. 121.

[3]) *W. Wundt*, Zur Lehre von Gemütsbewegungen, Philos. Studien, VI B., стр. 377.

хическаго процесса воленія, видитъ единственное отличіе такихъ однолинейныхъ волевыхъ дѣйствій въ субъективномъ ощущеніи ихъ свободы, въ томъ, что они сознаются, какъ исходящія свободно, произвольно отъ личности, а не навязаны ей, какъ бы извнѣ [1]). Но такое объясненіе, очевидно, не есть въ сущности объясненіе, а лишь ссылка на фактъ, подлежащій объясненію: произвольное дѣйстіе есть такое дѣйствіе, которое мы сознаемъ, какъ таковое. И такъ какъ избѣгнуть подобной тавтологіи при психологическомъ объясненіи волевого дѣйствія, по-видимому, нѣтъ возможности, то приходится ограничиться, въ концѣ концовъ, ссылкой на внутренній опытъ каждаго. Это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что явленіе воленія съ психологической стороны есть первоначальный, не сводимый ни къ чему другому фактъ, который доступенъ познанію лишь какъ непосредственно переживаемое состояніе [2]), подобно другимъ первоначальнымъ душевнымъ состояніямъ—ощущенію и простому чувству.

Спорнымъ является вопросъ, съ какого момента начинается собственно волевой процессъ. Въ то время, какъ одни считаютъ началомъ этого процесса первое психическое звено той цѣпи, которая приводитъ къ произвольному дѣйствію—ощущеніе, другіе отодвигаютъ понятіе воли къ тому моменту, когда, послѣ совершившагося уже выбора, начинается самое дѣйствіе. Такъ, по мнѣнію Turić'a [3]), ощущеніе является органической составной частью воленія; это активная сила процесса волевого рѣшенія, возбудитель, нарушающій душевное равновѣсіе; ему противостоитъ содержаніе *Я* — представленія, являющееся выраженіемъ возбудимости *Я* по отношенію къ объекту воленія; волевое рѣшеніе есть сознаніе того момента, въ который возбудитель опредѣляетъ соотвѣтственно самому себѣ, все содержаніе сознанія, благодаря чему возникаетъ возможность, чтобы наличное возбужденіе произвело новое дѣйствіе; такимъ об-

---

[1]) op. cit., стр. 124—128.

[2]) Ср. *Chr. Sigwart*, Kleine Schriften, 2 Reihe, Freiburg i. B. und Tübingen, 1881, Der Begriff des Wollens etc., стр. 122—123.

[3]) *G. Turić*. Der Entschluss in dem Willensprocesse, Zeitschr. für exacte Philosophie, B. XIX, стр. 172 и сл. и 237 и слѣд., въ частности стр. 249, 253—255, 280—281, 183.

разомъ рѣшеніе не создаетъ воли и не опредѣляетъ начала волевого процесса, а лишь приводитъ воленіе въ ближайшую связь съ Я. Напротивъ, Münsterberg [1]) полагаетъ, что отъ процесса воленія надо отдѣлить чувство, которымъ сопровождается этотъ процессъ, и борьбу мотивовъ, включая сюда и моментъ выбора,—все это предшествуетъ волевому процессу, можетъ быть разсматриваемо, какъ побужденіе къ нему, но не составляетъ еще воли. Наконецъ, Wundt [2]), хотя и различаетъ чувство отъ воли, но полагаетъ, что воля заключается въ чувствѣ въ неразвитой формѣ (381),—взглядъ, который трудно примирить съ признаніемъ чувства такимъ же первоначальнымъ элементомъ для душевныхъ движеній, какъ ощущеніе для воспріятія и представленія (335), и который объясняется лишь теоріей апперцепціи, сводящей всѣ душевныя явленія къ проявленіямъ этой психической функціи; сообразно съ этимъ, чувство представляется лишь формой реакціи апперцепціи на содержаніе представленій сознанія (364) и представляетъ собою волю, не перешедшую еще въ дѣйствіе (376).

Истинный моментъ появленія воли въ процессѣ, заканчивающемся произвольнымъ дѣйствіемъ, опредѣляется самою сущностью воли; мы должны признать ея появленіе въ психическомъ процессѣ тогда, когда въ немъ появляется нѣчто новое, что не сводится къ другимъ основнымъ психическимъ функціямъ; такимъ моментомъ является тотъ, въ который къ нѣкоторому комплексу представленій и чувствъ присоединяется необъяснимымъ далѣе образомъ наше я, дѣлая его содержаніемъ того именно состоянія воленія, которое можетъ быть сдѣлано понятнымъ только ссылкою на непосредственно переживаемый опытъ. Этотъ моментъ для дѣйствій, сопровождаемыхъ выборомъ, опредѣляется моментомъ выбора; для дѣйствій однозначныхъ—моментомъ, присоединенія я къ предшествующему единому комплексу интеллектуальныхъ и чувственныхъ элементовъ. Такимъ образомъ психическій процессъ, завершающійся волевымъ дѣйствіемъ, распадается на двѣ части; первая—пассивная, сюда входятъ всѣ процессы интеллектуальные и чувственные: пер-

[1]) *H. Münsterberg*, Die Willenshandlung, Freiburg, i. B., 1888, стр. 89.

[2]) *W. Wundt*, Zur Lehre von den Gemüthsbewegungen, Phil. Stud., VI B., 1891.

вое побужденіе къ дѣйствію, исходящее изъ внѣшняго воспріятія или внутренняго представленія; представленія, связанныя по ассоціаціи съ этимъ воспріятіемъ или представленіемъ, антиципація возможныхъ исходовъ или исхода; сопровождающія эти интеллектуальные процессы чувственныя состоянія; вторая часть—активная, состоитъ изъ волевой санкціи единственнаго наличнаго въ сознаніи комплекса интеллектуальныхъ и чувственныхъ элементовъ, или одного изъ нѣсколькихъ такихъ комплексовъ въ случаѣ выбора. Первая часть не представляетъ собою ничего, что требовало бы введенія какого-либо новаго психическаго элемента, сверхъ интеллектуальныхъ и чувственныхъ, ничего, что спеціально характеризовало бы собою произвольное дѣйствіе; напротивъ, вторая является именно тѣмъ, что составляетъ собою не сводимый къ другимъ и далѣе неразложимый элементъ воли.

Если такимъ образомъ произвольное дѣйствіе является волевой санкціей извѣстнаго интеллектуально-чувственнаго комплекса, то возникаетъ вопросъ, какъ является эта санкція? На это возможны два отвѣта. Во-первыхъ, можно утверждать, что воля есть ничѣмъ не обусловленное, совершенно свободное отъ дѣйствія причинъ проявленіе того, что можно назвать свободной волей нашей личности. Но такъ какъ привхожденіе такого свободнаго начала не можетъ быть объектомъ изученія, основаннаго на постулатѣ всеобщей причинности, то подобное утвержденіе должно быть отвергнуто. Остается такимъ образомъ вторая возможность: такъ какъ воля есть явленіе реальное, то, въ силу всеобщности закона причинъ, ему должно предшествовать въ психикѣ субъекта нѣчто, что составляетъ его причину. Это нѣчто не можетъ заключаться, какъ неоднократно утверждалось многими, въ чисто интеллектуальныхъ процессахъ. Подтвержденіемъ тому служитъ, прежде всего и главнымъ образомъ, нашъ внутренній опытъ. Если мы отвлечемъ интеллектуальные процессы отъ всѣхъ сопровождающихъ ихъ въ дѣйствительности состояній, то получимъ безразличное индифферентное созерцаніе, т. е. нѣчто такое, чему наше внутренее убѣжденіе и психологическій опытъ отказываются приписать свойство быть причиной какого-либо дѣйствія. Допущеніе моторныхъ идей и представленій всегда является не эмпирическимъ фактомъ, а результатомъ теорій, отрицающихъ либо спе-

цифичность чувства, либо специфичность воли, либо и то и другое вмѣстѣ. Въ пользу неспособности чистаго интеллекта быть причиной дѣйствій говорятъ и другія косвенныя соображенія. Такъ, интенсивность воли должна быть обусловлена соотвѣтствующимъ свойствомъ ея причины; между тѣмъ интенсивность воли не находится въ непосредственной зависимости отъ интенсивности воспріятій и представленій, ни какъ содержаній, ни какъ процессовъ. Какъ самое содержаніе интеллектуальнаго процесса, такъ и самое воспріятіе или представленіе могутъ быть даны намъ въ весьма интенсивной формѣ, не переходя въ дѣйствіе или побужденіе къ дѣйствію. Если интенсивность интеллектуальныхъ элементовъ и способствуетъ волѣ, то не сама по себѣ, а лишь служа причиной усиленія другихъ сопутствующихъ состояній, а именно чувственныхъ. Далѣе, при выборѣ воля не можетъ давать предпочтенія одному интеллектуальному состоянію передъ другимъ, такъ какъ состоянія эти между собою несравнимы, какъ качественно различныя.

Для того, чтобы представленія, идеи, воспріятія могли побудить къ выбору, рѣшенію, дѣйствію, они должны перестать быть безразличными, т. е. чисто интеллектуальными, должны получить нѣкоторую добавочную квалификацію небезразличія. Только благодаря этому свойству, интеллектуальныя состоянія получаютъ возможность оказывать вліяніе на волю. Чѣмъ можетъ быть дана такая добавочная квалификація небезразличія? Не вытекая изъ интеллектуальныхъ процессовъ и предшествуя волѣ, она, очевидно, можетъ быть отнесена только на счетъ третьяго элемента психики—чувства. Такимъ образовъ, состояніемъ, предшествующимъ волѣ, является соединеніе чувственныхъ и интеллектуальныхъ состояній или процессовъ. Элементы интеллектуальной дѣятельности, окрашенные, квалифицированные чувствомъ, перестаютъ быть безразличными, заставляютъ субъекта относиться къ нимъ активно, выводятъ его я изъ состоянія пассивнаго зрителя и такимъ образомъ являются психической причиной воли. Чувственная окраска воспріятій и представленій составляетъ то, что привлекаетъ къ нимъ вниманіе съ различной силой и что въ актѣ воли заставляетъ ее окончательно присоединяться къ тому или другому интеллектуально-чувственному состоянію или процессу. Отсюда явствуетъ важное значеніе чувственныхъ элементовъ при изученіи цѣлесооб-

разной дѣятельности человѣка. Всякій внѣшній факторъ вызываетъ цѣлесообразную реакцію со стороны субъекта, дѣйствуя не той интеллектуальной формой, въ какой онъ является въ области сознанія, а лишь пройдя черезъ чувственную окраску; лишь чувственная реакція на интеллектуальные процессы рѣшаетъ вопросъ, какой изъ внѣшнихъ факторовъ, выражающихся въ различныхъ интеллектуальныхъ процессахъ, превратится въ цѣлесообразное дѣйствіе, въ какой комбинаціи и съ какою силой; однимъ словомъ, чувство рѣшаетъ вопросъ, какую форму реакціи получитъ энергія дѣйствующаго фактора. Не внѣшніе факторы по количеству, качеству, интенсивности и продолжительности дѣйствія, сами по себѣ и непосредственно, вызываютъ ту или иную реакцію со стороны подвергающагося ихъ дѣйствію субъекта, а та форма видоизмѣненной и комбинированной ихъ энергіи, въ какой они являются сознанію, пройдя черезъ процессъ чувственной реакціи. Благодаря этому, различія и сходства дѣйствій сводятся не къ различію и сходству внѣшнихъ факторовъ, какъ они даны интеллектуальному познанію, а къ различію и сходству интеллектуальнаго ихъ отраженія, квалифицированнаго чувственнымъ состояніемъ.

Указанное отношеніе чувства къ волѣ и отношеніе того и другого къ произвольнымъ дѣйствіямъ оспариваютъ тѣ теоріи, которыя считаютъ либо чувство, либо чувство и волю не самостоятельнымъ факторомъ психической жизни, а лишь простымъ слѣдствіемъ, симптомомъ или отраженіемъ другихъ основныхъ процессовъ. Этого рода теоріи исходятъ въ общемъ изъ фактовъ двоякаго рода: во-первыхъ, соматическихъ измѣненій при аффектахъ и, во-вторыхъ цѣлесообразности непроизвольныхъ дѣйствій и отправленій организма. Изслѣдованія C. Lange, W. James'a, Lehmann'a, а затѣмъ и многихъ другихъ [1]) показали, что аффекты, кромѣ чисто психическаго теченія процесса, обнаруживаютъ и соматическія измѣненія, среди которыхъ особенно важную роль играетъ непроизвольная иннервація сосудовъ, причемъ можно думать, что послѣдняя

[1]) *C. Lange*, Ueber Gemüthsbewegungen, Leipzig, 1887; *A. Lehmann*, Hauptgesetze des menschlichen Gefühlsebens, Leipzig, 1892; *Джемсъ* см. Психологія, русскій пер., 1901, стр. 306 и сл.

находится въ правильномъ соотношеніи съ характеромъ аффекта. Предполагая, съ одной стороны, что психическая сторона аффектовъ не поддается сведенію къ какимъ-либо точнымъ законамъ, и съ другой, что соматическія явленія, какъ процессы физіологическіе, могутъ быть объяснены на основаніи общихъ законовъ физіологіи, C. Lange пришелъ къ выводу, что сущность аффектовъ состоитъ именно въ процессахъ физіологическихъ, тогда какъ психическая сторона аффекта есть лишь явленіе производное, вторичное. Такимъ образомъ мы плачемъ не потому, что чувствуемъ горе, сжимаемъ кулакъ не потому, что испытываемъ гнѣвъ, а обратно: испытываемъ горе, какъ результатъ, психическое отраженіе физіологическаго процесса отдѣленія слезъ, испытываемъ гнѣвъ, какъ слѣдствіе мышечныхъ движеній сжатія кулака и т. д. Но если въ аффектахъ чувство, какъ психическое состояніе, является производнымъ и не имѣющимъ рѣшающаго значенія по отношенію къ соматическимъ измѣненіямъ, то отсюда легко перейти къ утвержденію, что и въ волевомъ процессѣ оно также не играетъ самостоятельной или направляющей роли, являясь также послѣдствіемъ тѣлесныхъ измѣненій и движеній. Такое мнѣніе подкрѣпляется тѣмъ соображеніемъ, что весь волевой процессъ съ физіологической и біологической стороны, какъ движеніе, цѣлесообразно приспособленное къ характеру внѣшняго раздраженія, можетъ быть объясненъ безъ необходимости прибѣгать къ содѣйствію психическихъ моментовъ. Послѣднее соображеніе основывается, между прочимъ, на цѣлесообразности непроизвольныхъ отправленій организма, инстинктивныхъ, рефлекторныхъ движеній и вообще фактовъ непосредственнаго продолженія ощущенія въ движеніе, дающихъ возможность, по выраженію Ribot [1]), сводить изученіе психической жизни организма къ естественно-научнымъ терминамъ. Такая точка зрѣнія на волевой процессъ нашла себѣ характерное выраженіе въ ученіи Münsterberg'a [2]). Сущность этого ученія состоитъ въ слѣдующемъ. Воля, въ смыслѣ психической силы, не можетъ вызывать дѣйствія, потому что это противорѣчило бы закону сохраненія энергіи; волевой процессъ есть процессъ мускульнаго сокращенія и долженъ быть

---

[1]) *Ribot*, La psychologie des sentiments, 1896, стр. 2, 3, 433, 434.

[2]) *H. Münsterberg*, Die Willenshandlung, Freiburg i. B. 1888.

объясненъ физіологически безъ вмѣшательства психическихъ силъ. Онъ и можетъ быть объясненъ такимъ образомъ; въ самомъ дѣлѣ, между периферическимъ окончаніемъ чувствительнаго нерва и периферическимъ окончаніемъ двигательнаго въ мускулѣ существуетъ непрерывная связь черезъ центральную нервную систему, благодаря чему внѣшнее раздраженіе можетъ быть на всемъ протяженіи исключительно физіологическимъ путемъ передано сокращающейся мышцѣ; равнымъ образомъ для объясненія цѣлесообразности движенія нѣтъ надобности прибѣгать къ психикѣ, такъ какъ и безсознательныя физіологическія функціи организма цѣлесообразны не только не менѣе, но даже болѣе, чѣмъ произвольныя дѣйствія; цѣлесообразность эта вполнѣ объясняется законами естественнаго подбора. Такимъ образомъ мускульное сокращеніе происходитъ вслѣдствіе раздраженія чувствительно-двигательнаго аппарата нѣкоторымъ внѣ его находящимся источникомъ раздраженія, который при данномъ аппаратѣ неизбѣжно вызываетъ опредѣленное движеніе. Если же и происхожденіе и дѣйствіе аппарата объясняется физико-химическими началами естествознанія, то нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи нематеріальнаго фактора. Въ какомъ же отношеніи этотъ процессъ находится къ психическому теченію воли? Волевое дѣйствіе съ психологической стороны характеризуется тѣмъ, что дѣйствію предшествуетъ психическое состояніе, въ которомъ это дѣйствіе съ его результатомъ содержится въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ; для внѣшнихъ дѣйствій это предшествующее состояніе выражается въ иннерваціонномъ ощущеніи; послѣднему ошибочно приписывается характеръ причины наступающаго за нимъ дѣйствія; на самомъ же дѣлѣ оно не что иное, какъ предшествующее движенію антиципированное воспоминаніе самаго движенія, и отношеніе иннерваціоннаго ощущенія къ физіологическому процессу движенія можетъ быть изображено слѣдующимъ образомъ. Внѣшнее раздраженіе идетъ по центростремительному нерву до центральнаго органа, гдѣ вызываетъ ощущеніе, и непосредственно черезъ нервную клѣтку передается двигательному нерву. Послѣдній передаетъ движеніе на периферію, гдѣ и вызываетъ сокращеніе мускула, сокращеніе, въ свою очередь, вызываетъ раздраженіе соотвѣтствующихъ чувствительныхъ нервовъ, которое передается центральному нервному органу, гдѣ и сохраняется въ нервной

клѣткѣ, въ видѣ воспоминанія. По закону ассоціаціи одновременныхъ и слѣдующихъ другъ за другомъ психофизическихъ процессовъ, только что указанное воспоминаніе ассоціируется съ представленіемъ первоначальнаго ощущенія, вызвавшаго движеніе, чему физіологически отвѣчаетъ особое приспособленіе пути, связывающаго обѣ клѣтки, соотвѣтствующія воспоминанію движенія и первоначальнаго ощущенія или представленія. При новомъ раздраженіи послѣдней клѣтки (изъ периферіи, или центра), движеніе непосредственно передается въ двухъ направленіяхъ; съ одной стороны—центробѣжному нерву, гдѣ заканчивается сокращеніемъ мускула; съ другой—связанной съ данной клѣткой приспособленнымъ путемъ клѣткой храненія воспоминанія о первомъ движеніи; если раздраженіе послѣдней клѣтки вызоветъ воспроизведенное представленіе движенія ранѣе, чѣмъ послѣднее физіологически совершится подъ вліяніемъ идущаго къ нему нервнаго тока, то возникаетъ антиципированное представленіе движенія, которое сознается нами, какъ иннерваціонное ощущеніе, и составляетъ сущность воли съ психологической точки зрѣнія.

Тотъ же самый способъ объясненія можетъ быть приложенъ далѣе и къ чувству. По мнѣнію Simmel'a [1]), и чувство, подобно волѣ, есть ничто иное, какъ побочный продуктъ физіологическихъ процессовъ иннерваціи. Исходя изъ фактовъ цѣлесообразной координаціи инстинктивныхъ движеній, авторъ, подобно Münsterberg'у, допускаетъ, что и координація произвольныхъ дѣйствій также должна быть объяснена физіологически; воля для него лишь процессъ, слѣдующій за начавшейся уже иннервацією; въ сознаніи дѣйствующаго, говоритъ онъ, дѣйствіе слѣдуетъ за воленіемъ, въ дѣйствительности—воленіе слѣдуетъ за дѣйствіемъ (215); начало дѣйствія состоитъ въ превращеніи скрытыхъ силъ въ свободное состояніе; эти освобождающіяся силы и отражаются въ сознаніи; первый моментъ ихъ отраженія представляетъ собою чувство (212); если иннервація подавлена, подобно тому, какъ можетъ быть подавленъ всякій вообще процессъ, то сознаніе воли и не возникаетъ,

---

[1]) *G. Simmel*, Skizze eines Willenstheorie, Zeitschrift. f. Psych. und Phys. der Sinnesorgane, IX B., 1896, стр. 206 и сл.

остается одно чувство; когда же процессъ продолжается далѣе, онъ отражается какъ воля. Такимъ образомъ, по мнѣнію Simmel'a, чувство есть первый моментъ воли, или воля подавленная; сущность и способъ происхожденія чувства и воли одинаковъ—оба состоянія представляютъ собою побочныя явленія физіологическаго процесса иннервацiи.

Изложенные взгляды заключаютъ въ себѣ три утвержденія: во-первыхъ, что психическая сторона чувственныхъ состояній не имѣетъ существеннаго значенія для характеристики этихъ состояній: во-вторыхъ, что психическая сторона чувственныхъ состояній представляетъ только отраженіе, или результатъ соматическихъ измѣненій, а потому и не можетъ быть причиной дѣйствій; въ третьихъ, что и самая воля является только отраженіемъ или слѣдствіемъ самостоятельно протекающаго физіологическаго процесса движенія. Прежде всего, нѣтъ основанія считать психическія состоянія при аффектахъ второстепенными, или менѣе важными, сравнительно съ физіологическими процессами. C. Lange предлагаетъ мысленно отнять у аффектовъ сопровождающія ихъ соматическія измѣненія и спрашиваетъ, что тогда останется отъ аффекта? На это неоднократно и справедливо возражали, что подобнымъ же образомъ можно мысленно отнять психическую сторону аффекта, замѣнить ее спокойнымъ теченіемъ мыслей, и тогда отъ аффекта также ничего не останется. Отсюда слѣдуетъ не то, что одна сторона важнѣе другой, а лишь то, что аффектъ имѣетъ свое психологическое и свое физіологическое выраженіе, и оба одинаково важны.

Остается такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи психической стороны чувства и воли къ соотвѣтствующимъ физіологическимъ процессамъ. Здѣсь, прежде всего, необходимо исключить болѣе или менѣе неясныя утвержденія о призрачности, мнимости и т. п. свойствахъ психическихъ состояній чувствъ и воли. Если подобныя выраженія должны обозначать нереальность указанныхъ состояній, то они лишены всякаго смысла, такъ какъ реальность психическихъ состояній столь же и даже болѣе несомнѣнна, какъ и реальность физіологическихъ процессовъ. Можетъ быть рѣчь только о первенствѣ послѣднихъ въ смыслѣ причинъ. Но если психическія состоянія чувства и воли могутъ быть разсматриваемы, какъ слѣдствія физіологическихъ процессовъ, то включеніе ихъ въ общую съ физическими

явленіями каузальную цѣпь приводитъ съ логической необходимостью къ допущенію ихъ въ эту цѣпь и въ качествѣ причинъ, такъ какъ было бы совершенно непонятно, почему явленіе, допускающее вообще причинную связь, не могло бы быть, при случаѣ, и причиной. Но такъ какъ приведенныя теоріи не допускаютъ подобнаго обращенія, то, слѣдовательно, и самое предположеніе о причинной зависимости, приводящее къ такому выводу, не можетъ быть ими допускаемо. Остается такимъ образомъ возможность лишь строгаго параллелизма. Но и такое допущеніе противорѣчитъ утвержденіямъ о производности психическихъ состояній, такъ какъ оно должно трактовать психическіе и физіологическіе процессы, какъ вполнѣ равноправные. Если же параллелизмъ понимать въ смыслѣ матеріалистическаго монизма, то такая точка зрѣнія въ данномъ частномъ случаѣ должна быть отвергнута по тѣмъ общимъ соображеніямъ, какія вообще дѣлаютъ ее недопустимой для объясненія отношеній души къ тѣлу. Наконецъ, что касается вопроса о послѣдовательности психическихъ и физіологическихъ процессовъ во времени, то въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу того, чтобы психически воля слѣдовала по времени за исполнившимися движеніями или даже за возникшей уже двигательной иннервацiей. Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно чувства. Направляется ли нервный токъ къ клѣткѣ—хранительницѣ воспоминанія прежде исполненныхъ движеній одновременно съ токомъ, идущимъ къ мускулу, объ этомъ положительныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ, и самая вѣроятность такого теченія физіологическихъ моментовъ основывается въ сущности на апріорной гипотезѣ соотношенія психическихъ и физіологическихъ процессовъ. Но если даже допустить, что антиципація произвольнаго движенія возникаетъ вслѣдъ за начавшейся уже двигательной иннервацiей, то, какъ многократно указывалось, антиципація движенія не есть единственный признакъ психической воли; физіологическіе же процессы, отвѣчающіе всѣмъ моментамъ психологическаго теченія воли, намъ неизвѣстны. Что же касается чувства, то рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній утверждать, чтобы оно было результатомъ наступившихъ уже движеній. Подобный взглядъ требуетъ доказательствъ того, что чувство является реакціей центральнаго нервнаго органа, вызываемой исключительно тѣми

чувствительными нервами, которые раздражаются вслѣдствіе мышечныхъ сокращеній. Но подобное утвержденіе рѣшительно ни на чемъ не основано, и въ настоящее время мы пока не знаемъ физіологическаго коррелата чувства; является ли оно своего рода ощущеніемъ, для котораго существуютъ специфическіе нервы, соотвѣтствуетъ ли ему какой-либо особый процессъ или особое отношеніе процессовъ, происходящихъ во всѣхъ чувствительныхъ нервахъ или въ центральной системѣ — все это лишь гипотезы, представляющія различную степень вѣроятности; но среди нихъ та, которая приписываетъ чувство чувствительнымъ нервамъ, сообщающимъ намъ о совершившихся мускульныхъ движеніяхъ, ни на чемъ не основана.

Всѣ изложенныя соображенія приводятъ насъ къ тому выводу, что психически волѣ предшествуетъ комплексъ интеллектуальныхъ и чувственныхъ элементовъ и такъ какъ воля должна имѣть необходимо ей предшествующее состояніе, то таковымъ и является указанный комплексъ. Такимъ образомъ весь процессъ взаимодѣйствія объектовъ и субъекта сводится къ слѣдующему ряду; объектъ = внѣшнее раздраженіе — психофизіологическій процессъ ощущенія, воспріятія, представленія, чувственной окраски интеллектуальнаго процесса, воли — внѣшнее дѣйствіе [1]).

§ 5. Раздвоеніе воли на оцѣнивающую и дѣйствующую.

Чувственно-интеллектуальное состояніе, которымъ субъектъ реагируетъ на внѣшнее (или внутреннее) раздражаніе одновременно даетъ начало двумъ волевымъ процессамъ: изъ нихъ

---

[1]) Къ вопросу о волѣ, кромѣ цитированной уже литературы, см. также общіе курсы *Fr. Jodl'a*, Lehrbuch der Psychologie, Stuttgart, 1896; *Osw. Külpe*, Grundriss der Psychologie, Leipzig 1893; *Th. Lipps'a*, Grundtatsachen des Seelenlebens, Bonn, 1883; *H. Höffding*, Psychologie in Umrissen, Leipzig, 1887; *A. Höfler*, Psychologie, Wien u. Prag, 1897; далѣе *Horwicz*, Psychologische Analysen, Halle-Magdeburg, I, II, 1872 — 1878, и монографіи: *Osw. Külpe*, die Lehre vom Willen in der neueren Psychologie, въ Philos. Studien Wundt'a, B. V, стр. 179 и сл., 381 и сл. и *O. Flügel*, Zur Lehre vom Willen, въ Zeitschrift für exacte Philosophie, B. XVIII, 1891, стр. 30—67.

одинъ, внутренній, направленъ на познаніе объективной причины чувственнаго состоянія и проекцію чувственнаго состоянія на эту причину; другой—внѣшній, направленъ на то, чтобы поставить себя и объектъ въ такія отношенія, при которыхъ пріятный объектъ оказывалъ бы свое дѣйствіе, непріятный не оказывалъ такового. Первый процессъ состоитъ въ опредѣленіи значенія объекта, его оцѣнкѣ; второй въ урегулированіи физическаго отношенія своего къ объекту; въ результатѣ перваго, объектъ получаетъ цѣнность, результатѣ второго, становится цѣлью нашихъ внѣшнихъ дѣйствій. Оба процесса не находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга; взаимное отношеніе ихъ опредѣляется только тѣмъ, что оба являются результатомъ одной и той же причины—предшествующаго интеллектуально-чувственнаго комплекса. Но каждый изъ нихъ требуетъ еще особыхъ условій для своего возникновенія, благодаря чему каждый можетъ являться какъ совмѣстно, такъ и особо отъ другого. Волевая проекція чувства на объектъ требуетъ сознанія причинной зависимости между чувственнымъ состояніемъ и объектомъ. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ можетъ стать цѣлью дѣйствія, при отсутствіи сознанія причинной связи между нимъ и чувственнымъ состояніемъ, какъ это бываетъ иногда при произвольныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ осуществленію цѣлей, данныхъ инстинктомъ, или при гипнозѣ, оцѣнка соотвѣтствующихъ объектовъ можетъ отсутствовать, хотя внѣшнія произвольныя дѣйствія направлены на объектъ. Условіемъ внѣшняго волевого воздѣйствія является возможность осуществленія желательнаго отношенія между объектомъ и субъектомъ посредствомъ предпринимаемыхъ дѣйствій. Поэтому въ тѣхъ случахъ, когда объектъ не подчиненъ этому условію, оцѣнка можетъ присутствовать, при отсутствіи внѣшнихъ волевыхъ дѣйствій. За исключеніемъ этихъ случаевъ, мы можемъ сказать, что всегда, когда дана возможность внѣшняго произвольнаго дѣйствія, дана въ тоже время и возможность оцѣнки, такъ какъ въ общемъ объекты становятся цѣлью произвольныхъ дѣйствій въ той мѣрѣ, въ какой выясняется причинная связь ихъ съ соотвѣтствующимъ интеллектуально-чувственнымъ комплексомъ, а слѣдовательно и дается условіе для возникновенія оцѣнки. Такимъ образомъ оцѣнка и внѣшняя волевая реакція субъекта представляютъ два параллельныхъ

процесса, вытекающіе изъ общей причины и имѣющіе одинъ объектъ.

Отсюда вытекаетъ важное значеніе оцѣнки для изученія законовъ внѣшней реакціи субъекта на внѣшнія воздѣйствія объектовъ. Оцѣнка представляетъ собою сознательное опредѣленіе и измѣреніе психическаго состоянія, являющагося причиной произвольно-цѣлесообразныхъ дѣйствій субъекта,—опредѣленіе и измѣреніе, отнесенное къ воздѣйствующему объекту. Оцѣнка такимъ образомъ репрезентируетъ собою, съ одной стороны, дѣйствіе внѣшняго агента въ той его формѣ и силѣ, съ какой оно оказываетъ вліяніе на дѣйствія субъекта; съ другой — по своему направленію, объекту, силѣ отвѣчаетъ таковымъ же свойствамъ дѣйствія, ибо происходитъ изъ одного съ нимъ источника; такимъ образомъ, она репрезентируетъ и дѣйствіе въ той его мѣрѣ, въ какой оно сводится къ своей причинѣ. Будучи проицирована на объектъ, въ качествѣ его значенія, она становится какъ бы свойствомъ объекта; а такъ какъ объектъ въ то же время является цѣлью волевого дѣйствія, то возникаетъ такого рода видимость, какъ будто воля стремится къ тому, что въ объектѣ цѣнно, или, какъ будто цѣнность объекта есть цѣль дѣйствія. Съ другой стороны, представляя собою приведенное въ извѣстность психическое состояніе, составляющее причину дѣйствія, цѣнность и сама является какъ бы причиной послѣдняго.

Благодаря такому двустороннему отношенію къ объекту и дѣйствію, цѣнность даетъ возможность изучать оба момента въ ихъ взаимодѣйствіи; всѣ свойства дѣйствія, поскольку они сводятся къ своей причинѣ, отражаются въ оцѣнкѣ; какъ результатъ тождественной съ дѣйствіемъ причины, она воплощаетъ въ себѣ и всѣ свойства послѣдней. Такимъ образомъ изученіе причинной цѣпи воздѣйствія среды и субъекта можетъ быть сконцентрировано на этомъ одномъ явленіи. Такая концентрація оказывается однако не только возможной, но и цѣлесообразной, благодаря тому, что цѣнность обладаетъ, сравнительно со всѣми другими психическими состояніями и ихъ продуктами, наибольшею доступностью для изученія. Такое свойство ея обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, что по самому существу своему она представляетъ собою психическое состояніе, выясненное въ направленіи, силѣ и отнесенное къ своей объективной причинѣ,

и, во-вторыхъ, тѣмъ, что будучи проицирована на объектъ, она и сама получаетъ въ извѣстной степени характеръ явленія объективнаго.

Отсюда слѣдуетъ, что тѣ различія внѣшнихъ агентовъ и тѣ различія въ цѣляхъ и характерѣ дѣйствій, благодаря которымъ каждая категорія объектовъ и дѣйствій составляетъ предметъ особой науки о субъектѣ, имѣютъ свои коррелаты, въ формѣ наиболѣе удобной и доступной для изученія, въ различіяхъ цѣнностей. Изученіе цѣнностей по тѣмъ или другимъ признакамъ можетъ и должно повести къ соотвѣтствующей и наиболѣе правильной классификаціи дѣйствій. Въ частности и та сфера субъективныхъ отношеній, которая составляетъ объектъ экономической науки, можетъ быть дана соотвѣтствующей характеристикой экономической цѣнности.

Приведеный здѣсь взглядъ на взаимное отношеніе чувства, воли и оцѣнки несогласенъ съ двумя теоріями, изъ которыхъ одна утверждаетъ, что цѣнность есть результатъ дѣйствующей воли, а другая отожествляетъ цѣнность съ тѣмъ интеллектуально чувственнымъ комплексомъ, который, по нашему мнѣнію, лежитъ въ основѣ воли и оцѣнки. Представителемъ второго взгляда является Ehrenfels; относительно этого автора нужно замѣтить, что, признавая цѣнность слѣдствіемъ воли, онъ даетъ такое опредѣленіе понятію воли, благодаря которому она, какъ самостоятельный элементъ, исчезаетъ и отожествляется съ интеллектуально чувственнымъ комплексомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность сводится къ нему же. Но въ полемикѣ, возникшей по поводу его положенія, что цѣнность есть слѣдствіе воли, онъ защищаетъ это мнѣніе, независимо отъ содержанія понятія воли; поэтому его можно въ тоже время причислить и къ представителямъ перваго мнѣнія. Сюда же можетъ быть отнесенъ и Eisler.

По мнѣнію послѣдняго [1]), объясненіе дѣйствій человѣка посредствомъ психической мотиваціи ошибочно и невозможно; возможно лишь изученіе ихъ съ объективно-біологической точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія ни воля, ни чувство не имѣютъ значенія какихъ либо самостоятельно дѣйствующихъ факторовъ; тѣмъ болѣе лишена какого-либо опредѣлящаго значенія для пси-

[1]) Robert *Eisler*, Studien zur Werttheorie, Leipzig, 1902.

хики цѣнность. Для Eisler'а цѣнность есть прежде всего чисто формальное понятіе; цѣнностью онъ называетъ то, что осуществлено въ зависимости отъ т. н. волевого поведенія біологическаго фактора; при этомъ положительная цѣнность приписывается такимъ явленіямъ, осуществленію которыхъ дѣятельность субъекта содѣйствуетъ, отрицательная — явленіямъ, осуществленію которыхъ такая дѣятельность противодѣйствуетъ (24). Величина цѣнности есть не что иное, какъ величина содѣйствующаго или препятствующаго воздѣйствія субъекта осуществленію явленія (44). Ища соотвѣтствующихъ этому формальному понятію цѣнности психологическихъ моментовъ, авторъ приходитъ къ выводу, что воленіе должно предшествовать оцѣнкѣ: цѣнность должна быть тамъ, гдѣ уже есть воля; такъ, напримѣръ, въ драмѣ моментъ катастрофы представляетъ для насъ отрицательную цѣнность, какъ это явствуетъ изъ испытываемаго страданія; но такъ какъ зритель не только не избѣгаетъ этого момента, но, напротивъ, стремится къ нему, то этимъ создается положительная цѣнность: фактъ, объясненіе которому должна дать теорія искусства (63). Подобный взглядъ на производный характеръ цѣнности вытекаетъ изъ принятой авторомъ точки зрѣнія на всѣ вообще психическія явленія, какъ производныя и не имѣющія никакого реальнаго вліянія на дѣйствія субъекта. Объ этой общей точкѣ зрѣнія было уже говорено и было указано, что изъ отрицанія возможности для явленій психическихъ вліять на матеріальные процессы жизни должно вытекать лишь допущеніе параллелизма явленій психическихъ и физическихъ; признаніе же первыхъ слѣдствіемъ вторыхъ ведетъ къ логическому допущенію и обратнаго взаимоотношенія. Такъ какъ авторъ не прибавляетъ отъ себя къ сказанной теоріи никакихъ новыхъ доказательствъ, то высказанныя имъ мнѣнія и не требуютъ особой критики. Формальное опредѣленіе цѣнности, какъ осуществленнаго результата біологической дѣятельности, представляетъ собой вопросъ чистой терминологіи; признать эту терминологію удачной нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ цѣлесообразность ея въ дальнѣйшемъ изложеніи ничѣмъ не обнаруживается. Если же съ психологической точки зрѣнія авторъ считаетъ цѣнность слѣдствіемъ волевой дѣятельности, то такое положеніе принимается имъ догматически и апріорно; въ томъ случаѣ, когда волевая дѣятель-

ность имѣется на лицо. Eisler безъ дальнѣйшихъ доказательствъ утверждаетъ и существованіе цѣнности; когда же существованіе послѣдней не очевидно, какъ это имѣетъ мѣсто въ приведенномъ имъ примѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, не очевидно, въ чемъ состоитъ эта цѣнность и какъ она возникаетъ, онъ предлагаетъ объяснить это явленіе другимъ наукамъ, въ данномъ случаѣ теоріи искусства. Разумѣется, этимъ вопросъ не рѣшается.

Болѣе обстоятельно касается этого вопроса Ehrenfels. По мнѣнію Ehrenfels'а [1]), не оцѣнка вызываетъ проявленіе воли, а напротивъ, проявленіе воли создаетъ оцѣнку. Мы стремимся не къ тому, что считаемъ цѣннымъ, и не потому, что считаемъ это цѣннымъ, но мы считаемъ цѣннымъ то, къ чему стремимся, и считаемъ его цѣннымъ, потому что къ нему стремимся. Основнымъ и первоначальнымъ является то или иное проявленіе воли—желаніе, стремленіе, воленіе; все, на что направлены эти проявленія воли, получаетъ для насъ значеніе, цѣнность; величина цѣнности соотвѣтствуетъ силѣ того элемента, который составляетъ общее во всѣхъ видахъ проявленія воли, силѣ хотѣнія — Begehren: «die Grösse des Werthes ist proportional der Stärke des Begehrens»; а сама цѣнность можетъ быть опредѣлена, какъ хотимость вещи — der Wert eines Dinges ist seine Begehrbarkeit.

Противъ подобнаго взгляда можетъ быть сдѣлано, прежде всего, возраженіе, высказанное Meinong'омъ [2]). Послѣдній утверждаетъ, что воля можетъ быть направлена только на то, чего еще нѣтъ, тогда какъ цѣнностью обладаетъ и то, что уже имѣетъ мѣсто, чѣмъ мы уже владѣемъ и располагаемъ. Ehrenfels [3]) признаетъ правильность этого возраженія, но полагаетъ, что оно нисколько не опровергаетъ указаннаго имъ отношенія оцѣнки къ волѣ, а лишь требуетъ нѣкотораго видоизмѣненія

---

[1]) *Ch. Ehrenfels*, System der Wertthcorie, 2 B., Leipzig, 1897 — 1898 а также монографіи, цитированныя далѣе, при изложеніи теоріи цѣнности автора.

[2]) *Alexius Meinong*, Psychologisch - Ethische Untersuchungen zur Werth-Theorie, Graz, 1894, стр. 15—16.

[3]) Von Wertdefinition zum Motivationsgesetze.

той формулировки, въ которой онъ первоначально выразилъ это отношеніе. Вмѣсто того, чтобы говорить, что цѣнность есть слѣдствіе воли, направленной на объектъ, необходимо сказать, что цѣнность имѣютъ тѣ вещи, которыя являются объектами воли, или являлись бы таковыми, если бы не были на лицо. Но очевидно, что это новое выраженіе не есть видоизмѣненная формулировка утверждаемаго имъ отношенія цѣнности къ волѣ, а полное отрицаніе его. Утвержденіе, что вещь могла бы быть объектомъ воли, если бы была на лицо, равносильно утвержденію, что если вещь на — лицо, она не составляетъ объекта воли; слѣдовательно, утвержденіе, что вещь обладаетъ цѣнностью и могла бы быть объектомъ воли, если бы не находилась на—лицо, равносильно утвержденію, что вещь обладаетъ цѣнностью и не составляетъ объекта воли, а это именно противоположно тому, что утверждаетъ Ehrenfels. Признавая правильнымъ возраженіе, приведенное Meinong'омъ, и желая сдѣлать соотвѣтствующую поправку въ первоначальномъ выраженіи, Ehrenfels, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи, долженъ былъ бы сказать, что вещи, которыя являлись бы объектами воли, если бы не были на лицо, не *обладаютъ* цѣнностью (теперь, не составляя объекта воли), а обладали бы ею (тогда, когда составляли бы объектъ воли). Но такая поправка оставляла бы безъ возраженія фактъ, что наличныя вещи, не составляющія объекта воли, все таки обладаютъ цѣнностью, что опровергало бы основное положеніе Ehrenfels'a. Однако возраженіе Ehrenfels'a, хотя и неправильное по существу, все-же хотя формально ставитъ опредѣленіе цѣнности въ зависимость отъ момента воли: цѣнность, если и не представляетъ собою слѣдствія реальной воли, то, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствуетъ возможной волѣ, пожалуй можно было съ такимъ же правомъ сказать — прошлой волѣ, которая могла быть направлена на объектъ въ прошломъ.

Для того, чтобы вполнѣ опровергнуть зависимость оцѣнки отъ воли, необходимо доказать, что объектомъ оцѣнки могутъ быть такія вещи, на которыя дѣйствующая воля не только не направляется въ настоящемъ, но не была направлена въ прошедшемъ и не будетъ направлена въ будущемъ, вещи, которыя вовсе не могутъ быть объектомъ воли. Такими объектами, не могущими быть вовсе предметомъ воли, являются, напримѣръ, давно минувшія событія. Фактъ невиннаго осужденія

Сократа, фактъ невозможности для Бетховена услышать сочиненную имъ девятую симфонію — примѣры, приводимые Ehrenfels'омъ — суть явленія, на которыя, какъ на явленія, не можетъ быть направлена наша воля по той простой причинѣ, что въ настоящее время ихъ не существуетъ, и для воли они не представляютъ никакой возможности воздѣйствія. Тѣмъ не менѣе факты эти далеко небезразличны для нашего сознанія и возстановляются въ умѣ не какъ индифферентные чисто интеллектуальные образы, а съ нѣкоторой чувственной квалификаціей, сообщающей имъ цѣнность. Признавая это обстоятельство, Ehrenfels и здѣсь желаетъ доказать, что оцѣнка такихъ объектовъ все таки является результатомъ направленной на нихъ воли.

Сущность процесса воли состоитъ здѣсь, по его мнѣнію, въ томъ, что эти прошедшія событія связываются въ нашемъ представленіи причинною цѣпью съ современною дѣйствительностью, а въ ткань послѣдней вплетено и наше существованіе. Такимъ образомъ наше существованіе и эти прошедшія событія оказываются связанными въ одну общую среду. Поскольку наше представляющее себя я проектируетъ себя въ эту среду, возникаетъ наша субъективная дѣйствительность. Хотѣніе — Begehren — направлено на включеніе или исключеніе представленій о такихъ прошедшихъ событіяхъ изъ ткани этой субъективной дѣйствительности, а включеніе или исключеніе представленій изъ причиной ткани нашего Я-представленія составляетъ не что иное, какъ процессъ воленія; въ данномъ случаѣ процессъ воленія направленъ на представленіе о фактахъ жизни Сократа и Бетховена и, благодаря направленной на нихъ волѣ, факты получаютъ цѣнность.

Съ точки зрѣнія обычнаго взгляда на вещи, подобное утвержденіе кажется несообразнымъ; если вообще допустить возможность какого-либо желанія, относящагося къ событіямъ жизни Сократа, то очевидно, что желаніе, напримѣръ, чтобы осужденіе Сократа на имѣло мѣста, можетъ быть только слѣдствіемъ того, что фактъ этотъ квалифицируется нами, какъ возмутительный, и никакъ не мирится съ обычнымъ представленіемъ утвержденіе, будто фактъ осужденія представляется для насъ возмутительнымъ только потому, что мы желали бы, чтобы его не существовало. И тѣмъ не менѣе разсужденіе Ehrenfels'а

имѣетъ формальный видъ доказательства, такъ какъ устанавливаетъ для даннаго случая присутствіе обстоятельствъ, необходимыхъ вообще для наличности воленія. Онъ устанавливаетъ, что здѣсь есть возможность выбора, состоящая либо въ исключеніи, либо включеніи представленія о данномъ фактѣ въ область сознанія; онъ утверждаетъ, и вполнѣ правильно, что въ такомъ включеніи или исключеніи представленія, или вообще въ измѣненіи состоянія нашего сознанія, и состоитъ въ сущности процессъ воленія. Софизмъ доказательства состоитъ въ томъ, что смѣшиваются представленіе о фактѣ съ самымъ фактомъ, и изъ того, что воля можетъ быть направлена на изгнаніе изъ области сознанія представленія, дѣлается заключеніе, что результатомъ этого является квалификація, но уже не представленія, какъ такового, а самого факта. Необходимо однако различать волю, направленную на идею, представленіе, какъ таковое, т. е. какъ психическое состояніе, не проектируемое далѣе нашего сознанія, отъ воли, направленной на факты, т. е. идеи, представленія, проектируемыя внѣ сознанія, психическія состоянія, разсматриваемыя лишь какъ коррелатъ объективной дѣйствительности. Такимъ образомъ я могу направлять волю на включеніе или исключеніе изъ сознанія представленія, какъ такового, нисколько не касаясь объективнаго міра явленій, и слѣдовательно, если я оперирую съ представленіемъ въ этомъ смыслѣ, я могу оперировать съ нимъ какъ тогда, когда оно проектируется внѣ сознанія, такъ и тогда, когда оно не проектируется далѣе сознанія. Я могу направлять волю на исключеніе изъ сознанія *идеи* жестокаго осужденія, которое происходитъ теперь и которому я могъ бы воспрепятствовать, такъ равнымъ образомъ на исключеніе изъ сознанія идеи жестокаго осужденія, которое произошло давно и теперь неустранимо. Въ этомъ случаѣ я стараюсь изгнать изъ сознанія только идею, т. е. стараюсь не думать о ней, замѣнить ее другою, забыть, безотносительно къ тому, что происходитъ въ объективномъ мірѣ явленій. Съ другой стороны, я могу направлять свою волю на устраненіе изъ сознанія факта, т. е. представленія, посколько оно проектируется въ объективный міръ явленій, и въ этомъ случаѣ не могу устранить его иначе, какъ только устраняя его вмѣстѣ съ проекціей. Если я желаю устранить идею жестокаго осужденія, какъ фактъ объективной дѣйствительности, то только

устраненіемъ жестокаго осужденія, объективной проекціи идеи, я достигну желаемаго результата. Итакъ въ первомъ случаѣ воля направлена на представленіе, какъ психическое состояніе, во второмъ на представленіе, какъ объективную проекцію; а потому, если объектъ, на который направлена воля, получаетъ квалификацію цѣнности, то въ первомъ случаѣ квалификацію получило бы само представленіе, какъ психическое состояніе: идея осужденія Сократа была бы непріятной; во-второмъ случаѣ была-бы квалифицирована объективація представленія, внѣшній фактъ: само осужденіе было бы возмутительно.

Примѣняя изложенныя соображенія къ событію осужденія Сократа, мы должны прійти къ слѣдующему выводу. Осужденіе Сократа не можетъ быть объектомъ воли, какъ фактъ; оно можетъ быть таковымъ объектомъ лишь какъ идея. Слѣдовательно, если цѣнность есть результатъ направленной на объектъ воли, то въ данномъ случаѣ цѣнность могла бы получить только идея осужденія Сократа, но не самый фактъ осужденія. Иначе говоря, объясняя цѣнность, какъ слѣдствіе воли, мы могли бы объяснить, что идея осужденія Сократа можетъ быть непріятной, но не могли бы объяснить, откуда самый фактъ можетъ получить квалификацію возмутительнаго. Между тѣмъ въ дѣйствительности можетъ происходить и весьма часто происходитъ наоборотъ; противъ идеи осужденія Сократа, какъ таковой, мы ничего не имѣемъ; мы не только не стараемся изгнать ее изъ сознанія, не думать, забыть, но напротивъ, можемъ усиленно стараться удержать ее въ области вниманія; и въ то-же время самый фактъ, заключающійся въ идеѣ, на который не распространяется власть нашей воли, весьма опредѣленно квалифицируется нами въ томъ или другомъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, что оцѣнка является здѣсь не какъ результатъ воли, иначе говоря, что есть случаи, когда предметъ обладаетъ цѣнностью, не будучи объектомъ воли, а слѣдовательно отвергающая подобную возможность теорія Ehrenfels'a не можетъ быть признана вѣрной.

Подобнаго рода несоотвѣтствіе между оцѣнкой представленія, какъ такового, и оцѣнкой факта, въ немъ заключающагося, и въ то-же время оцѣнка такихъ фактовъ, на которые не можетъ быть направлена наша воля, составляетъ нормальное явленія для области искусства. Мы не стараемся изгнать

изъ сознанія представленіе о несчастной любви Ромео и Юліи, ихъ трагической смерти и замѣнить его представленіемъ о согласіи родителей, счастливомъ бракѣ и возможномъ потомствѣ; и тѣмъ не менѣе вражду двухъ семействъ, страданія влюбленныхъ, роковой исходъ мы квалифицируемъ какъ зло, а не какъ благо. Спрашивается, откуда берется видимость желанія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается фактовъ, недоступныхъ нашей волѣ? Какимъ образомъ возникаетъ нѣчто, подобное желанію, когда мы говоримъ: я хотѣлъ бы, чтобы этого не было, хотя то, чего я не хотѣлъ бы, давно уже случилось и болѣе не устранимо? Вмѣсто того, чтобы служить доказательствомъ, что оцѣнка прошедшихъ событій есть результатъ воли, подобнаго рода факты, напротивъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что воля есть слѣдствіе того, что явленіе имѣетъ для насъ извѣстную цѣнность. Всегда, когда воля обнаруживается, она является слѣдствіемъ предшествующаго небезразличнаго состоянія, выражающагося въ соотвѣтствующей оцѣнкѣ. Такое отношеніе повторялось въ нашей жизни безчисленное множество разъ. Поэтому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оцѣнка относится къ событіямъ, которыя не могутъ быть объектомъ воли, привычное волевое усиліе возникаетъ знакомымъ путемъ вслѣдъ или вмѣстѣ съ оцѣнкой. Если въ нашей жизни случилось что-либо гнусное, но случилось безвозвратно, представленіе о немъ не можетъ ассоціироваться съ общимъ содержаніемъ нашего сознанія; результатомъ этой невозможности является страданіе [1]); причина этого страданія относится къ совершившемуся факту; состояніе страданія столь безчисленное число разъ вызывало волю, направляемую на устраненіе внѣшней причины страданія, что и здѣсь вслѣдъ за состояніемъ страданія возникаетъ то психическое состояніе, которымъ въ сознаніи сопровождаются волевые акты; возникаетъ болѣе или менѣе сильное желаніе, чтобы случившагося не было. Когда дѣло касается Сократа или Бетховена, на помощь такому безцѣльному желанію является услужливая фантазія; совершившійся фактъ представляется какъ фактъ, который въ свое время сталъ возможенъ, затѣмъ вниманіе фиксируется на признакѣ возможности, тогда какъ представленіе о времени стушевывается и

[1]) Ср. *R. Avenarius*, Философія, какъ мышленіе и пр., Спбргъ, 1899, стр. 8—11.

изгоняется изъ сознанія; въ качествѣ возможнаго, фактъ помѣщается въ рамку фантастическаго времени и здѣсь является объектомъ направленнаго на него желанія. Такое желаніе совершенно аналогично душевнымъ движеніямъ, съ которыми слѣдимъ мы за судьбою дѣйствующихъ лицъ въ романахъ и драмахъ. Если эти произведенія созданы воображеніемъ автора, то наши желанія направлены на событія чистой фантазіи; если же они взяты изъ исторической дѣйствительности, то художникъ направляетъ наши душевныя движенія на событія прошедшія. Подобно тому, какъ прошедшія событія, совершенно не могущія быть объектомъ воли, въ качествѣ именно прошедшихъ, становятся объектомъ желаній, будучи перенесены услугами воображенія въ область возможнаго, такъ и далѣе изъ области только возможнаго воображеніе можетъ перенести ихъ, правда, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, въ область дѣйствительнаго и здѣсь сдѣлать уже настоящими объектами дѣйствительныхъ проявленій воли, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда возбужденные зрители активно вмѣшиваются въ ходъ драмы.

Необходимо однако замѣтить, что приведенныя возраженія относятся къ Ehrenfels'у лишь постолько, посколько имъ вообще высказывается положеніе о цѣнности, какъ слѣдствіи воли, независимо отъ опредѣленія послѣдней. Если же мы обратимся къ вопросу, какъ понимаетъ авторъ волю, то окажется, что, въ сущности, онъ утверждаетъ не слѣдованіе оцѣнки за волей, а совпаденіе цѣнности съ тѣмъ интеллектуально-чувственнымъ состояніемъ, которое предшествуетъ, по нашему мнѣнію, моменту воли. По его мнѣнію, хотѣніе, лежащее въ основѣ волевыхъ проявленій — желанія, стремленія, воленія — не представляетъ собою психическаго явленія, не сводимаго къ другимъ элементамъ, а есть лишь *представленіе* о включеніи или исключеніи вещи изъ сознанія, обусловливающее относительное споспѣшествованіе нашему благополучію (eine relative Glüksforderung begründende Vorstellung); споспѣшествованіе же благополучію состоитъ въ томъ, что представленіе о наличности объекта создаетъ на скалѣ чувства удовольствія и страданія состояніе лучшее, чѣмъ представленіе объ отсутствіи объекта, или обратно, представленіе объ отсутствіи вызываетъ состояніе лучшее, чѣмъ представленіе о присутствіи. При такомъ значе-

ніи хотѣнія, оно представляетъ собою не что иное, какъ соединеніе интеллектуальнаго процесса—представленія—съ комбинаціей чувствъ удовольствія и страданія, иначе говоря, интеллектуальный процессъ, окрашенный чувственными элементами. Подобнаго рода состояніе не имѣетъ ничего общаго съ волевыми процессами, какъ особой психической категоріей.

То, что Ehrenfels называетъ хотѣніемъ, представляетъ психическое состояніе, познаніе и проицированіе котораго составляетъ актъ оцѣнки, а такъ какъ это состояніе составляетъ причину воли, то весьма понятно, что оно должно лежать въ основѣ всѣхъ проявленій ея, какъ это и утверждаетъ Ehrenfels по отношенію къ своему хотѣнію. Но такъ какъ, по мнѣнію Ehrenfels'а, хотѣнія, какъ особаго психическаго явленія реально вовсе не существуетъ и оно совпадаетъ съ интеллектуально-чувственнымъ состояніемъ, и такъ какъ, далѣе, цѣнность, въ свою очередь, совпадаетъ съ хотѣніемъ, то оказывается, что и цѣнность совпадаетъ съ тѣмъ же интеллектуально-чувственнымъ состояніемъ. Такимъ образомъ послѣднее отождествляется какъ съ волей, такъ и съ цѣнностью, а эти два явленія отождествляются, въ свою очередь, другъ съ другомъ. Но что цѣнность не тождественна съ волей, явствуетъ изъ фактовъ возможности оцѣнки безъ хотѣнія; равнымъ образомъ и оцѣнка и воленіе должны чѣмъ-либо отличаться отъ пассивнаго интеллектуально-чувственнаго состоянія, лежащаго въ ихъ основѣ. Правильное соотношеніе указанныхъ психическихъ моментовъ состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что интеллектуально-чувственное состояніе даетъ начало двумъ параллельнымъ волевымъ процессамъ: процессу волевого воздѣйствія и процессу познанія и проицированія интеллектуально-чувственнаго состоянія, или процессу оцѣнки. Такое соотношеніе существуетъ для элементовъ интеллекта, чувства и воли въ ихъ непосредственно данномъ эмпирическомъ состояніи; но оно не предрѣшаетъ вопроса о соотношеніи этихъ элементовъ при окончательномъ ихъ анализѣ. Хотя наиболѣе вѣроятнымъ представляется, по-видимому, что всѣ указанные элементы представляютъ собою первоначальныя далѣе неразложимыя состоянія, но если бы затѣмъ и оказалось, что какіе-либо изъ нихъ могутъ быть сведены къ другимъ, напримѣръ, чувство къ волѣ или обратно, воля или чувство къ представленіямъ и ощущеніямъ или обратно, или любое изъ этихъ состояній къ какимъ-

либо простѣйшимъ моментамъ, въ родѣ ictus'овъ и т. п., то и въ такомъ случаѣ взаимное отношеніе указанныхъ состояній въ ихъ эмпирическомъ видѣ осталось бы безъ измѣненія; воленіе, хотя бы оно и состояло изъ комплекса или отношенія представленій, все таки слѣдовало бы за интеллектуально-чувственнымъ состояніемъ, оцѣнка была бы волевымъ результатомъ того же интеллектуально-чувственнаго состоянія, къ чему бы оно, въ свою очередь ни сводилось.

II. Оцѣнка.

§ 1. Теоріи Meinong'a и Ehrenfels'a.

Вопросомъ объ оцѣнкѣ, какъ извѣстно, издавна занимались экономисты. Однако ихъ интересовалъ этотъ вопросъ лишь постолько, посколько изъ накопленныхъ повседневнымъ психологическимъ опытомъ посылокъ можно было вывести объясненіе нѣкоторыхъ специфически экономическихъ явленій. Экономисты того направленія, которое теперь называютъ психологическимъ, обратили особенное вниманіе на фактъ зависимости оцѣнки отъ количества предметовъ и, выведя изъ него законъ т. н. предѣльной полезности, получили богатое экономическими послѣдствіями положеніе, на дедуктивномъ развитіи котораго они и сосредоточили свою работу. Вопросъ о сущности явленія оцѣнки самой по себѣ оставался не затронутымъ. Даже въ работахъ Böhm-Bawerk'a, дающаго наиболѣе пространное и систематическое изложеніе ученія предѣльной полезности, общій вопросъ о природѣ оцѣнки оставленъ въ сторонѣ, и явленія цѣнности выводятся изъ ставшаго рутиннымъ въ экономической литературѣ понятія потребности и полезности.

Вопросъ о цѣнности не разъ затрагивался въ этикѣ и философіи [1]), но лишь Meinong и Ehrenfels вполнѣ освободили уче-

---

[1]) *A. Döring*, Philosophische Güterlehre, Berlin, 1888; Изъ новѣйшей литературы слѣдуетъ упомянуть о работѣ Dr. Josef Clemens *Kreibig'a*, Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie, Wien, 1902, которая, къ сожалѣнію, представляетъ мало интереса, такъ какъ содержитъ недостаточно мотивированное конспективное изложеніе догматическихъ взглядовъ автора. *St. Witasek*, Wert und Schönheit, Arch. f. syst. Phil, 1902, VIII B., 2 H. стр. 168 и сл.

ніе о цѣнности отъ его служебнаго значенія для другихъ дисциплинъ и стали разсматривать, какъ психическое явленіе въ его собственной сущности и психической конструкціи. Цѣнность однако оказалась явленіемъ слишкомъ сложнымъ и заключающимъ въ себѣ моменты, которымъ современная психологія не нашла еще вполнѣ удовлетворительнаго объясненія.

Meinong [1]) начинаетъ свое изложеніе съ указанія на то, что вопросъ о цѣнности выходитъ за предѣлы одной только экономики, и что принятые въ экономической литературѣ термины и представленія не даютъ удовлетворительнаго объясненія явленію оцѣнки. Кромѣ экономическихъ цѣнностей — говоритъ авторъ—безспорно существуетъ многое, что мы цѣнимъ, и что не составляетъ экономической цѣнности; такъ мы цѣнимъ благородное поведеніе, благородный образъ мыслей, одобреніе со стороны окружающихъ насъ людей. Всѣ эти явленія экономическая наука, преслѣдуя свои особыя цѣли, оставляетъ безъ вниманія; задача же теоріи цѣнности въ томъ именно и должна состоять, чтобы объяснить всѣ явленія оцѣнки, независимо отъ особыхъ интересовъ той или другой точки зрѣнія.

Самое обыкновенное объясненіе цѣнности состоитъ въ сведеніи ея къ понятію потребности; вещь постолько обладаетъ цѣнностью, посколько ей присуща способность удовлетворять наши потребности. Удовлетвореніе, потребности состоитъ, по-видимому, въ устраненіи наличнаго состоянія нѣкотораго страданія, какъ это имѣетъ мѣсто въ характерномъ случаѣ голода. Однако потребность во многихъ вещахъ, какъ напримѣръ, въ одеждѣ, жилищѣ и т. п., существуетъ даже тогда, когда всякое дѣйствительное страданіе отсутствуетъ; потребность не устранена тѣмъ, что она удовлетворена, и присущія намъ потребности прямо и могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: потребности удовлетворенныя и потребности неудовлетворенныя. Принимая во вниманіе это обстоятельство, правильнѣе было бы сказать: потребность мы испытываемъ въ томъ, отсутствіе чего причиняло бы намъ страданія. Но и съ такой оговоркой нельзя

[1]) Alexius *Meinong*, Psychologisch-Ethische Untersuchungen zur Werth-Theorie, Graz, 1894.

утверждать, что для насъ представляетъ цѣнность только то, на отсутствіе или несуществованіе чего мы реагируемъ чувствомъ неудовольствія; такъ существованіе или полезныя свойства какой-либо вещи могутъ быть намъ совершенно неизвѣстны и, слѣдовательно, отсутствіе этой вещи не можетъ причинять никакихъ страданій, а между тѣмъ, она получаетъ цѣнность съ перваго момента своего появленія. Еще яснѣе выступаетъ это обстоятельство тогда, когда самой потребности, желанія, мысли не существуетъ при отсутствіи вещи, и только съ появленіемъ ея возникаетъ возможность соотвѣтствующаго желанія. Въ этихъ случаяхъ цѣнность, очевидно, основывается не на ощущеніи недостатка вслѣдствіе отсутствія вещи, а напротивъ, на нѣкоторой пользѣ, связанной съ наличностью вещи. Однако и объясненіе цѣнности вещи ея полезностью—второй способъ, къ которому прибѣгаютъ въ политической экономіи—также неудовлетворительно. Если подъ полезностью разумѣть то, что вещь непосредственно, или посредствомъ нѣкоторой промежуточной причинной цѣпи, служитъ причиной чувства удовлетворенія, или удовольствія въ психолого-техническомъ смыслѣ, то такое опредѣленіе, съ одной стороны, обнимаетъ лишніе, не входящіе въ понятіе цѣнности случаи, съ другой—не даетъ объясненія всѣхъ случаевъ цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, то, что причиняетъ удовольствіе, мы называемъ скорѣе пріятнымъ и до нѣкоторой степени противополагаемъ ему полезное; полезное же нерѣдко причиняетъ сразу нѣкоторое страданіе, какъ напримѣръ, обученіе грамотѣ; такимъ образомъ польза и причиненіе удовольствія не совпадаютъ: многія причиняющія удовольствія вещи пріятны, но не полезны; тогда какъ, съ другой стороны, нѣкоторыя полезныя вещи причиняютъ прежде всего нѣчто иное, но не удовольствіе. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда полезность и удовольствіе, по-видимому, совпадаютъ, полезность вещи не состоитъ въ томъ, что вещь сама по себѣ причиннымъ образомъ связана съ чувствомъ удовольствія. Такъ, напримѣръ, касса безспорно доставляетъ удовольствіе тому, кому она полезна для храненія драгоцѣнностей; однако, удовольствіе это не связано причиннымъ образомъ съ самимъ предметомъ—кассой, ибо чужая касса, напримѣръ, не причиняетъ удовольствія. Между предметомъ и соотвѣтствующимъ ему чувствомъ удовольствія въ тѣхъ случаяхъ, когда мы говоримъ о полезности, какъ при-

чинѣ цѣнности, существуетъ какая-то другая связь, но не причинная. Безполезно, однако, искать такого опредѣленія полезности, изъ котораго можно было бы вывести понятіе цѣнности; ибо понятіе полезности само наилучшимъ и единственно возможнымъ образомъ опредѣляется понятіемъ цѣнности: не то цѣнно, что полезно, а напротивъ, мы называемъ полезнымъ все то, что въ нашихъ глазахъ имѣетъ цѣнность. Сущность цѣнности лежитъ не въ самихъ вещахъ или ихъ свойствахъ, а въ нѣкоторомъ особомъ нашемъ къ нимъ отношеніи; цѣнностью обладаетъ то, что мы цѣнимъ; всякая цѣнность сводится къ оцѣнкѣ, и такимъ образомъ изслѣдованіе цѣнности должно исходить изъ изслѣдованія процесса оцѣнки. Къ какой категоріи психическихъ явленій можетъ относиться процессъ оцѣнки? По мнѣнію Ehrenfels'a, оцѣнка есть не что иное, какъ хотѣніе; быть цѣннымъ равносильно понятію быть предметомъ хотѣнія. Такому представленію противорѣчитъ однако, по мнѣнію Meinong'a, многое; во-первыхъ, психологія обыденной жизни, которая признаетъ здѣсь какъ разъ обратное отношеніе; затѣмъ то, что оцѣнка можетъ предшествовать хотѣнію, а главнымъ образомъ тотъ фактъ, что хотѣніе можетъ быть направлено только на то, чего еще нѣтъ; то, что было или есть, не можетъ быть предметомъ хотѣнія; тогда какъ цѣнность вовсе не ограничена этимъ условіемъ, и даже, наоборотъ, предмету постолько можетъ быть приписана цѣнность, посколько онъ существуетъ. Если такимъ образомъ оцѣнка не относится къ области воли, то трудно отнести ее къ чему-либо другому, кромѣ чувства. Итакъ цѣнность есть результатъ особаго чувства—чувства цѣнности. Это чувство прежде всего характеризуется тѣмъ, что оно имѣетъ мѣсто только по отношенію къ существованію или существующему, въ отличіе отъ другихъ чувствъ, напримѣръ, эстетическаго, которое одинаково вызывается какъ дѣйствительностью, такъ и вымысломъ. Чувство цѣнности можетъ быть поэтому названо чувствомъ существованія—Existenzgefühl. Въ какомъ однако отношеніи или связи находится фактъ существованія объекта и соотвѣтствующее ему чувство цѣнности? Проще всего искать это отношеніе въ причинной связи, утверждая, что существованіе вещи является причиной чувства цѣнности; хлѣбъ, утоляющій голодъ, вода, утоляющая жажду, краски и формы вызываютъ не только ощущенія, но и чув-

ства, и можно думать, что эти чувства какъ разъ и создаютъ то, что въ предметахъ цѣнно. Противъ такого предположенія говоритъ прежде всего тотъ формальный фактъ, что чувство цѣнности можетъ быть связано и съ несуществованіемъ объекта, а несуществующій объектъ не можетъ дѣйствовать и не можетъ, слѣдовательно, вызывать причиннымъ образомъ какихъ бы то ни было душевныхъ состояній. Въ концѣ концовъ, причинная зависимость между существованіемъ предмета и чувствомъ цѣнности сводится къ вопросу о причинной зависимости между предметомъ и чувствомъ удовольствія, какъ источникомъ цѣнности, вопросу, который разрѣшенъ отрицательно. Въ дополненіе къ приведеннымъ уже по этому поводу соображеніямъ можно прямо указать случаи, когда чувство цѣнности не находится въ причинной связи съ объектомъ цѣнности. Напримѣръ, одобреніе публики цѣнится артистомъ не потому, что хлопаніе вызываетъ въ немъ ощущеніе, окрашенное въ пріятный чувственный тонъ, иначе говоря, не самый физическій фактъ аплодисментовъ вызываетъ, какъ причина, чувство оцѣнки, а то обстоятельство, что артистъ *знаетъ*, что одобреніе существуетъ; правда, самое знаніе вызвано здѣсь наличностью оцѣниваемаго объекта, одобренія, какъ своей причиной; но возможно, что и самый этотъ объектъ отсутствуетъ, и, слѣдовательно, какъ отсутствующій, не можетъ быть причиною знанія, а тѣмъ не менѣе чувство цѣнности имѣетъ мѣсто; такъ обстоитъ дѣло, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда мы цѣнимъ вещь отсутствующую; здѣсь оцѣнка обусловливается знаніемъ, что вещь, хотя отсутствуетъ, но существуетъ; но это знаніе не можетъ быть причинно обусловлено физическою вещью, такъ какъ она отсутствуетъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣтъ прямой связи между чувствомъ цѣнности и оцѣниваемымъ объектомъ, какъ его причиной; но во всѣхъ этихъ случаяхъ существеннымъ элементомъ является *знаніе* о существованіи оцѣниваемаго явленія; это знаніе, убѣжденіе, вѣра, или, употребляя техническій терминъ психологіи, сужденіе о существованіи объекта и вызываетъ то состояніе, которое мы называемъ чувствомъ цѣнности Такимъ образомъ связь, существующая между чувствомъ цѣнности и объектомъ оцѣнки, состоитъ въ сужденіи—утвердительномъ или отрицательномъ—о существованіи объекта. Наличность этого сужденія, какъ психическая причина чувства

цѣнности, имѣетъ мѣсто какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ прямой причинной зависимости между объектомъ и соотвѣтствующимъ ему чувствомъ оцѣнки, такъ равнымъ образомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ способенъ причинять непосредственно чувство удовольствія. Эта связь между объектомъ и оцѣнкой дѣлаетъ яснымъ, почему чувство удовольствія, причиняемаго непосредственно предметомъ, не совпадаетъ съ чувствомъ цѣнности. Если бы чувство цѣнности было не чѣмъ инымъ, какъ чувствомъ удовольствія, причиняемаго предметомъ, то цѣнность существовала бы лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалось бы удовольствіе; равнымъ образомъ понятно, почему цѣнность измѣняется съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества оцѣниваемыхъ предметовъ; для чувства удовольствія безразлично, будетъ ли рядомъ съ предметами, вызывающими это чувство, еще много или мало другихъ такихъ же предметовъ; но сужденіе принимаетъ во вниманіе всѣ эти моменты, и, понятно, что чувство цѣнности, основанное на сужденіи, въ свою очередь, измѣняется въ зависимости отъ этихъ моментовъ. Наконецъ, совершенно ясно, что отсутствующій объектъ, который, слѣдовательно, не можетъ дѣйствовать причинно, тѣмъ не менѣе можетъ быть объектомъ сужденія о его несуществованіи, а это сужденіе можетъ уже вызвать чувство цѣнности.

Но если цѣнность сводится къ оцѣнкѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что цѣнность и чувство цѣнности одно и то же, что цѣнность предмета состоитъ въ томъ, что предметъ составляетъ объектъ оцѣнки. Съ одной стороны, можетъ быть цѣнимо иной разъ и то, что само по себѣ не имѣетъ цѣнности; съ другой, возможно и обратное, что обладающее цѣнностью временно или даже вовсе не цѣнится: наиболѣе цѣнныя вещи и тѣ не могутъ быть постоянно объектомъ чувства цѣнности. Поэтому слѣдуетъ сказать: цѣнность связана не съ дѣйствительной, а возможной оцѣнкой, причемъ послѣдняя требуетъ благопріятныхъ обстоятельствъ, достаточной освѣдомленности, нормальнаго умственнаго и душевнаго состоянія. Цѣнность состоитъ такимъ образомъ не въ томъ, что объектъ подвергается оцѣнкѣ, а въ томъ, что онъ можетъ ей подвергаться при благопріятныхъ условіяхъ. «Предметъ обладаетъ цѣнностью, поскольку ему присуща способность быть фактической основой

чувства цѣнности для достаточно освѣдомленнаго и нормальнаго человѣка» (стр. 25). Правда, практика не прибѣгаетъ для опредѣленія цѣнности къ сложному понятію способности: она просто приписываетъ цѣнность, какъ аттрибутъ, вещи; впрочемъ, такъ она поступаетъ и по отношенію къ другимъ чувствамъ, называя предметы красивыми, пріятными и т. п. въ томъ смыслѣ, какъ она приписываетъ имъ величину или цвѣтъ; это однако нисколько не измѣняетъ того обстоятельства, что чувство не есть свойство предмета и что оно не связано съ нимъ такъ постоянно, какъ должна быть связана цѣнность. Если для теоріи необходимо связать понятіе цѣнности какъ можно болѣе съ вещью, видѣть въ цѣнности аттрибутъ оцѣниваемаго, то и приходится для этой цѣли прибѣгнуть къ понятію способности. Въ этомъ смыслѣ цѣнность становится свойствомъ вещи и ведетъ съ нею существованіе, болѣе или менѣе независимое отъ оцѣнки; не въ томъ однако смыслѣ, чтобы цѣнность могла существовать безъ субъекта оцѣнивающаго или безъ того, чтобы существованіе вещи возбуждало чувство цѣнности—абсолютная цѣнность, цѣнность сама по себѣ не существуетъ, всякая цѣнность требуетъ субъекта и основана на чувствѣ цѣнности; но въ томъ смыслѣ, что цѣнность продолжаетъ свое существованіе и послѣ того, какъ оцѣнка и чувство цѣнности прекратились, въ предположеніи, разумѣется, что всѣ прочія обстоятельства, вызывающія оцѣнку не измѣняются (стр. 69). Цѣнность, въ смыслѣ аттрибута вещи, безъ нарушенія своего субъективнаго характера, можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: вещь такъ устроена, что можетъ быть объектомъ чувства цѣнности.

Если оцѣнка сводится къ чувству цѣнности, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ отличается это чувство, отъ другихъ чувствъ? Отличительный признакъ чувства цѣнности состоитъ, по мнѣнію Meinong'a, въ сужденіи, какъ причинѣ, его вызывающей. Въ этомъ отношеніи авторъ различаетъ чувства, связанныя только съ представленіемъ и чувства, требующія, сверхъ того, наличности сужденія. Къ первой категоріи относятся всѣ вообще чувства; чувство вообще не мыслимо безъ содержанія; но такъ какъ всякое содержаніе чувства только такимъ образомъ и существуетъ, что составляетъ содержаніе представленія, то представленіе и является необходимымъ предположеніемъ—Voraussetzung—для чувства. Оно

однако является не единственно возможнымъ предположеніемъ; рядомъ съ нимъ въ такой же роли—роли сопредположенія—можетъ выступать сужденіе, и тогда мы получаемъ особый классъ чувствъ, чувствъ основанныхъ на сужденіи. Сюда относится двѣ категоріи чувствъ: одна, о которой идетъ рѣчь, категорія чувства цѣнности, и другая—чувства знанія. Послѣднее состоитъ въ томъ чувствѣ удовлетворенія, которое вызывается наличностью знанія. И въ томъ и другомъ случаѣ предположеніемъ чувства является сужденіе: для чувства цѣнности—сужденіе, что вещь существуетъ, для чувства знанія—сужденіе, въ которомъ выражается знаніе. Отличіе этихъ двухъ категорій по отношенію къ сужденію состоитъ въ томъ, что въ чувствѣ цѣнности содержаніе сужденія является въ то же время и содержаніемъ чувства: я радуюсь именно тому, существованіе чего я утверждаю посредствомъ сужденія; тогда какъ для чувства знанія, содержаніемъ чувства является самое сужденіе, какъ сужденіе, независимо отъ того или другого содержанія: я радуюсь вообще знанію, содержаніе же этого знанія можетъ быть весьма различно и для радости по поводу знанія нехарактерно. Однако чувство знанія можно разсматривать, какъ частный случай чувства цѣнности: чувство знанія есть чувство цѣнности, вызванное сужденіемъ о присутствіи знанія.

Психологическимъ предположеніемъ чувства цѣнности можетъ быть не одно, но и бо́льшее количество сужденій. Въ такомъ случаѣ необходимо различать сужденіе главное отъ побочныхъ. Главнымъ является то, безъ котораго чувство цѣнности немыслимо; оно характеризуется тѣмъ, что его содержаніе составляетъ въ тоже время содержаніе чувства; основной и наиболѣе характерной формой такихъ сужденій является сужденіе вида: «А существуетъ». Правда, эта форма не устраняетъ возможности, чтобы А было поставлено въ соотношеніе съ съ какимъ-либо другимъ понятіемъ, чтобы ему было приписано, напримѣръ, какое-либо качество: А есть такое то; но это соотношеніе въ концѣ концовъ должно быть таково, чтобы все вмѣстѣ могло быть выражено въ видѣ сужденія о существованіи объекта. Что касается другихъ свойствъ главныхъ сужденій, то, во-первыхъ, эти сужденія могутъ быть положительными или отрицательными. Чувство цѣнности можетъ быть вызываемо какъ сужденіемъ, что вещь существуетъ, такъ и

тѣмъ, что вещь не существуетъ. Эта противоположность нормально вызываетъ противоположность чувствъ: если существованіе чего-либо вызываетъ удовольствіе, то несуществованіе вызываетъ страданіе; однако, по видимому, утвержденіе имѣетъ первенство передъ отрицаніемъ: мы называемъ благомъ то, существованіе чего намъ пріятно, и зломъ то, существованіе чего причиняетъ страданіе, и затѣмъ уже отсутствіе блага есть зло, а отсутствіе зла есть благо; но, можно думать, не существуетъ обратнаго случая, а именно, чтобы мы считали благомъ нѣчто лишь вслѣдствіе того, что отсутствіе его причиняетъ страданія, или зломъ нѣчто лишь потому, что отсутствіе его пріятно. Во-вторыхъ, главныя сужденія могутъ быть различны по степени достовѣрности; на сужденія достовѣрныя чувство реагируетъ состояніями радости или огорченія, на сужденія недостовѣрныя — состояніями надежды и страха. Обыкновенно полагаютъ — по мнѣнію Meinong'a — ошибочно, что послѣднія состоянія характеризуются признакомъ времени, а именно, будущностью того, что внушаетъ надежду или страхъ; въ дѣйствительности надежда и страхъ можетъ относиться и къ прошедшему и къ настоящему, поскольку то и другое неизвѣстно.

Что касается побочныхъ сужденій, то они характеризуются тѣмъ, что сами по себѣ не вызываютъ чувства цѣнности и во многихъ случаяхъ могутъ отсутствовать. Они въ свою очередь, распадаются на двѣ категоріи: одни изъ этихъ сужденій выходятъ за предѣлы оцѣниваемаго объекта, что имѣетъ мѣсто, когда предметъ цѣнится не самъ по себѣ, а по причинной связи съ чѣмъ либо другимъ; другія побочныя сужденія не выходятъ за предѣлы предмета, какъ это, напримѣръ, бываетъ тогда, когда предметъ цѣнится потому, что его другіе цѣнятъ.

Различіе между главными и побочными сужденіями даетъ возможность точнѣе опредѣлить понятія субъективной и объективной цѣнности, также, какъ и понятіе ошибочныхъ или воображаемыхъ цѣнностей. Если ошибочно главное сужденіе, если оно утверждаетъ существованіе чего-либо, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ, то, хотя оцѣнка и существуетъ, цѣнности нѣтъ[1]) (стр. 77). Но всякая оцѣнка, направленная на дѣйстви-

[1]) Такимъ образомъ о субъективной, ошибочной и воображаемой цѣнности можетъ быть рѣчь только тогда, когда ошибка касается побочнаго су-

тельно существующій предметъ, создаетъ цѣнность. Цѣнность эта будетъ объективной, если всѣ побочныя сужденія вѣрны; субъективной—если среди нихъ находятся ложныя (стр. 69). Такимъ образомъ всякая оцѣнка, направленная на явленіе дѣйствительности, прежде всего и во всякомъ случаѣ создаетъ субъективную цѣнность (стр. 82); субъективная цѣнность остается таковой до тѣхъ поръ, пока справедливость побочныхъ сужденій не установлена (стр. 82), либо послѣ того, какъ ошибочность ихъ доказана; въ послѣднемъ случаѣ цѣнность становится воображаемой, имѣетъ мѣсто ошибка въ оцѣнкѣ. Если же побочныя сужденія вѣрны, то мы имѣемъ вѣрную цѣнность или, что тоже, объективную цѣнность.

Наконецъ, что касается величины цѣнности, то не можетъ быть сомнѣнія—говоритъ Meinong—что эта величина указываетъ на интенсивность соотвѣтствующаго чувства, вмѣстѣ съ нею растетъ, уменьшается, приходитъ къ нулю. Есть ли однако величина цѣнности не что иное, какъ интенсивность чувства, или же только функція интенсивности (такъ какъ и равенство между независимой и зависимой перемѣнной представляетъ собою также функцію)—этотъ вопросъ, аналогичный, напримѣръ, вопросу о тожествѣ величины геометрическаго тѣла съ величиной ограничиваемаго имъ физическаго тѣла, имѣетъ малое практическое значеніе. Гораздо болѣе важенъ вопросъ о томъ, какіе моменты опредѣляютъ величину цѣнности черезъ посредство интенсивности чувства. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе величина оцѣниваемаго предмета. Здѣсь необходимо различать цѣнности непосредственныя, самоцѣнности, т. е. то, что цѣнно само по себѣ, Eigenwerthe (терминологія Ehrenfels'a), отъ цѣнностей опосредствованныхъ, т. е. представляющихъ цѣнность ради чего-либо другого, что уже цѣнно въ концѣ концовъ само по себѣ—Wirkungswerthe. Для первыхъ ростъ цѣнности идетъ параллельно росту величины объекта цѣнности, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто по отношенію къ любознательности, скупости; для вторыхъ подобный параллелизмъ ограниченъ болѣе или менѣе узкими

жденія или такого главнаго, которое не относится непосредственно къ самой оцѣниваемой вещи. Ошибка въ главномъ сужденіи устраняетъ возможность существованія цѣнности.

предѣлами; если умѣренный огонь представляетъ цѣнность для поддержанія пріятной температуры, то чрезмѣрный огонь не будетъ представлять соотвѣтственно бо́льшей цѣнности. Опосредственныя цѣнности находятся также въ зависимости отъ того вліянія, какое оказываютъ на чувство цѣнности побочныя сужденія. Этимъ именно и объясняется тотъ фактъ, что цѣнность не совпадаетъ съ удовольствіемъ, доставляемымъ непосредственно даннымъ предметомъ: побочныя сужденія о количествѣ другихъ такихъ же предметовъ, замѣнимости даннаго предмета оказываютъ вліяніе на чувство цѣнности и такимъ образомъ дѣлаютъ величину цѣнности зависимой отъ обстоятельствъ окружающей среды (стр. 73—75).

Изложенная въ такомъ видѣ общая теорія цѣнности потребовала однако отъ автора весьма скоро [1]) существеннаго измѣненія и дополненія прежде всего въ той своей части, которая представляетъ наибольшій интересъ для экономиста,—по вопросу о величинѣ цѣнности, а затѣмъ, соотвѣтственно съ этимъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ. Какъ только что было упомянуто, величина цѣнности сводилась, по мнѣнію Meinong'a, къ интенсивности чувства, вызываемаго сознаніемъ существованія или несуществованія предмета, и положеніе это казалось ему не подлежащимъ сомнѣнію. Теперь однако онъ находитъ, что при всей своей подкупающей простотѣ, оно совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Двоякаго рода факты противорѣчатъ такому положенію: во-первыхъ, то, что очень большимъ цѣнностямъ весьма часто соотвѣтствуютъ сравнительно незначительной интенсивности чувства, и, во-вторыхъ, обратно, что весьма интенсивныя чувства являются результатомъ объектовъ, которымъ мы приписываемъ очень малую цѣнность. Факты перваго рода проявляются, напримѣръ, въ томъ, что увѣренность въ существованіи дружбы, блага, которое, безспорно имѣетъ очень высокую цѣнность, при обыкновенныхъ условіяхъ вовсе не вызываетъ чувства, которое по своей интенсивности хотя сколько-нибудь отвѣчало бы величинѣ соот-

[1]) См. Archiv für systematische Philosophie herausgegeben v. P. Natorp, 1895, т. 1, стр. 327 и сл.

вѣтствующей цѣнности; тоже надо сказать относительно здоровья. Факты эти не трудно было бы однако примирить съ теоріей, если бы отношеніе между цѣнностью и чувствомъ разсматривать не какъ равенство, а какъ какую-либо иную функцію, что вовсе не исключается ранѣе изложенной теоріей. Самую функціональную зависимость не трудно было бы для примѣра представить въ слѣдующемъ видѣ. Пусть изъ точки *O* выходятъ лучи, пересѣкающіе одну прямую *xy*, ближе лежащую, и другую прямую (параллельную?) *XY*, далѣе лежащую. Точки пересѣченія лучей съ первой прямой — *a*, *b*, *c* — могли бы изображать чувства цѣнности, тогда какъ далѣе лежащія точки пересѣченія тѣхъ же лучей съ другой прямой могли бы соотвѣтствовать цѣнностямъ. Самый фактъ большихъ цѣнностей при незначительной интенсивности чувствъ можно было бы объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что чувства цѣнности составляютъ только часть всей области чувствъ, съ которыми они могутъ быть сравниваемы и, какъ чувства, могутъ оказаться незначительными. Тогда какъ для цѣнностей нѣтъ такой понижающей среды. Однако всѣ эти объясненія оказываются несостоятельными, въ виду фактовъ второго рода, свидѣтельствующихъ, что дѣло вовсе не въ томъ, что цѣнности измѣряются въ большихъ величинахъ, а чувства—въ малыхъ, а въ томъ, что между тѣми и другими нѣтъ однообразнаго, прямого соотношенія. Такъ, напримѣръ, при большой цѣнности дружбы, письмо отъ друга, которое во всякомъ случаѣ не можетъ имѣть такой же цѣнности, какъ сама дружба, доставляетъ однако бо́льшую радость, чѣмъ сужденіе о томъ, что данная дружба существуетъ. Все это доказываетъ, что величина цѣнности не только не равна интенсивности чувства цѣнности, вызываемаго наличностью предмета, но и не этимъ однимъ чувствомъ опредѣляется. Найти правильные моменты, опредѣляющіе величину цѣнности, можно, исходя изъ положенія, которое давно извѣстно экономистамъ по отношенію къ опосредствованнымъ цѣнностямъ — Wirkungswerthe. Экономисты учатъ, что цѣнность такихъ благъ опредѣляется силою потребности, удовлетвореніе которой зависитъ отъ данныхъ благъ. Зависимость эта однако не простая, а, такъ сказать, квалифицированная: величина цѣнности опредѣляется не силою удовлетворенія, которое причиняется предметомъ, а силою удовлетворенія, которое обусловлено

наличностью даннаго блага, какъ conditione sine qua non. Иначе говоря, цѣнность предмета опредѣляется не только удовлетвореніемъ, которое причиняется наличностью предмета, но и страданіемъ, которое имѣло бы мѣсто при отсутствіи предмета. Можно было бы, пожалуй, пойти еще дальше и, основываясь на такихъ фактахъ, какъ оцѣнка воды и воздуха, которые при нормальныхъ условіяхъ не представляютъ почти никакой цѣнности, не смотря на свою необходимость для жизни, именно потому, что устраненіе нѣкотораго количества воздуха или воды не причинило бы никакого страданія, — основываясь на этихъ фактахъ, можно было бы утверждать, что вообще цѣнность сообразуется не съ положительной оцѣнкой наличности блага, а съ отрицательной оцѣнкой его отсутствія. Въ подобнаго рода утвержденіи нѣтъ однако никакой надобности: оцѣнка наличности блага здѣсь нисколько не устраняется, незначительная же величина чувства положительной цѣнности въ этомъ случаѣ легко объясняется тѣмъ, что оно, какъ и всякое чувство, подлежитъ дѣйствію утомленія и ослабленія и, съ теченіемъ времени, понижается настолько, что не производитъ почти никакой замѣтной цѣнности; при такихъ условіяхъ, цѣнность въ найбольшей своей части является результатомъ отрицательной оцѣнки отсутствія блага. Все, что относится къ опосредствованнымъ цѣнностямъ, безъ труда можетъ быть примѣнено и къ цѣнностямъ непосредственнымъ. Такимъ образомъ можно сказать, что цѣнность есть функція не только интенсивности чувства, связаннаго съ наличностью вещи, но и чувства, связаннаго съ отсутствіемъ ея. Символически это отношеніе можетъ быть выражено формулой

$$W = CJ + C'J'$$

гдѣ J и J' выражаютъ интенсивность чувствъ, вызванныхъ наличностью resp. отсутствіемъ предмета, а C и C' представляютъ постоянные коэффиціенты, соотвѣтствующіе неизвѣстной намъ пока долѣ участія того и другого чувства въ образованіи цѣнности.

Но если цѣнность есть функція двухъ и къ тому же противоположныхъ чувствъ, то какимъ образомъ они приводятся къ единому выраженію въ формѣ цѣнности и какъ они суммируются? Процессъ этотъ становится болѣе понятнымъ, когда изъ области чувствъ мы перейдемъ въ область хотѣнія. Ана-

логичный процессъ суммированія всегда происходитъ при выборѣ одного изъ двухъ объектовъ; предпочтеніе одного другому и есть единое выраженіе, обнимающее собою то, что говоритъ въ пользу наличности одного объекта при условіи отсутствія другого и обратно. Для каждаго объекта получается въ нѣкоторомъ родѣ сумма двухъ противоположныхъ моментовъ, выражающая собою силу, съ какой объектъ выступаетъ въ конфликтѣ мотивовъ. Нѣчто совершенно аналогичное представляетъ собою и цѣнность, поэтому и ее можно опредѣлить, какъ способность предмета устоять въ борьбѣ мотивовъ, или иначе, удержаться въ качествѣ объекта хотѣнія въ борьбѣ за существованіе; цѣнность предмета представляетъ собою силу мотивации, присущей предмету по его собственной природѣ, и по условіямъ среды и природы соотвѣтствующаго субъекта. Но хотя цѣнность и находитъ свое выраженіе въ сферѣ хотѣнія, изъ этого однако не слѣдуетъ, что здѣсь она получаетъ свое начало; то, что въ конфликтѣ проявляетъ себя какъ сила, оказывающая вліяніе на рѣшеніе, не можетъ быть создано самимъ конфликтомъ, но должно существовать ранѣе, благодаря чему только и возможно наступленіе конфликта; значеніе хотѣнія сводится здѣсь лишь къ тому, что благодаря ему чувства цѣнности выступаютъ въ видѣ единой идеи. Такое пониманіе цѣнности требуетъ соотвѣтствующаго измѣненія представленія о процессѣ оцѣнки; цѣнность нельзя чувствовать, такъ какъ она представляетъ собою производное изъ двухъ душевныхъ состояній, изъ которыхъ только одно въ наилучшемъ случаѣ можетъ быть испытываемо непосредственно; иначе говоря, цѣнность не можетъ быть чувствомъ. Если же мы не можемъ чувствовать цѣнность, то единственнымъ способомъ, какимъ она можетъ выступать въ области нашей психики, является интеллектуальный процессъ—сужденіе. Оцѣнка слѣдовательно есть сужденіе о чувствахъ цѣнности; сужденіе, которое обнимаетъ оцѣночное состояніе субъекта въ случаѣ наличности и такое же состояніе его въ случаѣ отсутствія объекта и даетъ этимъ состояніямъ единое выраженіе.

Въ этомъ своемъ окончательномъ видѣ теорія Meinong'a во многомъ сходится съ теоріей цѣнности Ehrenfels'a; поэтому для уясненія послѣдней достаточно будетъ изложить тѣ пункты,

по которымъ Ehrenfels не согласенъ съ предшествующимъ авторомъ [1]).

По мнѣнію Meinong'a, цѣнность есть чувство, или вѣрнѣе, нѣкоторая функція двухъ чувствъ, возникающихъ на почвѣ сужденій о существованіи и о несуществованіи вещи. Не отрицая, что сужденіе о существованіи или несуществованіи представляетъ лучшее средство для того, чтобы вызвать чувственныя состоянія, опредѣляющія цѣнность, Ehrenfels, однако, не считаетъ ихъ необходимымъ элементомъ въ процессѣ образованія цѣнности; въ рѣдкихъ случаяхъ, по его мнѣнію, цѣнность возникаетъ на почвѣ сужденій; обыкновенно для этой цѣли достаточно простого представленія объ осуществленіи или неосуществленіи объекта, лишь бы оно было достаточно наглядно и живо. Сужденія имѣютъ лишь то значеніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ придаютъ представленіямъ ту степень ясности и наглядности, какой они безъ этого условія не имѣли бы [2]). Далѣе, Meinong склоняется къ мнѣнію, что и заключительный актъ происхожденія цѣнности—суммированіе чувствъ, возникающихъ на почвѣ сужденія о существованіи и несуществованіи объекта, также долженъ представлять собою сужденіе. Ehrenfels и здѣсь отрицаетъ значеніе сужденія, какъ необходимаго элемента цѣнности; оно привходитъ лишь при апостеріорномъ установленіи наличности факта и величины цѣнности, т. е. при оцѣнкѣ, не въ смыслѣ процесса происхожденія цѣнности, а въ смыслѣ процесса уясненія существованія цѣнности; этотъ же послѣдній процессъ самоуясненія цѣнности не составляетъ необходимаго условія для

---

[1]) Теорія цѣнности изложена Ehrenfels'омъ въ сочиненіи System der Werttheorie въ 2 томахъ, изъ которыхъ общему ученію посвященъ первый—Leipzig, 1897; этому сочиненію предшествовали работы: Ueber Fühlen und Wollen, Sitzungsbericht der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1887 и Werttheorie und Ethik, Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie (von Avenarius), 1893 H. 1—4 и 1894 H. 1; разногласія съ Meinong'омъ авторъ формулировалъ, съ удивительной для его манеры изложенія простотою, въ небольшой статьѣ: Von der Wertdefinition zum Motivationsgesetze, Archiv f. systematische Philosophie (von P. Natorp) 1896, II B.

[2]) System, стр. 56—62; v. d. Wertdef. z. Motivationsges., стр. 112—113.

наличности цѣнности; для этой цѣли достаточно особаго явленія — хотѣнія — Begehren. Сознательный процессъ оцѣнки вызывается только особыми обстоятельствами, какъ-то конфликтомъ взаимно исключающихъ другъ друга оцѣнокъ, страхомъ ошибки при оцѣнкѣ; здѣсь уже заранѣе, еще до момента дѣйствительнаго конкретнаго появленія цѣнности, послѣдняя опредѣляется и измѣряется, и такой процессъ дѣйствительно требуетъ сложныхъ психологическихъ построеній (System, 71—72); здѣсь же сужденіе выступаетъ и въ томъ значеніи, какое ему приписываетъ Meinong по отношенію къ возникновенію цѣнности, а именно сужденіе о существованіи и несуществованіи объекта (достовѣрномъ или предполагаемомъ) служитъ моментомъ, создающимъ условія для возникновенія цѣнности (System, 62).

Невѣрнымъ считаетъ Ehrenfels и опредѣленіе цѣнности, какъ свойства вещи, ибо въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, цѣнность прошедшихъ и будущихъ вещей была бы абсурдомъ, такъ какъ свойство вещи можетъ существовать только съ существованіемъ вещи; въ дѣйствительности цѣнность есть отношеніе между (дѣйствительнымъ или представляемымъ) объектомъ и психическимъ субъектомъ, отношеніе, которое ошибочно и непослѣдовательно объективируется, какъ нѣчто присущее самой вещи (System, 63—65).

Наиболѣе однако существенное отличіе теоріи Ehrenfels'a отъ теоріи Meinong'a состоитъ въ слѣдующемъ. По мнѣнію послѣдняго, цѣнность есть результатъ чувства, или суммированія чувствъ, извѣстный конкретный психическій процессъ. По мнѣнію же Ehrenfels'a—и въ этомъ состоитъ то, что онъ считаетъ наиболѣе существеннымъ въ своей теоріи — цѣнность не есть ни дѣйствительное, ни представляемое чувство, ни какая либо сумма ихъ, а есть лишь простое представленіе объ осуществленіи или неосуществленіи чего-либо, своею наличностью споспѣшествующее нашему благополучію. Споспѣшествованіе состоитъ въ томъ, что наличность представленія ставитъ насъ въ лучшее чувственное состояніе, чѣмъ наличность обратнаго представленія; это лучшее состояніе не есть однако абсолютно хорошее (какъ полагаетъ Meinong), т. е. чувство удовольствія, а именно лучшее, болѣе пріятное, такъ что оно можетъ быть результатомъ либо того, что представленіе о наличности сопровождается удовольствіемъ, тогда какъ представленіе объ отсут-

ствіи—страданіемъ, либо того, что первое вызываетъ бо́льшее удовольствіе, чѣмъ второе, либо, наконецъ, что первое вызываетъ меньшее страданіе, чѣмъ второе (System, 191). Такимъ образомъ это сравнительное споспѣшествованіе нашему благосостоянію—relative Glücksförderung — не есть какое-либо дѣйствительное психическое состояніе, а есть только разница между двумя состояніями, изъ которыхъ только одно въ лучшемъ случаѣ можетъ быть дано въ дѣйствительности, а другое только въ представленіи (System, 246), или оба могутъ быть только представляемы. Если какое-либо представленіе о включеніи или исключеніи вещи (явленія, отношенія) изъ того міра, который мы считаемъ дѣйствительностью (настоящей, прошедшей и будущей), обосновываетъ сравнительное споспѣшествованіе нашему благополучію, то такое представленіе обладаетъ силой удерживаться въ области сознанія въ борьбѣ съ другими представленіями, не обладающими такимъ свойствомъ или обладающими имъ въ меньшей степени. Борьба представленій есть необходимое слѣдствіе того, что поле нашего сознанія ограничено. Сила устойчивости представленія, или сила сопротивленія, которыми представленіе обладаетъ, равна величинѣ сравнительнаго споспѣшествованія благополучію, которая, въ свою очередь, равна разницѣ между чувственными состояніями, связанными съ наличностью и отсутствіемъ представленія. Это представленіе, обосновывающее сравнительное благополучіе и имѣющее содержаніемъ наступленіе или ненаступленіе чего-либо, и составляетъ общую сущность, которую мы замѣчаемъ во всѣхъ проявленіяхъ воли: желаніи, стремленіи, воленіи, и которую называютъ хотѣніемъ — Begehren. Пока это представленіе остается само по себѣ, безъ всякихъ прибавленій, мы называемъ процессъ его самосохраненія въ сознаніи желаніемъ; когда къ нему присоединяются представленія о средствахъ къ достиженію желаемаго, получается стремленіе, а когда къ стремленію присоединяется убѣжденіе (сужденіе), что желаемое будетъ осуществлено дѣятельностью субъекта, возникаетъ воленіе. Это общее содержаніе проявленій воли ошибочно считаютъ какимъ-то особымъ самостоятельнымъ специфическимъ элементомъ воли, тогда какъ оно есть не что иное, какъ отвѣчающее указаннымъ условіямъ представленіе. Понимая Begehren въ этомъ смыслѣ, можно сказать, что цѣнность есть хотимость вещи, есть тотъ фактъ, что она составляетъ или мо-

жетъ составлять объектъ хотѣнія. Величина цѣнности пропорціональна интенсивности хотѣнія или разницѣ между чувственными состояніями при представленіи о наличности и представленіи объ отсутствіи вещи. Такимъ образомъ цѣнность можетъ быть опредѣлена, какъ отношеніе между объектомъ и субъектомъ, выражающее, что субъектъ либо дѣйствительно хочетъ объекта, либо хотѣлъ бы, если бы не былъ убѣжденъ въ его наличности, или—что возможно полное, живое и наглядное представленіе о наличности предмета вызываетъ у субъекта на чувственной скалѣ удовольствія-страданія состояніе высшее, чѣмъ такое же представленіе о состояніи при отсутствіи объекта. Величина цѣнности пропорціональна силѣ хотѣнія, или разстоянію между двумя указанными чувствами (System, 65).

Переходя къ оцѣнкѣ изложенныхъ теорій, я предпочитаю начать съ послѣдней, къ виду того, что съ формальной стороны она даетъ на первый взглядъ простѣйшее рѣшеніе вопроса. Дѣйствительно, она сводитъ все явленіе цѣнности къ одному единому термину хотѣнія. Цѣнность и по сущности и по величинѣ соотвѣтствуетъ хотѣнію; хотѣніе же представляетъ собою состояніе, постоянно переживаемое нами и потому субъективно хорошо знакомое. Однако расчетъ на эту субъективную наглядность хотѣнія оправдывался бы только въ томъ случаѣ, если бы и при объективномъ анализѣ хотѣніе оказалось простымъ и далѣе неразложимымъ элементомъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, что то, что переживается нами, какъ нѣчто весьма знакомое и наглядное, на самомъ дѣлѣ сложно, темно и непонятно, а по мнѣнію Ehrenfels'a — и вовсе не существуетъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ простое съ внѣшней стороны рѣшеніе вопроса въ дѣйствительности остается не менѣе сложнымъ, чѣмъ и всѣ другія попытки этого рода, и внутреннее достоинство даннаго объясненія цѣнности опредѣляется въ послѣдней инстанціи тѣмъ, къ чему, въ свою очередь, будетъ объективно сведено само хотѣніе. Оно, какъ извѣстно, сводится къ представленію объ осуществленіи или неосуществленіи объекта, споспѣшествующему нашему благополучію.

Споспѣшествованіе благополучію можно представлять себѣ въ объективномъ и въ субъективномъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ представленіе, споспѣшествующее благополучію, есть явле-

ніе, существующее, какъ фактъ, независимо отъ того, сознается ли онъ субъективно даннымъ лицомъ въ такомъ именно своемъ качествѣ или нѣтъ; это объективно существующее явленіе доступно констатированію и познанію, подобно всѣмъ другимъ объективнымъ явленіямъ. Объективно мы можемъ установить, что присутствующее у субъекта представленіе создаетъ для него чувственное состояніе, лучшее сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, какое имѣло бы мѣсто при отсутствіи даннаго представленія, независимо отъ того, сознаетъ ли субъектъ или нѣтъ, что это состояніе лучшее. Если благодаря такому свойству представленіе получаетъ ту или другую устойчивость въ сознаніи, то сила этой устойчивости можетъ быть разсматриваема, какъ объективно присущая данному представленію, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ мы говоримъ о физическихъ силахъ, объективно присущихъ тѣламъ, напримѣръ, силѣ инерціи покоющагося тѣла. Представимъ себѣ систему тѣлъ, находящуюся въ состояніи равновѣсія; къ этой системѣ мы можемъ прибавить еще одно тѣло, вслѣдствіе чего она можетъ стать болѣе устойчивой; вторая система въ отношеніи устойчивости лучше первой; степень устойчивости каждой мы можемъ объективно выразить въ единицахъ силы, которой система можетъ противустоять, не выходя изъ покоя. Совершенно аналогичное представленіе допускаетъ состояніе споспѣшествованія благополучію: пусть извѣстная идея, удерживающаяся въ сознаніи, создаетъ извѣстное чувственное состояніе; пусть къ этой системѣ психическаго равновѣсія присоединится еще одна идея, вслѣдствіе чего чувственное состояніе измѣнится; если второе психическое состояніе можетъ выдержать бо́льшее противодѣйствіе, выраженное въ какихъ-либо единицахъ, то оно можетъ быть названо лучшимъ, сравнительно съ первымъ; единицей, въ которой измѣряется противодѣйствіе, является въ данномъ случаѣ та или другая мѣра жертвъ или вообще зла, которое фактически присоединяется, или мысленно можетъ быть объективно присоединено къ идеѣ до ея вытѣсненія изъ сознанія; на всю разницу объективнаго числа жертвъ мы второе состояніе можемъ назвать бо́льшимъ благополучіемъ, сравнительно съ первымъ, а соотвѣтствующую идею — идеей, споспѣшествующей сравнительному благополучію. Правда, между этими двумя случаями существуетъ та разница, что при психическомъ состояніи какъ

благополучіе, такъ и зло ощущаются субъективно, тогда какъ для физической силы существуетъ только объективная мѣра. Но съ объективной точки зрѣнія на сравнительное благополучіе это обстоятельство имѣетъ столь же мало рѣшающаго значенія, какъ и то, если бы мы допустили, что и физическое тѣло въ состояніи ощущать силу устойчивости, какъ благо, а силу сопротивленія, какъ зло.

Съ этой точки зрѣнія, всякая идея, находящаяся въ сознаніи, представляетъ извѣстную мѣру сравнительнаго благополучія, независимо отъ того, сознаетъ ли субъектъ это благополучіе, какъ сравнительное, или нѣтъ, подобно тому, какъ всякое тѣло, находящееся въ покоѣ, представляетъ извѣстную силу инерціи. А такъ какъ дѣйствіе, какъ проявленіе воли сводится къ находящейся въ сознаніи идеѣ, то всякому дѣйствію присуща объективная мѣра сравнительнаго благополучія и слѣдовательно всякое дѣйствіе безъ исключенія производитъ цѣнность. Крайнее выраженіе этого объективнаго взгляда мы находимъ въ теоріи Eisler'a [1]).

По его мнѣнію, всякое явленіе, въ своемъ осуществленіи зависящее отъ волевого отношенія къ нему со стороны субъекта, представляется въ видѣ цѣнности, и притомъ положительной, если дѣятельность субъекта содѣйствуетъ осуществленію явленія, и отрицательной, если противодѣйствуетъ. Всякое состояніе волевымъ путемъ осуществленное будетъ лучшимъ, сравнительно съ предшествующимъ исходнымъ (стр. 24). Такимъ образомъ не воля стремится къ цѣнности, а цѣнность — то, что осуществлено волей; воля осуществляетъ не лучшее, а лучшее то, что осуществляетъ воля. Цѣнность не зависитъ ни отъ какихъ субъективныхъ условій психики, а совпадаетъ съ объективнымъ фактомъ дѣйствія. Измѣреніе ея производится также въ объективныхъ единицахъ слѣдующимъ образомъ. Всякое дѣйствіе есть расходъ работы, которая почерпается либо изъ запаса силъ субъекта, либо изъ его имущества, т. е. запаса всякихъ другихъ силъ. Такъ какъ результатъ дѣйствія, согласно опредѣленію, есть положительная цѣнность, то и запасъ силъ, необходимый для осуществленія дѣйствія, также

---

[1]) Robert *Eisler*, Studien zur Wertlheorie, Leipzig, 1902.

получаетъ положительную цѣнность, а расходъ силы — по противоположности—отрицательную; расходъ силъ прямо пропорціоналенъ препятствію, которое должно быть преодолѣно; допуская, что послѣднее возрастаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ и расходъ силъ, мы можемъ найти максимумъ расхода, при которомъ отрицательная его цѣнность сравнится съ положительной цѣнностью результата дѣйствія; этотъ максимумъ сопротивленія и будетъ служить объективной мѣрой цѣнности, такъ какъ изъ равенства цѣнностей, при подстановкѣ въ цѣнность затратъ работы, вмѣсто количества работы, пропорціональной ему величины препятствія, мы получаемъ формулу, которая для двухъ разныхъ величинъ цѣнности и препятствія при прочихъ равныхъ условіяхъ даетъ возможность составить пропорцію

$$\frac{W}{W'} = \frac{r \text{ max}}{r' \text{ max}}$$

(гдѣ W и W_t двѣ цѣнности результата дѣйствій, а r и r' — препятствія) (стр. 36—39).

Итакъ, при объективномъ пониманіи термина споспѣшествованія благополучію, мы приходимъ къ положенію, что цѣнностью будетъ всякій фактъ, осуществленіе или неосуществленіе котораго составляетъ содержаніе находящагося въ сознаніи представленія (по опредѣленію Ehrenfels'a), причемъ подразумѣвается, что нахожденіе въ сознаніи равносильно объективному споспѣшествованію благосостоянію; или, что тоже—всякій фактъ, осуществившійся при волевомъ участіи или вопреки таковому со стороны субъекта (по опредѣленію Eisler'a). Для простоты возьмемъ второе опредѣленіе, такъ какъ все, что будетъ сказано о немъ, имѣетъ силу и для перваго, при соотвѣтствующей только замѣнѣ терминовъ. Утверждая, что цѣнностью называется всякій фактъ осуществившійся (при положительномъ или отрицательномъ участіи воли), мы для одного и того же понятія создаемъ два термина: во-первыхъ, фактъ осуществившійся и т. д. и, во вторыхъ, цѣнность.

Если это вопросъ терминологіи, то, разумѣется, замѣна длиннаго выраженія однимъ словомъ желательна, а съ другой стороны, употребленіе всякаго термина въ томъ или другомъ смыслѣ есть дѣло усмотрѣнія автора. Но въ такомъ случаѣ, во-первыхъ, терминъ цѣнность не долженъ ничего болѣе обозна-

чать, кромѣ осуществившагося и т. д. факта, терминъ бо́льшая цѣнность—ничего болѣе, кромѣ послѣдующаго факта, сравнительно съ предъидущимъ; цѣнность становится техническимъ терминомъ, подъ которымъ изучается осуществившійся фактъ и т. д. и одинъ такого рода фактъ сравнивается съ другимъ; все психологическое содержаніе цѣнности, какъ явленія, хотя и трудно характеризуемаго, но неоспоримо реальнаго, изъ термина цѣнности исключается и должно быть изучаемо гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; здѣсь цѣнность обозначаетъ результатъ воли и ничего болѣе, и перенесеніе на эту цѣнность какихъ-либо понятій и представленій, связанныхъ съ другой, реально-психической цѣнностью, было бы научнымъ легкомысліемъ или недобросовѣстностью; поэтому Eisler вполнѣ послѣдовательно отвергаетъ подобную возможность (стр. 17 — 18), равно, какъ и обратную — пониманіе его формально-логической цѣнности въ смыслѣ психологической сущности (ib. и стр. 47).

Но въ такомъ случаѣ, какое же значеніе получаетъ цѣнность въ этомъ смыслѣ для той теоріи цѣнности, которая изучаетъ опредѣленное реальное психическое явленіе? Не бо́льшее, чѣмъ если бы цѣнностью былъ названъ всякій другой объектъ, напримѣръ, сумма двухъ слагаемыхъ. Правда, такъ какъ здѣсь терминомъ цѣнность обозначается фактъ, имѣющій извѣстные психологическіе коррелаты, то изученіе, исходящее изъ обозначаемаго даннымъ терминомъ факта, можетъ привести и къ изученію психическаго явленія цѣнности; тогда изученіе будетъ, разумѣется, имѣть значеніе и для теоріи цѣнности, но, понятно, потому что это будетъ изученіе реальныхъ явленій цѣнности, самый же формально-логическій терминъ будетъ имѣть въ данномъ случаѣ такое же значеніе, какъ и всякій другой терминъ, отъ обозначаемаго которымъ реальнаго явленія можно дойти до области психической цѣнности, какъ напримѣръ, терминъ сужденіе, опредѣленіе и т. д.

Но если опредѣленіе цѣнности въ указанномъ смыслѣ безплодно для уясненія реальнаго явленія цѣнности, то, съ другой стороны, примѣненіе термина цѣнности въ этомъ смыслѣ вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Слово цѣнность и безъ того имѣетъ столько различныхъ значеній, что придавать ему еще одно формально-логическое значеніе, безъ намѣренія воспользоваться скрывающимся въ немъ реальнымъ содержаніемъ, съ одной сто-

роны, совершенно нецѣлесообразно, и, съ другой, — положительно вредно, такъ какъ при всемъ желаніи оперировать съ цѣнностью только въ смыслѣ даннаго опредѣленія почти невозможно избѣжать того, чтобы въ представленіе, вмѣстѣ съ терминомъ, не проскальзывали тѣ или другіе отголоски его реальнаго значенія, а если и возможно, то съ большимъ психическимъ усиліемъ, которое въ данномъ случаѣ затрачивается безполезно, такъ какъ ничто не мѣшаетъ употребит любой другой терминъ.

Если же видѣть въ обозначеніи цѣнностью факта, осуществившагося при участіи (положительномъ или отрицательномъ) воли, вопросъ не терминологіи, а существа, то подобное обозначеніе слѣдуетъ признать не только безполезнымъ и нецѣлесообразнымъ, но прямо неправильнымъ. Нельзя утверждать, что цѣнность есть фактъ, осуществившійся при участіи воли по причинамъ двоякаго порядка; во-первыхъ, потому, что нельзя считать цѣнность результатомъ воли, и, во-вторыхъ, потому что нельзя связывать цѣнности съ фактомъ, или состояніемъ въ указанномъ выше объективномъ смыслѣ. Что касается перваго вопроса, то уже раньше было указано на то, что объектъ цѣнности не совпадаетъ съ объектомъ воли; цѣнностью могутъ обладать и объекты прошедшіе, и вообще недоступные воздѣйствію воли; въ частности же, по отношенію къ отрицательному моменту, можно указать, напримѣръ, на тотъ фактъ, что наказаніе, которому мы подчиняемся безъ сопротивленія, безспорно, можетъ имѣть для насъ отрицательную цѣнность, хотя наступленіе этого факта совершается безъ противодѣйствія воли. Правда, можно было бы утверждать, что отрицательное отношеніе къ наказанію уже и есть то противодѣйствіе воли, которое создаетъ отрицательную цѣнность. Но подобное возраженіе либо представляетъ собою случай ὕστερον πρότερον, если мы сперва утверждаемъ, что цѣнность есть результатъ воли, и затѣмъ все, предшествующее цѣнности, считаемъ волей; либо требуетъ доказательства, что чистое страданіе, безъ возможности и попытокъ выйти изъ него, представляетъ волю, иначе говоря, что чувство и воля одно и тоже. Послѣднее не только не доказано, но и не можетъ быть доказано. Дѣйствительно, если мы даже признаемъ возможность отрицать волю, какъ самостоятельную психическую категорію и сведемъ ее къ интеллектуальнымъ элементамъ, если мы въ добавокъ къ этому сведемъ и чув-

ство къ тѣмъ же элементамъ, то все-таки чувство и воленіе будутъ представлять собою два нетождественныхъ комплекса интеллектуальныхъ элементовъ. Что же касается невозможности связывать цѣнность съ объективнымъ фактомъ или состояніемъ, то она вытекаетъ изъ того, что цѣнность есть психическое состояніе, психическое отношеніе къ объекту, и если тѣ или другія объективныя свойства и могли бы составлять условіе цѣнности, то не иначе, какъ только черезъ посредство психики. Состояніе субъекта, выражающее извѣстную мѣру объективнаго благополучія, *не проходящаго черезъ его психику*, не можетъ создать цѣнности въ смыслѣ реально психическаго явленія, точно также, какъ и всякое другое качество, объективно присущее субъекту или предмету; только пройдя черезъ сознаніе, оно превращается изъ объективнаго явленія въ психическое состояніе, и въ этомъ смыслѣ можетъ быть или не быть элементомъ психическаго явленія цѣнности. Точно также объективный фактъ наступленія событія или его объективное отношеніе къ другому событію по моменту времени, поскольку они разсматриваются сами по себѣ, какъ объективныя явленія, внѣ психики субъекта, не въ состояніи быть элементами психическаго явленія цѣнности.

Если такимъ образомъ, понимая состояніе благополучія въ объективномъ смыслѣ, мы приходимъ либо къ безплоднымъ для теоріи цѣнности, либо ложнымъ положеніямъ, то остается обратиться къ субъективному значенію этого термина. Въ этомъ смыслѣ споспѣшествованіе благополучію имѣетъ значеніе для цѣнности постолько, посколько оно находится въ сознаніи субъекта. Слѣдовательно, не объективная степень благополучія, которую мы со стороны можемъ открыть, констатировать или измѣрить, подобно всякому другому объективному факту, а именно внутренее сознаніе и опредѣленіе извѣстнаго состоянія, какъ сравнительнаго благополучія, можетъ быть основаніемъ цѣнности въ субъективномъ смыслѣ. Въ то время, какъ Eisler стоитъ безусловно на объективной точкѣ зрѣнія, Ehrenfels'у можно приписать съ извѣстными оговорками субъективное пониманіе его идеи споспѣшествованія сравнительному благополучію; я говорю: съ извѣстными оговорками — въ виду того, что въ сочиненіи Ehrenfels'а есть какъ такія выраженія, на основаніи которыхъ ему можно приписать объективную точку зрѣнія, такъ и такія, на основаніи которыхъ можно быть об-

ратнаго мнѣнія. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «...посредствомъ хотѣнія всегда осуществляется лучшее изъ возможныхъ чувственныхъ состояній, безъ того однако, чтобы послѣднія необходимо были представляемы... хотѣніе наступаетъ съ силой, пропорціональной сравнительному споспѣшествованію благополучію, т. е. разницѣ между двумя чувственными состояніями, которыя не реализируются субъектомъ одновременно и даже, въ большинствѣ случаевъ не строятся и не сравниваются въ воображеніи» (System, стр. 41); или въ другомъ мѣстѣ: «сперва въ представленіе вступаетъ мыслимый ходъ событій, какъ онъ могъ бы разыграться безъ хотѣнія и слѣдовательно безъ всякаго вмѣшательства со стороны субъекта; затѣмъ—въ случаѣ безконфликтнаго хотѣнія — «наличность» соотвѣтствующаго объекта со всѣми предвидимыми послѣдствіями. Если второй комплексъ представленій обосновываетъ, по сравненію съ первымъ, споспѣшествованіе благосостоянію, то этимъ самымъ уже и дано хотѣніе. Въ случаѣ конфликта, представленіе о «наличности» одного изъ конкуррирующихъ объектовъ на время вытѣсняетъ такое же представленіе о другомъ или другихъ, пока наконецъ не побѣдитъ то, которое обосновываетъ собою сравнительное споспѣшествованіе благополучію. Наличность въ самосознаніи (Sichbewusstwerden), въ узкомъ значеніи слова, этихъ чувственныхъ состояній или ихъ разницы, какъ это было бы необходимо при оцѣнкѣ въ смыслѣ процесса возникновенія или опредѣленія цѣнности, можетъ, правда, при этомъ имѣть мѣсто, не является однако необходимой для возникновенія хотѣнія» (System, стр. 72). Равнымъ образомъ въ пользу объективнаго смысла сравнительнаго споспѣшествованія благополучію говоритъ неоднократное указаніе Ehrenfels'а на то, что это понятіе не представляетъ собою чего либо психически дѣйствительнаго, конкретнаго, а лишь разницу между двумя чувственными состояніями (напр. System, стр. 246 и въ друг. мѣстахъ).

Всѣхъ приведенныхъ мѣстъ было бы совершенно достаточно для того, чтобы истолковать взглядъ Ehrenfels'а въ объективномъ смыслѣ: хотѣніе, или сравнительное споспѣшествованіе благополучію имѣетъ мѣсто, когда данное чувственное состояніе объективно лучше другого или другихъ, присутствіе этой разницы въ сознаніи можетъ быть, но не необходимо.

Однако въ явномъ противорѣчіи съ такимъ выводомъ находилось бы тогда слѣдующее мѣсто, гдѣ авторъ спеціально говоритъ о происхожденіи хотѣнія: «...согласно нашему положенію, при хотѣніи, какъ таковомъ, психически конкретно не дано ничего болѣе, кромѣ представленія о включеніи объекта въ «субъективную дѣйствительность» или исключеніи изъ нея и опредѣленнаго состоянія чувства или благополучія... Если однако все это дано, не слѣдуетъ, чтобы было дано и хотѣніе; необходимо, чтобы съ этими представленіями о включеніи или исключеніи было связано относительное споспѣшествованіе благополучію. Сомнѣніе (въ томъ, какимъ образомъ мы можемъ констатировать наше хотѣніе, при отсутствіи специфическаго элемента хотѣнія), сводится къ вопросу о томъ, какимъ образомъ мы узнаемъ о существованіи относительнаго споспѣшествованія благополучію. Это происходитъ такимъ образомъ, что при появленіи въ сознаніи указанныхъ представленій и колебаніяхъ ихъ въ живости и наглядности.... мы попутно замѣчаемъ параллельныя измѣненія въ нашемъ абсолютномъ, конкретномъ состояніи благополучія» (System, 251 — 252). Но если хотѣніе есть психическое и сознательное явленіе — а безсознательное хотѣніе авторъ категорически отвергаетъ—если въ сознаніе оно попадаетъ, благодаря замѣчаемымъ колебаніямъ въ состояніяхъ благополучія, то очевидно, что сравнительное благополучіе не есть фактъ только объективный, но въ томъ или иномъ видѣ попадающій и въ сознаніе [1]).

Въ виду такихъ противорѣчій, я не рѣшаюсь приписать Ehrenfels'у категорически ни одного, ни другого мнѣнія, опасаясь рѣшить за него то, что, быть можетъ, для него самого

---

[1]) Въ пользу послѣдняго толкованія говорятъ и многія мѣста въ статьѣ Von Wertdefinition zum Motivationsgesetze, l. c.: «Es können somit die betreffenden Wertgefühle nicht realisirt oder empfunden, sondern nur vorgestellt oder construirt werden. Dies scheint aber nötig zu sein, wenn das Begehren sich nach ihnen richten soll» (стр. 113); или: при рѣшеніи я стараюсь представить себѣ, по-возможности, ясно и наглядно объ альтернативы... Смотря, при какомъ комплексѣ представленій я чувствую себя лучше, мое хотѣніе обращается къ одному или другому предмету (стр. 116); но на той же стр. иначе.

осталось нерѣшеннымъ. Ибо подобная сбивчивая неопредѣленность выраженій, слѣдуетъ думать, можетъ проистекать только отъ неясности самого представленія у автора. Но такъ какъ ранѣе я высказалъ мнѣніе, что объективное пониманіе сравнительнаго споспѣшествованія благополучію несостоятельно, то теперь мнѣ остается перейти къ вопросу, насколько болѣе удовлетворительнымъ является субъективный смыслъ этого термина.

Въ этомъ смыслѣ, какъ уже было сказано, недостаточно того, чтобы представленіе обусловливало нѣкоторую мѣру благополучія, а объективно была возможна меньшая мѣра благополучія; необходимо, чтобы эта разница тѣмъ или другимъ путемъ попала въ сознаніе. Однако разница сама по себѣ есть нѣкоторое отвлеченное понятіе, а не непосредственно [1]) переживаемое явленіе. Правда, въ качествѣ конкретныхъ психическихъ явленій даны намъ оба чувственныя состоянія, изъ сравненія которыхъ мы со стороны можемъ вывести абстрактное представленіе о ихъ различіи; одно состояніе можетъ быть дано либо въ качествѣ непосредственно переживаемаго, либо въ представленіи, другое—во всякомъ случаѣ въ представленіи. Вопросъ заключается въ томъ, какимъ образомъ переживается въ нашей психикѣ эта разница двухъ состояній, въ какой актуальной формѣ въ сознаніи присоединяется сравнительное споспѣшествованіе благополучію къ актуальному, чувственному состоянію, обусловленному споспѣшествующимъ благополучію представленіемъ? Очевидно, въ послѣднемъ не можетъ заключаться, какъ психически переживаемое, сравнительное благополучіе, такъ какъ данное представленіе обусловливаетъ не два актуальныя, а только одно, соотвѣтствующее ему чувственное состояніе. Другое должно быть вызвано особымъ представленіемъ; слѣдовательно, долженъ быть актъ, который объединяетъ оба состоянія и переживаетъ ихъ разницу. Проще всего было бы, разумѣется, видѣть такой актъ въ хотѣніи, которое по ученію, Ehrenfels'a, является всегда, какъ только дана разница двухъ состояній и можно было бы думать, что оно именно и служитъ психическимъ выраженіемъ этой разницы. Однако съ точки зрѣнія теоріи Ehrenfels'a, подобное рѣшеніе вопроса оказывается невозможнымъ по той простой причинѣ, что хотѣніе не существуетъ,

[1]) Ср. *Sigwart*, Logik, Freiburg i. B., 1889, стр. 40.

какъ живой единый актъ своего особаго рода, а представляетъ собою лишь терминологическую репрезентацію нѣкоторыхъ другихъ уже дѣйствительно переживаемыхъ состояній. Въ такомъ случаѣ мы должны пойти дальше и спросить, не представляетъ ли собою переживанія разницы то реальное, что скрывается подъ названіемъ хотѣнія? Но, какъ мы знаемъ, подъ хотѣніемъ скрывается представленіе съ соотвѣтствующимъ ему актуальнымъ чувственнымъ состояніемъ плюсъ сравнительное споспѣшествованіе благополучію, т. е. то самое, психическую форму переживанія чего мы именно ищемъ Такимъ образомъ хотѣніе не есть то, что объединяетъ два чувственныя состоянія въ одинъ психическій актъ сравнительнаго споспѣшествованія благополучію, а есть тотъ именно сырой матеріалъ, который намъ необходимо связать и привести къ единому выраженію. Но, быть можетъ, здѣсь вовсе и не требуется никакого объединенія и искомое психологическое явленіе и состоитъ изъ тѣхъ отдѣльныхъ элементовъ, которыя мы напрасно стремимся выразить въ какомъ-нибудь одномъ актѣ? Подобное предположеніе исключается однако какъ дѣйствительностью, такъ и теоріей Ehrenfels'a Что касается послѣдней, то, по мнѣнію Ehrenfels'a, цѣнность есть слѣдствіе хотѣнія, хотѣніе же не представляетъ собою сырого агломерата двухъ состояній благополучія, а нѣчто единое, именно сравнительное споспѣшествованіе благополучію. Съ другой стороны, и въ дѣйствительности цѣнность представляетъ собою не комплексъ, состоящій изъ отдѣльныхъ моментовъ, не собирательное цѣлое, въ родѣ библіотеки или стада, а нѣчто единое, что, быть можетъ, и разлагается на элементы, но элементы эти получаются лишь послѣ анализа, а не даны непосредственно. Если же цѣнность есть психическое отношеніе субъекта къ объекту, то, очевидно, что единства цѣнности должно искать не въ объектѣ, а въ субъектѣ; если цѣнность едина, то переживаемое субъектомъ состояніе, выражающее цѣнность, должно быть едино. Хотѣніе Ehrenfels'a, сведенное къ его дѣйствительному психическому содержанію, представляетъ собою лишь перечисленіе моментовъ, которые, быть можетъ, образуютъ цѣнность, и лишь словесное, но не реально психическое ихъ объединеніе.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что теорія Ehrenfels'a несостоятельна по существу въ двухъ отношеніяхъ; во-первыхъ, въ томъ, что ставитъ цѣнность въ

зависимость отъ воли и, во-вторыхъ, въ томъ, что не указываетъ заключительнаго психическаго акта, связывающаго элементы цѣнности въ явленіе цѣнности.

Переходя къ разсмотрѣнію теоріи Meinong'a, мы должны подвергнуть ее обсужденію, разумѣется, въ ея окончательномъ видѣ. Въ такомъ случаѣ отпадаетъ та часть его ученія, въ которой онъ первоначально утверждалъ, что цѣнность есть просто чувство (объективированное въ предметѣ при помощи понятія способности), и что величина цѣнности опредѣляется интенсивностью этого чувства. Доказывать несоотвѣтствіе этого положенія съ дѣйствительностью нѣтъ надобности, такъ какъ самъ авторъ призналъ это. Съ отпаденіемъ этой части теоріи, возникаетъ весьма основательный поводъ къ измѣненію и опредѣленія цѣнности въ смыслѣ цѣнности нормальной, въ отличіе отъ фактической. Дѣйствительно, въ опредѣленіи цѣнности, какъ способности быть основой чувства для освѣдомленнаго и нормальнаго человѣка, понятія освѣдомленности и нормальности введены, какъ коррективъ, главнымъ образомъ для устраненія того противорѣчія, что цѣнныя вещи не всегда вызываютъ чувство цѣнности. Такъ какъ съ видоизмѣненіемъ теоріи, соотвѣтствіе чувства съ цѣнностью уже не требуется, то и необходимость въ указанномъ коррективѣ устраняется. Но принимая во вниманіе, что различіе между нормальной и фактической цѣнностью можетъ быть сохранено и по другимъ основаніямъ, мы не можемъ рѣшить, оставляетъ ли Meinong указанное различіе въ своей видоизмѣненной теоріи или отказывается отъ него, такъ какъ самъ онъ объ этомъ не упоминаетъ. Въ виду однако возможности сохраненія, а также принимая во вниманіе, что подобное же различіе цѣнностей имѣется и у Ehrenfels'a, не лишнимъ будетъ коснуться вопроса объ основательности допущенія нормальной цѣнности, наряду съ фактической. По опредѣленію Meinong'a, предметъ обладаетъ цѣнностью, поскольку ему присуща способность быть фактической основой чувства цѣнности для достаточно освѣдомленнаго и нормальнаго человѣка. Для того, чтобы опредѣленіе это не было пустымъ flatus vocis, очевидно, требуется опредѣлить или знать, что такое достаточно освѣдомленный и нормальный человѣкъ; но нечего и говорить, что дать сколько нибудь точное и безспорное опредѣленіе указаннымъ терминамъ абсолютно невозможно, а слѣ-

довательно и понятіе нормальной цѣнности лишено всякаго опредѣленнаго содержанія. Но если бы даже мы нашли критерій для объективно вѣрнаго опредѣленія освѣдомленности и нормальности, то цѣнности, приписанныя вещамъ такимъ достаточно освѣдомленнымъ и нормальнымъ человѣкомъ, были бы только цѣнностями для него, но не для другихъ, такъ какъ цѣнность объективно не существуетъ, а существуетъ лишь постолько, посколько находитъ почву въ психическихъ состояніяхъ индивида; поэтому, посколько психическія состоянія индивида не совпадаютъ съ состояніями объективно найденнаго достаточно освѣдомленнаго и нормальнаго человѣка, постолько соотвѣтствующія этимъ состояніямъ цѣнности представляются для даннаго индивида фикціей или несуществующимъ. Посколько же они совпадаютъ, постолько цѣнности существуютъ, но существуютъ не какъ нормальныя, т. е. соотвѣтствующія нормальнымъ состояніямъ воображаемаго человѣка, а какъ фактическія, т. е. соотвѣтствующія дѣйствительнымъ состояніямъ конкретнаго индивида. Если же, съ другой стороны, установленіе моментовъ достаточной освѣдомленности и нормальности предоставить самому субъекту, каждому для себя, то, по отношенію къ этому установленію, онъ будетъ въ такомъ же положеніи, какъ и по отношенію къ установленію цѣнности, т. е. для того, чтобы субъектъ правильно установилъ свое состояніе достаточной освѣдомленности и нормальности, онъ въ свою очередь, долженъ быть достаточно освѣдомленъ и нормаленъ по отношенію къ оцѣнкѣ своихъ состояній освѣдомленности и нормальности и т. д. ad infinitum.

Не меньшую фикцію представляетъ установленіе нормальной цѣнности и по опредѣленію Ehrenfels'a. По мнѣнію этого автора, нормальная цѣнность это та, которая отнесена къ средней мѣрѣ дѣйствительныхъ чувственныхъ расположеній (System, стр. 68). Если понимать среднюю мѣру въ смыслѣ нормальной мѣры, то къ опредѣленію Ehrenfels'a относится все, что сказано по этому поводу выше. Если же средняя мѣра есть средняя въ смыслѣ ариѳметическомъ, то едвали можно согласиться съ тѣмъ, чтобы въ дѣйствительности мы когда-либо прилагали къ чувствамъ статистическій методъ.

Та реальная разница, которую стараются уловить въ терминахъ фактической (или временной) и нормальной цѣнности,

состоитъ не въ различіи дѣйствительной и возможной цѣнности, а въ различномъ характерѣ фактическихъ цѣнностей. Однѣ цѣнности основаны на одномъ или немногихъ болѣе сильныхъ чувствахъ даннаго или ближайшаго времени, непосредственно обосновываемыхъ предметомъ; другія—не менѣе дѣйствительныя—основаны на тѣхъ же чувствахъ съ присоединеніемъ къ нимъ обыкновенно менѣе интенсивныхъ чувствъ будущаго времени, а также другихъ чувствъ, косвенно или непосредственно связанныхъ съ предметомъ, если таковыя имѣются. Хотя будущія чувства слабѣе по интенсивности, сравнительно съ настоящими, но они могутъ подавлять своимъ числомъ. Оцѣнки, принимающія во вниманіе сравнительно бо̀льшее число будущихъ и косвенныхъ чувствъ, и представляютъ собою то, что принято называть болѣе нормальными цѣнностями. Оцѣнки эти столь же реальны, какъ и всѣ другія; какихъ либо другихъ нормальныхъ, возможныхъ только цѣнностей не существуетъ. Какъ нѣтъ цѣнностей, которыя не существуютъ, а только могутъ существовать, такъ нѣтъ и цѣнностей, которыя только должны существовать, или цѣнностей нормативныхъ. Для того, чтобы создать систему этики, должно исходить изъ цѣнности, одинаково всѣми признаваемой; подобно тому, какъ нельзя сдѣлать убѣдительною систему логическихъ доказательствъ, не исходя изъ какого-либо признаннаго положенія, такъ и нельзя сдѣлать убѣдительной систему этическихъ положеній, не имѣя въ основѣ признанной, фактической цѣнности; все остальное относится лишь къ классификаціи существующихъ цѣнностей на согласныя и несогласныя съ основнымъ благомъ.

Возвращаясь къ теоріи Meinong'a, должно сказать, что наиболѣе характерное положеніе ея состоитъ въ опредѣленіи чувства цѣнности, какъ чувства, основаннаго на сужденіи о существованіи; чувство цѣнности есть то чувство, которое возникаетъ, когда имѣетъ мѣсто сужденіе о существованіи или несуществованіи чего либо. Иначе говоря, между объектомъ цѣнности и чувствомъ цѣнности промежуточнымъ звеномъ служитъ сужденіе. Наличность этого звена выведена авторомъ, разумѣется, не путемъ индуктивнаго наблюденія изъ тѣхъ двухъ-трехъ примѣровъ, которыми онъ иллюстрируетъ присутствіе своихъ экзистенціальныхъ сужденій, а, очевидно, дедуктивно, гипотетически, и гипотеза эта пріобрѣтаетъ въ глазахъ автора

значеніе несомнѣннаго факта, благодаря тому, что она, во-первыхъ, подтверждается въ нѣсколькихъ случаяхъ, а главнымъ образомъ, во-вторыхъ, благодаря тому, что удовлетворительно разрѣшаетъ многія затрудненія и противорѣчія. Роль промежуточнаго эксистенціальнаго сужденія сводится къ слѣдующему. Во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ цѣнности, самъ по себѣ, своими физическими свойствами не вызываетъ чувства въ субъектѣ, а чувство цѣнности тѣмъ не менѣе присутствуетъ, то, очевидно, между объектомъ и субъектомъ должно быть нѣчто посредствующее; таковымъ является сужденіе о существованіи объекта; во-вторыхъ, если объектъ своимъ физическимъ воздѣйствіемъ возбуждаетъ въ субъектѣ чувство, но цѣнность не соотвѣтствуетъ по величинѣ этому чувству, то, очевидно, что чувство цѣнности должно вызываться не непосредственнымъ физическимъ воздѣйствіемъ, а посредствомъ какого-либо другого отношенія; такое отношеніе опять-таки объясняется наличностью сужденія; въ третьихъ, сужденіе даетъ возможность объяснить, какимъ образомъ чувство цѣнности можетъ возникнуть при отсутствіи объекта, и слѣдовательно, невозможности его физическаго воздѣйствія, т. е. даетъ возможность объяснить оцѣнку отсутствія зла, оцѣнку будущихъ и прошедшихъ событій; и, наконецъ, присутствіе сужденія даетъ объясненіе ложнымъ и ошибочнымъ цѣнностямъ. Что касается, прежде всего, случая несоотвѣтствія между цѣнностью и чувствомъ удовольствія, вызываемымъ непосредственно воздѣйствіемъ предмета, то это несоотвѣтствіе, согласно съ позднѣйшими замѣчаніями автора, объясняется тѣмъ, что цѣнность зависитъ не только отъ чувства, вызываемаго присутствіемъ предмета, но также и чувства, связаннаго съ отсутствіемъ его; такимъ образомъ, необходимость допускать наличность сужденія для объясненія несоотвѣтствія между цѣнностью и чувствомъ устраняется; правда, и съ устраненіемъ этой необходимости, остается вопросъ о необходимости сужденія для того, чтобы вызвать чувство положительной цѣнности при наличности предмета и отрицательной при его отсутствіи; но въ этомъ отношеніи роль сужденія не связана уже специфически съ фактомъ несоотвѣтствія между цѣнностью и чувствомъ, и вопросъ о необходимости его относится къ тѣмъ случаямъ, которые предусмотрѣны въ пунктахъ первомъ и третьемъ. Обра-

щаясь къ первому изъ этихъ случаевъ, остановимся на примѣрѣ, приводимомъ Meinong'омъ: артистъ цѣнитъ одобреніе публики, не потому что хлопаніе, какъ физическое явленіе, вызываетъ въ немъ чувство удовольствія, а потому, что онъ знаетъ, что одобреніе существуетъ. Разумѣется, хлопаніе, какъ физическое явленіе шума, не составляетъ причины чувства, обосновывающаго цѣнность; но явленіе хлопанія, кромѣ своего физическаго характера, имѣетъ еще символическій смыслъ и можетъ быть воспринимаемо, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ значеніи. Чувство удовольствія вызывается не знаніемъ, что одобреніе существуетъ, а воспринятіемъ звуковъ съ пониманіемъ ихъ символическаго смысла. Роль знанія заключается здѣсь не въ томъ, что оно констатируетъ фактъ существованія явленія, а въ томъ, что оно даетъ возможность явленію произвести на субъекта дѣйствіе такимъ своимъ качествомъ, которое, при отсутствіи знанія, оставалось бы для субъекта недоступнымъ; знаніе даетъ возможность *воспринимать* извѣстныя присущія явленію свойства; такимъ образомъ, слушая пѣсню на чуждомъ языкѣ, мы получаемъ одно удовольствіе отъ физическаго звука и другое отъ смысла звуковъ, если мы ихъ понимаемъ, и такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда воспринимаемое, кромѣ физическаго свойства, имѣетъ психическій смыслъ. Физическое дѣйствіе предмета вызываетъ чувство однимъ своимъ дѣйствіемъ, не нуждаясь въ сужденіи субъекта; теплота пріятно согрѣваетъ, принятое лекарство уменьшаетъ боль и т. д., не нуждаясь въ томъ, чтобы субъектъ при этомъ зналъ, что огонь существуетъ и лекарство существуетъ; но вещи, въ которыхъ заключается психическій смыслъ, производятъ соотвѣтствующее имъ чувство только при наличности пониманія психическаго смысла, въ нихъ содержащагося. Знаніе есть условіе воспріятія психическаго смысла явленія, подобно тому, какъ органы чувствъ суть условія воспріятія физическихъ воздѣйствій. Отсюда слѣдуетъ, прежде всего, что для чувства удовольствія, вызываемаго физическимъ воздѣйствіемъ предмета, необходима наличность одной только способности воспринимать данное физическое раздраженіе; сужденіе о наличности предмета здѣсь не играетъ никакой роли и въ дѣйствительности вовсе и не имѣетъ мѣста. Что же касается удовольствія, вызываемаго психическимъ содержаніемъ физическихъ явленій, то оно можетъ возникнуть лишь при томъ условіи, если воспріятіе физиче-

скаго раздраженія вызываетъ въ психикѣ субъекта, кромѣ ощущенія физическаго воздѣйствія, еще рядъ дальнѣйшихъ психическихъ образовъ и процессовъ, которые открываютъ ему смыслъ воспринятаго. Что этотъ психическій процессъ не имѣетъ типа сужденія: А существуетъ, само собой разумѣется; уразумѣніе психическаго смысла, вложеннаго въ какое-либо физическое явленіе, можетъ въ однихъ случаяхъ требовать длиннаго ряда сужденій самаго разнообразнаго типа (напримѣръ, уразумѣніе гіероглифовъ или испорченнаго текста); въ другихъ случаяхъ дѣло ограничивается мгновенной автоматической ассоціаціей ряда представленій; за воспріятіемъ смысла и въ томъ и въ другомъ случаѣ можетъ слѣдовать чувство удовольствія и оцѣнка соотвѣтствующаго объекта. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что наличность сужденія, въ формѣ А существуетъ, совершенно излишня, какъ тогда, когда чувство удовольствія вызывается непосредственно физическимъ воздѣйствіемъ предмета, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, по мнѣнію Meinong'a, непосредственнымъ дѣйствіемъ не вызывается. Въ первомъ случаѣ чувство удовольствія связывается съ фактомъ ощущенія, во второмъ—съ психическими процессами, вызванными ощущеніемъ; среди послѣднихъ могутъ быть и сужденія различныхъ типовъ, но какого-либо преимущественнаго значенія для обоснованія чувства передъ другими психическими актами они не имѣютъ.

Что касается третьей категоріи случаевъ, оцѣнки отсутствующихъ прошедшихъ и будущихъ объектовъ, то и здѣсь сужденіе о существованіи не играетъ никакой роли. Это явствуетъ уже изъ того, что оцѣнкѣ могутъ подлежать не только объекты, которые, отсутствуя въ настоящій моментъ, все-таки находятся въ предѣлахъ дѣйствительности прошедшей или будущей, и слѣдовательно допускаютъ относительно себя экзистенціальныя сужденія хотя бы въ прошедшемъ или будущемъ времени, но и объекты, не составляющіе реальной дѣйствительности и даже вовсе въ ней невозможные, и слѣдовательно, вовсе не допускающіе экзистенціальныхъ сужденій. Такъ мы цѣнимъ Нерона, который безспорно существовалъ, Вильгельма Теля, относительно существованія котораго имѣются сомнѣнія, и Мефистофеля, который, какъ реальный фактъ, никогда не существовалъ. Справедливо то, что такіе объекты, какъ не суще-

ствующіе въ наличности, не могутъ непосредственнымъ физическимъ воздѣйствіемъ производить чувства въ оцѣнивающемъ субъектѣ; чтобы вызвать такое чувство, они должны присутствовать въ психикѣ субъекта, но для этого нѣтъ надобности, чтобы они были даны въ видѣ содержанія сужденія: Неронъ существуетъ или существовалъ; какъ справедливо замѣчаетъ Ehrenfels, цѣль достигается психическимъ воспроизведеніемъ объекта въ формѣ представленія. Здѣсь, по-видимому, присутствіе послѣдняго необходимо, чего нельзя сказать, вопреки Ehrenfels'y, относительно всѣхъ случаевъ. Наконецъ, что касается ошибочныхъ и ложныхъ оцѣнокъ, то эксистенціальное сужденіе здѣсь излишне уже хотя бы потому, что согласно собственному утвержденію Meinong'a, ошибка въ эксистенціальномъ сужденіи вовсе невозможна и ошибочныя цѣнности возникаютъ лишь вслѣдствіе ошибокъ въ сужденіяхъ вспомогательныхъ и побочныхъ. Если же вообще для объясненія ошибки въ цѣнности необходимо присутствіе въ составѣ процесса оцѣнки сужденія, то таковое и помимо эксистенціальнаго и сопутствующихъ ему вспомогательныхъ и побочныхъ сужденій имѣется въ заключительномъ моментѣ оцѣнки.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что присутствіе эксистенціальнаго сужденія вовсе не нужно для того, чтобы вызвать чувство, обосновывающее цѣнность, присутствіе же представленія необходимо лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Выводъ этотъ имѣетъ значеніе только по отношенію къ тому эксистенціальному сужденію, которое самостоятельно и отдѣльно привходитъ въ процессъ оцѣнки, сверхъ непосредственнаго воспріятія, и не относится къ тому гипотетически предполагаемому эксистенціальному сужденію, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, implicite заключено уже въ ощущеніи и составляетъ его необходимый элементъ. Если бы рѣчь шла объ этомъ сужденіи, то, принимая во вниманіе, что Meinong признаетъ его наличность въ ощущеніи [1]), ему не было бы тогда надобности дѣлать различія между чувствами, основанными на воспріятіи (или пред-

[1]) *A. Meinong*, Ueber Begriff und Eigenschaften der Empfindung, Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 12 Jahrgang, 1888, стр. 332—337.

ставленіи) и сужденіи, такъ какъ тогда экзистенціальное сужденіе присутствовало бы во всѣхъ случаяхъ.

Наконецъ, переходя къ послѣднему замѣчанію, необходимо указать на неудовлетворительность заключительной части теоріи Meinong'a. Въ своемъ мѣстѣ было указано, что и у Ehrenfels'a эта часть ученія представляется несостоятельной: его идея сравнительнаго споспѣшествованія благополучію не представляетъ собою какого-либо конкретнаго психическаго процесса или состоянія, будучи лишь абстрактной идеей разницы двухъ представленій съ соотвѣтствующими имъ чувственными состояніями. Meinong идетъ дальше и указываетъ тотъ конкретный психическій процессъ, которымъ объединяются чувственныя состоянія, соотвѣтствующія присутствію и отсутствію оцѣниваемаго объекта; такимъ процессомъ онъ считаетъ сужденіе. Однако онъ ничего не говоритъ о характерѣ этого сужденія, строеніе котораго въ большинствѣ случаевъ должно быть довольно сложно. Только въ простѣйшемъ случаѣ сужденіе объединяетъ два момента: удовольствіе при наличности объекта и страданіе при его отсутствіи. Въ случаяхъ же т. н. конфликта мотивовъ дѣло усложняется; съ одной стороны имѣется удовольствіе отъ наличности оцѣниваемаго объекта и страданія отъ отсутствія тѣхъ предметовъ, которые устраняются даннымъ; съ другой—обратно: страданіе отъ отсутствія даннаго предмета съ удовольствіями отъ возможнаго вслѣдствіе этого присутствія конкуррирующихъ объектовъ; затѣмъ только оба момента объединяются въ одно общее выраженіе. Если этотъ процессъ совершается при посредствѣ сужденія, то таковое должно представлять типъ сложнаго или многихъ сужденій отношенія [1]). Процессомъ объединенія чувственныхъ состояній въ сужденіи не завершается однако процессъ оцѣнки; до этого момента онъ протекаетъ только внутри психики субъекта; между тѣмъ цѣнность характеризуется отношеніемъ субъекта къ объекту; объединенный результатъ внутреннихъ психическихъ процессовъ и состояній долженъ быть извѣстнымъ образомъ прои-

[1]) Beziegungsurtheil I. v. Kries'a, Ueber Real-und Beziehungs-Urtheile, Vierteljahrsschr. f. wissensch. Philos., 16 B., 1892, стр. 255, 259.

цированъ во-внѣ и отнесенъ къ объекту. Meinong, правда, указываетъ на конечный результатъ этой объективаціи, выражающійся въ томъ, что объекту приписывается цѣнность, въ качествѣ аттрибута; но онъ однако не указываетъ, въ чемъ состоитъ психическая операція подобной объективаціи цѣнности.

§ 2. Теорія цѣнности.

Наиболѣе характернымъ специфическимъ элементомъ оцѣнки является чувство; въ той или другой формѣ, непосредственно или посредственно, оно непремѣнно заключается во всякой цѣнности, и обратно, присутствіе чувства всегда имѣетъ результатомъ появленіе гдѣ-нибудь и въ какой-нибудь формѣ цѣнности. Поэтому происхожденіе цѣнности связано съ вопросомъ о появленіи чувства. Первоначальный и основной способъ появленія чувства связанъ съ процессами воспріятія дѣйствительности (Wahrnehmung). Уже простыя ощущенія цвѣта, звука сопровождаются чувственнымъ тономъ; тѣмъ болѣе сложныя формы воспріятія. Но и интеллектуальные процессы внутренняго происхожденія также вызываютъ чувства: воспоминанія прошедшаго, представленія будущаго, образы фантазіи. Наконецъ, чувство можетъ сопровождать сужденія, причемъ для послѣднихъ форма не играетъ въ этомъ отношеніи роли; чувство можетъ быть соединено съ сужденіемъ типа: A существуетъ, какъ и съ сужденіемъ: A есть B, или A находится въ отношеніи къ A' (больше, лучше). Иначе говоря, нѣтъ ни одного интеллектуальнаго процесса, съ которымъ не была бы связана возможность чувства.

Эта множественность способовъ появленія чувства имѣетъ то значеніе, что каждый интеллектуальный процессъ можетъ улавливать предметы, ихъ свойства или отношенія, другимъ процессамъ недоступные, и чувство получаетъ такимъ образомъ возможность реагировать на бо́льшее число объектовъ, ихъ свойствъ и отношеній, чѣмъ это было бы возможно въ томъ случаѣ, если бы оно было связано только съ какимъ-либо однимъ интеллектуальнымъ процессомъ. Такъ, прежде всего, получается возможность реагировать на объекты въ ихъ различномъ отношеніи къ пространству и времени; въ то время, какъ объекты наличные и настоящаго времени воспринимаются

непосредственно, представленіе [1]) дѣлаетъ для насъ доступными объекты, отдаленные отъ насъ пространствомъ или временемъ, т. е. отсутствующіе и прошедшіе; сужденіе, включая представляемый объектъ въ будущую дѣйствительность, дѣлаетъ доступными объекты будущіе. Далѣе, въ то время, какъ непосредственное воспріятіе даетъ намъ объекты, какъ физическія вещи, представленіе и сужденіе открываютъ для чувственной реакціи отношенія объектовъ; такъ, напримѣръ, непосредственное созерцаніе горы, само по себѣ, составляетъ удовольствіе; но послѣднее увеличивается, когда мы знаемъ, что это—гора A, и что ея высота—h метровъ, т. е. когда устанавливается тожество воспринимаемаго съ находящимся въ представленіи и отношеніе къ другимъ объектамъ. Черезъ посредство представленій и сужденій чувство получаетъ, наконецъ, возможность реагировать на внутренній, символическій смыслъ извѣстныхъ внѣшнихъ воспріятій, на выраженіе чужихъ мыслей и чувствъ въ словахъ, звукахъ, внѣшнихъ дѣйствіяхъ и всякаго рода изображеніяхъ. Такимъ образомъ ни сужденіе, ни представленіе, не обладая специфическимъ свойствомъ производить чувство, не могутъ являться необходимымъ условіемъ цѣнности. Если сужденіе, напримѣръ, составляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ необходимую стадію въ процессѣ оцѣнки, то подобная роль его въ такихъ случаяхъ объясняется не тѣмъ, что съ сужденіемъ, а не съ чѣмъ инымъ, только и связано чувство цѣнности, а тѣмъ, что наличности именно сужденія требуетъ свойство познаваемаго объекта, что онъ можетъ быть доступенъ нашему сознанію только черезъ посредство сужденія. Если же для познанія объекта достаточно наличности какого-либо другого способа, то и чувство цѣнности является результатомъ послѣдняго. Тоже относится и къ представленію. Вообще непремѣнная наличность въ процессѣ оцѣнки того или другого интеллектуальнаго акта обусловливается не специфическимъ свойствомъ чув-

[1]) Представленіе употребляется въ смыслѣ процесса познанія, противоположнаго непосредственному воспріятію, характеризуемому присутствіемъ внѣшняго раздраженія, согласно съ употребленіемъ этого термина, напр., у Iodl'a. Lehrb. d. Psych., 1896. и мн. др.; о различныхъ значеніяхъ термина представленіе см. B. Erdmann, Zur Theorie der Apperception, въ Vierteljahrsschrift für wissensch. Philos., 10 Jahrg., 1886, стр. 307—311.

ства цѣнности, требующаго для себя такого именно, а не другого акта, а специфическимъ свойствомъ каждаго даннаго объекта, доступнаго познанію тѣмъ именно, а не инымъ интеллектуальнымъ процессомъ. Благодаря тому обстоятельству, что чувство можетъ сопровождать всякій интеллектуальный процессъ, объектами оцѣнки можетъ быть все, что доступно познанію какимъ бы то ни было способомъ; такимъ образомъ, объектами цѣнности могутъ являться внѣшніе предметы, настоящіе, прошедшіе, будущіе; тѣ или другія ихъ физическія свойства; отношенія объектовъ между собою; объекты, какъ символы заключеннаго въ нихъ содержанія; психическія состоянія свои собственныя и чужія.

Если всѣ интеллектуальные процессы могутъ сопровождаться чувствомъ, то не вліяетъ ли различіе ихъ формы, по крайней мѣрѣ, на интенсивность чувства? Въ этомъ отношеніи форма, сама по себѣ, также не имѣетъ значенія; нельзя утверждать, напримѣръ, что процессы, отвѣчающіе внѣшнему раздраженію всегда и вездѣ сопровождаются болѣе интенсивнымъ чувствомъ, чѣмъ процессы внутренняго происхожденія; въ однихъ случаяхъ это вѣрно, въ другихъ бываетъ обратно: воспоминаніе о минувшемъ горѣ можетъ вызывать болѣе интенсивное чувство, чѣмъ непосредственное воспріятіе какого-либо безразличнаго событія. Равнымъ образомъ и сложность формы не играетъ роли; въ то время, какъ съ одной стороны, простыя ощущенія могутъ сопровождаться чувственнымъ тономъ, сложныя же сужденія могутъ не вызывать никакой замѣтной чувственной окраски, такъ и обратно, сужденія могутъ сопровождаться интенсивнымъ чувствомъ, а ощущенія оставаться безразличными. Но если мы отъ сравненія интеллектуальныхъ формъ an und für sich перейдемъ къ сравненію тѣхъ же формъ при одинаковомъ содержаніи, то можно, по-видимому, установить нѣкоторое правильное соотношеніе между интенсивностью чувствъ, сопровождающихъ непосредственныя воспріятія, съ одной, и представленія, съ другой стороны; зависимость же силы чувства отъ сложности процесса не поддается какому-либо опредѣленію, потому что возстановить ощущеніе (или простое представленіе) въ чистомъ видѣ невозможно, а всякій послѣдовательно болѣе сложный процессъ привноситъ свои особыя ассоціаціи, чѣмъ нарушается единство объекта. Хотя и здѣсь

Ehrenfels утверждаетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ сужденіе вызываетъ болѣе интенсивное чувство, чѣмъ представленіе. По отношенію къ процессамъ внѣшняго и внутренняго происхожденія съ извѣстнымъ вѣроятіемъ можно утверждать, что, нормально, съ непосредственнымъ воспріятіемъ связывается болѣе интенсивное чувство, чѣмъ съ представленіемъ о томъ же объектѣ; напримѣръ, нормально, непосредственное содержаніе картины, непосредственный переходъ отъ холода къ теплу и т. д. доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ только воспоминаніе о картинѣ или представленіе о теплѣ при холодѣ; однако всякому извѣстно, что бываютъ и обратные примѣры. Тѣмъ не менѣе ослабленіе чувства съ переходомъ отъ дѣйствительности къ репродукціи можетъ быть въ общемъ принято, на основаніи обыденнаго опыта, какъ эмпирическое правило. Если мы признаемъ существованіе указанной функціональной зависимости между чувствомъ воспріятія и репродукціи, и въ особенности если обратимъ вниманіе на характеръ этой зависимости, выражающійся въ томъ, что послѣднее чувство меньше перваго, то не даютъ ли эти факты права утверждать, что чувство, соотвѣтствующее репродукціи, вторичнаго происхожденія, сравнительно съ чувствомъ непосредственнаго воспріятія, подобно тому, какъ и самое представленіе вторично по отношенію къ простому ощущенію? Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, по-видимому, естественномъ соображеніи, что теплота въ воображеніи только потому и можетъ быть пріятна, что въ дѣйствительности она доставляетъ удовольствіе; тоже можно сказать и о картинѣ; можно было-бы представить себѣ дѣло такъ, что чувство при репродукціи есть ослабленная репродукція первоначальнаго чувства при непосредственномъ воспріятіи, связанная съ представленіемъ своего рода ассоціаціей. Однако подобный выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ, въ виду того, что возможно и другое, по-видимому, болѣе правдоподобное объясненіе. Чувство при репродукціи можетъ возникать также первоначально и по тѣмъ же самостоятельнымъ причинамъ, какъ и чувство при непосредственномъ воспріятіи. Дѣйствительно, чувство не есть результатъ какого-либо свойства внѣшняго раздраженія; оно связано съ условіями теченія психическаго процесса внутри субъекта; а такъ какъ представленіе есть повтореніе этого процесса (съ инымъ лишь

источникомъ происхожденія), то оно можетъ создавать тѣже условія для возникновенія чувства, какъ и первоначальный процессъ воспріятія. Это объясненіе находитъ себѣ особенное подтвержденіе съ точки зрѣнія той физіологической теоріи, которая считаетъ чувство коррелатомъ центральныхъ нервныхъ процессовъ; тогда очевидно, что и при внѣшнемъ раздраженіи и при центральномъ возбужденіи необходимо представлять себѣ центральный процессъ текущимъ одинаково, а слѣдовательно и въ томъ и въ другомъ случаѣ условія для возникновенія чувства даны самостоятельно. Если же полагать, что при репродукціи нервный процессъ проходитъ весь путь, какъ и при ощущеніи, т. е. включая периферію чувствительнаго нерва и кончая двигательнымъ импульсомъ (какъ это думаетъ Bain), то въ такомъ случаѣ самостоятельность чувства при репродукціи не требуетъ даже того, чтобы послѣднее связывалось только съ центральными нервными процессами [1]). Равнымъ образомъ гипотеза, что чувство является отраженіемъ наступившей центробѣжной иннервацiи [2]), не противорѣчитъ предположенію о самостоятельности его при репродукціи, если допускать, какъ это дѣлается, что воспоминаніе также сопровождается двигательными иннервацiями. Если признать такимъ образомъ самостоятельность чувства при внутреннемъ происхожденіи интеллектуальнаго процесса и независимость его отъ чувства, сопровождающаго непосредственное воспріятіе, то меньшая интенсивность перваго, по сравненію съ послѣднимъ, легко можетъ быть отнесена на счетъ меньшей интенсивности представленія (въ смыслѣ процесса, а не содержанія), сравнительно съ процессомъ ощущенія и вообще непосредственнаго воспріятія [3]).

Исчерпываются ли интеллектуальными процессами способы

---

[1]) По поводу взглядовъ Bain'a см. *F. Koerber*, Bain's Ansichten über die mechanische Correlate der Erinnerungen въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 11 Jahrgang, 1877, стр. 137 и *ел.*

[2]) Напр., *G. Simmel*, Skizze eines Willenstheorie, въ Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, IX Band, 1896, стр. 206 и слѣд.

[3]) См., между прочимъ, по этому поводу *Meinong*, Ueber Begriff und Eigenschaften der Empfindung въ Vierteljahrsschrift für wissench. Philos., 13 Jahrg., 1889, III Art., стр. 5—14.

появленія чувства, или послѣднее такимъ же образомъ связано и съ другими двумя основными классами психическихъ явленій, т. е. съ чувствомъ и волей, иначе говоря, можетъ ли чувство сопровождать чувственный или волевой процессъ также, какъ оно сопровождаетъ интеллектуальный процессъ? На первый взглядъ можно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно; дѣйствительно, всякому извѣстно, что нѣкоторыя удовольствія, испытываемыя нами, вызываютъ въ нашемъ же сознаніи, въ свою очередь, удовольствіе или страданіе; такъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что мы испытываемъ удовольствіе отъ благороднаго поступка, въ свою очередь, доставляетъ намъ удовольствіе, тогда какъ удовольствіе, доставляемое какими-либо чувственными наслажденіями часто сопровождается страданіемъ; и обратно, многія страданія доставляютъ намъ удовольствіе (въ техническомъ смыслѣ этого слова)[1]; точно также и воленіе, само по себѣ, можетъ вызывать чувство удовольствія. На самомъ дѣлѣ однако вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, если принять во вниманіе, что интеллектуальный процессъ связанъ съ чувственнымъ не только такимъ образомъ, что онъ можетъ сопровождаться чувствомъ, но и такимъ, что онъ составляетъ непремѣнное условіе чувственнаго процесса. Послѣдній невозможенъ безъ интеллектуальной основы; всякое чувство имѣетъ свое содержаніе, которое можетъ быть дано сознанію не иначе, какъ въ какой-либо интеллектуальной формѣ; поэтому если содержаніемъ чувства является другое чувство или воля, то послѣднія составляютъ въ тоже время содержаніе воспріятія, представленія или сужденія, необходимо сопровождающихъ чувство; благодаря этому чувство возникаетъ не на почвѣ чувства или воли, а на почвѣ воспріятія, представленія или сужденія о чувствѣ или волѣ; мы радуемся не благороднымъ чувствамъ, а сознанію благородныхъ чувствъ и страдаемъ не отъ низменныхъ вожделѣній, а отъ сознанія ихъ. Иначе говоря, и здѣсь чувство опять таки возникаетъ только на почвѣ тѣхъ или другихъ интеллектуальныхъ процессовъ. Содержаніе же послѣднихъ не предрѣшается никакимъ усло-

[1]) По вопросу объ удовольствіи на почвѣ страданія и взаимномъ соотношеніи этихъ чувствъ въ такомъ случаѣ см. *C. Boss*, Du plaisir de la douleur, Revue philos., № 7, 1902, стр. 60—74.

віемъ; поэтому таковымъ могутъ быть не только внѣшніе предметы, но и собственныя психическія состоянія, въ томъ числѣ и собственныя чувства и воля.

Чувство, какъ извѣстно, движется въ двухъ направленіяхъ, которыя мы сознаемъ какъ противоположныя: въ направленіи удовольствія и страданія. Эти направленія не связаны съ лежащими въ основѣ чувства формами интеллектуальныхъ процессовъ и даже болѣе—съ содержаніемъ этихъ процессовъ, т. е. съ тѣми объектами, которые составляютъ содержаніе воспріятія, представленія, сужденія. Нѣтъ такихъ объектовъ, воспріятіе или представленіе которыхъ всегда и необходимо сопровождалось бы удовольствіемъ, какъ, съ другой стороны, нѣтъ и такихъ, которые всегда и безусловно вызывали бы страданіе. Что касается первой части этого утвержденія, то, по-видимому, съ нею легко согласиться, такъ какъ всякому хорошо извѣстно, что удовольствіе, доставляемое даже самыми пріятными, полезными и необходимыми вещами, постепенно уменьшается, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ ихъ количество и дѣйствіе, затѣмъ исчезаетъ и замѣняется страданіемъ, когда мѣра дѣйствія переходитъ извѣстныя границы. Хотя Meinong и полагаетъ, что это правило относится только къ цѣнностямъ опосредствованнымъ, Wirkungswerte, и не относится къ цѣнностямъ непосредственнымъ, Eigenwerte, но можно думать, что онъ ошибается. Достаточно представить себѣ наивысшую добродѣтель—любовь къ ближнему—въ количествѣ, ничѣмъ не ограниченномъ, чтобы она потеряла для насъ свою прелесть; если бы всѣ окружающіе насъ готовы были жертвовать жизнью, чтобы избавить насъ отъ всякой ничтожной непріятности, то, можно думать, жизнь стала бы невыносимой. Но если бы даже для т. н. высшихъ благъ указанное положеніе и было спорно, оно не подлежитъ сомнѣнію по отношенію къ тѣмъ объектамъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ экономической жизни. Не такъ очевидна вторая часть утвержденія, что нѣтъ объектовъ, съ которыми неразрывно было бы связано страданіе. Однако и это положеніе надо признать вѣрнымъ; въ самомъ дѣлѣ, если мы остановимъ наше вниманіе на объектѣ, съ которымъ наиболѣе трудно соединить возможность удовольствія, а именно на собственномъ страданіи физическомъ и нравственномъ, то и здѣсь можно найти случаи, когда страданіе сопровождается удовольствіемъ; нетрудно пред-

ставить, что физическія страданія могутъ вызывать радость у человѣка, охваченнаго энтузіазмомъ и желающаго пострадать за идею; далѣе, безспорно, что нравственное страданіе доставляетъ намъ удовольствіе, когда мы видимъ въ немъ искупленіе за непоправимый грѣхъ или проступокъ.

Противоположность удовольствія и страданія можетъ быть отнесена къ противоположностямъ четырехъ родовъ: I — наличности и отсутствія объекта, II — наличности и отсутствія интеллектуальнаго процесса, III — наличности и отсутствія объекта въ содержаніи представленія (частичной противоположности содержанія) и IV — противоположности въ содержаніи представленія (полной противоположности содержанія). Причемъ предполагается, что всякій разъ всѣ прочія условія, кромѣ одной изъ указанныхъ противоположностей, остаются неизмѣнными.

I. Въ первомъ случаѣ объектъ (об) производитъ раздраженіе (р), вызываетъ ощущеніе (ощ), которое сопровождается чувствомъ удовольствія (уд); при отсутствіи объекта, отсутствуетъ соотвѣтствующее ему раздраженіе, ощущеніе и, слѣдовательно, чувство удовольствія; вмѣсто того, имѣетъ мѣсто нѣкоторое другое ощущеніе (ощ'), сопровождаемое чувствомъ страданія. Схематически процессъ можетъ быть представленъ слѣдующимъ образомъ:

$$\frac{\text{об} — \text{р} — \text{ощ} — \text{уд}}{\text{ощ}' — \text{стр}} \qquad (\text{I}^{\text{а}})$$

Типичнымъ случаемъ этого рода являются всѣ инстинктивныя т. н. потребности; если взять, напримѣръ, потребность въ пищѣ, то противоположность, выражающаяся въ удовольствіи, доставляемомъ потребленіемъ пищи, и страданіи, причиняемомъ голодомъ, не сводится къ простой противоположности въ одномъ случаѣ присутствія ощущеній извѣстнаго рода, а въ другомъ отсутствія тѣхъ же ощущеній; равнымъ образомъ не сводится и къ противоположности содержанія ощущеній—ощущенію присутствія объекта въ одномъ случаѣ и ощущенію отсутствія въ другомъ (хотя-бы потому, что ощущеніе отсутствія невозможно); противоположность выражается здѣсь въ томъ, что въ одномъ случаѣ имѣется одинъ рядъ ощущеній (вкусовыхъ, зрительныхъ, т. н. общаго чувства), а въ другомъ—рядъ другихъ совершенно самостоятельныхъ ощущеній (ощущеніе

съуженія желудка, тошноты, общей слабости); каждое ощущеніе есть ощущеніе sui generis и ни въ какой противоположности къ другому, какъ ощущеніе, не находится. Единственная противоположность ихъ состоитъ въ томъ, что одинъ рядъ ощущеній сопровождается чувствомъ удовольствія, другой — страданія, и этой противоположности отвѣчаетъ не какой либо актъ сознанія, а объективный фактъ присутствія въ одномъ случаѣ и отсутствія въ другомъ нѣкотораго *предмета* характеризуемаго тѣмъ, что присутствіе его вызываетъ ощущенія одного ряда и дѣлаетъ невозможными ощущенія другого ряда. Если пища въ данномъ случаѣ производитъ такой результатъ своимъ физіологическимъ воздѣйствіемъ на организмъ, то другіе объекты оказываютъ подобное дѣйствіе на психическіе процессы; присутствіе извѣстнаго лица (друга, врача, духовника) можетъ устранять одинъ рядъ представленій, причиняющій страданіе, и вызывать другой, сопровождаемый удовольствіемъ. Въ подобныхъ случаяхъ удовольствіе съ одной стороны, и страданіе съ другой, каждое само по себѣ, совершенно самостоятельно, относится къ совершенно особымъ и самостоятельнымъ ощущеніямъ, другъ съ другомъ ни въ какой логической связи не находящимся, и только уже ex postfacto оба чувства сводятся къ одному и тому же предмету.

Если мы представимъ, что верхній рядъ предыдущей формулы сохраняетъ свое значеніе:

$$\text{об} - \text{р} - \text{ощ} - \text{уд},$$

но въ тоже время присутствіе объекта не дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на какія-либо другія ощущенія или представленія, иначе говоря отсутствіе его не сопряжено съ теченіемъ нѣкотораго специфическаго ряда непріятныхъ воспріятій или представленій, то мы получимъ второй случай противоположности чувствъ, соотвѣтствующій противоположности присутствія и отсутствія объекта. Непосредственно эта противоположность выражается неполно: присутствіе ощущенія сопровождается удовольствіемъ, отсутствіе же его — не страданіемъ, а безразличіемъ, или чувствомъ, равнымъ нулю.

$$\frac{\text{об} - \text{р} - \text{ощ} - \text{уд}}{\text{о}} \qquad (\text{I}^6).$$

Эта неполная противоположность во многихъ случаяхъ, а именно, когда рядъ об — р — ощ — уд составляетъ довольно

обычное явленіе, восполняется тѣмъ, что отсутствіе объекта сознается, какъ отсутствіе указаннаго ряда, представленіе же объ отсутствіи ряда об — р — ощ — уд, заканчивающагося удовольствіемъ, равносильно представленію объ отсутствіи удовольствія, а это представленіе, само по себѣ, сопровождается страданіемъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ недостающее страданіе восполняется косвенно, и данный случай получаетъ слѣдующій схематическій видъ:

$$\frac{\text{об} - \text{р} - \text{ощ} - \text{уд}}{\text{о} \quad \Big| \quad \text{предст}\Big[\underset{\text{нѣтъ}}{(\text{об}\ldots\text{уд})}\Big] - \text{стр.}} \qquad (\text{I}^{\text{в}}).$$

Если же верхній рядъ становится настолько привычнымъ явленіемъ въ жизни субъекта, что отсутствіе объекта и соотвѣтствующаго раздраженія съ ощущеніемъ вызываетъ разстройство другихъ физіологическихъ или психическихъ процессовъ, создаетъ новыя комбинаціи элементовъ, испытываемыя, какъ новыя ощущенія, сопровождающіяся страданіемъ, то такой случай подходитъ подъ схему перваго ($\text{I}^{\text{а}}$) случая

$$\frac{\text{об} - \text{р} - \text{ощ} - \text{уд}}{\text{о} - \text{о} - \text{ощ}' - \text{стр.}} \qquad (\text{I}^{\text{г}} = \text{I}^{\text{а}})$$

II. Присутствіе представленія объ объектѣ доставляетъ удовольствіе; отсутствіе же можетъ имѣть троякое послѣдствіе: 1) не вызываетъ никакого чувства, т. е. вызываетъ чувство, равное нулю; напримѣръ, безпрепятственное теченіе процесса рѣшенія задачи доставляетъ удовольствіе; отсутствіе этого процесса безразлично.

$$\frac{\text{инт. проц.} - \text{уд}}{\text{о}} \qquad (\text{II}^{\text{а}})$$

2) если присутствіе представленія довольно обычно, отсутствіе его вызываетъ сознаніе объ отсутствіи представленія, сопровождающееся страданіемъ; напримѣръ, вызываемое по желанію представленіе о чертахъ лица отсутствующаго друга не разъ доставляло намъ удовольствіе; послѣ нѣкотораго времени мы сознаемъ, что лишены возможности этого удовольствія, такъ какъ черты лица друга изгладились изъ нашей памяти

$$\frac{\text{предст (об)} - \text{уд}}{\text{предст}\Big[\underset{\text{нѣтъ}}{(\text{пр (об)} - \text{уд})}\Big] - \text{стр}} \qquad (\text{II}^{\text{б}});$$

3) если представленіе стало для насъ настолько обычнымъ, что отсутствіе его вноситъ разстройство въ наши психическіе процессы, то отсутствіе представленія вызываетъ рядъ ощущеній, сопровождающихся страданіемъ; напримѣръ, знаніе какой-либо формулы неоднократно доставляло намъ возможность безошибочнаго изложенія системы математическихъ разсужденій, что всякій разъ доставляло удовольствіе; если формула забыта и увѣренный ходъ разсужденій невозможенъ, это причиняетъ намъ страданія

$$\frac{\text{предст (об)}-\text{уд}}{\left[\text{предст (об)}\right]_{\text{нѣтъ}} - \text{стр}} \qquad (\text{II}^{\text{в}}).$$

Указанный случай со всѣми его тремя подраздѣленіями аналогиченъ предшествующему съ тою лишь разницею, что тамъ мы имѣли дѣло съ непосредственнымъ воспріятіемъ, здѣсь съ представленіемъ.

III. Противоположность состоитъ въ частичной противоположности содержанія представленій. Представленіе, имѣющее содержаніемъ объектъ об съ объектомъ об′ доставляетъ удовольствіе; представленіе того же объекта об безъ об′ сопровождается страданіемъ; напримѣръ, рисунокъ требуетъ нѣкотораго «послѣдняго штриха»; представляемый безъ него, вызываетъ неудовольствіе

$$\frac{\text{предст (об, об′)}-\text{уд}}{\text{пред (об)} - \text{стр}} \qquad (\text{III})$$

IV. Противоположность состоитъ въ полной противоположности содержанія представленія или сужденія; въ одномъ случаѣ содержаніемъ этихъ процессовъ является включеніе объекта, въ другомъ—исключеніе его; напримѣръ, предположеніе, что извѣстное событіе случится, сопровождается удовольствіемъ, предположеніе обратнаго содержанія — страданіемъ. Этотъ случай представляетъ два подраздѣленія; первое аналогично случаю I, съ тою только разницею, что изъ области непосредственнаго воспріятія дѣло перенесено въ область представленія; все, что тамъ было объектомъ непосредственнаго ощущенія, здѣсь является содержаніемъ представленія, какъ въ верхней, такъ и въ нижней части схемы. Съ одной стороны мы имѣемъ представленіе о наличности объекта, раздраженія, ощущенія, удоволь-

ствія, и это представленіе, какъ имѣющее своимъ содержаніемъ, между прочимъ, удовольствіе, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, сопровождается удовольствіемъ; этому представленію, съ другой стороны, противостоитъ представленіе о тѣхъ ощущеніяхъ, сопровождаемыхъ страданіемъ, которыя имѣютъ мѣсто при отсутствіи объекта; это представленіе также сопровождается страданіемъ

$$\frac{\text{предст [об-р-ощ-уд]} - \text{уд}}{\text{предст [о-о-ощ'-стр]} - \text{стр}} \qquad (\text{IV}^{\text{а}}).$$

Непосредственная причина противоположности удовольствія и страданія сводится здѣсь, какъ и въ случаѣ $\text{I}^{\text{а}}$, не къ противоположности процессовъ, вызывающихъ чувство, а къ тому, что каждый процессъ самостоятельно, независимо и безотносительно къ другому вызываетъ—одинъ удовольствіе, другой страданіе; логическая связь между обоими процессами устанавливается только моментомъ противоположности присутствія въ одномъ случаѣ и отсутствія въ другомъ объекта въ содержаніи интеллектуальнаго процесса. Второе подраздѣленіе случая IV отличается отъ формулы, приведенной для $\text{I}^{\text{в}}$ случая

$$\frac{\text{об—р—ощ—уд}}{\text{о} \mid \text{пред}\left[(\text{об—р—ощ—уд}) = (\text{уд})_{\text{нѣтъ}}\right]_{\text{нѣтъ}} - \text{стр}}$$

только тѣмъ, что и верхняя часть ея превращена въ представленіе, вслѣдствіе чего нижняя часть схемы становится уже не косвенной, какъ было для случая $\text{I}^{\text{в}}$, а прямой противоположностью верхней, и схема получаетъ слѣдующій видъ:

$$\frac{\text{предст}\left[(\text{об—р—ощ—уд}) = (\text{уд})_{\text{есть}}\right]_{\text{есть}} - \text{Уд}}{\text{предст}\left[(\text{об—р—ощ—уд}) = (\text{уд})_{\text{нѣтъ}}\right]_{\text{нѣтъ}} - \text{стр}} \qquad (\text{IV}^{\text{б}}).$$

Въ отличіе отъ предъидущаго подраздѣленія случая IV, противоположность въ представленіи относится не къ утвержденію и отрицанію наличности только объекта, а всѣхъ членовъ ряда; въ отличіе отъ случая $\text{II}^{\text{б}}$, удовольствіе вызывается здѣсь не простымъ теченіемъ представленія, которое само по себѣ сопровождается удовольствіемъ, а добавочнымъ утвержденіемъ содержанія представленія, благодаря чему къ удоволь-

ствію, сопровождающему непосредственное теченіе представленія присоединяется удовольствіе отъ утвержденія наличности этого пріятнаго представленія.

Въ нашемъ изложеніи мы до сихъ поръ принимали, что удовольствіе соединяется съ положительными, такъ сказать, фактами наличности объекта, интеллектуальнаго процесса, наличности объекта въ части или во всемъ содержаніи представленія. Если мы представимъ, что съ тѣми же фактами соединяется страданіе, то съ обратными имъ фактами отсутствія тѣхъ же элементовъ будетъ соединено противоположное чувство удовольствія; въ остальномъ же приведенныя отношенія останутся безъ перемѣны. Слѣдовательно возможны слѣдующіе случаи.

I. Ощущеніе объекта вызываетъ страданіе; отсутствіе объекта открываетъ возможность другихъ ощущеній, которыя, сами по себѣ, доставляютъ удовольствіе.

Ощущеніе объекта вызываетъ страданіе; отсутствіе объекта не открываетъ собою спеціально обусловленной этимъ именно отсутствіемъ возможности процессовъ, сопровождаемыхъ удовольствіемъ, и потому не соотвѣтствуетъ какому-либо чувству удовольствія, или иначе соотвѣтствуетъ удовольствію, равному нулю; но косвенно отсутствіе объекта можетъ фигурировать, какъ представленіе объ отсутствіи страданія и такимъ образомъ обусловливать удовольствіе.

II. Представленіе объекта вызываетъ страданіе; отсутствіе представленія — безразлично (II^a); сознаніе отсутствія представленія сопровождается удовольствіемъ ($II^б$); отсутствіе представленія открываетъ ходъ пріятнымъ процессамъ и сопровождается удовольствіемъ ($II^в$).

III. Представленіе объекта—об—съ объектомъ—об′—причиняетъ страданіе; представленіе объекта об сопровождается удовольствіемъ.

IV. Представленіе объекта, обусловливающаго страданіе, сопровождается страданіемъ; представленіе пріятныхъ состояній, связанныхъ съ отсутствіемъ объекта, вызываетъ удовольствіе (IV^a); представленіе о наличности объекта, обусловливающаго страданіе, сопровождается страданіемъ; представленіе объ отрицаніи этой наличности съ сопровождающимъ ее чувствомъ, вызываетъ удовольствіе ($IV^б$).

Противоположность чувствъ, связанныхъ съ наличностью или отсутствіемъ объекта, наличностью или отсутствіемъ интеллектуальнаго процесса, наличностью или отсутствіемъ объекта въ содержаніи интеллектуальнаго процесса, утвержденіемъ или отрицаніемъ содержанія этого процесса, естественно вызываетъ вопросъ о томъ, каково количественное отношеніе этихъ противоположныхъ чувствъ, совпадающихъ на одномъ и томъ же объектѣ? Имѣемъ ли мы какія-либо основанія полагать, что для каждыхъ двухъ противоположныхъ случаевъ удовольствіе и страданіе бываютъ равны другъ другу? Никакихъ данныхъ утверждать что-либо подобное мы не имѣемъ. Это, прежде всего, очевидно для тѣхъ случаевъ, когда противоположныя чувства возникаютъ изъ двухъ самостоятельныхъ источниковъ, какъ, напримѣръ, въ случаѣ I. Потребленіе пищи и состояніе голода каждое состоитъ изъ группы совершенно самостоятельныхъ ощущеній; каждая группа развиваетъ соотвѣтствующія чувства, одна удовольствія, другая страданія, совершенно самостоятельно и независимо. Нѣтъ никакихъ логическихъ основаній или эмпирическихъ данныхъ, которыя давали бы намъ право утверждать, что сумма удовольствія, развиваемаго потребленіемъ пищи, и сумма страданія, развиваемая ощущеніемъ голода, равны или должны быть равны другъ другу. Менѣе очевидно это въ тѣхъ случаяхъ, когда удовольствіе связано съ представленіемъ объ отсутствіи страданія, или, обратно, страданіе сопровождаетъ представленіе объ отсутствіи удовольствія. Здѣсь сама собою возникаетъ мысль, что величина удовольствія, связаннаго съ ощущеніемъ или представленіемъ объ устраненіи страданія должна находиться въ законосообразной зависимости отъ величины устраняемаго страданія и обратно; однако нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ полагать, что эта зависимость выражается непремѣнно равенствомъ взаимно устраняющихъ другъ друга противоположныхъ чувствъ. Возьмемъ столь часто эксплоатируемый примѣръ зубной боли; безспорно можно сказать, что чѣмъ сильнѣе было страданіе, причиняемое болью, тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ сопровождается ощущеніе прекращенія этого страданія; но нѣтъ основаній утверждать, что интенсивность удовольствія равна интенсивности страданія; насколько вообще допускаютъ сравненіе столь субъективныя состоянія, можно скорѣе сказать, что интенсивность удовольствія въ этомъ и подобныхъ случаяхъ далеко

уступаетъ интенсивности страданій; для массы чувства, т. е. не только интенсивности, но и продолжительности, это очевидно; ощущеніе устраненія весьма сильныхъ, сколько бы времени ни продолжавшихся страданій, вызываетъ, правда, интенсивное, но весьма непродолжительное чувство. Что же касается обратнаго случая—страданія, сопровождающаго сознаніе устраненія или отсутствія удовольствія, то здѣсь, по-видимому, можно замѣтить еще менѣе правильности. Съ одной стороны, устраненіе удовольствія сопровождается весьма часто сравнительно небольшимъ страданіемъ, и это особенно ясно въ тѣхъ, напримѣръ, случаяхъ, когда мы «миримся съ судьбою» или «привыкли къ неудачамъ». Съ другой стороны, представленіе о невозможности или отсутствіи какого-либо удовольствія причиняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ непропорціонально большое страданіе, какъ это, напримѣръ, часто замѣчается у дѣтей и женщинъ.

Въ вопросѣ о количественномъ соотношеніи противоположныхъ чувствъ повторяется тоже самое явленіе, которое было отмѣчено относительно различной интенсивности чувствъ, сопровождающихъ интеллектуальные процессы различнаго происхожденія; и здѣсь и тамъ возможны чувства, относящіяся къ одному и тому же объекту, но не равныя другъ другу по своей интенсивности; тамъ различную величину представляютъ чувства одного и того же рода, въ зависимости отъ того, были ли они связаны съ непосредственнымъ ощущеніемъ или представленіемъ; здѣсь—чувства противоположнаго рода, въ зависимости отъ момента наличности или отсутствія. Это разнообразіе усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждое чувство можетъ быть дано по отношенію къ различнымъ моментамъ времени. Рядомъ съ чувствами, или независимо отъ нихъ, сопровождащими непосредственное воспріятіе или представленіе въ данный моментъ времени, возможно представленіе или знаніе чувствъ, сопровождавшихъ аналогичные процессы прежде [1]) Чувственный процессъ есть реальное явленіе и слѣдовательно доступенъ познанію; будучи констатированъ въ своей наличности, интенсивности и своемъ качествѣ, онъ становится содер-

[1]) См. Th. *Lipps*, Grundthatsachen des Seelenlebens, Bonn, 1883, стр. 197—200

жаніемъ представленія, сужденія и, какъ всякое знаніе можетъ стать достояніемъ памяти. Хотя память и не можетъ возстановить прошлое удовольствіе, сопровождавшее въ свое время какое-либо представленіе, подобно тому какъ она возстановляетъ послѣднее, но она можетъ возстановить знаніе о томъ, что данное представленіе въ свое время сопровождалось удовольствіемъ, представленіе о родѣ и величинѣ удовольствія. Такимъ образомъ рядомъ съ удовольствіемъ, сопровождающимъ представленіе, можетъ быть дано представленіе объ удовольствіи, причемъ, разумѣется, это представленіе, въ свою очередь, можетъ быть окрашено въ чувственный тонъ. Должно сказать, что въ большинствѣ случаевъ при оцѣнкѣ мы имѣемъ дѣло, по-преимуществу, съ представленіями о чувствахъ, а не съ самыми чувствами. Правда, бываютъ случаи, когда взвѣшивая значеніе какого-либо объекта, мы находимся въ состояніи переживанія различныхъ чувствъ и даже аффектовъ; но обыкновенно наше состояніе выражается не въ переходѣ отъ одного чувства къ другому, а отъ одного воспоминанія къ другому; при чемъ чувственный тонъ послѣднихъ, если мы имѣемъ дѣло съ воспоминаніями привычными, можетъ быть пониженъ до крайнихъ предѣловъ, такъ что весь процессъ представляется разыгрывающимся почти исключительно въ сферѣ интеллектуальной. Само собою разумѣется, что такимъ путемъ процессъ оцѣнки не становится исключительно интеллектуальнымъ, и элементъ чувства вовсе не исключается изъ оцѣнки; оно по-прежнему имѣетъ рѣшающее значеніе, только не въ своей непосредственно переживаемой формѣ, а въ формѣ содержанія соотвѣтствующихъ интеллектуальныхъ процессовъ. Иначе говоря, вопросъ объ оцѣнкѣ рѣшается не на основаніи переживаемаго чувства, доступнаго непосредственному сознанію, а на основаніи пережитаго, въ свое время замѣченнаго сознаніемъ и теперь лежащаго передъ нами въ видѣ знанія.

Принимая во вниманіе все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующему положенію. Къ одному и тому же объекту, черезъ посредство различныхъ по происхожденію и содержанію интеллектуальныхъ процессовъ, могутъ имѣть отношеніе различной величины чувства, причемъ это несовпаденіе ихъ величины можетъ происходить по слѣдующимъ тремъ категоріямъ: во-первыхъ, чувство удовольствія при наличности (объекта или ин-

теллектуальнаго процесса) можетъ не совпадать съ чувствомъ страданія при отсутствіи (или обратно); во-вторыхъ, чувство при непосредственномъ воспріятіи можетъ не совпадать съ чувствомъ при представленіи; въ-третьихъ, чувство непосредственно переживаемое можетъ не совпадать по величинѣ съ такимъ же чувствомъ, ранѣе пережитымъ. Такъ какъ для каждаго объекта могутъ быть даны чувства по всѣмъ этимъ шести подраздѣленіямъ въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ, и такъ какъ величина каждаго изъ этихъ чувствъ можетъ быть различна, то возникаетъ вопросъ, какое чувство или какая ихъ комбинація обусловливаетъ собою величину цѣнности? Этотъ вопросъ разрѣшается весьма различно. Экономисты чаще всего исходятъ изъ понятія потребности, т. е. чувства страданія, связаннаго съ отсутствіемъ предмета, утверждая, что значеніе предмета опредѣляется ощущеніемъ недостатка, испытываемаго при отсутствіи предмета. Съ другой стороны, нерѣдко выводятъ цѣнность изъ полезности, т. е. изъ свойства предмета доставлять удовольствіе при потребленіи. Въ тѣхъ случахъ, когда говорятъ объ удовлетвореніи, причиняемомъ предметомъ, соединяютъ, обыкновенно невполнѣ ясно, оба понятія, какъ страданіе, причиняемое отсутствіемъ, такъ и удовольствіе, доставляемое наличностью предмета. Meinong, какъ мы видѣли, рѣшалъ этотъ вопросъ сперва въ пользу удовольствія, а потомъ въ пользу нѣкотораго суммированія обоихъ чувствъ.

Каждое изъ этихъ рѣшеній отчасти справедливо, такъ какъ оцѣнка въ дѣйствительности можетъ совершаться всѣми указанными способами. Въ однихъ случаяхъ величина цѣнности опредѣляется исключительно страданіемъ, испытываемымъ при отсутствіи предмета, безъ всякаго вниманія къ моменту удовольствія, которое будетъ имѣть мѣсто при наличности предмета; такъ оцѣниваются обыкновенно преметы, служащіе для удовлетворенія инстинктивныхъ потребностей, и въ особенности тогда, когда при отсутствіи удовлетвореніи, они даютъ чувствовать себя съ особенною силой. Напротивъ, когда эти потребности удовлетворены постоянно и въ достаточномъ размѣрѣ, такъ что причиняемое ихъ неудовлетвореніемъ страданіе не испытывается, мы имѣемъ склонность цѣнить предметы по положительному удовольствію, доставляемому ими, и только знаніе о прошломъ или возможномъ страданіи заставляетъ насъ цѣнить

предметы иначе. Точно также только по удовольствію, доставляемому наличностью предмета, цѣнимъ мы предметы привычные, отчего и происходитъ то обстоятельство, что цѣнность ихъ въ нашихъ глазахъ сейчасъ же измѣняется, какъ только мы ихъ лишимся. Но такъ какъ обыкновенный культурный человѣкъ существо настолько разумное, что почти никогда не предается вполнѣ чувству минуты, то рядомъ съ непосредственно испытываемымъ чувствомъ въ его сознаніи имѣется представленіе о томъ состояніи, какое онъ испытывалъ бы при обратныхъ условіяхъ, такъ и о тѣхъ чувствахъ, какія онъ въ аналогичныхъ случахъ испытывалъ раньше. Оцѣнка такимъ образомъ является исходомъ изъ стеченія нѣсколькихъ чувствъ на одномъ объектѣ. Представимъ себѣ объектъ, который доставляетъ удовольствіе своимъ потребленіемъ; въ тоже время представленіе объ его отсутствіи вызываетъ страданіе; рядомъ съ непосредственно переживаемыми чувствами мы обладаемъ знаніемъ о чувствахъ, которыя въ разное время имѣли мѣсто при наличности и отсутствіи объекта. Каждое чувство, если мы представимъ его въ отдѣльности, сообщило бы объекту соотвѣтствующую себѣ величину цѣнности. Очевидно, туже тенденцію оно сохраняетъ и при стеченіи съ другими. Между этими тенденціями возникаетъ такимъ образомъ конфликтъ. Происходитъ по отношенію къ одному объекту въ маломъ видѣ тоже, что въ большихъ размѣрахъ и общемъ видѣ имѣетъ мѣсто при всякой борьбѣ мотивовъ, конфликтѣ несогласныхъ другъ съ другомъ психическихъ состояній, требующихъ одного исхода. Этотъ исходъ не можетъ быть данъ какимъ-либо интеллектуальнымъ рѣшеніемъ, напримѣръ сужденіемъ, которое нѣкоторымъ образомъ складывало бы отдѣльные моменты и объединяло ихъ въ одно общее выраженіе. Если бы мы допустили возможность подобнаго сужденія, то этимъ было бы сказано, что воля сводится къ сужденію, и процессъ волевого рѣшенія представлялся бы въ видѣ интеллектуальнаго акта, который констатируетъ различныя величины, а потомъ посредствомъ сужденія приводитъ ихъ къ одному выраженію при помощи сложенія или вычитанія. Правда, всякій волевой выборъ мы можемъ впослѣдствіи констатировать въ формѣ сужденія, гдѣ изъ стеченія мотивовъ опредѣленной силы получается извѣстное рѣшеніе; но сужденіе констатируетъ уже состоявшееся рѣшеніе,

то же, что производитъ это рѣшеніе и есть тотъ особый психическій моментъ, который мы называемъ волей и который не можемъ свести ни къ чувству, ни къ интеллекту. При оцѣнкѣ этотъ процессъ происходитъ т. с. въ микрокосмѣ. Каждое чувство стремится передать цѣнности свою величину; чувства болѣе интенсивныя стремятся сдѣлать цѣнность большóю, менѣе интенсивныя—малою; но такъ какъ цѣнность можетъ имѣть только одну величину, то между чувствами происходитъ конфликтъ. Побѣждаетъ однако не то, которое больше всѣхъ остальныхъ по своей абсолютной величинѣ, а то, которое въ данный моментъ въ рѣшающей психикѣ наиболѣе интенсивно; такъ напримѣръ, большáя величина чувства, даннаго въ воспоминаніи, не предрѣшаетъ вопроса въ свою пользу; необходимо знать, какъ къ этой большой величинѣ прошедшаго времени относится теперь рѣшающая психика. Всѣ чувства, относящіяся къ прошедшему, настоящему и будущему, выражаясь фигурально, проектируются въ плоскости сознанія даннаго рѣшающаго момента; здѣсь сознаніе переживаетъ и опредѣляетъ сравнительную интенсивность этихъ чувствъ, переживаемое наиболѣе интенсивно удерживаетъ за собою центръ вниманія; къ нему присоединяется то «да будетъ», которое мы называемъ волевымъ утвержденіемъ выбора; наше «я» отождествляетъ себя съ признаннымъ имъ моментомъ, и рѣшившее вопросъ чувство опредѣляетъ величину цѣнности размѣромъ своей интенсивности. Та сила, съ которою каждое чувство, относящееся къ своему времени и своимъ сопровождающимъ его обстоятельствамъ, проектируется въ плоскость сознанія рѣшающаго момента и его условій, и составляетъ то, что Meinong называетъ силой мотивації, съ которой идея вступаетъ въ область сознанія. Эта сила есть не что иное, какъ та сила, съ которою данное проектированное въ рѣшающую плоскость сознанія состояніе привлекаетъ къ себѣ центръ вниманія. Эта сила состоитъ, въ свою очередь, въ чувственной окраскѣ состояній, проектируемыхъ въ плоскость рѣшающаго сознанія.

Не слѣдуетъ представлять себѣ стеченіе и борьбу чувствъ, относящихся къ одному объекту, какъ процессъ, который приводилъ бы всегда къ т. н. правильному результату. Это есть процессъ чисто фактическій, каждый послѣдующій моментъ котораго предопредѣляется всей совокупностью предъидущаго по-

ложенія, но который не подчиненъ въ своемъ теченіи законамъ должнаго. Подобно тому какъ не всякій силлогизмъ, психологически имѣющій мѣсто, удовлетворяетъ требованіямъ логики, такъ и не всякая фактическая оцѣнка удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы можемъ къ ней прилагать съ точки зрѣнія какого-либо долженствованія. Поэтому нерѣдко случается, что при столкновеніи чувствъ, одерживаетъ верхъ и даже служитъ основаніемъ для того или другого поступка такое чувство, которое впослѣдствіи и при другихъ условіяхъ, быть можетъ, даже вслѣдъ за своей побѣдой, квалифицируется гораздо ниже другихъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко говорятъ, что оцѣнка не соотвѣтствовала даннымъ, лежавшимъ въ ея основѣ. Невѣрно однако было бы толковать такое выраженіе въ томъ смыслѣ, что при столкновеніи чувствъ побѣдило не сильнѣйшее, а болѣе слабое. То чувство, которое въ послѣдующій моментъ мы можемъ считать ничтожнымъ, было сильнѣйшимъ въ моментъ рѣшенія; среди нашихъ оцѣнокъ только извѣстная часть таковы, что удовлетворяютъ насъ и при послѣдующей провѣркѣ.

Моментъ, въ который выдвигается и опредѣляется чувство, рѣшающее собой вопросъ о цѣнности предмета, представляетъ заключеніе чувственной части процесса оцѣнки. Затѣмъ слѣдуетъ моментъ волевого утвержденія или выбора выдвинувшагося чувства. Послѣдняя часть процесса оцѣнки является интеллектуально-волевымъ актомъ и состоитъ въ проицированіи чувства во внѣ на вещь въ качествѣ ея значенія, или свойства. Въ этомъ отношеніи чувства до извѣстной степени раздѣляютъ судьбу ощущеній и представленій и противополагаются, вмѣстѣ съ этимъ классомъ явленій, другому основному классу — волѣ. Свое я мы можемъ раздѣлить на два состоянія: активное и пассивное; первое мы испытываемъ тогда, когда сознаемъ себя вліяющими на ходъ явленій внѣшнихъ или внутреннихъ, второе—когда подвергаемся вліянію. Въ послѣднемъ случаѣ мы такъ или иначе относимъ или связываемъ наши состоянія съ тѣми или другими объектами. Чувство, безспорно есть состояніе, въ которомъ мы сознаемъ себя пассивно; поэтому и оно должно найти себѣ внѣшній объектъ, подобно воспріятію или представленію. Но лишь въ фактѣ проицированія и сходятся эти два класса психическихъ явленій; самый способъ проицированія совершенно отличенъ для того и другого. Проицированіе воспріятія первоначально и непроизвольно; оно составляетъ

самую сущность воспріятія и дается вмѣстѣ съ нимъ непосредственно и неразрывно; въ сознаніи воспріятіе является прежде всего въ видѣ объекта, который лишь послѣ критическаго анализа оказывается проекціей внутренняго психическаго состоянія. Также проицируются представленія въ воображаемое или вымышленное пространство; въ психикѣ они являются, подобно воспріятіямъ, относящимися къ внѣшнимъ объектамъ, которые лишь при критическомъ анализѣ оказываются ихъ проекціями. Въ противоположность этому, проицированіе чувства имѣетъ вторичный характеръ; прежде всего и непосредственно оно сознается, какъ внутреннее состояніе, переживаемое нашимъ я, и только затѣмъ, какъ состояніе пассивное, оно ищетъ чего-либо во внѣ, къ чему оно могло бы быть отнесено, какъ къ своему объективному корредату. Такимъ корредатомъ является то, что разумъ открываетъ. какъ объективную причину чувственнаго состоянія, какъ то единственно предшествующее или сопутствующее, съ присутствіемъ чего дано чувство. На этотъ объектъ проицируется чувство, но не въ своей первоначальной и непосредственной формѣ, доступной только переживанію, неотдѣлимой отъ субъективнаго самосознанія, а въ объектированной формѣ значенія. Это проицированіе не есть непосредственная сущность психическаго состоянія чувства, какъ это имѣетъ мѣсто въ воспріятіи, а дѣйствіе; причемъ дѣйствіе можетъ быть непроизвольнымъ и произвольнымъ.

Процессъ проицированія состоитъ изъ двухъ частей. Какъ бы въ основѣ его лежитъ интеллектуальный процессъ познанія причинной зависимости между нашимъ чувственнымъ состояніемъ и тѣмъ объектомъ, который является необходимо предшествующимъ или сопутствующимъ; такое познаніе требуетъ представленія о наличности (или переживанія) чувственнаго состоянія, представленія о наличности (или воспріятія) объекта, представленія о непремѣнномъ послѣдованіи или сосуществованіи этихъ двухъ явленій, съ утвержденіемъ существованія этого отношенія. Иначе говоря, все вообще сводится къ сужденію (утвердительному) о наличности причиннаго отношенія между двумя явленіями. Когда этимъ сужденіемъ фиксированъ объектъ, то одновременно съ этимъ совершается вторая часть процесса: чувство проицируется на указанный объектъ и приписывается ему, въ видѣ значенія. Это проицированіе состав-

летъ общее свойство всѣхъ чувствъ; чувство ненависти проицируется на человѣка, его вызывающаго, и мы говоримъ, что онъ намъ ненавистенъ; чувство вкуса на то, что вызываетъ его, и мы говоримъ, что предметъ вкусенъ или противенъ; чувство, вызываемое звуками, проицируется на нихъ, и мы говоримъ, что звуки мелодичны. То, что мы называемъ значеніемъ, есть наиболѣе общая форма такого проицированія; она наиболѣе обща по объему и потому бѣднѣе всѣхъ по содержанію; при всякомъ другомъ проицированіи на предметъ переносится не только чувственный элементъ психическаго состоянія, но и интеллектуальное его содержаніе; въ понятіе ненавистный, вкусный, мелодичный входятъ тѣ или другія представленія, составляющія содержаніе ненависти, вкуса, слуха [1]). При «значеніи» проицируется только одно голое чувство, безъ всякаго содержанія. Такая проекція чувства на объектъ въ видѣ значенія совершается посредствомъ волевого акта [2]) и составляетъ то, что мы называемъ цѣнностью. Такимъ образомъ, если-бы мы хотѣли дать представленію о цѣнности точно опредѣленный характеръ понятія, то мы должны были бы сказать: цѣнность есть значеніе объекта; значеніе есть проекція чувства на объектъ, который мы знаемъ, какъ его причину; проекція есть дѣйствіе, обыкновенно произвольное.

Въ цѣнности, какъ значеніи, еще вполнѣ сохраняется ея субъективный характеръ, выражающійся въ отношеніи объекта къ субъекту; субъектъ не только необходимъ здѣсь для реальнаго образованія явленія, но онъ входитъ и въ самое понятіе цѣнности. Однако процессъ объективаціи можетъ итти и дальше, и проекція превращается въ интроекцію: цѣнность изъ значенія становится свойствомъ вещи. Въ то время, какъ въ «значеніе» входитъ понятіе отношенія, т. е. взаимодѣйствія между объектомъ и субъектомъ, въ цѣнности, какъ свойствѣ, наше представленіе разрываетъ связь съ субъектомъ, центръ тяже-

---

[1]) Ср. *W. Schuppe*, Grunzüge der Ethik und Rechtsphilosophie, Breslau, 1881, стр. 42—43.

[2]) По мнѣнію Th. Lipps'a такое проицированіе представляетъ актъ интеллектуальный и состоитъ въ «beziehen, d. h. meinen, die räumliche Bestimmung des Geschehenen gehöre zugleich auch dem unmittelbar daran haftenden Gefühle an», Vierteljahrsschf. f. wiss. Psych., 13 Jahrg, 1889, стр. 163—164.

сти переносится на объектъ и проицированное чувство становится признакомъ, свойствомъ объекта, аналогичнымъ всѣмъ другимъ его свойствамъ. Подобное представленіе цѣнности, въ видѣ свойства вещи, есть лишь результатъ устройства или привычки нашего ума къ объективаціи, къ созиданію вещей самихъ по себѣ и нисколько не измѣняетъ реальной природы цѣнности; цѣнность все таки остается объективированнымъ отношеніемъ, интроекціей въ объектѣ чувственнаго состоянія субъекта. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ свойствъ объекта, цѣнность, даже объективированная, сохраняетъ свой вторичный, производный характеръ объективаціи: прежде долженъ быть непосредственно и первично объективированъ самъ предметъ со всѣми его первичными свойствами, и только потомъ въ немъ вторично объективируется цѣнность, въ результатѣ взаимодѣйствія первичныхъ свойствъ объекта съ субъектомъ. Такимъ образомъ цѣнность въ этомъ второмъ смыслѣ есть значеніе вещи, объективированное нами въ видѣ свойства ея.

Заключительная стадія оцѣнки—превращеніе чувства въ цѣнность—требуетъ, какъ мы видѣли, познанія причинной зависимости между чувствомъ и обусловливающимъ его объектомъ. Весьма понятно, что такое познаніе не всегда имѣетъ мѣсто, а въ тѣхъ случаяхъ, когда есть, не всегда бываетъ истиннымъ. Въ послѣднемъ случаѣ цѣнность проицируется на объекты, которые на самомъ дѣлѣ не находятся въ причинной связи съ чувствомъ, но ошибочно признаются находящимися въ такой связи. Такія цѣнности, съ точки зрѣнія истиннаго знанія, являются ошибочными цѣнностями. Но такъ какъ мы не имѣемъ абсолютно вѣрнаго критерія истины, то мы не можемъ имѣть ни абсолютно вѣрныхъ, ни абсолютно ошибочныхъ цѣнностей. Всякая цѣнность становится истинной или ложной лишь съ исторической точки зрѣнія измѣнившихся взглядовъ или отношеній. Для даннаго же субъекта въ данный моментъ времени всѣ существующія для него цѣнности суть, съ его точки зрѣнія, цѣнности истинныя, такъ какъ для даннаго субъекта въ данный моментъ времени присутствіе знанія причинной зависимости одновременно съ сознаніемъ ошибочности такого знанія представляетъ собою contradictio in adjecto.

Отъ цѣнностей ошибочныхъ слѣдуетъ отличать цѣнности подставныя или фиктивныя. Послѣднія имѣютъ мѣсто въ тѣхъ

случаяхъ, когда причинная зависимость между чувствомъ и опредѣленнымъ объектомъ субъекту не извѣстна, но самое чувство, какъ всегда, требуетъ своей проекціи на что-либо внѣшнее. Въ такомъ случаѣ оно проицируется либо на все окружающее безъ различія, либо на первый попавшійся объектъ, нерѣдко съ болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ, что объективнаго основанія для такой проекціи не существуетъ.

Цѣнность дополняетъ творческую работу ощущеній и представленій. Въ то время, какъ ощущенія превращаютъ безцвѣтный, беззвучный, однообразный въ своей вѣчной тожественности міръ атомовъ, движеній эфира или чего бы то ни было, что мы должны предположить объективно существующимъ (быть можетъ, превращаетъ даже ничто) въ безконечно разнообразный міръ красокъ, звуковъ, формъ, отдѣльныхъ предметовъ, явленій, въ то время, какъ представленіе приводитъ все это разнообразіе въ связь и наполняетъ образами прошедшее и будущее время, невидимое пространство, воображаемый міръ; цѣнность сообщаетъ интересъ этому разнообразному, но безразличному самому по себѣ міру, дѣлаетъ краски и формы красивыми, звуки пріятными, угрожающія и вредныя для организма явленія злыми и отвратительными; цѣнности наполняютъ міръ симпатіей и антипатіей, сотрудничествомъ и борьбой; онѣ превращаютъ безличный міръ апатіи въ міръ интереса и жизни.

§ 3. Чувство, какъ элементъ оцѣнки.

Такъ какъ цѣнность есть проицированное и объективированное чувство, то понятно, что свойства и законы цѣнности опредѣляются природою чувства. Литература о чувствѣ весьма обширна [1]). Къ со-

---

[1]) Кромѣ общихъ курсовъ психологіи Jodl'a, Külpe, Wundt'a (Psychologie и Physiologische Psychologie), Lipps'a, Höffding'a, Sergi (La psychologie physiologique), Höfler'a, можно указать на слѣдующія спеціальныя изслѣдованія: *G. Cesca*, Die Lehre von der Natur der Gefühle, Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, herausgeg. v. R. Avenarius, Jahrg. X, 1886, стр. 137 и сл.; *Osw. Külpe*, Zur Theorie der sinnlichen Gefühle, тамъ же, Jahrg. XI, 1887, стр. 424 и сл.; *Léon Dumont*, Vergnügen und Schmerz, autorisirte Ausgabe, Leipzig, 1876; *Henry Rutgers Marshall*, The physical Basis of pleasure and pain, Mind, 1891 № 63 стр. 326 и сл., № 64,

жалѣнію она, по-преимуществу, состоитъ изъ гипотезъ, апріорныхъ и даже метафорическихъ положеній и представляетъ мало точныхъ изслѣдованій или реально обоснованныхъ выводовъ. Послѣдствія подобнаго состоянія ученія о чувствѣ ослабляются по отношенію къ теоріи цѣнности тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя нуждается, главнымъ образомъ, въ самыхъ основныхъ

стр. 470 и сл.: указанныя работы содержатъ въ себѣ, между прочимъ, критическіе и историческіе обзоры ученій о чувствѣ; *G. L. W. Resl*, Bedeutung der Reihenproduction für die synthetischen Begriffe und ästhetischen Urtheile, Zeitschrift für exacte Philosophie, B. VI, 1866, стр. 147 и сл.; *Ignaz Pokorny*, Die Hauptpuncte der Lehre von den Gefühlen bei Herbart und seiner Schule, тамъ же, B. VIII, стр. 117 и сл., 229 и сл.; *A. Kraus*, Fühlen und Empfinden, тамъ же, B. XVI, 1888, стр. 129 и сл.; *O. Flügel*, Ueber Gefühl und Affekt тамъ же, B. XIX, 1893, стр. 348 и сл.; *I. Nahlowski*, das Gefühlsleben, Leipzig, 1884; *Th. Ziegler*, Das Gefühl, Stuttgart, 1893; *W. Wundt*, Zur Lehre von den Gemüthsbewegungen, Philosophische Studien, B. VI, 1891, стр. 335—393; *A. Horwicz*, Psychologische Analysen, Halle-Magdeburg, I, II, 1872—1878; *E. Kröner*, Gemeingefühl und sinnliches Gefühl, Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie (v. Avenarius) Jahrg. 11, 1887, стр. 153 и сл.; *Th. Lipps*, Bemerkungen zur Theorie der Gefühle, тамъ же, Jahrg. 13, 1889, стр. 160 и сл. (по поводу статьи Külpe въ томъ же изданіи); *Th. Ribot*, La psychologie des sentiments, 1896; *G. Dumas*, La tristesse et la joie, Paris, 1900; *H. Spencer*, Die Principien der Psychologie, Autorisirte deutsche Ausgabe, 1 B., 1882, с. *IX*, §§ 122—128; *его-же*, Principien der Ethik, Autorisirte deutsche Ausgabe, 1879—1894, 1 B., с. *VI*; *G. H. Shneider*, Freud und Leid des Menschengeschlechts, 1883; *A. Lehmann*, Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, Leipzig, 1892; *Z. Oppenheimer*, Physiologie des Gefühls, Heidelberg, 1899; *H. Münsterberg*, Lust und Unlust (eine vorläufige Mitteilung), Beiträge zur experimentellen Psychologie, H. 4, Freiburg i. B., 1892, стр. 216 и сл.; *P. Montegazza*, Fisiologia del piacere, Milano, 1868 (франц. пер.: Physiologie du plaisir, Paris, 1886); *его-же*, Fisiologia del dolore, Firenze, 1880; *K. Lasswitz*, Ueber Psychophisische Energie und ihre Factoren, Arch. f. syst. Philos., N. F. т. 1, 1895, стр. 46—64; *J. Rehmke*, Zur Lehre vom Gemüth, Berlin, 1898; *Н. Гротъ*, Психологія чувствованій, С.-Пет., 1879—1880; *Н. Зигурскій*, Психо-физіологическая теорія чувствованій, Москва, 1901; *В. Чижъ*, Боль, Вопр. Фил. и Псих., 1899, кн. 48 (III), стр. 269—303. Дальнѣйшія указанія на литературу вопроса, въ особенности болѣе раннюю, можно найти въ перечисленныхъ источникахъ, въ частности у Cesca, Külpe, Dumont, Marshall, Грота.

положеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже столь очевидны, что извѣстны и обыденной психологіи.

Различныя теоріи, старающіяся уяснить природу чувства, можно разбить на три группы: теоріи психологическія, физіологическія и біологическія. Что такое представляетъ собою чувство съ точки зрѣнія психологической, является вопросомъ весьма спорнымъ. Здѣсь мы, прежде всего, встрѣчаемся съ мнѣніемъ Herbart'а и его послѣдователей, отрицающихъ существованіе чувства, какъ особаго основного класса психическихъ явленій, наряду съ ощущеніями и представленіями. Обыкновенно писатели этого направленія различаютъ чувство при аффектахъ отъ простого чувства, или чувственнаго тона. Первое, по ихъ мнѣнію, лишь извѣстное *отношеніе* или *состояніе представленій*; оно возникаетъ, когда въ сознаніи сталкиваются подавляющія или подкрѣпляющія другъ друга представленія; аффекты—говоритъ Herbart—суть положенія души, при которыхъ представленія значительно отклонены отъ ихъ состоянія равновѣсія; а именно, или бо́льшее количество процесса представленія (Vorstellens) внесено въ сознаніе, чѣмъ въ немъ можетъ быть, или бо́льшее вытѣснено, чѣмъ должно было бы быть, судя по свойству представленій; такое введеніе и вытѣсненіе въ сознаніи совершается не особой силой, а тѣмъ, что одни представленія освобождаютъ или вытѣсняютъ другія; чувство есть сила давленія представленій въ одномъ или противоположномъ направленіи съ другимъ [1]). По мнѣнію Nahlowski, чувство при аффектѣ есть не что иное, какъ подавленіе или повышеніе представленій, или по выраженію Pokorny (стр. 126—128), состояніе напряженія, въ которомъ находятся представленія, вслѣдствіе взаимоотношеній ихъ съ другими, противными или содѣйствующими имъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣтъ стеченія или конфликта представленій, какъ это бываетъ, напримѣръ, при простыхъ ощущеніяхъ, чувство разсматривается, просто какъ свойство ощущенія, его тонъ. При этомъ одни считаютъ чувственный тонъ простымъ явленіемъ, другіе же и здѣсь усматриваютъ слож-

---

[1]) *Joh. Fr. Herharts* Schriften zur Psychologie, II. Th. Psychologie als Wissenschaft, Leipzig, 1850, стр. 99—100.

ность. Вообще можно думать — говоритъ Pokorny — что тонъ ощущенія, подобно чувству, проистекаетъ изъ взаимодѣйствія многихъ элементовъ; только вслѣдствіе неразрывной связи тона и содержанія полагаютъ необходимымъ считать ощущеніе простымъ явленіемъ, а указанные элементы — данными лишь тѣлесно; но самъ авторъ склоняется къ возможности допущенія сложности не только тѣлесныхъ элементовъ, образующихъ чувство, но и самого ощущенія (250). Того же мнѣнія придерживается цитируемый авторомъ Zimmermann[1]); онъ объясняетъ чувственный тонъ, аналогично чувству, и признаетъ сложность простыхъ ощущеній. Запахъ, говоритъ Flügel, можетъ быть сперва пріятнымъ, а затѣмъ становится непріятнымъ; это доказываетъ, что въ чувствѣ, сопровождающемъ ощущеніе, есть нѣчто постоянное и нѣчто измѣняющееся; откуда слѣдуетъ, что чувство и въ этомъ случаѣ сложно (стр. 357). Kraus идетъ еще дальше и совершенно отрицаетъ разницу между чувственнымъ тономъ и сложнымъ чувствомъ, сводя и то, и другое къ ощущенію; по его мнѣнію, чувство при аффектѣ отличается отъ простого чувства лишь по степени; всякое вообще душевное движеніе есть ощущеніе; болѣе сильное ощущеніе есть чувство (стр. 159—160).

Иного мнѣнія держится Wundt[2]) (въ Физіол. Психол.); онъ считаетъ чувство лишь *свойствомъ ощущенія*. Въ каждомъ ощущеніи—говоритъ Wundt—рядомъ съ интенсивностью и качествомъ, мы встрѣчаемъ третій болѣе или менѣе ясно выраженный элементъ—чувственный тонъ или чувство; чувство колеблется между двумя противоположностями—удовольствіемъ и страданіемъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга точкой безразличія. Благодаря послѣднему обстоятельству есть ощущенія, не сопровождаемыя чувственнымъ тономъ; въ другихъ ощущеніяхъ чувственный тонъ бываетъ столь силенъ, что отодвигаетъ на задній планъ остальныя свойства. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ ощущеніе въ узкомъ смыслѣ слова, во второмъ—мы

---

[1]) Allgemeine Aesthetik als Formwissenschaft, Wien, 1865, стр. 261, 268.

[2]) *W. Wundt*, Grundzüge der Physiologischer Psychologie, II aufl., I B., 1880.

говоримъ о чувствахъ, принимая часть за цѣлое (465). Чувственный тонъ зависитъ не только отъ природы самаго ощущенія, подобно другимъ его свойствамъ, но также и отъ состоянія остального сознанія и можетъ быть разсматриваемъ, какъ способъ реакціи апперцепціи на возбужденіе (492). Поэтому чувственный тонъ возникаетъ лишь постолько, посколько мы апперципируемъ ощущенія, и можетъ быть разсматриваемъ, какъ субъективная или психологическая сторона того центральнаго процесса, который долженъ присоединиться къ процессу центральнаго возбужденія отъ ощущенія, когда сознаніе направляется на ощущеніе (493—494). Точно также Sergi опредѣляетъ чувство, какъ тональность ощущенія, аффективную его сторону (305).

Третье мнѣніе видитъ въ чувствѣ такое же *ощущеніе*, какъ и всѣ прочія ощущенія, и точно также отличающееся отъ другихъ ощущеній по качеству, какъ и эти послѣднія отличаются другъ отъ друга. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, Nichols, (The origin of Pleasure and Pain), утверждающій, что удовольствіе и страданіе суть два независимыя другъ отъ друга и отъ прочихъ ощущенія, имѣющія, подобно другимъ ощущеніямъ свои специфическіе нервы; то обстоятельство, что эти состоянія сопровождаютъ другія ощущенія, объясняется тѣмъ, что нервы удовольствія и страданія переплетаются съ чувствительными нервами другихъ ощущеній; біологическая задача этихъ спеціальныхъ ощущеній и нервовъ состоитъ въ томъ, чтобы реагировать на полезныя и вредныя вліянія.

Наконецъ, четвертое мнѣніе считаетъ чувство *самостоятельнымъ, специфическимъ и несводимымъ къ другимъ психическимъ состояніямъ классомъ явленій.* Такого мнѣнія держатся Wundt (въ Психологіи), Külpe [1]), Jodl [2]), H. Rutgerst Marshall [3]) и многіе другіе. Тому факту—говоритъ Wundt—что въ психологическомъ опытѣ содержится два фактора, содержаніе внѣшняго

---

[1]) Zur Theorie etc., стр. 445—446 и Grundriss der Psychologie, Leipzig, 1893, стр. 233—236.

[2]) Fr. Jold, Lehrbuch der Psychologie, Stuttgart, 1896, стр. 129.

[3]) The physical Basis etc., стр. 340, 353.

опыта и субъектъ, отвѣчаютъ два рода психическихъ элементовъ, являющіеся результатомъ психологическаго анализа. Элементы объективнаго содержанія опыта мы называемъ ощущеніями; субъективные элементы—простыми чувствами. Ощущенія представляютъ разницу по качеству и интенсивности. Всякому различію ощущенія по качеству и интенсивности отвѣчаетъ параллельное измѣненіе чувства. Тѣмъ не менѣе чувственный тонъ нельзя считать третьимъ опредѣляющимъ моментомъ ощущенія, аналогично съ качествомъ и интенсивностью, по слѣдующимъ соображеніямъ. Съ измѣненіемъ интенсивности ощущенія, чувственный тонъ мѣняется не только въ отношеніи интенсивности, но и качественно; съ измѣненіемъ же качества ощущенія, чувственный тонъ мѣняется не только качественно, но и въ своей интенсивности (слѣдуютъ примѣры). Такимъ образомъ чувство, хотя и сопровождаетъ ощущеніе, тѣмъ не менѣе представляетъ собою такой же основной элементъ, какъ и ощущеніе [1]).

Еще болѣе разногласій вызываетъ вопросъ о *физіологической* природѣ чувства. Здѣсь, прежде всего, можно упомянуть о мнѣніи, утверждающемъ, что для чувства существуютъ особые нервные пути съ спеціальными концевыми чувствительными аппаратами. Въ доказательство существованія особыхъ путей, проводящихъ чувство отъ периферіи къ центру, ссылаются на явленія аналгіи, состоящей въ потерѣ способности испытывать боль, при полномъ или частичномъ сохраненіи чувства осязанія, какъ это имѣетъ мѣсто при хлороформированіи, нѣкоторыхъ болѣзняхъ спинного мозга, тяжелой истеріи и въ другихъ случаяхъ, и на обратное явленіе гипералгіи, когда сохраняется способность испытывать боль съ потерей или ослабленіемъ ощущеній осязанія [2]). Goldscheider'у часто приписывается открытіе экспериментальнымъ путемъ существованія концевыхъ чувствительныхъ аппаратовъ для воспріятія, по крайней мѣрѣ, чувства боли; а именно указываютъ, что онъ нашелъ т. н. болевыя точки, раздраженіе которыхъ вызываетъ ощущеніе боли,

---

[1]) Grundriss der Psychologie, Leipzig, 1896, §§ 5, 7 и стр. 34—35, 91—92.

[2]) Külpe, Zur Theorie etc., стр. 449—463.

тогда какъ раздраженіе въ промежуткахъ между такими точками подобнаго результата не даетъ. Въ послѣднее время существованіе особыхъ чувственныхъ нервовъ съ специфическими концевыми аппаратами обстоятельно и убѣжденно защищаетъ Oppenheimer [1]). Эта физіологическая теорія отвѣчаетъ въ психологіи той, которая признаетъ чувство специфическимъ видомъ ощущеній, и, подобно тому, какъ послѣдняя въ психологіи, такъ эта теорія въ физіологіи до сихъ поръ не пользуются особеннымъ успѣхомъ. Большинство изслѣдователей предпочитаетъ искать основу чувства въ тѣхъ или другихъ условіяхъ физіологическаго теченія интеллектуальныхъ процессовъ. Здѣсь различные взгляды можно разбить на три группы: одни видятъ условія чувства въ свойствахъ внѣшняго раздраженія, другіе—въ свойствахъ органическаго процесса, третьи—въ соотношеніи этихъ двухъ моментовъ.

Первое ученіе, въ настоящее время, по-видимому, вполнѣ оставленное, ставитъ чувство въ зависимость отъ силы раздраженія и утверждаетъ, что раздраженія средней силы вызываютъ удовольствіе, тогда какъ раздраженія слишкомъ сильныя или слишкомъ слабыя возбуждаютъ чувство страданія. Такъ, напримѣръ, объясняетъ происхожденіе чувства Morell [2]), отчасти Grant Allen [3]).

Ко второй группѣ могутъ быть отнесены весьма многіе авторы. По мнѣнію Ribot (стр. 59) чувство есть выраженіе соотношенія между созидательными и разрушительными функціями организма; когда тѣ и другія уравновѣшиваютъ другъ друга, мы имѣемъ нейтральное состояніе, отвѣчающее въ психологіи состоянію безразличія: если въ слѣдующій моментъ получаютъ преобладаніе функціи разрушительныя, излишекъ ихъ отражается въ сознаніи, какъ состояніе страданія; если, наоборотъ, преобладаютъ функціи созидательныя, возникающая въ ихъ пользу разница отвѣчаетъ чувству удовольствія. Къ подобному же соотношенію силъ сводитъ чувство и Dumont (стр. 117—118, 144, 145—146). Удовольствіе, по его мнѣнію, есть прира-

---

[1]) Physiologie des Gefühls, 1899.

[2]) См. Cesca, стр. 156.

[3]) См. Lehmann, стр. 147.

щеніе, страданіе—уменьшеніе силъ, составляющихъ нашу личность; приращеніе силъ дается либо возстановительной функціей питанія, либо новымъ возбужденіемъ, уменьшеніе вызывается расходованіемъ при дѣятельности; повышеніе или пониженіе общей суммы силы въ самосознающей индивидуальности выражается, какъ чувство. Организмъ ежеминутно теряетъ безчисленное количество элементарныхъ силъ; вслѣдствіе этого ежеминутно для него возникала бы соотвѣтствующая сумма страданія, если бы въ тоже время организмъ не получалъ столь же безчисленное множество элементарныхъ силъ путемъ питанія и новыхъ возбужденій. Это послѣднее накопленіе силъ производитъ извѣстную сумму удовольствія, которое сливается съ чувствомъ страданія. Равныя количества страданія и удовольствія взаимно компенсируются и нейтрализуютъ другъ друга; въ этомъ случаѣ получается состояніе безразличія; если потеря силъ превосходитъ ихъ приходъ, возникаетъ страданіе, въ обратномъ случаѣ—удовольствіе. Нарушеніе равновѣсія можетъ происходить отъ того, что при одинаковомъ приходѣ, расходуется болѣе силъ путемъ дѣятельности, такъ и обратно, отъ того, что, при данномъ расходѣ, доставляется меньше силъ путемъ питанія или новаго возбужденія. Но если накопленіе силъ и создаетъ чувство удовольствія, то, однако, только до извѣстнаго предѣла, а именно, до тѣхъ поръ, пока накопленіе силъ не увеличивается на столько, что уничтожаетъ связь между этими силами (стр. 82). Теоріи Ribot и Dumont'a по существу сходны другъ съ другомъ, такъ какъ приращеніе энергіи есть, очевидно, не что иное, какъ конструктивная функція Ribot, а послѣдняя, въ свою очередь, можетъ быть сведена именно къ излишку прихода надъ расходомъ энергіи. Обѣ теоріи представляютъ собою физіологическій коррелатъ Herbart'овскаго ученія въ психологіи. Въ особенности ясно это соотвѣтствіе выражено въ теоріи Dumont'a. Чувство сводится здѣсь не къ какому-либо физіологическому процессу самому по себѣ и не къ какому-либо свойству процесса, а къ соотношенію между различными процессами внутри организма, которое выражается въ томъ, что одни процессы стремятся повысить сумму энергіи, другіе понизить ее, причемъ всѣ процессы, повышающіе энергію, сливаются и образуютъ чувство удовольствія, понижающіе—образу-

ютъ чувство страданія; такимъ образомъ чувство возникаетъ изъ своего рода физіологическаго Steigerung и Hemmung.

Уже въ теоріи Dumont'а мы видимъ сведеніе чувства къ условіямъ питанія; многіе изслѣдователи видятъ въ этомъ послѣднемъ моментѣ исключительное условіе возникновенія чувства; этого рода ученія весьма распространены и могутъ считаться господствующими. Но мнѣнію Külpe [1]), въ каждомъ чувствительномъ нервѣ, кромѣ физіологическаго процесса, соотвѣтствующаго качеству и силѣ ощущенія, происходитъ еще особый трофическій процессъ; процессы эти для разныхъ чувствительныхъ нервовъ различны по качеству, и это качественное различіе аналогично качественнымъ различіямъ специфическихъ функцій каждаго нерва. Но для всѣхъ трофическихъ функцій нервовъ имѣетъ мѣсто извѣстное отношеніе расхода ткани къ ея возстановленію; первый можетъ быть больше, равенъ и меньше послѣдняго. Эти то различія и соотвѣтствуютъ различіямъ страданія, индифферентнаго состоянія и удовольствія. Успѣшный ходъ трофической функціи вызываетъ чувство удовольствія, нарушеніе ея—чувство страданія. Въ психологическомъ отношеніи эта теорія отчасти отвѣчаетъ психологической теоріи Wundt'а; подобно послѣдней, она допускаетъ качественное различіе физіологическихъ процессовъ чувства, считаетъ трофическую функцію извѣстной стороной физіологическаго процесса ощущенія. Существенная разница состоитъ однако въ томъ, что Külpe считаетъ основой чувства физіологическій процессъ центростремительнаго нервнаго пути, тогда какъ психологическая теорія Wundt'а относитъ чувство къ центральнымъ физіологическимъ процессамъ апперцепціи.

Къ функціямъ питанія относитъ чувство и Lehmann (стр. 155—156). Удовольствіе—говоритъ онъ—есть психическое слѣдствіе того, что органъ во время своей работы потребляетъ не больше энергіи, чѣмъ можетъ быть возстановлено дѣятельностью питанія; страданіе же есть психическое слѣдствіе всякаго несоотвѣтствія между потребленіемъ и питаніемъ, причемъ это несоотвѣтствіе возникаетъ какъ въ томъ случаѣ, когда потребленіе превышаетъ доставляемое количество энергіи, такъ

[1]) Zur Theorie etc., стр. 64—70.

и въ томъ, когда послѣднее, вслѣдствіе бездѣятельности органа, переходитъ максимальную границу того, что можетъ принять органъ.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ теоріи выводили чувство либо изъ свойствъ раздраженія, либо изъ свойствъ внутренняго процесса. Слѣдующія теоріи объясняютъ чувство изъ соотношенія обоихъ моментовъ. Онѣ имѣютъ также много представителей [1]). При этомъ одни выдвигаютъ на первый планъ въ этомъ соотношеніи либо внѣшній, либо внутренній факторъ, другіе останавливаютъ вниманіе на самомъ фактѣ приспособленіи внутреннихъ процессовъ къ внѣшнимъ вліяніямъ; въ первомъ случаѣ чувство разсматривается или какъ соотвѣтствіе внѣшняго раздраженія съ условіями органическаго процесса, или какъ соотвѣтствіе возбужденія съ нѣкоторой средней нормой; во-второмъ случаѣ физіологическія теоріи болѣе или менѣе приближаются къ біологической точкѣ зрѣнія. Представителемъ теоріи, которая сводитъ чувство къ моменту питанія и въ то же время принимаетъ во вниманіе соотвѣтствіе внѣшнихъ и внутреннихъ процессовъ является H. R. Marshall [2]). Явленія удовольствія и страданія онъ считаетъ обусловленными состояніемъ питанія органовъ, дѣйствіе которыхъ сопровождаетъ состоянія сознанія. Всякому органу теоретически присуща способность дѣйствія, какъ разъ точно равная тому, сколько требуется дѣйствующимъ на него раздраженіемъ (стр. 482). Дѣйствительная реакція органа можетъ не совпадать съ этой нормальной способностью. Удовольствіе мы испытываемъ тогда, когда реакція органа больше, когда она состоитъ въ расходованіи запасной энергіи, въ превращеніи потенціальной энергіи въ актуальную, или иными словами, когда энергія реакціи больше энергіи раздраженія; страданіе испытывается въ обратномъ случаѣ: когда физическій процессъ находится въ такомъ отношеніи къ питательному запасу, что энергія реакціи меньше энергіи раздраженія.

Sergi (стр. 308—309) стоитъ на точкѣ зрѣнія, примыкающей къ біологическому объясненію чувства. Согласно этому автору, чувство есть состояніе сознанія, соотвѣтствующее согласъ-

[1]) См. Cesca, стр. 155 и сл.

[2]) The physical Basis etc. стр. 346—348.

ному и несогласному дѣйствію внѣшней силы и внутренней реакціи. Состояніе страданія есть состояніе сознанія, свидѣтельствующее объ отсутствіи приспособленія организма къ внѣшнему дѣйствію, о томъ, что внѣшняя сила раздраженія дѣйствуетъ несогласно съ силой возбужденія организма, что акція побѣждаетъ, уничтожаетъ реакцію, слѣдовательно, реагирующая сила пропадаетъ напрасно, внѣшняя акція дѣйствуетъ деструктивно. Напротивъ, удовольствіе есть состояніе сознанія, свидѣтельствующее о томъ, что реакція, благодаря существующему приспособленію, присоединяется къ акціи раздраженія и, вслѣдствіе синэргіи, жизнедѣятельность возрастаетъ, сила реакціи не пропадаетъ безрезультатно. Наконецъ, состояніе безразличія есть среднее состояніе сознанія, свидѣтельствующее о полномъ приспособленіи организма къ раздраженію постоянной и неизмѣнной силы (стр. 312—313).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ оригинальной попыткѣ Münsterberg'a [1]) установить экспериментально связь между чувствомъ и движеніемъ, какъ его причиной.

Задавшись цѣлью провести на память и безъ помощи зрѣнія линію опредѣленной величины въ направленіи къ тѣлу и отъ тѣла, для чего въ первомъ случаѣ необходимо было сгибательное и во второмъ разгибательное движеніе руки, Münsterberg нашелъ, что уклоненія отъ задуманной величины въ одну и другую сторону располагаются правильно въ соотвѣтствіи съ состояніемъ его чувствъ во время опыта: при состояніяхъ страданія движенія расгибанія оказывались слишкомъ малыми, сравнительно съ заданной величиной, а движенія сгибанія слишкомъ большими, и обратно, при состояніяхъ удовольствія, движенія сгибанія оказывались малыми, а расгибанія большими. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, въ состояніи страданія существуетъ сильная тенденція къ сгибанію, усиливающая сгибательныя движенія и ослабляющая разгибательныя, въ состояніи удовольствія имѣетъ мѣсто обратная тенденція. Иначе говоря, антагонизмъ удовольствія и страданія сводится къ противоположности расгибанія и сгибанія. Этотъ фактъ вполнѣ понятенъ съ біологической точки зрѣнія; антагонизмъ между сги-

[1]) Beiträge etc.

баніемъ и расгибаніемъ сводится къ противоположности между приближеніемъ къ внѣшнему раздраженію и удаленіемъ отъ него, и весьма понятно, что путемъ филогенетическаго развитія могъ и долженъ былъ возникнуть именно такой рефлекторный аппаратъ, который на полезныя, возбуждающія удовольствіе раздраженія отвѣчалъ бы приближеніемъ, а на вредныя, вызывающія страданіе—удаленіемъ. Возникаетъ лишь вопросъ: въ этомъ соотвѣтствіи чувствъ съ движеніями, что является причиной и что слѣдствіемъ? По мнѣнію Münsterberg'a, къ данному случаю возможно примѣнить тотъ способъ объясненія, какой James и Lange примѣняютъ вообще къ аффектамъ: если психическая сторона аффектовъ вообще есть результатъ рефлекторно вызываемыхъ периферическихъ процессовъ, то и по отношенію къ простымъ чувствамъ должно утверждать, что сгибаніе и расгибаніе вызвано не психическими состояніями чувства, а обратно, рефлекторно вызываемыя сгибаніе и расгибаніе суть причина страданія и удовольствія.

Присоединеніе къ ощущеніямъ психическихъ состояній, составляющихъ слѣдствіе сгибательныхъ и расгибательныхъ движеній, составляетъ то, что мы называемъ чувственнымъ тономъ ощущеній. Благопріятное раздраженіе вызываетъ рефлекторное расгибательное движеніе, вредное—движеніе сгибанія; эти движенія вызываютъ центростремительныя ощущенія, которыя, присоединяясь къ представленію, вызванному раздраженіемъ, сообщаетъ ему характеръ удовольствія или страданія. Ощущенія, возникающія вслѣдствіе сгибанія и расгибанія мускуловъ, могутъ соединяться съ зрительными, осязательными и другими ощущеніями и образовать представленіе о мышечномъ движеніи, которое локализируется въ соотвѣтствующемъ органѣ; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ просто ощущеніе, или вѣрнѣе, представленіе о мускульномъ движеніи (стр. 232, 230—231); такое представленіе не составляетъ ни удовольствія, ни страданія, а есть такое же состояніе, какъ всякое другое ощущеніе или представленіе, т. е. само по себѣ оно индифферентно. Но если мускульное ощущеніе не воспринимается, какъ мускульное, теряетъ свою психическую самостоятельность, не локализируется въ опредѣленномъ органѣ, но входитъ, какъ элементъ, въ другіе психическіе комплексы, оно является общей мѣрой, масштабомъ оцѣнки всѣхъ другихъ состояній; при

этомъ двигательныя ощущенія обусловливаютъ опредѣленіе пространственнаго соотношенія ощущеній, ощущенія мускульнаго напряженія — степень интенсивности, а ощущенія сгибанія и разгибанія — чувство страданія и удовольствія (стр. 236; ср. по этому поводу ниже объ измѣреніи психическихъ состояній).

Біологическая точка зрѣнія разсматриваетъ чувства, какъ цѣлесообразное приспособленіе, возникшее на почвѣ филогенетическаго развитія. Что удовольствіе должно соотвѣтствовать тому, что полезно для организма, а страданіе тому, что вредно — явствуетъ уже a priori; ибо если бы было обратно, организмы, стремясь къ удовольствію и избѣгая страданій, должны были бы погибнуть. Эту мысль проводитъ и доказываетъ H. Spencer [1]). Нѣкоторыя несоотвѣтствія онъ объясняетъ измѣняющимися условіями среды, къ которой удовольствія и страданія не успѣли еще приспособиться. Сущность же полезнаго, составляющаго коррелативъ удовольствія, авторъ усматриваетъ въ нормальной мѣрѣ функціонированія организма, сущность вреднаго, соотвѣтствующаго чувству страданія (положительнаго или отрицательнаго) — въ чрезмѣрномъ или недостаточномъ функціонированіи.

Такой же взглядъ развиваетъ Schneider [2]). Удовольствія и и страданія служатъ къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ процессъ поддержанія существованія вида при болѣе трудныхъ условіяхъ. Они созданы не для того, чтобы человѣкъ наслаждался или страдалъ ради наслажденія или страданія, самихъ по себѣ, но развились необходимымъ образомъ, какъ всякій цѣлесообразный и полезный органъ, и имѣютъ полезное и цѣлесообразное назначеніе. Они защищаютъ человѣческій родъ отъ враждебныхъ элементовъ и побуждаютъ его къ самосохраненію и поддержанію вида. Посредствомъ удовольствій и страданій, посредствомъ чувствъ и сознанія вообще, человѣкъ узнаетъ, какія вліянія полезны для поддержанія вида и какія вредны. Чувства суть непосредственное выраженіе, непосредственное слѣдствіе пассив-

---

[1]) *H. Spencer*, Die Principien der Ethik, autorisirte deutsche Ausgabe, Stuttgart, 1879—1894, B. 1, c. *VI*, §§ 34, 40 и Die Principien der Psychologie, Autorisirte deutsche Ausgabe, B. 1, 1882, c. *IX*, § 122—128.

[2]) Freud etc. (по вопросу о пріоритетѣ см. стр. 22).

ныхъ споспѣшествованій и вреда, и они образуютъ причину активнаго увеличенія и повышенія жизнедѣятельоости (стр. 17). Подобно тому, какъ инстинктивныя дѣйствія неизбѣжно опредѣляются уже испытанными или испытываемыми чувствами удовольствія или страданія на почвѣ унаслѣдованной организаціи, такъ цѣлесообразно-сознательное и разумное хотѣніе направляется представляемыми удовольствіями и страданіями и при нормальныхъ отношеніяхъ направляется правильно (стр. 18). Въ отличіе отъ H. Spencer'a, авторъ указываетъ на относительный характеръ удовольствія и страданія; послѣдній обусловливается тѣмъ, что мы вообще въ состояніи воспринимать и чувствовать только различія — послѣдовательныя или одновременныя — состояній, поэтому и удовольствіе становится доступнымъ сознанію лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно представляетъ собою поступательное споспѣшествованіе, т. е. измѣненіе къ лучшему, или дается и познается, какъ разница къ лучшему между единовременными состояніями; страданіе же испытывается при обратныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ удовольствіе становится доступнымъ сознанію только благодаря отсутствію его или страданію, а страданіе, благодаря отсутствію страданія и удовольствію (стр. 22). Отсюда слѣдуетъ, что преходящія страданія представляютъ извѣстную цѣнность для удовольствія и его интенсивности, такъ какъ, благодаря имъ, удовольствіе становится доступнымъ сознанію или увеличивается въ интенсивности. Съ другой стороны, человѣческій организмъ неспособенъ наслаждаться непрерывно только удовольствіемъ и преходящее отсутствіе такового, даже больше — преходящія страданія составляютъ для него потребность, въ силу унаслѣдованнаго предрасположенія. Состояніе непрерывнаго удовольствія, еслибы таковое было вообще возможно, противорѣчило бы унаслѣдованной организаціи и состоянію существующаго приспособленія (стр. 23, 129). Всѣ чувства имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ самосохраненію или сохраненію вида. Они преслѣдуютъ цѣли либо питанія, либо защиты тѣла, либо размноженія, либо поддержанія жизни потомства и рода. Чувства, которыя не имѣли бы отношенія къ самосохраненію и поддержанію вида, намъ и непзвѣстны и немыслимы (27). Цѣлесообразное соотношеніе между поврежденіемъ тѣла, т. е. нарушеніемъ жизненнаго процесса, и чувствомъ страданія

имѣетъ своей причиной то обстоятельство, что только животные организмы съ такимъ именно соотношеніемъ и могутъ существовать и развиваться, тогда какъ всѣ другіе раньше или позже должны погибнуть (стр. 34). Но такого рода соотношеніе возникаетъ лишь постолько, посколько оно является цѣлесообразнымъ для поддержанія существованія особи или вида, иначе говоря, посколько оно вытекаетъ изъ закона развитія организмовъ (стр. 38). Этимъ объясняется, напримѣръ, почему опасныя поврежденія внутреннихъ органовъ бываютъ нерѣдко безболѣзненны: если поврежденіе организма настолько велико, что доходитъ до внутреннихъ органовъ, то результатомъ этого обыкновенно бываетъ смерть, и движенія для защиты отъ такого поврежденія въ большинствѣ случаевъ были бы безцѣльны; поэтому соотношеніе между подобнымъ поврежденіемъ и чувствомъ страданія и не возникаетъ, какъ безцѣльное; да и сверхъ того, если бы оно въ данномъ индивидѣ возникло, оно не могло бы перейти въ наслѣдственное предрасположеніе, вслѣдствіе обыкновенно наступающей смерти индивида отъ поврежденія (стр. 35—37).

Приведенный очеркъ ученій о чувствѣ далеко не исчерпываетъ всѣхъ мнѣній; большинство ихъ представляетъ собою однако лишь иную формулировку того или другого изъ приведенныхъ взглядовъ, или иную комбинацію моментовъ, указанныхъ въ изложенныхъ теоріяхъ. Многія теоріи, далѣе, либо вовсе не обоснованы, въ родѣ теоріи Bourdan'a (La sensation du plaisir) [2]), утверждающаго, что удовольствіе состоитъ изъ легкихъ ощущеній осязанія (щекотанія); либо слишкомъ спекулятивны, какъ, напримѣръ, теорія, сводящая удовольствіе и страданіе къ познанію совершенства или несовершенства объектовъ или субъекта [1]). Во всякомъ случаѣ и приведенный обзоръ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ,

---

[2]) Напримѣръ: «Voluptas et taedium ortum trahunt a perceptione confusa perfectionis et imperfectionis. Oriuntur enim voluptas et taedium extemplo, dum perfectionem aliquam vel imperfectionem in re concepta intuemur» (Wolf), или: «tota nostra voluptas posita est tantum in perfectionis alicujus nostrae conscientia» (Descartes), см. Dumont, op. cit., стр. 43 и 52, а также соотвѣтствующую литературу у Н. Грота, Психологія чувствованій, С.Пбргъ, 1879—1880.

[2]) Revue philosoph., 1893, стр. 225—237.

что вопросъ о чувствѣ споренъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и что во многихъ случаяхъ рѣшеніе можетъ представлять собою лишь наиболѣе вѣроятное изъ возможныхъ предположеній.

Съ психологической точки зрѣнія, прежде всего, недоказаннымъ является предположеніе о томъ, что чувство есть сложное явленіе, сводимое къ элементамъ представленій или ощущеній. Неоднократно указываемый недостатокъ ученія послѣдователей Herbart'a состоитъ въ томъ, что они исходятъ изъ анализа болѣе сложныхъ чувственныхъ состояній — аффектовъ—и затѣмъ либо оказываются въ невозможности примѣнить свое объясненіе къ простымъ чувствамъ, либо должны допускать и въ послѣднемъ случаѣ наличность нѣкотораго сложнаго комплекса, аналогичнаго аффекту. Въ первомъ случаѣ приходится признать существованіе «чувственнаго тона», не сводимаго къ интеллектуальнымъ моментамъ; но въ такомъ случаѣ, очевидно, что онъ долженъ играть извѣстную роль и въ сложномъ комплексѣ аффектовъ, и тогда естественно возникаетъ вопросъ, не проще ли отнести эмоціональную сторону аффектовъ именно на счетъ этого чувственнаго элемента? Независимо отъ того или другого рѣшенія этого вопроса, ясно, что чувство при аффектѣ не сводится уже къ простому интеллектуальному отношенію представленій, разъ каждое изъ послѣднихъ можетъ быть и бываетъ снабжено чувственнымъ тономъ. Во второмъ случаѣ, если распространить по аналогіи объясненіе чувства при аффектахъ на случаи чувственнаго тона, приходится допустить психическую сложность всѣхъ ощущеній, сопровождаемыхъ чувствомъ и разсматривать ихъ, какъ комплексъ нѣкоторыхъ элементарныхъ гипотетическихъ состояній, существованіе которыхъ не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ психологическомъ опытѣ. Но если даже и допустить всѣ эти предположенія, то и тогда ученіе Herbart'a не даетъ объясненія самой природы чувства, а лишь указываетъ условія, при которыхъ послѣднее возникаетъ; въ самомъ дѣлѣ, чисто интеллектуальное отношеніе двухъ представленій остается только интеллектуальнымъ отношеніемъ и, само по себѣ, не составляетъ чувства; оно можетъ быть основой, условіемъ, причиной чувства, но послѣднее испытывается всегда, какъ нѣчто отличное отъ отношенія представленій, какъ нѣкоторая реакція сознанія или личности на это отношеніе или нѣчто другое.

Далѣе, мы не можемъ разсматривать чувство, какъ третій признакъ ощущенія, на ряду съ качествомъ и интенсивностью. Многіе отвергаютъ эту точку зрѣнія, ссылаясь на существованіе чувствъ, не сопровождаемыхъ ощущеніями (т. н. внутреннее чувство); подобное возраженіе имѣло бы рѣшающее значеніе, если бы существованіе чистаго чувства могло быть безспорно доказано; однако послѣднее весьма сомнительно. Тѣмъ не менѣе и, помимо этого доказательства, имѣется достаточно данныхъ отвергать связь чувства съ ощущеніемъ, въ видѣ его свойства. Основное свойство ощущенія состоитъ въ томъ, что оно дано намъ, какъ соотвѣтствующее нѣкоторому внѣшнему объекту; вмѣстѣ съ проекціей ощущенія проецируются и признаки его—качество и интенсивность; въ противоположность этому, чувственный тонъ остается субъективнымъ состояніемъ и не проецируется вмѣстѣ съ другими элементами ощущенія. Далѣе, чувственный тонъ обусловливается не свойствомъ раздраженія и не однимъ только процессомъ теченія ощущенія, но и зависитъ отъ состоянія остальнаго сознанія. При такихъ условіяхъ приписывать чувство, какъ признакъ, самому процессу ощущенія, очевидно, нѣтъ основанія. Къ этому присоединяются и многія другія возраженія [1]).

Равнымъ образомъ неосновательно разсматривать чувство, какъ самостоятельное ощущеніе. Подобнаго рода взглядъ основанъ, съ одной стороны, на смѣшеніи чувственныхъ элементовъ съ ощущеніями въ томъ, главнымъ образомъ, состояніи, которое мы называемъ болью, и, съ другой стороны, на отрицаніи существованія ощущеній отъ внутреннихъ органовъ. Что касается боли, то въ ней должно различать качественно окрашенное ощущеніе, которое проецируется въ тотъ или другой органъ, и не проецируемое субъективное страданіе, сопровождающее воспріятіе этого болеваго ощущенія. Въ крайнемъ случаѣ, если бы мы даже признали локализированное болевое ощущеніе чувствомъ (что, повидимому, невѣрно), то и тогда остается нелокализированное страданіе, которое есть нѣчто, совершенно отличное отъ ощущенія; если болитъ рана, то страдаетъ не рана, а Я. Что же касается внутренняго, т. н. общаго чувства, то, какъ справедливо замѣчаетъ Lipps и доказываетъ

[1]) См. Höfler, Psychologie, 1897, стр. 394—395; Th. Lipps, Bemerkungen etc., стр. 160.

Lehmann, нѣтъ никакихъ основаній отрицать существованіе въ немъ своеобразныхъ внутреннихъ ощущеній, только сопровождаемыхъ чувственными тонами. Вообще чувство всегда имѣетъ содержаніе, къ которому относится, а это содержаніе можетъ быть дано только интеллектуальнымъ процессомъ; такимъ образомъ чувство всегда и необходимо связано съ воспріятіемъ или представленіемъ. Т. н. безпредметныя чувства безпредметны только съ нормальной точки зрѣнія наблюдателя: они относятся къ такимъ ощущеніямъ, воспріятіямъ, представленіямъ, которыя нормально не должны были бы вызывать или сопровождаться чувствомъ, или, если можно такъ сказать, сами по себѣ, не даютъ къ тому повода; тѣмъ не менѣе чувство все таки дѣлаетъ именно ихъ своимъ объектомъ и слѣдовательно все таки имѣетъ объектъ, хотя бы мы и считали послѣдній неподходящимъ съ той или другой точки зрѣнія [1]). Такимъ образомъ чувство, само по себѣ, не является въ чистомъ видѣ безъ сопровожденія интеллектуальнаго элемента; принимая же во вниманіе существенное отличіе его отъ ощущенія, состоящее въ томъ, что ощущеніе является проецированнымъ, а чувство не обладаетъ этимъ свойствомъ, мы не находимъ основаній считать чувство особымъ ощущеніемъ.

Остается теорія, которая разсматриваетъ чувство, какъ самостоятельную и основную категорію психическихъ явленій. Теорія эта ближе всего къ даннымъ непосредственнаго психологическаго опыта и не нуждается въ какихъ-либо вспомогательныхъ гипотетическихъ допущеніяхъ. Чувство мы испытываемъ, какъ нѣчто совершенно отличное отъ того, что дано намъ воспріятіемъ или представленіемъ; мы никогда не получаемъ его извнѣ уже проецированнымъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ воспріятіямъ и представленіямъ; оно всегда есть состояніе нашего Я; если оно и можетъ стать для насъ объектомъ, то не больше, чѣмъ можетъ стать таковымъ и наше Я, и не иначе, какъ только вмѣстѣ съ нимъ. Если такая объективація и происходитъ, это не есть объективація того чувства, которое непосредственно переживается въ данную минуту, а лишь объективація чувства, присущаго тому Я, которое разсматривается другимъ Я, Я прошедшаго или не на-

[1]) Höfler, op. c., стр. 412.

стоящаго. Я же каждаго даннаго момента всегда неразрывно связано съ своимъ чувствомъ того же момента, которое составляетъ лишь особое его состояніе.

Чувство, будучи испытываемо, какъ нѣчто само по себѣ, не можетъ быть сведено къ комплексу какихъ-либо другихъ состояній. Въ конкретномъ психическомъ состояніи мы можемъ находить постоянно сопутствующія чувству ощущенія, представленія, ихъ комплексы, но ни ощущенія, ни представленія, ни ихъ комплексъ или отношеніе не есть чувство; все это основа, поводъ, объектъ, къ которому мы относимъ чувство, но послѣднее не переживается нами, какъ состоящее изъ перечисленныхъ элементовъ. Такимъ образомъ мы считаемъ чувство основнымъ, первоначальнымъ классомъ психическихъ явленій, на ряду съ ощущеніемъ и волей, характеризуемымъ въ отличіе отъ перваго отсутствіемъ проицированія, въ отличіе отъ послѣдней—пассивностью при переживаніи.

Труднѣе прійти къ какому-либо положительному результату по поводу физіологическаго процесса, отвѣчающаго чувству. Доказательства существованія особыхъ центростремительныхъ нервовъ чувства съ особыми концевыми аппаратами не пользуются особымъ признаніемъ со стороны физіологовъ [1]).

Изслѣдованія Goldscheider'a [2]) вовсе не доказываютъ существованія особыхъ нервовъ, и самъ авторъ далекъ отъ такой мысли (стр. 87). Онъ нашелъ, что въ кожѣ существуютъ особые нервы для воспріятія ощущеній температуры, причемъ одни изъ нихъ даютъ лишь ощущенія тепла, другіе—холода; нервы эти, по его мнѣнію, никогда не даютъ болевыхъ ощущеній; кромѣ нихъ въ кожѣ существуютъ нервы, реагирующіе на самое легкое давленіе, не воспринимаемое вовсе въ промежуткахъ

---

[1]) См. Lehmann, op. c., стр. 34 и введеніе у Oppenheimer'a; критика Goldscheider'a у Lehmann'a, стр. 38 — 39; по поводу Oppenheimer'a см. критическій отзывъ *M. Offner'a* въ Vierteljahrsschr. f. wiss. Philos., 1901, H. 1, стр. 101—103.

[2]) *A. Goldscheider*, Neue Thatsachen über die Hautsinnesnerven, Supplement-Band Archiv'a für Anat. u. Phys. (Phys. Abth.), 1885, стр. 1—111.

между ними (Drucknerven), и нервы, дающіе при самомъ слабомъ раздраженіи замѣтное болевое ощущеніе (Schmerznerven). Однако какъ Druck-пункты не обладаютъ исключительной привилегіей давать ощущенія давленія, такъ Schmerz-пункты не обладаютъ привилегіей давать ощущенія боли. Съ усиленіемъ раздраженія и участки между Druk-пунктами даютъ осязательныя ощущенія, а при дальнѣйшемъ возрастаніи раздраженія всѣ указанные нервы вызываютъ болевыя ощущенія, съ разницею только въ характерѣ боли (стр. 88, 89). Такимъ образомъ, болевые нервы являются просто чувствительными нервами, которые въ своихъ концевыхъ аппаратахъ болѣе открыты внѣшнимъ раздраженіямъ, вслѣдствіе чего слабыя раздраженія производятъ въ нихъ такое возбужденіе, какъ въ другихъ болѣе сильные (стр. 91). Остается такимъ образомъ утвержденіе, будто температурные нервы нечувствительны къ болевымъ ощущеніямъ; но и это утвержденіе теряетъ всякое значеніе, если принять во вниманіе совершенно произвольное пониманіе авторомъ терминовъ страданія и боли [1]). Что же касается соображеній Oppenheimer'a, то, какъ неоднократно повторяетъ самъ авторъ, онѣ основаны на рядѣ гипотетическихъ предположеній и въ общемъ сводятся къ тому, что нѣкоторые концевые аппараты (свободныя окончанія нервовъ), функціи которыхъ пока неизвѣстны, могли бы быть приняты за спеціальные нервы чувства.

При столь неопредѣленномъ положеніи вопроса нѣтъ достаточныхъ данныхъ признавать существованіе специфическихъ нервовъ чувства. Что касается другихъ теорій, то изъ ихъ числа слѣдуетъ исключить всѣ тѣ, которыя не указываютъ опредѣленнаго физіологическаго процесса, соотвѣтствующаго

---

[1]) Такъ, Goldscheider говоритъ, что ощущенія температуры могутъ вызывать удовольствіе и неудовольствіе, теплота можетъ быть пріятна и непріятна, холодъ тоже; есть мѣста, гдѣ ничтожное раздраженіе точекъ холода крайне мучительно и вызываетъ рефлекторныя движенія; но все это, по его мнѣнію, только высокія степени ощущеній тепла и холода, а не настоящія страданія (19—20). Чѣмъ однако отличаются настоящія страданія отъ другихъ мучительныхъ состояній — неизвѣстно.

чувству. Таково, напримѣръ, ученіе Ribot; обозначеніе процессовъ терминами конструктивныхъ и деструктивныхъ нисколько не уясняетъ ихъ физіологической природы.

Такимъ же недостаткомъ опредѣленности страдаетъ объясненіе Sergi; его побѣда акціи надъ реакціей и синэргія той и другой представляютъ собою въ сущности фигуральныя выраженія; въ чемъ состоитъ физіологическій процессъ побѣжденной реакціи или реакціи, дѣйствующей вмѣстѣ съ раздражающимъ агентомъ, гдѣ происходитъ этотъ процессъ — все это остается непзвѣстнымъ. Столь же неопредѣленно и возрастаніе силъ личности Dumont'a, поскольку дѣло не сводится къ моменту питанія; равнымъ образомъ не можетъ быть коррелатомъ чувства измѣненіе отношенія прихода и расхода силъ, такъ какъ такое измѣненіе не есть какое-либо реальное событіе, а отношеніе двухъ событій и, въ качествѣ такового, можетъ быть лишь условіемъ, причиной какого-либо реальнаго явленія или процесса, въ которомъ уже можно искать физіологическую основу чувства. Одинъ лишь моментъ питанія сводитъ вопросъ на почву реальныхъ процессовъ.

Если ощущенію отвѣчаютъ химическіе процессы нервной ткани, то въ послѣднихъ должно быть не меньше моментовъ, чѣмъ сколько мы ихъ различаемъ въ психикѣ ощущенія. Въ ощущеніи мы находимъ качество, интенсивность процесса ощущенія, интенсивность самого ощущенія, и къ этому прибавляется чувство. Химическій процессъ нервной ткани при ощущеніи мы можемъ представить себѣ, какъ разложеніе сложныхъ менѣе устойчивыхъ соединеній на болѣе простыя и устойчивыя, съ освобожденіемъ при этомъ извѣстнаго количества энергіи. Такому разложенію подвергается не вся нервная ткань, а только часть ея, тогда какъ остающаяся часть посредствомъ функціи питанія усваиваетъ доставляемые ей кровью матеріалы, образуя, взамѣнъ разложившихся, вновь такія же сложныя соединенія. Такъ какъ качественныя различія ощущеній приписываются качественнымъ различіямъ нервной ткани (только концевыхъ аппаратовъ чувствительныхъ нервовъ, или же и самихъ нервовъ и соотвѣтствующихъ частей центральнаго нервнаго органа), то остается найти явленія, соотвѣтствующія остальнымъ моментамъ ощущенія. Очевидно, мы можемъ допустить, что, во-первыхъ, сообразно, съ характеромъ раздраженія, въ однихъ

случаяхъ можетъ быть вызванъ болѣе сильный процессъ разложенія, въ другихъ—менѣе сильный; если мы пріймемъ нѣкоторое количество освобождающейся энергіи за норму, то, смотря по силѣ раздраженія, количество освобождающейся энергіи можетъ быть меньше, равно и больше нормальнаго. Во-вторыхъ, въ самомъ работающемъ органѣ можетъ быть различный запасъ сложныхъ соединеній, подвергающихся разложенію при раздраженіи; если мы пріймемъ нѣкоторое количество скрытой энергіи, заключающейся въ такихъ соединеніяхъ, за норму, то въ нервной ткани можетъ быть запасъ скрытой энергіи меньшій, равный, бо́льшій сравнительно съ нормой. Каждый случай перваго ряда можетъ комбинироваться съ каждымъ случаемъ второго ряда. Всѣ эти случаи могутъ протекать при различномъ отношеніи къ моменту возстановленія: либо питательныхъ матеріаловъ доставляется или сложныхъ соединеній образуется болѣе, чѣмъ въ то же время разрушается при процессѣ дѣятельности; либо оба процесса уравновѣшиваются; либо, наконецъ, процессъ разложенія превышаетъ процессъ возстановленія. Само собой понятно, что химическое состояніе нервной ткани будетъ различно въ томъ случаѣ, когда она, такъ сказать, загромождена питательными матеріалами и запасомъ неустойчивыхъ соединеній, или обратно—продуктами ихъ разложенія, и въ томъ случаѣ, когда послѣдніе удаляются параллельно съ возобновленіемъ первыхъ. Сообразно съ этимъ, слѣдуетъ допустить, что и нервный процессъ разложенія и возстановленія долженъ протекать въ этихъ случаяхъ различно. Наконецъ, намъ неизвѣстно, можетъ ли процессъ разложенія совершаться только насчетъ опредѣленной части нервной ткани, или же, за израсходованіемъ этой части, онъ захватываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и нѣкоторую часть основной ткани, нормально не предназначенной для подобной функціи. Если допустить возможность такого предположенія, то мы получимъ еще одно условіе для различныхъ способовъ теченія нервнаго процесса. Всѣхъ указаныхъ условій болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы изъ нихъ и ихъ комбинацій можно было выбрать такія состоянія, которыя могли бы соотвѣтствовать какъ признаку интенсивности ощущенія, такъ и явленію чувства. Такъ напримѣръ, можно было бы думать, что интенсивность процесса ощущенія зависитъ отъ запаса потенціальной энергіи въ работающемъ органѣ, интенсивность самого ощущенія отъ бо́льшей или меньшей мѣры дѣйствительно происходящаго процесса раз-

ложенія, сравнительно съ нѣкоторой средней нормой, наконецъ, чувство можно было бы отнести насчетъ различій въ теченіи химическихъ процессовъ при условіяхъ: 1) излишка сложныхъ соединеній и питательныхъ матеріаловъ; 2) равновѣсія въ удаленіи продуктовъ разложенія и замѣнѣ разложившихся соединеній новыми и 3) излишка разложившихся продуктовъ; или же чувство можетъ быть отнесено насчетъ разложенія нѣкоторой части основной ткани нервнаго органа, не предназначенной для такой функціи. Слабая сторона подобныхъ объясненій заключается однако именно въ томъ, что возможныхъ комбинацій больше, чѣмъ надо, и мы не имѣемъ никакихъ прочныхъ и положительныхъ данныхъ, какая изъ нихъ дѣйствительно существуетъ; все объясненіе строится такимъ образомъ не на почвѣ реальныхъ фактовъ, наблюденій и опытовъ, относящихся къ физіологическимъ процессамъ, а на основаніи спекулятивныхъ соображеній о томъ, насколько та или другая изъ возможныхъ комбинацій не противорѣчитъ фактамъ и потому могла бы быть принята за существующую въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ Marshall полагаетъ, что каждый органъ имѣетъ нормальную способность дѣйствія, т. е. что каждой силѣ раздраженія отвѣчаетъ опредѣленная мѣра процессовъ разложенія; удовольствіе, по его мнѣнію, происходитъ тогда, когда дѣйствительный размѣръ процессовъ разложенія превосходитъ эту норму, вслѣдствіе болѣе чѣмъ нормальнаго запаса потенціальной энергіи въ органѣ; страданіе соотвѣтствуетъ такому состоянію, когда реакція менѣе нормальной, вслѣдствіе того, что, по состоянію питанія, запасъ потенціальной энергіи органа меньше нормальнаго. По мнѣнію Lehmann'a, удовольствіе имѣетъ мѣсто тогда, когда количество разлагающихся соединеній равно количеству вновь образующихся. Dumont полагаетъ, что удовольствію должно отвѣчать накопленіе потенціальной энергіи путемъ питанія въ размѣрѣ бо́льшемъ, сравнительно съ расходомъ ея при работѣ и т. д.

Если такимъ образомъ мы и не имѣемъ положительныхъ данныхъ для того, чтобы представить себѣ физіологическій процессъ чувства въ подробностяхъ, то тѣмъ не менѣе предположеніе, что онъ долженъ состоять въ различіяхъ химическихъ процессовъ нервной работы по отношенію къ ихъ размѣру и соотвѣтствію съ количествомъ существующихъ и возобновляю-

щихся матеріаловъ, такое предположеніе является наиболѣе правдоподобнымъ. Въ его пользу говорятъ тѣ соображенія, что другого лучшаго способа объясненія явленій чувства мы не знаемъ; что данное объясненіе не противорѣчитъ фактамъ; и, наконецъ, что чувство представляетъ собою весьма общее явленіе, сопровождающее всѣ другіе психическіе процессы, и ему, слѣдовательно, долженъ отвѣчать столь же общій физіологическій процессъ; а разсматриваемый физіологическій процессъ такимъ именно свойствомъ и обладаетъ: онъ указываетъ общія всѣмъ другимъ качественно различнымъ физіологическимъ процессамъ условія ихъ различнаго теченія. Если приведенную точку зрѣнія мы признаемъ въ общемъ вѣрной, то становится очевиднымъ, что физіологическій процессъ, отвѣчающій чувству, имѣетъ самое существенное значеніе въ жизни организма; онъ прямо представляетъ собою общее, независимое отъ качественныхъ различій, состояніе жизнедѣятельности организма, служитъ выраженіемъ мѣры жизнедѣятельности отдѣльныхъ его органовъ и функцій. Это важное физіологическое значеніе вполнѣ отвѣчаетъ не менѣе существенной роли чувства въ психикѣ человѣка.

Наконецъ, что касается біологическихъ теорій, то, хотя очевидно, что онѣ не опредѣляютъ, что такое представляетъ собою чувство съ психологической или физіологической стороны, но онѣ указываютъ на чрезвычайно важное значеніе его, какъ цѣлесообразнаго приспособленія, руководящаго человѣкомъ въ его отношеніяхъ къ окружающей средѣ. Несомнѣнно, что человѣкъ стремится къ удовольствію, уклоняется отъ страданія; въ крайнемъ случаѣ, въ этомъ утвержденіи можно допустить лишь нѣкоторыя частичныя ограниченія. Если при такомъ образѣ дѣйствій человѣческій родъ продолжаетъ существовать и развиваться, то отсюда слѣдуетъ, что, если не безусловно, то въ общемъ и большею частью, удовольствіе отвѣчаетъ полезному для организма и всего вида, страданіе—вредному [1]). Такого рода отношеніе дѣлаетъ для насъ понятнымъ фактъ совпаденія субъективной и объективной цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ человѣка, дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ каждый отдѣльный человѣкъ, руководствуясь своимъ сознательно-произ-

[1]) Ср. у A. Lehmann'a, op. cit., нѣсколько преувеличенное мнѣніе относительно безусловности такого соотношенія.

вольнымъ усмотрѣніемъ, ставитъ себѣ цѣли и осуществляетъ дѣйствія, которыя въ тоже время оказываются и объективно-цѣлесообразными, съ точки зрѣнія сохраненія вида, хотя этотъ послѣдній моментъ не играетъ никакой роли въ мотивахъ и соображеніяхъ человѣка.

Всякій человѣкъ стремится къ тому, что для него цѣнно; онъ стремится, т. е. совершаетъ проявленія воли, подъ причиннымъ дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ психическихъ состояній, которыя создаютъ цѣнность, къ которой онъ стремится; въ составъ этихъ причинныхъ психическихъ состояній и въ составъ цѣнности, составляющей—цѣль, входитъ чувство; послѣднее представляетъ тотъ именно моментъ, который для воли является причиной, а въ цѣнности создаетъ то, что въ ней цѣнно; иначе говоря и съ точки зрѣнія причины, и съ точки зрѣнія цѣли, факторомъ, вліяющимъ на поведеніе человѣка, является чувство; чувство толкаетъ человѣка къ дѣйствію, какъ причина, и влечетъ, какъ цѣль. Но такъ какъ чувство, въ своихъ двухъ противоположныхъ проявленіяхъ удовольствія и страданія, является психическимъ соотвѣтствіемъ объективно полезнаго и объективно вреднаго для организма и вида, то очевидно, что сознательно-произвольныя дѣйствія индивида, субъективно преслѣдующаго свои собственны цѣли и интересы, безъ вниманія къ интересамъ вида, но руководимаго при этомъ чувствомъ, какъ разъ совпадутъ съ объективною пользою для вида. Отсюда слѣдуетъ, что интересы сохраненія вида одинаково осуществляются какъ тогда, когда путемъ приспособленія вырабатываются полезные физіологическіе аппараты, органы, безсознательныя отправленія и инстинкты, такъ и тогда, когда природа предоставляетъ индивиду дѣйствовать по своему усмотрѣнію, снабдивъ лишь его волевой аппаратъ приспособленіемъ, которое заставляетъ волю функціонировать только въ одномъ направленіи объективно полезнаго. Если такимъ образомъ для той же цѣли, которая достигается физіологическимъ приспособленіемъ и инстинктомъ, природа прибѣгаетъ къ устройству сознательно-произвольнаго аппарата, руководимаго чувствомъ, то отсюда слѣдуетъ, что послѣднее приспособленіе имѣетъ свое специфическое преимущество для тѣхъ или другихъ случаевъ. Преимущество это очевидно. Въ то время, какъ каждый физіологическій аппаратъ или инстинктивное при-

способленіе есть приспособленіе, реагирующее на одинъ опредѣленный видъ раздраженія, или на всякое раздраженіе реагирующее однимъ опредѣленнымъ способомъ, чувство есть своего рода автоматическій коммутаторъ, который всякое раздраженіе, независимо отъ его качества и источника происхожденія (внѣшняго или внутренняго), соединяетъ съ любой реакціей, причемъ соединеніе это всякій разъ въ общемъ столь же цѣлесообразно, какъ и особое соединеніе каждаго отдѣльнаго раздраженія съ подходящей для него реакціей. Очевидно, такое приспособленіе особенно и неизбѣжно необходимо тамъ, гдѣ условія существованія организма внѣшнія и внутреннія сложны и измѣнчивы, гдѣ одно и тоже раздраженіе, повторяясь при самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, всякій разъ требуетъ иной отвѣтной реакціи, и гдѣ, слѣдовательно, особое соединеніе всякаго раздраженія съ долженствующей соотвѣтствовать ему реакціей сдѣлало бы организмъ слишкомъ сложнымъ и громоздкимъ аппаратомъ [1]).

[1]) Указанное значеніе чувства, какъ автоматическаго психическаго регулятора по отношенію къ координаціи внѣшнихъ раздраженій и отвѣтныхъ реакцій до извѣстной степени могло бы быть толкуемо въ пользу вліянія психики на матеріальныя явленія: ибо если въ цѣпь матеріальныхъ явленій включено, въ качествѣ средняго члена, чувство; если по законамъ цѣлесообразнаго развитія организмовъ такое включеніе можетъ быть объяснено только полезнымъ значеніемъ чувства, какъ координирующаго приспособленія, то, очевидно, что за чувствомъ этимъ самымъ признается и должна быть признана возможность дѣйствовать на матеріальную сторону организма. Однако такое разсужденіе не рѣшаетъ, разумѣется, вопроса вполнѣ, такъ какъ чувству, какъ психическому состоянію, отвѣчаетъ физіологическій процессъ, и, слѣдовательно, регулирующему психическому вліянію чувства *можетъ* соотвѣтствовать такое устройство физіологическаго процесса, благодаря которому исключительно физіологическимъ путемъ возбужденіе чувствительнаго нерва, сообразно съ состояніемъ его собственнымъ и всей остальной нервной системы, передается тому или другому двигательному центру. Однимъ словомъ и здѣсь вопросъ объ отношеніи души и тѣла, психическаго и физическаго ряда явленій находится не ближе и не дальше отъ своего разрѣшенія, чѣмъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Одно только безспорно, что, съ точки зрѣнія изученія, психическая цѣль явленій въ данномъ случаѣ безконечно легче поддается уразумѣнію, чѣмъ совершенно скрытый отъ насъ физіологическій способъ произвольной координаціи раздраженій и движеній.

§ 4. Качество чувства.

По вопросу о качествѣ чувства существуетъ три мнѣнія: одни считаютъ чувства качественно различными, подобно ощущеніямъ; другіе допускаютъ только два качества въ чувствѣ—удовольствіе и страданіе; третьи не признаютъ вовсе качественныхъ различій въ чувствѣ, считая удовольствіе и страданіе лишь противоположными измѣреніями чувства.

Для Ziegler'a, подобно многимъ другимъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувства бываютъ качественно различны: въ видѣ примѣра онъ ссылается на удовольствія эстетическія (хорошее стихотвореніе), чувственныя (хорошее вино) и умственныя (рѣшенная задача) [1]). Montegazza приводитъ въ алфавитномъ порядкѣ 75 различныхъ видовъ страданія, какъ-то: affano, angoscia, avversita, amarezza, abbatimento, ardore, angore и т. д.; другіе авторы, на которыхъ онъ ссылается, насчитываютъ такихъ видовъ, то 73, то 12, то 38 [2]). Равнымъ образомъ и удовольствіе представляетъ не меньше видовъ, напримѣръ: piacere, gusto, godimento, diletto, letizia, compiacenza, sodisfacione, conforto, consalazione и пр. [3]).

Очевидно, однако, что всѣ перечисленныя душевныя состоянія представляютъ собою слишкомъ сложные комплексы чувствъ и представленій (и притомъ комплексы въ разныхъ конкретныхъ случаяхъ жизни не всегда тожественные) для того, чтобы возможно было сказать, что качественныя различія такихъ состояній должны быть отнесены именно насчетъ чувствъ. Для рѣшенія вопроса необходимо обратиться къ болѣе простымъ случаямъ. Сложныя психическія формы, въ которыхъ являются чувства, суть: аффекты—процессы, въ которыхъ интенсивный чувственный элементъ соединяется съ нарушеніемъ нормально-спокойнаго теченія представленій; настроенія—гдѣ болѣе спокойное теченіе представленій сопровождается менѣе интенсивнымъ, но болѣе продолжительнымъ чувствомъ; смѣшанныя чувства (Lehmann, стр. 216)—состоянія, въ которыхъ одно общее чувство сопровождаетъ сумму представленій, изъ кото-

---

[1]) Das Gefühl, стр. 111.

[2]) Del dolore, стр. 29—30.

[3]) Del piacere, стр. 475—481 и таблица въ послѣдней главѣ.

рыхъ каждое отдѣльно, если вступаетъ въ поле сознанія, сопровождается своимъ особымъ чувствомъ; чувства эстетическія, нравственныя и интеллектуальныя—состоянія, которыя представляютъ сложныя соединенія представленій съ сопровождающими ихъ чувствами. Всѣ указанныя состоянія характеризуются тѣмъ, что чувство сопровождаетъ здѣсь не одно представленіе, а нѣкоторое количество представленій, одновременныхъ или слѣдующихъ другъ за другомъ, или и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Понятно, какъ бы ясно ни сознавалось нами несходство подобныхъ состояній, съ какою-бы внутреннею неизбѣжностью ни приходилось намъ относить это несходство насчетъ качественной разницы состояній, но этимъ нисколько не рѣшается вопросъ, обусловливается ли качественная разница въ данномъ случаѣ таковою же разницей въ чувственномъ или интеллектуальномъ элементѣ. Безспорное рѣшеніе вопроса было бы дано въ томъ случаѣ, если-бы возможно было выдѣлить чувство изъ сопровождающихъ его интеллектуальныхъ элементовъ, такъ сказать въ чистомъ видѣ, или же найти его въ такомъ видѣ въ какихъ либо конкретныхъ состояніяхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, подобный фактъ имѣетъ мѣсто въ такъ называемомъ внутреннемъ или общемъ чувствѣ. Такъ напримѣръ, Külpe полагаетъ, что внутренніе органы лишены ощущеній; а такъ какъ они могутъ причинять намъ качественно различныя страданія, то очевидно, что разница относится на счетъ чувствъ[1]). Вообще качественныя различія боли, которыя мы обозначаемъ словами острая, тупая, сверлящая и т. д. считаютъ чистыми различіями чувствъ. Однако такое мнѣніе слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Lipps[2]) указываетъ на то, что въ подобнаго рода состояніяхъ должно различать ощущеніе (Brennen, Reichen, Stechen, Bohren и т. д.) отъ чувства (Unlust); правда, эти ощущенія, прибавляетъ онъ, не суть ощущенія осязательныя или мускульныя, но никто не доказалъ, что, сверхъ и независимо отъ осязательныхъ и мускульныхъ, нѣтъ тѣхъ ощущеній, какія обозначены упомянутыми терминами. Онъ полага-

---

[1]) Zur Theorie etc., стр. 442—444.

[2]) Bemerkungen etc., стр. 167—170.

етъ, что внутреннія или общія ощущенія неправильно относятся къ чистымъ чувствамъ. Того же мнѣнія держится Lehmann, ссылаясь при этомъ на опытъ въ подтвержденіе того, что внутренніе органы посылаютъ намъ во многихъ случаяхъ не что иное, какъ именно ощущенія (стр. 53—54) [1]).

Если такимъ образомъ существованіе чистаго чувства приходится либо отвергнуть, либо, въ крайнемъ случаѣ, признать весьма проблематичнымъ, то остаются лишь чувства, связанныя съ наиболѣе простыми интеллектуальными состояніями—ощущеніями, или возможно простыми представленіями. По мнѣнію Wundt'a [2]), и въ этомъ случаѣ чувственныя состоянія качественно различны, подобно ощущеніямъ, съ тою только разницею, что качественныхъ различій въ чувствѣ гораздо больше и сознаются они настолько неясно, что опытъ не выработалъ для нихъ даже опредѣленныхъ и точныхъ названій. Уже это послѣднее обстоятельство, само по себѣ, говоритъ не въ пользу мнѣнія Wundt'a. Подобный взглядъ опровергается и другими соображеніями. Изъ простѣйшихъ чувственныхъ состояній наибольшею наглядностью отличаются состоянія физической боли; качественныя различія ихъ мы обозначаемъ словами тупая, рѣжущая, глухая и т. п. боль. Если въ этихъ состояніяхъ заключаются ощущенія, то, сообразно съ общею природой ощущенія, они во всякомъ случаѣ должны быть качественно различны. Эти качественныя различія ощущеній, въ отличіе отъ возможныхъ качественныхъ различій чувствъ, могутъ быть найдены по признаку объективаціи, характеризующему ощущенія, въ отличіе отъ чувствъ; всѣ качественныя различія, которыя мы сознаемъ, какъ проицированныя внѣ на-

---

[1]) *E. Kröner*, Gemeingefühl etc., считаетъ это чувство единымъ чувствомъ, а не суммой отдѣльныхъ чувствъ и полагаетъ, что оно основано на раздраженіи всѣхъ нервовъ или прямо центральнаго органа. Приводимые однако имъ опыты не обосновываютъ этого положенія.

[2]) Grundriss der Psychologie, стр. 96: «die qualitative Mannigfaltigkeit der einfachen Gefühle ist unabsehbar gross...» «Um so mehr ist es zu bedauern, dass unsere sprachlichen Bezeichnungen der einfachen Gefühle noch ungleich dürftiger sind als die der Empfindungen».

шего Я, должны быть отнесены къ качественнымъ различіямъ ощущеній. Такимъ именно характеромъ и обладаютъ качественныя свойства боли: дерганіе, рѣзаніе, колотіе и т. д.—все это ощущается въ болящемъ органѣ и только воспринимается нашимъ Я. Отнеся разницу, обозначенную указанными выше словами, насчетъ ощущеній, мы не получимъ въ остаткѣ на долю чувства ничего, кромѣ одного далѣе не описуемаго и не опредѣляемаго просто непріятнаго состоянія. Точно также и въ другихъ простѣйшихъ непріятныхъ и пріятныхъ состояніяхъ все, что составляетъ разницу, кромѣ противоположности удовольствія и страданія, изображается въ терминахъ того или другого представленія или объясняется ссылкою на какое-либо ощущеніе и проицируется внѣ Я. На долю чувства остается только противоположность нашего субъективнаго отношенія, только удовольствіе или страданіе, которое можетъ различаться по степени интенсивности, но не поддается какому-либо дальнѣйшему качественному анализу. Тоже слѣдуетъ сказать и по отношенію къ разницѣ чувствъ т. н. низшихъ—физическихъ—и высшихъ или нравственныхъ. Чувство физическаго страданія и удовольствія—говоритъ Ribot—и чувства нравственныя или духовныя въ своей аффективной, чувственной сущности тожественны; разница обусловливается лишь интеллектуальной стороной этихъ состояній: вызваны ли они ощущеніемъ, представленіемъ, образомъ, понятіемъ.

Съ устраненіемъ качественныхъ различій остаются ли для чувства еще какія либо различія, кромѣ противоположности удовольствіи и страданія? По мнѣнію Wundt'a, чувства, сверхъ удовольствія и страданія, измѣняются еще въ двухъ направленіяхъ: напряженія или разрѣшенія и возбужденія или пониженія [1]). Что касается послѣдняго измѣненія, то, очевидно, оно не представляетъ собою какого-либо особаго свойства чувства, а лишь отношеніе интенсивности этого состоянія въ слѣдующіе другъ за другомъ моменты времени. Точно также и измѣненіе въ смыслѣ напряженія и разрѣшенія представляетъ собою не простое состояніе чувства, а присоединяющійся къ нему интеллектуальный эле-

[1]) «Die Richtungen der Lust und Unlust, der erregenden und beruhigenden (excitirenden und deprimirenden) und endlich der spannenden und lösenden Gefühle»... l. c. стр. 98.

ментъ ожиданія или сознанія наступившаго событія съ сопутствующими ощущеніями физическаго напряженія или ослабленія. Остается такимъ образомъ лишь измѣненіе въ направленіи удовольствія и страданія [1]).

Наконецъ, и разницу удовольствія и страданія нельзя считать двумя качественно различными состояніями. Хотя по этому поводу Ribot и утверждаетъ, будто мы не знаемъ, имѣютъ ли эти два явленія общую основу, и существуетъ ли для нихъ общая мѣра, но его мнѣніе, прежде всего, противорѣчитъ его же гипотезѣ о происхожденіи чувства, выводящей удовольствіе и страданіе изъ одного и того же численнаго отношенія факторовъ, измѣняющагося лишь въ противоположномъ направленіи. Что удовольствіе и страданіе не суть качественно различныя состоянія доказывается двумя фактами: во-первыхъ, тѣмъ, что эти чувства могутъ взаимно уравновѣшиваться и, во-вторыхъ, тѣмъ, что удовольствіе, по мѣрѣ того, какъ причина его длится безъ измѣненія, постепенно уменьшается и переходитъ въ страданіе. Что касается компенсаціи, то она происходитъ всякій разъ, когда зло является неизмѣннымъ спутникомъ, неразрывно связано съ благомъ, такъ, что мы можемъ испытать удовольствіе не иначе, какъ подвергшись страданію. Такъ какъ въ дѣйствительности мы въ однихъ случаяхъ принимаемъ страданія ради удовольствія, а въ другихъ отвергаемъ послѣднія изъ-за первыхъ, то отсюда слѣдуетъ, что мы сравниваемъ мѣру удо-

---

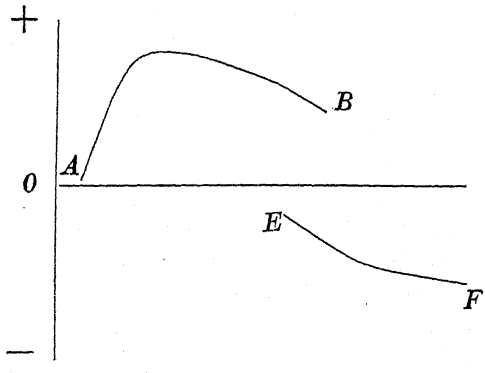
[1]) *Max Brahn*, Experimentelle Beiträge zur Gefühlslehre, Philosoph. Studien, 18 B., 1 H., стр. 127—187, доказываетъ справедливость взгляда Wundt'a путемъ экспериментовъ, а именно, устанавливая три пары взаимно противоположныхъ измѣненій пульса. Если однако признать даже, что этими опытами доказано существованіе физіологическихъ процессовъ, отвѣчающихъ психическимъ явленіямъ напряженія - разрѣшенія и возбужденія - успокоенія, то этимъ нисколько не доказано, что упомянутыя психическія состоянія являются столь же простымъ и неразложимымъ направленіемъ чувства, какъ удовольствіе—страданіе. Напротивъ, можно думать, что это сложные интеллектуальные комплексы, сопровождаемые, разумѣется, чувствомъ; послѣднее явствуетъ изъ словъ самого автора, такъ, напримѣръ, на стр. 176: «Ebenso hat Ausdruck Spannung da seine Berechtigung, wo etwas Unbestimmtes erwartet wird, so dass *alle Sinnesorgane in mässiger Spannung sich befinden—es ist das der unserer Untersuchung nächste Fall*». ., также и въ др. мѣстахъ.

вольствія съ мѣрой страданія; а это возможно только тогда, когда оба состоянія, при очевидной противоположности ихъ направленія, представляютъ въ сравниваемомъ отношеніи одну общую основу. Необходимость допустить качественное однообразіе удовольствія и страданія въ особенности должна явствовать изъ тѣхъ случаевъ, когда сравниваемыя состоянія въ ихъ цѣломъ несомнѣнно между собою качественно различны, когда, напримѣръ, цѣною физическихъ страданій пріобрѣтается умственное удовольствіе, и обратно, цѣною нравственныхъ непріятностей—чувственное наслажденіе. Въ такихъ случаяхъ интеллектуальныя части состояній (ощущенія, сопровождающія продолжительное сидѣніе на одномъ мѣстѣ за чтеніемъ книги, и процессъ смѣняющихся представленій и сужденій при чтеніи; или упреки совѣсти и ощущенія матеріальныхъ удобствъ) не имѣютъ ничего общаго; если, тѣмъ не менѣе, состоянія въ общемъ сравниваются, и тому или другому дается предпочтеніе, то сравниваться и уравновѣшиваться могутъ только чувственныя ихъ части, а какимъ образомъ они могли бы сравниваться и уравновѣшиваться при качественномъ различіи чувствъ, этого представить себѣ, мнѣ кажется, невозможно.

Второе доказательство въ пользу тожественности качества удовольствія и страданія состоитъ, какъ было упомянуто, въ возможности перехода удовольствія въ страданіе. Характерной экспериментальной иллюстраціей этого постоянно повторяющагося явленія можетъ служить изобрѣтеніе послѣдняго времени—грамофонъ. Кто впервые или рѣдко и недолго слушаетъ грамофонъ, тотъ испытываетъ безспорно удовольствіе и, при хорошемъ качествѣ аппарата, довольно большое. Если однако одна пьеса слѣдуетъ за другою, то мало-по-малу удовольствіе уменьшается, затѣмъ исчезаетъ и вскорѣ превращается въ страданіе, которое, при безостановочномъ дѣйствіи аппарата, становится, наконецъ, невыносимымъ. Тоже замѣчается по отношенію ко всѣмъ другимъ удовольствіямъ, напримѣръ, удовольствіямъ, сопровождающимъ созерцаніе картинъ, природы, чтеніе, разговоръ, вкусовыя ощущенія и т. д. Вездѣ удовольствіе, при неизмѣнномъ характерѣ ощущенія, черезъ нулевую точку переходитъ въ страданіе [1]).

[1]) Sergi, op. cit., стр. 307.

Lehmann даетъ иное объясненіе приведеннымъ фактамъ [1]). По его мнѣнію, переходъ удовольствія въ страданіе является здѣсь лишь кажущимся феноменомъ, въ дѣйствительности же происходитъ не уменьшеніе удовольствія, а появленіе новыхъ ощущеній, самостоятельно вызывающихъ страданіе,—или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ослабленіе интенсивности представленія, сопровождаемаго чувствомъ. Такъ, напримѣръ, когда мы ѣдимъ плоды, то удовольствіе, сопровождающее вкусовыя ощущенія, остается въ сущности прежнимъ, но къ нему присоединяется страданіе, вытекающее изъ органическихъ ощущеній переполненія желудка, и оно то, усиливаясь, заставляетъ насъ положить предѣлъ ѣдѣ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго созерцанія картины мы начинаемъ скучать, и эта скука есть результатъ бездѣятельности, наступающей послѣ того, какъ содержаніе картины исчерпало въ нашемъ сознаніи всѣ представленія, связанныя съ нимъ посредствомъ ассоціацій. Такимъ образомъ процессъ притупленія чувства удовольствія и перехода его въ страданіе графически должно представлять себѣ не въ видѣ кривой удовольствія, которая, достигнувъ максимума, приближается затѣмъ къ абсциссѣ, пересѣкаетъ ее и получаетъ отрицательное значеніе, а такъ, что эта кривая, понижаясь вслѣдъ за максимумомъ весьма медленно, сразу прерывается (*AB*), и сознаніемъ вполнѣ овладѣваютъ возникающія и быстро усиливающіяся страданія (*EF*), сопровождающія постороннія ощущенія, какъ видно изъ прилагаемаго Lehmann'омъ чертежа.



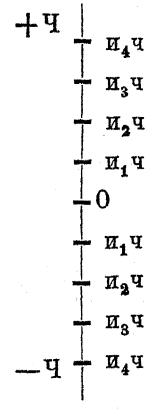
[1]) op. cit., стр. 186—192.

Безспорно, въ указаніяхъ Lehmann'а имѣется доля истины. Удовольствіе отъ ѣды можетъ потерять свою прелесть вслѣдствіе возникающихъ ощущеній переполненія желудка; охота къ чтенію романа можетъ пропасть не вслѣдствіе ослабленія интереса къ ходу интриги, а просто вслѣдствіе усталости и т. д. Если подобнаго рода факты и не указываютъ, чтобы удовольствіе переходило въ страданіе, то они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ теченіе нѣкотораго времени, когда и удовольствіе и страданіе находятся въ сознаніи совмѣстно, сперва первое, а затѣмъ второе бываетъ больше другого, т. е., что они сравниваются другъ съ другомъ по величинѣ; иными словами въ этомъ случаѣ дѣло сводится къ компенсаціи, которая, какъ было указано, тоже свидѣтельствуетъ о качественномъ однообразіи чувственныхъ состояній. Однако подобнаго рода факты, вѣрные сами по себѣ, не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ ослабленія удовольствія и смѣны его страданіемъ. Во многихъ случаяхъ притупленіе удовольствія и переходъ его въ страданіе не могутъ быть объяснены появленіемъ новыхъ посторонніхъ ощущеній. Такъ, напримѣръ, относительно вкусовыхъ ощущеній: слишкомъ сладкая конфета становится противной для лицъ, не особенно любящихъ сладкое, гораздо раньше, чѣмъ наступаетъ переполненіе желудка; для того, кто не привыкъ пить пиво въ большомъ количествѣ, первые глотки его бываютъ довольно пріятны на вкусъ, но это удовольствіе исчезаетъ, и пиво пріобрѣтаетъ непріятный вкусъ раньше появленія какихъ-либо органическихъ ощущеній, возникающихъ вслѣдствіе потребленія этого напитка. Скука при продолжительномъ созерцаніи картины не можетъ быть объяснена наступающей бездѣятельностью, такъ какъ въ отношеніи дѣятельности состояніе зрителя ни въ чемъ не измѣняется: какъ сначала, такъ и впослѣдствіи дѣятельность его выражается въ зрительныхъ ощущеніяхъ, которыя, какъ сначала, такъ и впослѣдствіи сопровождаются, по ассоціаціи, представленіями; исчезать этимъ представленіямъ впослѣдствіи нѣтъ никакого основанія; все дѣло только въ томъ, что, пока они новы, они возбуждаютъ удовольствіе, спустя же нѣкоторое время, становятся скучными, т. е. перестаютъ сопровождаться удовольствіемъ, а напротивъ, начинаютъ вызывать непріятное состоя-

ніе духа. Тоже самое съ особенною ясностью замѣчается по отношенію къ грамофону; пьеса, одна за другою, каждая должна вызывать свои ассоціаціи, постоянно мѣняющіяся; слѣдовательно, если бы удовольствіе зависѣло отъ нихъ, оно должно было бы оставаться неизмѣннымъ; сила ощущеній и представленій не только не ослабѣваетъ, но звуки все болѣе и болѣе овладѣваютъ сознаніемъ, они наполняютъ всѣ уголки его, становятся неотступными; отдѣлаться отъ нихъ нѣтъ возможности: съ другой стороны, здѣсь можетъ не быть мѣста и тому чувству утомленія, которое заставляетъ прекращать чтеніе; можно сидѣть, гулять, пить чай; но при всѣхъ перемѣнахъ васъ сопровождаютъ звуки, и это постоянно длящееся раздраженіе становится, наконецъ, невыносимымъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что ощущеніе, само по себѣ, перестаетъ быть пріятнымъ, становится непріятнымъ, и эту перемѣну мы не можемъ отнести ни къ какой привходящей посторонней причинѣ, а должны отнести единственно насчетъ неизмѣнной длительности ощущенія. Тоже подтверждается случаями многократнаго прерывающагося повторенія ощущеній: самое вкусное блюдо скоро надоѣдаетъ, если повторяется каждый день; здѣсь ослабленіе удовольствія и переходъ его въ страданіе нельзя уже отнести ни на счетъ органическихъ ощущеній переполненія желудка, ни насчетъ исчерпавшихся ассоціацій представленій, или ослабленія ощущенія.

Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что удовольствіе и страданіе не представляютъ собою качественно различныхъ состояній чувства, слѣдовательно они должны являться лишь извѣстной своеобразной характеристикой нѣкотораго однообразнаго по существу своему феномена, чѣмъ то въ родѣ измѣренія его въ противоположныхъ направленіяхъ. Что направленія эти противоположны, это должно признать очевиднымъ фактомъ нашего сознанія; противоположность эта вытекаетъ и изъ факта возможной компенсаціи удовольствія и страданія. Это послѣднее явленіе указываетъ на то, что характеристика чувства въ направленіи удовольствія или страданія аналогична положительной и отрицательной характеристикѣ количествъ. Пользуясь этой аналогіей, мы можемъ преставить себѣ удовольствіе, какъ положительное чувство, (+ч) страданіе — какъ отрицательное (—ч).

Кромѣ положительной или отрицательной характеристики каждое чувственное состояніе представляетъ еще извѣстную мѣру чувства, бо́льшее или меньшее его количество въ данномъ состояніи. Этотъ послѣдній признакъ мы называемъ интенсивностью чувства (и). Комбинація интенсивности съ характеристикой удовольствія - страданія даетъ возможность расположить всѣ чувственныя состоянія въ одинъ рядъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, начиная отъ нѣкоторой нулевой точки. Эта послѣдняя будетъ соотвѣтствовать чувственнымъ состояніямъ съ нулевой интенсивностью, иначе говоря, отсутствію чувства. Вверхъ отъ нулевой точки по вертикальной прямой расположатся положительныя чувственныя состоянія съ возрастающей интенсивностью; внизъ по той же прямой—отрицательныя состоянія также по степени возрастающей интенсивности.



Такъ какъ одновременно мы испытываемъ много чувственныхъ состояній противоположной характеристики и различной интенсивности, то общее чувственное состояніе выразится символомъ $\Sigma(+ИЧ) + \Sigma(-ИЧ)$.

Принятая здѣсь символизація даетъ возможность съ особенною ясностью изобразить относительную природу положительно-отрицательной характеристики чувственныхъ состояній. 1) Положеніе нулевой точки на скалѣ опредѣляетъ а) возрастаніе абсолютной величины коэффиціентовъ (и) въ обѣ стороны отъ нуля и б) положительный характеръ чувства въ одну сторону отъ нуля и отрицательный въ другую. Но такъ какъ чувственное состояніе удовольствія при

извѣстной продолжительности соотвѣтствующаго ощущенія можетъ превратиться въ нуль, то нулевая точка можетъ подняться вверхъ; въ такомъ случаѣ а) двустороннее возрастаніе коэффиціентовъ начнется съ болѣе высокой точки и б) тѣ положительныя состоянія, которыя окажутся теперь подъ нулевою точкой, станутъ отрицательными. Иначе говоря, прежнія состоянія удовольствія уменьшатся по своей интенсивности, а состоянія страданія увеличатся, и, сверхъ того, тѣ состоянія, которыя прежде были положительными и нулевыми, теперь станутъ отрицательными. Можетъ ли нулевая точка опуститься внизъ? На нѣкоторое количество дѣленій, ближайшихъ къ прежнему нулю, безспорно можетъ: не особенно интенсивныя страданія могутъ стать настолько привычными, что теряютъ характеръ страданій и становятся безразличными состояніями; такъ мы привыкаемъ къ бѣдности и даже нищетѣ, потерѣ силъ, иногда здоровья. Обезразличеніе страданій ограничено сравнительно малыми предѣлами въ теченіе кратковременнаго существованія отдѣльнаго индивида; предѣлы эти неопредѣленно раздвигаются, когда извѣстныя состоянія становятся обычными для обширной группы и ряда поколѣній индивидовъ. При пониженіи нулевой точки получаются явленія, обратныя тѣмъ, какія имѣютъ мѣсто при ея повышеніи.

2) Страданіемъ мы называемъ всѣ тѣ состоянія которыя лежатъ подъ нулевой точкой, причемъ сила ихъ опредѣляется величиною соотвѣтствующаго коэффиціента интенсивности. Такимъ образомъ состояніе $-и_3ч$ представляетъ собою «сильное страданіе», а именно отношеніе $-ч$ къ $ч$ свидѣтельствуетъ о томъ, что состояніе относится къ группѣ «страданія»; отношеніе коэффиціента $и_3$ къ предшествующимъ и послѣдующимъ сообщаетъ состоянію характеристику «сильнаго».

3) Переходъ отъ состоянія $-и_3ч$ къ $-и_2ч$ долженъ представлять двоякую характеристику: съ одной стороны, это уменьшеніе страданія, съ другой стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ,— появленіе удовольствія. Дѣйствительно, такъ какъ $и_2 < и_3$, то состояніе $-и_2ч$ представляетъ меньшее количество отрицательныхъ величинъ, чѣмъ состояніе $-и_3ч$, т. е. меньшее страданіе. Но въ то же время состояніе $-и_2ч$ получается изъ $-и_3ч$ посредствомъ прибавленія къ послѣднему нѣкоторой положительной величины $ич$, иначе говоря, переходъ отъ $-и_3ч$ къ $-и_2ч$

долженъ чувствоваться, какъ +ич, т. е. какъ нѣкоторой интенсивности удовольствіе. Этотъ выводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности; въ дѣйствительности всякое уменьшеніе страданія производитъ удовольствіе. Послѣдній фактъ повелъ къ неправильному выводу, что удовольствіе не есть самостоятельное и первоначальное состояніе, а лишь устраненіе страданія. Такъ Verri утверждаетъ: «Il piacere non è un essere positivo .....Il piacere altro non è che una cessazione d'un male; el solo principio motore dell' uomo è il dolore. Il dolore precede ogni piacere». Проводя послѣдовательно этотъ взглядъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что и «il piacere delle Belle Arti nascono dai dolori innominati» (Dumont, op. cit., стр. 36). Тоже положеніе повторяется неоднократно многими философами и лежитъ въ основѣ пессимистическихъ теорій Шопенгауера и Гартманна. Подобнаго рода утвержденія безспорно парадоксальны и противорѣчатъ фактамъ; въ дѣйствительности существуютъ удовольствія, которымъ не предшествуютъ страданія, и которыя поэтому не представляютъ собою простого устраненія этихъ не существовавшихъ страданій. Явленіе, подавшее поводъ къ такому взгляду, объясняется на самомъ дѣлѣ тѣмъ, что чувство есть однородный феноменъ, что положительно и отрицательно характеризованныя его количества сравнимы и компенсируются, вслѣдствіе чего феноменъ уменьшенія абсолютной величины страданія есть въ одно и тоже время и появленіе нѣкоторой положительной величины удовольствія. Въ общей суммѣ нашего чувственнаго состоянія $\Sigma(ИЧ) + \Sigma(-ИЧ)$ замѣна нѣкотораго члена $-и_1ч$ другимъ: $-и_2ч$ необходимо должна испытываться одновременно и какъ уменьшеніе страданія и какъ увеличеніе удовольствія, и обратно: замѣна члена $и_3ч$ состояніемъ $и_2ч$ должна испытываться и какъ уменьшеніе удовольствія и какъ увеличеніе страданія.

§ 5. Измѣримость чувства.

Въ обыденной жизни возможность количественнаго сравненія чувствъ не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію: мы постоянно говоримъ, что одно чувство больше или меньше другого; но въ тоже время обыденная психологія едва ли склонна признать, что чувства измѣримы; съ измѣреніемъ мы соеди-

няемъ понятіе объ условной единицѣ, которая вмѣщается въ данномъ объектѣ извѣстное число разъ; между тѣмъ никто не скажетъ, что одно чувство въ десять разъ больше другого. Отсутствіе единицы мѣры чувства послужило основаніемъ отрицать вообще возможность разсматривать чувство, какъ объектъ, подлежащій количественному сравненію. Въ такомъ же самомъ положеніи находится и ощущеніе. Поэтому вопросъ обыкновенно ставится въ общей формѣ: измѣримы ли вообще психическія состоянія?

Поводомъ къ возникновенію этого вопроса послужила Fechner'овская формулировка закона Weber'a: сила (интенсивность) ощущенія растетъ какъ логариѳмъ силы (интенсивности) раздраженія [1]).

Такого рода зависимость даетъ, по мнѣнію Fechner'a, возможность измѣрять ощущенія; ибо, хотя и нѣтъ внутренней мѣры, которую можно было бы приложить къ ощущеніямъ, по-

---

[1]) Законъ Weber'a состоитъ въ томъ, что для едва замѣтной разницы въ ощущеніи необходимо, чтобы раздраженія находились въ опредѣленномъ отношеніи, постоянномъ для даннаго рода ощущеній и независимомъ отъ абсолютной величины раздраженій. Напримѣръ, едва замѣтная разница двухъ тяжестей при ихъ подниманіи, ощущается при условіи, если тяжести независимо отъ ихъ абсолютнаго вѣса, относятся, какъ 30:40 (приблизительно) или одна составляетъ $^3/_4$ другой. Выраженіе, данное этому закону Fechner'омъ, можетъ быть выведено отсюда слѣдующимъ образомъ. Если мы возьмемъ рядъ тяжестей такимъ образомъ, чтобы вѣсъ каждой предъидущей составилъ $^3/_4$ послѣдующей:

$$r,\ r.\ {}^4/_3,\ r.({}^4/_3)^2.\ r.({}^4/_3)^3 \ldots\ldots,$$

то всякому раздраженію будетъ отвѣчать ощущеніе, едва замѣтно отличающееся отъ предъидущаго. Принявъ всѣ послѣдовательныя разницы въ ощущеніяхъ, одинаково едва замѣтныя, за равныя, и обозначивъ ихъ черезъ e, мы получимъ слѣдующій рядъ ощущеній, начиная отъ перваго, соотвѣтствующаго раздраженію r:

$$E,\ E+e,\ E+2e,\ E+3e \text{ и т. д.}$$

Иначе говоря, въ то время, какъ рядъ раздраженій возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической. Подобнаго рода зависимость двухъ рядовъ можетъ быть выражена функціей

$$E = k\log R + C,$$

что и представляетъ формулу Fechner'a.

добно тому, какъ прилагается аршинъ къ внѣшнимъ предметамъ, и хотя нельзя сказать, что одно ощущеніе въ десять разъ больше другого; но благодаря существованію правильной зависимости между силой ощущенія и силой раздраженія, внѣшняя единица послѣдняго можетъ измѣрять первое.

Выводы Fechner'a вызвали цѣлую литературу возраженій; изъ нихъ одни касались правильности и обоснованности математической формулировки закона, другія оспаривали самую его сущность.

Такъ, Merkel указалъ, что опыты не всегда подтверждаютъ формулу Fechner'a, и ее приходится замѣнить другими формулами [1]). По мнѣнію Elsas'a [2]), система формулъ Fechner'a не вытекаетъ съ математическою необходимостью изъ Weber'овскаго закона; послѣдній можетъ быть выраженъ и посредствомъ другихъ формулъ. Для того, чтобы изъ возможныхъ выраженій принять одно опредѣленное, надо исходить изъ какого-либо дополнительнаго физіологическою или вообще естественно-научнаго положенія, чего именно Fechner не дѣлаетъ. Самъ авторъ, въ качествѣ такого дополнительнаго принципа, принимаетъ причинную зависимость между раздраженіемъ и *физіологическимъ* возбужденіемъ и, сообразно съ этимъ, получаетъ формулу, отличную отъ Fechner'овской; но, благодаря принятому положенію, она теряетъ свой психофизическій смыслъ и выражаетъ лишь чисто физіологическое отношеніе. Далѣе, неоднократно было указываемо на то, что опыты Weber'a вовсе не измѣряютъ величины ощущеній, а только устанавливаютъ, что одно ощущеніе едва замѣтно отличается отъ другого, т. е. констатируютъ едва замѣтныя разницы между каждой парой ощущеній, и что Fechner произвольно принялъ эти едва замѣтныя разницы за равныя, тогда какъ онѣ одинаковы только въ томъ, что всѣ едва замѣтны, а слѣдовательно и послѣдовательное наростаніе такихъ едва замѣтныхъ разницъ нельзя разсматривать, какъ

---

[1]) *J. Merkel*, Die Abhängigkeit zwischen Reiz und Empfindung въ Philosoph. Studien, т. V, стр. 245 — 291, 499 — 557. Тоже *E. Kraepelin*, Zur Frage der Gültigkeit des Weber'schen Gesetzes bei Lichtempfindungen, *O. Kraus*, Zur Theorie des Wertes, Halle, 1902. Стр. 46—56.

[2]) *A. Elsas*, Uber die Psychophysik, Marburg, 1886, стр. 10—45.

прибавленіе къ первоначальной силѣ ощущенія одинаковыхъ единицъ. Наконецъ, было обращено вниманіе на то, что при сравненіи ощущеній мы имѣемъ дѣло не только съ ощущеніями, но и съ сужденіями о ихъ едва замѣтной, или болѣе чѣмъ замѣтной разницѣ, а слѣдовательно замѣчаемая разница ощущеній зависитъ не только отъ сравнительной величины ощущеній или изъ разницы, но и отъ измѣняющихся условій улавливанія этихъ моментовъ посредствомъ сужденія [1]).

Слѣдующія возраженія идутъ дальше и отрицаютъ самую возможность измѣренія ощущеній. Такъ Elsas полагаетъ, что только внѣшній міръ подчиненъ причинности и только для него существуетъ математическое выраженіе; внутренній — не поддается математикѣ, такъ какъ господство причинности не распространяется на него. Ощущеніе принадлежитъ къ міру внутреннему, для математики и физики оно не представляетъ реальности и не можетъ быть разсматриваемо, какъ величина (op. cit., стр. 66, 70).

Особенно энергично выступаетъ противъ измѣримости психическихъ состояній Kries [2]). Измѣреніе — говоритъ онъ — сводится, съ одной стороны, къ простому счету однородныхъ единицъ длины и времени, съ другой, къ принятію извѣстной условленной единицы — массы, цѣлесообразно выведенной изъ данныхъ опыта. Затѣмъ всѣ остальныя величины приводятся къ единицамъ длины, времени и массы при помощи тѣхъ или другихъ допущеній, принятыхъ по соображеніямъ цѣлесообразности и въ соотвѣтствіи съ фактическими отношеніями. При невозможности сдѣлать, на основаніи фактовъ, такого рода допущеніе, явленія не имѣютъ единицы мѣры и не могутъ быть измѣряемы; такъ мы знаемъ, что одно химическое соединеніе устойчивѣе другого, но измѣрить устойчивость невозможно, за отсутствіемъ соотвѣтствующей мѣры.

Такой именно случай имѣетъ мѣсто по отношенію къ ощущеніямъ и вообще психическимъ состояніямъ; они бываютъ

---

[1]) *Stumpf*, Tonpsychologie, Leipzig, т. 1, 1883.

[2]) *J. v. Kries*, Ueber die Messung intensiver Grössen und über des sogenannte psychophysische Gesetz, въ Vierteljahrsschift f. wissensch. Philos., 1882, т. 6, стр. 257—294.

болѣе и менѣе интенсивны, но для измѣренія этой интенсивности нѣтъ цѣлесообразной и отвѣчающей фактическимъ даннымъ условной единицы. Если мы говоримъ, что измѣненіе ощущенія отъ E_1 до E_2 равно измѣненію отъ E_k до E_1, (что равносильно тому, какъ если бы мы сказали, что ощущеніе E_m въ извѣстное число разъ больше ощущенія E_n), то такое утвержденіе получаетъ смыслъ только тогда, когда установлено, что считать въ данномъ случаѣ равнымъ; безъ этого же оно лишено всякаго смысла, подобно тому, какъ утвержденіе, напримѣръ, равенства звуковыхъ и свѣтовыхъ движеній.

Правда, доказать отсутствіе смысла въ такихъ утвержденіяхъ, по существу дѣла, невозможно, но только нельзя и утверждать, что понятіе равенства въ данномъ случаѣ само собой очевидно, и что измѣреніе интенсивности можно производить безъ всякихъ теоретическихъ затрудненій. Рѣшительно нельзя себѣ представить, что одна боль въ десять разъ больше другой; бо́льшая интенсивность никогда почти не разлагается такимъ образомъ, чтобы меньшая заключалась въ ней, какъ часть; слабый звукъ не заключается въ сильномъ столько-то разъ. Понятіе интенсивности заключаетъ въ себѣ представленіе о рядѣ, члены котораго измѣняются въ одномъ опредѣленномъ направленіи, а одинъ изъ конечныхъ пунктовъ принятъ за нуль; но составъ изъ равныхъ частей не входитъ въ понятіе интенсивности, и потому для измѣренія ея нужна еще добавочная условная единица. Представляетъ ли едва замѣтная разница такую единицу? По мнѣнію Kries'a, нѣтъ; ибо, какъ показываетъ опытъ, прибавленіе къ равнымъ ощущеніямъ одинаковаго количества такихъ единицъ даетъ въ результатѣ неравныя ощущенія; точно также количество такихъ едва замѣтныхъ разницъ путемъ упражненія можетъ быть увеличено въ промежуткѣ между двумя ощущеніями, но отъ этого квинта не превращается въ октаву. Вообще относительно интенсивности дѣло обстоитъ также, какъ относительно качества; мы говоримъ, что разница между желтымъ и краснымъ цвѣтомъ больше, чѣмъ между краснымъ и оранжевымъ; но чтобы придать этому произвольному выраженію опредѣленный смыслъ, надо прежде условиться, что въ данномъ случаѣ считать равной разницей.

Если Kries говоритъ объ аналогіи между интенсивностью

и качествомъ, то Boas [1]) идетъ дальше и утверждаетъ, что т. н. интенсивныя различія въ сущности суть качественныя различія; если бы различіе между свѣтлымъ и темнымъ, тихимъ и громкимъ было только различіемъ интенсивности, то для него можно было бы еще найти единицу мѣры; но сильное ощущеніе не есть многократное слабое и наоборотъ. Сложеніе относится только къ раздраженію, но не къ ощущенію. Ощущеніе поэтому и нельзя разсматривать, какъ величину, нельзя измѣрять и нельзя найти для этой цѣли масштаба. Опытъ показываетъ, что относительно двухъ паръ ощущеній, занимающихъ на общей скалѣ различное мѣсто, можно утверждать лишь слѣдующее: что ощущеніе A столь же отлично отъ B, какъ B отъ C; но отсюда нельзя вывести никакого заключенія относительно промежутка отъ A до C; если оба промежутка отъ A до B и отъ B до C одинаково едва замѣтны, то это вовсе не значитъ, что промежутовъ отъ A до C вдвое больше, чѣмъ отъ A до B, такъ какъ промежутокъ отъ A до C вовсе не входилъ въ изслѣдованіе, и о немъ ничего неизвѣстно.

Особенно рѣшительнымъ противникомъ непосредственной измѣримости психическихъ состояній является Münsterberg [2]). Съ особенной силой настаиваетъ онъ на томъ, что сильное ощущеніе не есть кратное слабаго, что психологически оно не составляется изъ слабыхъ ощущеній; что каждое ощущеніе, какъ сильное, такъ и слабое есть нѣчто совершенно самостоятельно-отличное, и относительно двухъ ощущеній мы можемъ сказать только одно: одинаковы они или неодинаковы. Качество и интенсивность представляютъ собою не два особыя свойства ощущеній, а лишь направленія, въ которыхъ мы можемъ сравнивать одно ощущеніе съ другимъ и въ этомъ отношеніи принципіальной разницы между различіями качества и интенсивности не существуетъ.

Указанныя возраженія противъ закона Weber-Fechner'a имѣютъ различное значеніе съ точки зрѣнія вопроса объ измѣ-

---

[1]) *F. Boas*, Ueber die Grundaufgabe der Psychophysik, въ Pflüger'a Archiv'ѣ für die gesammte Psychologie, 1882, т. 28, стр. 566 и сл.

[2]) *H. Münsterberg*, Beiträge zur experimentellen Psychologie, H. 3, Freiburg i. B., 1890, Neue Grundlegung der Psychophysik, стр. 1—12.

римости чувства. Тѣ изъ нихъ, которыя только исправляютъ численное выраженіе закона въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, или требуютъ замѣны одной формулы другою, не отрицаютъ, очевидно, самой возможности измѣренія психическихъ состояній, а напротивъ признаютъ ее. Равнымъ образомъ возраженія противъ принятія едва замѣтной разницы за единицу мѣры ощущеній указываютъ только на непригодность этого способа для измѣренія ощущеній, но, сами по себѣ, не касаются вопроса о возможности иной мѣры; тоже надо сказать относительно включенія въ цѣпь зависимости между раздраженіемъ и ощущеніемъ сравнивающихъ сужденій. Такимъ образомъ приходится считаться только съ возраженіями, прямо отрицающими измѣримость психическихъ состояній. Здѣсь, прежде всего, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, что психическія явленія неизмѣримы, потому что они не относятся къ внѣшнему міру и для физика и математика не составляютъ реальнаго явленія (Elsas). Возраженіе это, очевидно, неосновательно. Изъ того, что психика составляетъ своеобразный внутренній міръ, отличный отъ внѣшняго, слѣдуетъ только, что психическія состоянія не представляютъ собою тѣхъ явленій, которыми интересуется физикъ-математикъ, но не слѣдуетъ, что они не составляютъ вовсе реальныхъ явленій. Если же явленія внутренняго міра реальны наравнѣ съ внѣшними, то изъ того, что послѣднія измѣримы, не слѣдуетъ еще, что отличныя отъ нихъ явленія внутреннія непремѣнно неизмѣримы. Они могутъ быть измѣримы, хотя и въ единицахъ, отличныхъ отъ физическихъ. Измѣримость или неизмѣримость психическихъ состояній должна быть изслѣдована на самихъ психическихъ состояніяхъ, а не выводима изъ ихъ сходства или различія съ другими измѣримыми явленіями.

Въ данномъ случаѣ необходимо различать двѣ вещи: собственно измѣримость и количественную сравнимость. Подъ первой мы понимаемъ такой способъ измѣренія, который состоитъ въ примѣненіи единицы, опредѣленное число разъ вмѣщающейся въ измѣряемомъ объектѣ. Во второмъ случаѣ дѣло идетъ только о сравненіи, результатъ котораго выражается въ понятіяхъ равно, больше, меньше. Что касается измѣримости, то ея для чувства на практикѣ не существуетъ. Мы не можемъ одно чувство уложить въ другомъ извѣстное число разъ. Происходитъ ли это отъ того, что чувство, само по себѣ, неизмѣримо, объ

этомъ опытъ намъ ничего не говоритъ. Эмпирическая неизмѣримость можетъ проистекать и изъ другихъ причинъ, а именно, во-первыхъ, изъ того, что практика не выработала подходящей единицы мѣры чувства, во-вторыхъ, изъ того, что чувство въ чистомъ видѣ никогда не встрѣчается, а всегда нераздѣльно связано съ болѣе или менѣе сложнымъ интеллектуальнымъ комплексомъ, который самъ по себѣ можетъ не допускать измѣренія.

Иначе обстоитъ дѣло съ количественной сравнимостью чувства. Эмпирически она существуетъ безспорно. На каждомъ шагу мы сравниваемъ чувственныя состоянія съ самыми разнообразными качественно интеллектуальными содержаніями и находимъ, что одно чувство больше, равно, меньше другого; принимая во вниманіе качественное различіе интеллектуальнаго содержанія, эти «равно, больше и меньше» могутъ быть отнесены только къ чувственной части психическихъ комплексовъ. Правда, утверждаютъ, что количественное сравненіе является здѣсь процессомъ косвеннымъ, перенесеніемъ количественнаго отношенія внѣшнихъ раздраженій на качественно различныя психическія состоянія. Если въ пользу такого объясненія ссылаются на положеніе, что прямое сравненіе невозможно, въ силу несравнимости чувства, то доказательство вращается въ порочномъ кругѣ. Само по себѣ, утвержденіе, что сравненіе чувствъ происходитъ косвенно и вторично, получаетъ характеръ возможной гипотезы, наряду съ другимъ возможнымъ объясненіемъ, что сравненіе происходитъ непосредственно и первично. Изъ этихъ двухъ гипотезъ вторая требуетъ меньшаго числа допущеній, а потому и имѣетъ преимущество логической экономіи. Такимъ образомъ мы должны представить себѣ, что тождественный элементъ чувства въ различныхъ случаяхъ проявляется въ различныхъ видахъ, которые непосредственно и прямо являются въ сознаніи, какъ равные или неравные. Это количественное различіе и составляетъ то, что мы обозначаемъ интенсивностью чувства.

Первоначальныя количественныя отношенія, ограничивающіяся попарнымъ сравненіемъ, даютъ возможность расположить всѣ чувства въ рядъ, который либо самъ по себѣ, непосредственно воспринимается, какъ количественный, либо косвеннымъ образомъ получаетъ такой характеръ. Это расположеніе мо-

жетъ произойти такимъ образомъ, что каждое чувство помѣщается вслѣдъ за тѣмъ, отъ котораго оно едва замѣтно отличается. Такъ какъ чувства располагаются по одному только признаку интенсивности, то они должны образовать однолинейный рядъ; при этомъ отъ каждаго даннаго члена ряда едва замѣтно отличаться можетъ только одно состояніе, ибо, если бы такихъ состояній предположить два, то, принимая во вниманіе, что за основаніе сравненія принимается только одинъ признакъ, слѣдовало бы допустить, что въ отношеніи этого признака оба состоянія были бы тожественны. Въ этомъ ряду гдѣ-нибудь неизбѣжно должно допустить состояніе безразличія, т. е. нулевую точку. Для подобнаго расположенія нѣтъ надобности въ измѣреніи абсолютной величины чувства; достаточно взять за исходную точку любое чувство (e) и сравнить его съ любымъ другимъ (k); меньшее (пусть это будетъ e) помѣстить ближе къ нулю, бо́льшее (k) — дальше; если мы возьмемъ затѣмъ третье чувство, оно можетъ быть меньше перваго (e), или больше перваго, но меньше второго (k), или больше второго; сообразно съ этимъ, оно помѣстится либо между нулемъ и e, либо между e и k, либо за k, считая отъ 0. Предположимъ второй случай и помѣстимъ третье чувство въ точку h. Поступая также съ четвертымъ, пятымъ и т. д. чувствомъ, мы и получимъ рядъ, въ которомъ помѣстятся всѣ чувства, какія только между собою различаются по интенсивности.

Подобнаго рода однолинейный рядъ можетъ имѣть количественный характеръ уже съ самаго начала, если послѣдовательность едва замѣтныхъ интенсивностей сознается непосредственно, какъ количественное измѣненіе. Но даже и въ томъ случаѣ, если бы такого непосредственнаго сознанія не было, рядъ можетъ получить количественное значеніе и притомъ двоякимъ путемъ. Или мы прямо переносимъ на него готовое уже, изъ какихъ-бы то ни было другихъ источниковъ полученное и весьма привычное для насъ, представленіе о количественномъ возрастаніи; или можетъ случиться, что наше расположеніе совпадетъ съ расположеніемъ въ рядъ какихъ-либо другихъ явленій, находящихся съ чувственными состояніями въ правильномъ соотношеніи (внѣшнихъ раздраженій, или послѣдствій чувствъ, или чего бы то ни было другого), но уже измѣримыхъ; въ такомъ случаѣ количественныя отношенія измѣри-

маго ряда могутъ быть перенесены на чувственный рядъ. Въ частности можно допустить, что съ самаго начала мы располагаемъ чувственныя состоянія въ рядъ, параллельно тѣмъ внѣшнимъ измѣримымъ явленіямъ, которыя находятся въ томъ или другомъ правильномъ соотношеніи съ чувственными состояніями, и затѣмъ на послѣднія переносимъ количественныя отношенія внѣшнихъ явленій [1]). Однажды получивъ количественную сравнимость изъ какого бы то ни было источника, чувства затѣмъ сохраняютъ ее такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ находитъ себѣ идеально мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ, причемъ въ сознаніи утрачивается представленіе о первоначальномъ источникѣ происхожденія этого свойства чувствъ; благодаря чему косвенная количественная сравнимость столь же хороша, какъ если бы она была первоначальной и прямой. Отличіе ея отъ первоначальной можетъ быть открыто только путемъ теоретическихъ доказательствъ, а не непосредственнаго сознанія.

Особую теорію косвенной измѣримости интенсивности предлагаетъ Münsterberg [2]). По его мнѣнію, различія интенсивности не отличаются, какъ мы видѣли, по существу отъ различій качественныхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ полагаетъ, что интенсивность психическихъ явленій представляется измѣримой. Интенсивность ощущеній есть не что иное, какъ мышечныя ощущенія, входящія въ комплексъ воспріятія ощущенія. Всякое мускульное ощущеніе, вызываемое рефлекторнымъ двигательнымъ эффектомъ, можетъ имѣть двоякую судьбу. Если оно сопровождается второстепенными ощущеніями, которыя его локализируютъ, и соединяютъ съ представленіемъ объ органѣ, мы получаемъ сознаніе о возбужденіи извѣстнаго органа, или сокращеніи опредѣленныхъ мышцъ. Но безъ этихъ дополнительныхъ моментовъ мышечныя ощущенія не въ состояніи дать воспріятія движенія или сокращенія; вступая въ сознаніе не локали-

---

[1]) Boas, op. cit., стр. 569; v. Kries, по отношенію къ ощущеніямъ: ощущеніе получаетъ величину отъ величины объекта, составляющаго содержаніе ощущенія; напримѣръ, интенсивность ощущеній тяжести отъ тяжестей, стр. 286—287.

[2]) Beiträge, etc.

зированными, не будучи въ состояніи вызвать самостоятельнаго воспріятія, они сливаются съ даннымъ содержаніемъ сознанія и образуютъ то именно, что мы называемъ интенсивностью психическихъ состояній (стр. 48). Между тѣмъ, мускульныя ощущенія, по отношенію къ измѣримости, занимаютъ исключительное положеніе среди всѣхъ прочихъ ощущеній: сильное мышечное ощущеніе составляетъ кратное слабаго: то и другое различны не качественно, а только по времени и пространственному протяженію (стр. 30). Когда растетъ всякое другое раздраженіе, то каждый разъ получается особое несводимое къ другому ощущеніе; но когда увеличивается сила мускульнаго напряженія или движенія, то мышечное ощущеніе не измѣняется качественно, но только длится дольше, состоитъ изъ большаго количества послѣдующихъ другъ за другомъ слабыхъ мышечныхъ ощущеній (стр. 32—33). Благодаря этому мышечныя ощущенія измѣримы, а слѣдовательно измѣримы и интенсивности психическихъ состояній.

Гипотеза М. построена на утвержденіи, что мускульныя ощущенія обладаютъ тѣмъ свойствомъ, какимъ не обладаютъ прочія ощущенія—измѣримостью. На чемъ основано такое утвержденіе? Мышечныя ощущенія, являющіяся въ видѣ интенсивности, въ иномъ видѣ (т. е. въ своемъ собственномъ видѣ мышечныхъ ощущеній) сознанію недоступны. Измѣримость же ихъ въ видѣ интенсивности есть то, что надлежитъ доказать, и что не только не явствуетъ само собою изъ нашего внутренняго опыта, но даже имъ опровергается (это утверждаетъ М.). Слѣдовательно, измѣримость мышечныхъ ощущеній можетъ явствовать только изъ внутренняго психологическаго опыта относительно мышечныхъ ощущеній, являющихся въ своемъ настоящемъ видѣ. Сознается ли сильное мышечное ощущеніе какъ сумма слабыхъ, въ то время, какъ въ другихъ ощущеніяхъ ничего подобнаго не бываетъ? Что болѣе продолжительное сокращеніе даетъ болѣе продолжительное ощущеніе, которое есть одно и тоже тожественное ощущеніе, только продолжающееся дольше, это ясно, но болѣе продолжительное мышечное ощущеніе есть только болѣе продолжительное, а не болѣе интенсивное. Точно также сокращеніе бо́льшаго количества мышцъ даетъ бо́льшую сумму различно локализированныхъ ощущеній, но не одно болѣе интенсивное ощущеніе. Во всѣхъ примѣрахъ

М. мы видимъ, что внѣшнее раздраженіе — движеніе, напряженіе — суммируется изъ тожественныхъ частей — что бываетъ и при другихъ раздраженіяхъ. Но, чтобы суммировалось и ощущеніе, это ни откуда не слѣдуетъ.

Если бы мы могли допустить, что всѣ едва замѣтныя разницы, по которымъ мы мысленно расположили всѣ чувства въ рядъ, равны между собою, то мы получили бы масштабъ, посредствомъ котораго возможно было бы измѣреніе чувствъ. Первое, едва замѣтно отличное отъ нуля чувство, равнялось бы едва замѣтной разницѣ или единицѣ; второе, едва замѣтно отличное отъ перваго, — первому плюсъ единица, т. е. двумъ и т. д.

Теоретически принять едва замѣтныя разницы за величины равныя, какъ многократно было указываемо, мы не имѣемъ права [1]). Но практически мы могли бы поступить такъ съ полнымъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, практически одно чувство постолько отлично отъ другого, посколько мы это различаемъ, а слѣдовательно, всѣ едва замѣтныя разницы практически для насъ вполнѣ одинаковы, а именно всѣ онѣ едва замѣтны; каждая такая разница представляетъ собою минимальную величину, доступную нашему сознанію, иначе говоря, всѣ онѣ оказываютъ на нашу психику одинаковое дѣйствіе, выражающееся въ томъ, что всѣ онѣ едва привлекаютъ вниманіе; а такъ какъ практически чувства имѣютъ значеніе постолько, посколько они могутъ вліять на психику, и въ частности на нашу волю, то это одинаковое привлеченіе волевого вниманія и дѣлаетъ едва замѣтныя разницы практически одинаковыми. Практика однако не выработала изъ едва замѣтной разницы масштаба для измѣренія чувствъ, что легко объясняется, съ одной стороны, трудностью сравненія слишкомъ большого количества крайне непостоянныхъ чувствъ, сопровождаемыхъ притомъ качественно различнымъ интеллектуальнымъ содержаніемъ; съ другой стороны, къ тому не представляется и особенной нужды. Практически при конфликтѣ чувствъ достаточно рѣшить, какое изъ нихъ больше, и

---

[1]) См. между прочимъ, по поводу сравненія разницъ, какъ основанія измѣренія: *L. Lange*, Ueber das Massprincip der Psychophysik, Phil. Stud., т. X, 1894, стр. 130—137.

вообще нѣтъ надобности рѣшать, во сколько разъ побѣдившее чувство больше каждаго изъ вытѣсненныхъ или оказавшихся болѣе слабыми. Однако не трудно видѣть, что вытекающее изъ количественной сравнимости расположеніе всѣхъ чувствъ въ идеальный рядъ по возрастающей величинѣ допускаетъ возможность приложенія того или другого масштаба и измѣренія членовъ чувственнаго ряда въ единицахъ масштаба, или въ единицѣ чувства, соотвѣтствующаго единицѣ масштаба. Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, какъ объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Способность чувства къ количественному сравненію не предполагаетъ, однако, что всѣ конкретныя чувственныя состоянія вообще количественно сравниваются и одинаково легко сравниваются. Въ конкретномъ чувственномъ состояніи, сверхъ чувствъ, заключаются еще интеллектуальныя содержанія. Слишкомъ большая качественная разница такихъ содержаній въ двухъ чувственныхъ комплексахъ и отсутствіе практической потребности ихъ сравненія производитъ то, что подобныя психическія состоянія никогда между собою не сравниваются и закрѣпляются въ сознаніи, какъ качественно различныя и количественно несравнимыя. Кому прійдетъ въ голову производить количественное сравненіе духовной прелести художественной красоты съ чувственнымъ удовольствіемъ отличнаго обѣда? Многіе готовы даже утверждать, что подобныя вещи для нихъ вовсе несравнимы. И дѣйствительно, нѣтъ никакого смысла сравнивать столь различныя удовольствія, если къ тому нѣтъ никакой нужды. Но какъ только возникаетъ практическій интересъ, напримѣръ, при конфликтѣ удовольствій, мы всегда умѣемъ произвести подобное сравненіе. Такъ же, какъ слишкомъ большая качественная разница интеллектуальныхъ частей, такъ дѣйствуетъ и сравнительная необычайность интеллектуальнаго содержанія: намъ трудно соразмѣрить удовольствіе или страданіе съ другими такими же состояніями, когда это удовольствіе или страданіе вызывается рѣдкимъ или въ своемъ родѣ единственнымъ обстоятельствомъ. Такъ, намъ трудно бываетъ правильно опредѣлить пріятность вкуса какого-либо блюда, которое мы пробуемъ въ первый разъ; слишкомъ большое горе рѣдко оцѣнивается правильно сразу и т. д. По мѣрѣ того, какъ психическія состоянія повторяются чаще, становятся болѣе обыч-

ными, мы научаемся все вѣрнѣе опредѣлять сравнительную величину сопровождающихъ ихъ чувственныхъ состояній. Сравнимость различныхъ интеллектуально-чувственныхъ комплексовъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе различны по качеству ихъ интеллектуальныя части или чѣмъ меньше значенія имѣютъ онѣ въ общемъ психическомъ комплексѣ. Но болѣе всего количественная сравнимость интеллектуально-чувственныхъ комплексовъ обусловливается и развивается подъ вліяніемъ конфликтовъ между ними и возникающей отсюда необходимости дать предпочтеніе тому или другому психическому состоянію.

Само собою разумѣется, что количественная сравнимость чувствъ сообщаетъ таковую же сравнимость цѣнностямъ. Прежде однако, чѣмъ перейти къ этому вопросу, необходимо указать на тѣ качества объектовъ, которыя способствуютъ или противодѣйствуютъ развитію количественной сравнимости чувствъ и соотвѣтствующихъ имъ цѣнностей.

III. Экономическая цѣнность.

§ 1. Основные признаки.

Всѣ объекты, на которые проицируется цѣнность, могутъ быть классифицируемы по различнымъ признакамъ. Во-первыхъ, извѣстныя психическія состоянія и волевыя проявленія, внѣшнія и внутреннія сопровождаются, сами по себѣ, чувствомъ удовольствія или страданія; такъ, напримѣръ, состояніе умственной свѣжести, физической бодрости, созерцанія, правильно и легко текущій процессъ мышленія, умѣренная трата физическихъ силъ и т. д. доставляютъ удовольствіе сами по себѣ, независимо отъ содержанія или направленія этихъ состояній и дѣйствій. Испытываемое чувство проицируется на представленія такихъ состояній и процессовъ и сообщаетъ имъ цѣнность. Такъ какъ эта цѣнность есть то самое чувство, которое сопровождаетъ данные объекты, то она обусловливается этими послѣдними безъ всякаго посредствующаго звена. Такого рода цѣнности мы можемъ назвать самоцѣнностями, по нѣмецкой терминологіи Eigenwerte (то, что мы цѣнимъ не ради чего-либо другого, а само по себѣ).

Во вторыхъ, чувство можетъ проицироваться на такіе внутренніе и внѣшніе объекты, которые сами по себѣ не обу-

словливаютъ чувства, но обусловливаютъ возможность другихъ объектовъ, сопровождаемыхъ чувствомъ. Такого рода объекты будутъ опосредствованными цѣнностями, или Wirkungswerte по нѣмецкой терминологіи. Среди нихъ мы можемъ различать такіе объекты, которые получили цѣнность, благодаря тому, что они обусловливаютъ непосредственно самоцѣнности, и такіе, которые получили цѣнность уже отъ опосредствованныхъ цѣнностей.

Одни и тѣ же объекты въ одномъ случаѣ могутъ быть самоцѣнностями, въ другомъ цѣнностями опосредствованными; такъ, напримѣръ, работа мышцъ будетъ самоцѣнностью, когда и поскольку этотъ физіологическій процессъ сопровождается удовольствіемъ или страданіемъ; таже работа, совершаемая не ради непосредственно связываемаго съ нею удовольствія, а ради здоровья, которое является самоцѣнностью, будетъ опосредствованною цѣнностью. Кругъ самоцѣнностей не выходитъ за предѣлы организма субъекта, что понятно само собою; опосредствованными цѣнностями могутъ быть какъ объекты внѣшняго міра, такъ и внутреннія явленія.

Приведенныя дѣленія не исчерпываютъ возможной классификаціи цѣнностей и, въ частности, не даютъ основаній для нѣкотораго весьма существеннаго разграниченія способовъ дѣйствій субъекта. Дѣленіе цѣнностей на самоцѣнности и опосредствованныя цѣнности проявляетъ свое вліяніе въ томъ, что самоцѣнности являются цѣлью дѣйствій сами по себѣ, тогда какъ опосредствованныя цѣнности служатъ лишь средствами. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе вообще и, въ частности, для координаціи цѣлесообразныхъ дѣйствій съ точки зрѣнія ихъ этическаго значенія; но оно не касается весьма существенной особенности поведенія по отношенію къ цѣнностямъ, въ зависимости отъ того, являются ли объекты цѣнностей состояніями внутренними или явленіями внѣшними. Въ то время, какъ по отношенію къ первымъ субъектъ, въ предѣлахъ своего внутренняго міра, обладаетъ всей практической свободой самоопредѣленія, по отношенію къ міру внѣшнему онъ связанъ внѣшними условіями физической и общественной среды. Поэтому, съ точки зрѣнія внѣшняго поведенія, только что указанный моментъ имѣетъ самое существенное значеніе и, сообразно съ этимъ, мы должны раздѣлить всѣ цѣнности на внутреннія и внѣшнія. Внутренними цѣнностями будутъ тѣ цѣнности, объекты которыхъ не выхо-

дятъ за предѣлы психики субъекта; сюда, слѣдовательно, входятъ всѣ самоцѣнности, за исключеніемъ внѣшнихъ волевыхъ дѣйствій субъекта, такъ какъ внѣшнія дѣйствія выходятъ за предѣлы психики и могутъ воздѣйствовать на самый организмъ, аналогично внѣшнимъ объектамъ; и изъ опосредствованныхъ цѣнностей—тѣ психическія состоянія, которыя получаютъ свою цѣнность отъ самоцѣнностей. Въ противоположность внутреннимъ, внѣшними цѣнностями будутъ тѣ, которыхъ объекты вызываютъ въ субъектѣ чувство, дѣйствуя на организмъ, въ качествѣ извнѣ приходящихъ раздраженій. Сюда войдутъ всѣ внѣшнія опосредствованныя цѣнности и внѣшнія сознательно-произвольныя дѣйствія.

Если, сообразно съ этой классификаціей, мы распредѣлимъ всѣ дѣйствія субъекта на дѣйствія, не выходящія за предѣлы внутреннихъ цѣнностей, и дѣйствія, имѣющія объектомъ цѣнности внѣшнія, то получимъ весьма характерную для практической жизни субъекта классификацію. Міръ внутреннихъ цѣнностей и не выходящихъ за ихъ предѣлы дѣйствій, есть личный и собственный міръ субъекта; въ немъ послѣдній можетъ распоряжаться, не будучи ограниченъ законами внѣшнихъ объектовъ и дѣйствіями другихъ субъектовъ. На этотъ міръ не распространяются ни законы внѣшней матеріи и силъ, ни дѣйствіе обычныхъ или правовыхъ нормъ; нормы этическія пріемлются лишь постолько, посколько вытекаютъ изъ собственнаго содержанія этого внутренняго міра. Въ совершенно иномъ положеніи находится субъектъ по отношенію къ внѣшнимъ цѣнностямъ и распространяющимся на нихъ дѣйствіямъ. Здѣсь онъ вступаетъ въ міръ внѣшнихъ физическихъ явленій и дѣйствій другихъ лицъ, и въ своемъ поведеніи долженъ сообразоваться съ этимъ добавочнымъ элементомъ внѣшней среды. Изъ соотношенія законовъ его оцѣнки и сознательно-произвольныхъ дѣйствій съ внѣшними законами физической природы и дѣйствій другихъ лицъ вытекаетъ особый рядъ явленій, отличный отъ внутреннихъ явленій, не выходящихъ за предѣлы психики субъекта. Дѣйствія, не выходящія за предѣлы внутреннихъ цѣнностей, выражаются въ направленіи волевого вниманія на одни психическія состоянія, преимущественно передъ другими, въ пожертвованіи, устраненіи или удержаніи однихъ состояній ради другихъ. Весь процессъ, при изученіи его съ точки зрѣнія причинности, не вы-

ходитъ за предѣлы психологіи индивида. Дѣятельность, распространяющаяся на внѣшнія цѣнности, въ окончательномъ результатѣ выражается въ тѣхъ же состояніяхъ внутренней психики, но только результатъ этотъ достигается направленіемъ дѣйствій не на внутренніе объекты непосредственно, а на части внѣшней среды. Эти внѣшніе объекты, будь то предметы физической природы или другіе люди и ихъ дѣйствія, подчинены своимъ собственнымъ законамъ; поэтому и оперировать съ ними, какъ цѣнностями, нельзя такъ, какъ субъектъ оперируетъ съ своими собственными психическими состояніями. Дѣйствія и отношенія субъекта, вытекающія изъ квалификаціи внѣшнихъ объектовъ, какъ цѣнностей, должны осуществиться въ формахъ, соотвѣтствующихъ законамъ и природѣ внѣшнихъ объектовъ. Получается такимъ образомъ своеобразный міръ субъективно-объективныхъ явленій, могущій быть предметомъ соотвѣтствующаго изученія.

Однако этотъ міръ явленій долженъ быть раздѣленъ на дальнѣйшія категоріи, сообразно съ дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ внѣшнихъ цѣнностей, по ихъ вліянію на различія въ дѣйствіяхъ субъекта. Всѣ внѣшнія цѣнности мы можемъ раздѣлить на три класса: однѣ цѣнности вполнѣ подчиняются власти человѣка, другія—вовсе не подчиняются, третьи—занимаютъ среднее мѣсто. Перваго рода цѣнности могутъ быть приведены волею человѣка въ такое соотношеніе съ его организмомъ и другими цѣнностями, что оказываютъ дѣйствіе, свойственное имъ, какъ цѣнностямъ. Таковы всѣ тѣ предметы, съ которыми мы обыкновенно имѣемъ дѣло въ хозяйствѣ: пища, одежда, орудія, матеріалы и т. п. Другая категорія цѣнностей состоитъ изъ предметовъ и силъ, не поддающихся нашимъ дѣйствіямъ; такъ, дождь, солнечный свѣтъ, морской видъ, безспорно, представляютъ цѣнности, но объекты ихъ не зависятъ отъ нашей воли; они могутъ быть или не быть, независимо отъ нашего желанія, и если въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ достигнуть того, чтобы эти цѣнности производили свой эффектъ (напримѣръ, видѣть солнце, поднявшись на гору, или построить балконъ съ видомъ на море), то не путемъ воздѣйствія на нихъ, а путемъ подчиненія нашей волѣ другихъ объектовъ, которые относятся къ первой категоріи цѣнностей. Наконецъ, цѣнности третьяго рода характеризуются тѣмъ, что, подчиняясь воздѣй-

ствію воли въ нѣкоторыхъ неопредѣленныхъ границахъ, сохраняютъ при этомъ бо́льшую или меньшую свободу выйти изъ такой зависимости. Сюда принадлежатъ цѣнности, объектомъ которыхъ являются произвольныя дѣйствія и состоянія другихъ лицъ; такъ, дружба, любовь суть такія цѣнности, которыя могутъ быть вызываемы къ существованію нашими произвольными дѣйствіями, и, когда онѣ существуютъ, мы можемъ своимъ поведеніемъ заставить ихъ проявлять свои свойства цѣнностей; но подчинить чужую волю своей полной власти возможно развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, если вообще это возможно; всегда остается нѣчто, что можетъ сдѣлать всѣ наши расчеты и воздѣйствія безсильными.

Цѣнности, недоступныя власти человѣка, не могутъ быть, разумѣется, объектами его дѣйствій; онѣ лишь оказываютъ вліяніе на дѣятельность человѣка тѣмъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ сообщаютъ цѣнность другимъ объектамъ и дѣлаютъ *ихъ* предметомъ нашихъ дѣйствій. Этого рода цѣнности имѣютъ такое значеніе по отношенію къ объектамъ, поддающимся воздѣйствію воли, что, сами не выходя за предѣлы своей сферы, они только сообщаютъ опосредствованную цѣнность объектамъ смежной сферы и такимъ образомъ вызываютъ здѣсь возникновеніе цѣнностей, къ которымъ наше отношеніе опредѣляется уже законами заключающей эти цѣнности сферы. Такъ какъ объекты такого рода цѣнностей способны лишь вызывать чувство, но не могутъ быть объектами дѣйствій, то мы могли бы назвать ихъ цѣнностями эстетическими, въ противоположность практическимъ цѣнностямъ, допускающимъ волевое воздѣйствіе.

Объектами дѣятельности остаются такимъ образомъ цѣнности практическія. Практическія цѣнности, рядомъ съ различіемъ по степени доступности волевымъ воздѣйствіямъ, могутъ обнаруживать и другое различіе по признаку количественной сравнимости: въ то время, какъ однѣ изъ нихъ сравнимы между собою болѣе или менѣе неопредѣленно и, по преимуществу, въ качественныхъ терминахъ—лучше, хуже; другія поддаются болѣе точному количественному сравненію. Такъ, напримѣръ, различные способы дружественнаго поведенія нашихъ ближнихъ по отношенію къ намъ сравниваются, безспорно, и въ количественномъ отношеніи; мы говоримъ: одинъ видъ дружбы представляетъ собою бо́льшую цѣнность, чѣмъ другой;

но въ этой бо́льшей цѣнности существенную роль играетъ лучшее качество; болѣе точнаго количественнаго измѣренія эти блага не допускаютъ; равнымъ образомъ мы можемъ количественно сравнивать цѣнность дружбы съ цѣнностью любви, цѣнностью общественнаго почета; даже болѣе, нерѣдко приходится сравнивать этого рода нематеріальныя блага съ благами т. н. матеріальнаго характера, и всегда мы рѣшаемъ, что́ больше, что меньше; но настоящаго исключительно количественнаго сравненія, хотя бы приблизительно точнаго, которое допускало бы хотя нѣкоторое представленіе о той или другой общей мѣрѣ, мы все-таки не производимъ. Разумѣется, то, что здѣсь производится, представляетъ собою въ дѣйствительности количественное сравненіе, и именно, сравненіе чувственныхъ элементовъ цѣнности, но это количественное сравненіе покрывается качественнымъ различіемъ интеллектуальныхъ частей сознанія, вслѣдствіе чего и вся разница, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторый количественный элементъ, въ общемъ однако имѣетъ, по преимуществу, качественный характеръ. Правда, случается, что дружба и любовь весьма точно измѣряются деньгами; но тогда и въ силу этого именно обстоятельства эти цѣнности переходятъ изъ категоріи сравнимыхъ, по-преимуществу, качественно, въ категорію количественно сравнимыхъ и раздѣляютъ всѣ свойства послѣднихъ. Цѣнности, характеризуемыя возможностью болѣе точнаго количественнаго сравненія, остаются, разумѣется, качественно различными; но качественная разница отодвигается на задній планъ количественнымъ характеромъ цѣнности; благодаря этому, мы можемъ, напримѣръ, съ достаточною точностью рѣшить, какое количество тѣхъ или другихъ блюдъ слѣдуетъ замѣнить тѣмъ или другимъ количествомъ напитковъ, чтобы величина цѣнности обѣда не измѣнилась; отъ какого количества пищи мы согласны отказаться, чтобы имѣть одежду и т. д.

Какъ по степени подчиненія волевому воздѣйствію, такъ и по степени качественной сравнимости, цѣнности не представляютъ двухъ строго разграниченныхъ классовъ, но составлютъ непрерывный рядъ, въ которомъ между двумя крайними группами существуютъ промежуточные члены, образующіе постепенный переходъ отъ одной группы къ другой. При этомъ такой рядъ не представляетъ собою нѣчто разъ навсегда опре-

дѣленное и затѣмъ неизмѣнное; и способность подчиняться волевому воздѣйствію, и количественный характеръ являются измѣнчивыми признаками; тѣ произвольныя дѣйствія, которыя прежде не обладали способностью подчиняться чужому воздѣйствію, подобно внѣшнимъ матеріальнымъ силамъ, съ измѣненіемъ условій жизни, могутъ стать отдѣлимыми отъ личности дѣйствующаго настолько, что, въ извѣстныхъ границахъ предоставляются полному распоряженію другого лица [1]); и обратно, тѣ дѣйствія, которымъ прежде или въ извѣстныхъ условіяхъ не придавалось особаго значенія, могутъ получить столь тѣсную связь съ нашей личностью, что отдѣлить ихъ отъ нея оказывается невозможнымъ, а слѣдовательно, и предоставить другому можно не иначе, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Я, которое устраняетъ возможность полнаго подчиненія. Тоже имѣетъ мѣсто относительно количественнаго характера. Объекты, которые въ одно время и при однихъ условіяхъ, являются рѣдкими и необычными, по этой самой причинѣ не допускаютъ точнаго количественнаго сравненія своей цѣнности съ цѣнностью другихъ благъ; въ другое время и при другихъ условіяхъ тѣже цѣнности становятся обычными въ нашемъ обиходѣ, и мы научаемся опредѣлять ихъ цѣнность весьма точно; и обратно, многое, что прежде цѣнилось точно, на деньги, теперь пріобрѣло характеръ, не допускающій подобной оцѣнки.

Если такимъ образомъ каждая практическая цѣнность и не обладаетъ неизмѣнной въ пространствѣ и времени характеристикой по степени подчиняемости волѣ и количественному характеру, то въ каждомъ данномъ мѣстѣ и времени всѣ практическія цѣнности поддаются достаточно опредѣленной классификаціи по указаннымъ признакамъ. Сдѣлавъ такую классификацію практическихъ цѣнностей по двумъ признакамъ подчиняемости волѣ и количественному характеру, мы получимъ группу объектовъ, которые характеризуются и доступностью волевому воздѣйствію и точной количественной сравнимостью ихъ цѣнностей. Этого рода цѣнности будутъ занимать совершенно особое мѣсто среди всѣхъ другихъ цѣнностей и будутъ

---

[1]) По вопросу объ отдѣлимости услугъ см., между прочимъ, *W. Schuppe*, Der Begriff des subjectiven Rechts, Breslau, 1887, стр. 127–131.

придавать совершенно особый характеръ дѣятельности, имѣющей ихъ своимъ объектомъ. Обладая способностью подчиняться волевому воздѣйствію, онѣ дѣйствіями человѣка будутъ подвергаемы такимъ измѣненіямъ ихъ пространственныхъ, временныхъ и физическихъ отношеній къ организму дѣйствующаго субъекта и другимъ цѣнностямъ, какія окажутся необходимыми для того, чтобы цѣнности эти проявили свои качества цѣнностей. Онѣ будутъ приводимы въ такое отношеніе къ организму, чтобы дѣйствіе ихъ вызвало въ организмѣ то именно состояніе, которое придаетъ имъ свойство цѣнностей, иначе говоря, онѣ будутъ потребляемы; въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, ранѣе потребленія, цѣнности этого рода будутъ перемѣщаемы въ пространствѣ или сохраняемы во времени; если это опосредствованныя цѣнности, онѣ будутъ приводимы въ такое положеніе или соотношеніе съ другими цѣнностями, чтобы въ результатѣ возникли цѣнности, отъ которыхъ данныя получили свое опосредствованное значеніе, иначе говоря, опосредствованныя цѣнности будутъ затрачиваемы, въ качествѣ факторовъ производства; наконецъ, однѣ цѣнности будутъ передаваемы въ чужое распоряженіе, въ обмѣнъ за другія. Благодаря же тому, что этого рода цѣнности обладаютъ количественной сравнимостью, всѣ эти операціи будутъ характеризоваться признакомъ количественныхъ отношеній: различныя цѣнности будутъ потребляемы въ опредѣленныхъ количествахъ, въ опредѣленныхъ количествахъ затрачиваемы въ качествѣ факторовъ производства, для полученія опредѣленныхъ количествъ другихъ цѣнностей; опредѣленныя количества однѣхъ цѣнностей будутъ обмѣниваться на опредѣленныя количества другихъ.

Цѣнности, столь характерныя по своимъ свойствамъ и вызывающія столь характерныя особенности въ направленныхъ на нихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ субъекта, должны быть выдѣлены изъ среды всѣхъ другихъ цѣнностей, должны получить особое названіе и быть предметомъ особаго изученія. Такого рода цѣнности, подчиняющіяся волевому воздѣйствію и обладающія количественнымъ характеромъ, мы называемъ экономическими, дѣятельность, на нихъ направленную,—экономической, а науку, изучающую экономическія цѣнности и дѣятельность,—экономической наукой или теоріей политической экономіи.

Наиболѣе характернымъ свойствомъ экономическихъ цѣнностей является ихъ количественный характеръ. Способность подчиняться волевому воздѣйствію лежитъ какъ бы въ основѣ всѣхъ экономическихъ цѣнностей, но сама по себѣ, еще не придаетъ имъ экономическаго характера; послѣдній является лишь съ того момента, какъ къ этой основѣ присоединяется специфически отличительный признакъ количественнаго характера цѣнности. Существуютъ цѣнности, объекты которыхъ совершенно подвластны человѣку, но которыя не обладаютъ точной количественной сравнимостью съ другими цѣнностями и потому не подходятъ подъ понятіе экономическихъ; таковы, напримѣръ, различныя вещи, представляющія pretium affectionis. Не образуя особой экономической цѣнности, подчиняемость волѣ составляетъ однако необходимое условіе послѣдней; поэтому безъ этого признака экономическая цѣнность невозможна. Чѣмъ болѣе объективный характеръ, независимый отъ особенностей дѣйствующаго субъекта, носитъ указанное свойство, тѣмъ, при наличности количественной сравнимости, цѣнность является экономической для бо́льшаго числа лицъ. Присоединяясь къ этому основному свойству, количественная сравнимость превращаетъ практическую цѣнность въ спеціально экономическую въ той именно части, въ какой цѣнность количественно сравнима. Поэтому одинъ и тотъ же объектъ можетъ представлять какъ экономическую, такъ и неэкономическую цѣнность. Всякій подарокъ, посколько онъ представляетъ цѣнность, точно количественно сравнимую съ другими, составляетъ экономическую цѣнность; въ той же части, въ какой мы не можемъ выразить его цѣнность въ единицахъ, общихъ съ другими цѣнностями, онъ является цѣнностью неэкономическаго порядка. Такое совмѣщеніе экономическихъ и неэкономическихъ моментовъ въ одной и той же цѣнной вещи составляетъ весьма распространенное явленіе; оно имѣетъ мѣсто не только тогда, когда обыкновенныя экономическія цѣнности обладаютъ добавочною pretium affectionis, но и во многихъ другихъ случаяхъ; книга, картина, всякое художественное произведеніе представляютъ такое же соединеніе количественнаго и неколичественнаго характера цѣнностей; можно сказать даже больше—почти всякая вещь, ставшая «моею», пріобрѣтаетъ благодаря этому нѣкоторую добавочную неэкономическую цѣнность.

Остановимся на основномъ свойствѣ экономическихъ цѣнностей—ихъ количественномъ характерѣ. Послѣдній вытекаетъ, прежде всего, изъ ихъ количественной сравнимости. Подобно всѣмъ вообще цѣнностямъ, и цѣнности экономическія мы можемъ расположить въ рядъ по едва замѣтнымъ разницамъ, аналогично тому, какъ это было указано для чувствъ. Тожество пріема, весьма понятно, вытекаетъ изъ того, что количественная сравнимость цѣнностей есть не что иное, какъ сравнимость чувственной части цѣнностей. Расположеніе въ рядъ по едва замѣтнымъ разницамъ одинаково возможно какъ для экономическихъ, такъ и для неэкономическихъ цѣнностей. Разница, которая уже здѣсь замѣчается, состоитъ однако въ томъ, что для экономическихъ цѣнностей такое расположеніе по едва замѣтнымъ количественнымъ разницамъ почти исчерпываетъ взаимное отношеніе цѣнностей, тогда какъ для цѣнностей неэкономическихъ, рядомъ съ количественнымъ соотношеніемъ, существуетъ болѣе или менѣе неустранимое качественное различіе. Послѣднее обстоятельство и производитъ тотъ результатъ, что количественное сравненіе неэкономическихъ цѣнностей не опредѣляетъ ихъ взаимныхъ отношеній съ такою точностью, какъ это имѣетъ мѣсто для экономическихъ цѣнностей.

Расположивъ экономическія цѣнности въ рядъ по едва замѣтнымъ разницамъ, мы получили бы возможность не только количественнаго ихъ сравненія, но и настоящаго измѣренія, если бы только могли найти какую либо подходящую единицу мѣры. Понятно, что такой единицей могла бы быть нѣкоторая цѣнность, если бы она могла прикладываться къ другимъ цѣнностямъ и измѣрять ихъ счетомъ. Особенность экономическихъ цѣнностей состоитъ въ томъ, что для нихъ такая единица существуетъ въ такъ называемой предѣльной цѣнности, или вѣрнѣе—конечной или крайней цѣнности.

§ 2. Крайняя или конечная цѣнность.

Всегда и всѣмъ было извѣстно, что цѣна предметовъ уменьшается съ увеличеніемъ ихъ количества и увеличивается съ уменьшеніемъ его. Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что оцѣнка предметовъ зависитъ отъ величины чувства,

проицируемаго на предметъ, а послѣднее понижается съ каждой новой единицей продолженія вызывающей чувство причины. Поэтому каждая новая единица предметовъ, прибавляемая къ существующему уже ихъ количеству, цѣнится ниже предъидущихъ, или, что тоже, въ меньшемъ количествѣ единица предметовъ цѣнится выше, въ бо́льшемъ ниже. Когда предлагается бо́льшее количество предметовъ, то излишекъ ихъ можетъ быть пріобрѣтенъ либо прежними покупателями, либо новыми; въ первомъ случаѣ онъ встрѣчаетъ пониженную оцѣнку вслѣдствіе того, что представляетъ добавочное количество къ прежнему; во второмъ случаѣ онъ встрѣчаетъ менѣе состоятельныхъ покупателей, т. е. такихъ, которые высоко цѣнятъ деньги, имѣя ихъ мало. Хотя фактъ движенія цѣны въ направленіи, обратномъ количеству предметовъ, былъ извѣстенъ всегда, но не всегда обращали надлежащее вниманіе на причину этого явленія. Особенно грѣшили въ этомъ отношеніи основатели и послѣдователи трудовой теоріи цѣнности во всѣхъ ея видахъ. Такъ Рикардо, цитируя А. Смита, утверждалъ: «полезность не есть мѣрило мѣновой цѣнности, хотя послѣдняя безъ нея не мыслима», и затѣмъ множество экономистовъ повторяли это положеніе на всѣ лады, стараясь его обосновать или развить каждый по своему. Другіе изслѣдователи вовсе не интересовались причиной этого замѣчательнаго соотношенія, считая простое констатированіе зависимости цѣны отъ количества предметовъ достаточнымъ объясненіемъ. Но рядомъ съ этимъ, мы можемъ констатировать съ самаго давняго времени попытки уяснить причину зависимости между количествомъ благъ цѣною и оцѣнкой. Такъ уже Аристотелю была извѣстна правильность этой зависимости. Онъ указывалъ на высокую оцѣнку благъ менѣе полезныхъ, но имѣющихся въ ограниченномъ количествѣ, и низкую оцѣнку благъ, хотя и болѣе полезныхъ, но зато и болѣе изобильныхъ. Благо, которое отличается рѣдкостью — говоритъ онъ — превосходитъ благо, которое имѣется въ изобиліи; такъ, золото превосходитъ желѣзо, не смотря на то, что оно менѣе полезно; но имѣющееся въ изобиліи предпочтительнѣе рѣдкаго, такъ какъ употребленіе его широко. Нѣтъ ничего лучше воды—цитируетъ авторъ слова поэта. Въ литературѣ среднихъ и начала новыхъ вѣковъ послѣдователи каноническаго ученія о справедливой цѣнѣ много говорятъ о copia vel

inopia, abundantia, raritas, penuria товаровъ и вліяніи этого обстоятельства на цѣну; они даже указываютъ на то, что недостатокъ товаровъ составляетъ причину, изъ-за которой crescit aestimatio communis mercium, но психологическая конструкція этого возрастанія осталась ими не выясненной. Гораздо ближе подходятъ къ интересующему насъ вопросу старинные итальянскіе писатели о деньгахъ — Davanzati и Montanari [1]). По ихъ мнѣнію, для опредѣленія денежной цѣны, слѣдовало бы знать, какъ относится доля благополучія, производимаго даннымъ предметомъ, ко всему благополучію, производимому всей совокупностью вещей, и взять пропорціональную этому отношенію долю всего золота и серебра. Отсюда понятно, что хотя весь хлѣбъ или вся вода вообще наиболѣе полезны и крайне необходимы для жизни, но одна ихъ мѣра обусловливаетъ сравнительно небольшую долю благополучія и потому можетъ стоить дешево или вовсе ничего не стоитъ [2]).

Фактъ измѣненія цѣнности въ зависимости отъ количества былъ категорически формулированъ Daniel'емъ Bernoulli [3]). Разсматривая условія безобидности игръ, Bernoulli высказалъ положеніе, что одно и тоже количество денегъ имѣетъ различную цѣнность, въ зависимости отъ богатства, или имущества лица. Для бѣднаго — говоритъ онъ — выигрышъ въ 1000 дукатовъ представляетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ для богатаго (§ 3). Если одно лицо обладаетъ имуществомъ въ 100.000 дукатовъ, а другое въ 100.000 полудукатовъ, то для второго половина дуката будетъ имѣть такое же значеніе, какъ для перваго цѣлый дукатъ (§ 6). При всякой игрѣ, какъ бы она ни была справедлива, каждый изъ играющихъ подвергается нѣкоторому ущербу: одна и таже сумма денегъ, составляющая ставку, имѣетъ различную цѣнность въ томъ случаѣ, когда она прибавляется къ уже существующему имуществу игрока, и въ томъ случаѣ, когда она

---

[1]) *Davanzati*, Lezione delle monete, 1588; *Montanari*, Della moneta, въ Scrittori classici italiani, parte ant., т. II и III, 1804.

[2]) Montanari, стр. 47.

[3]) Specimen Theoriae novae de Mensura Sortis, написано въ 1730 или 1731 году, издано въ 1738; въ нѣмецкомъ переводѣ съ комментаріями Prinsgheim'а и предисловіемъ Fick'а въ Brentano und Leser, Sammlung etc., № 9, Leipzig, 1896.

отъ него отнимается (§ 13). Bernoulli не только указываетъ на то, что всякое новое количество имущества имѣетъ меньшую цѣнность, сравнительно съ такимъ же предъидущимъ, но и полагаетъ, что это пониженіе цѣнности можетъ быть выражено въ точной математической формѣ. Въ высшей степени вѣроятно, по его мнѣнію, что всякая какъ можно малая прибавка къ наличному уже имуществу представляетъ выгоду, обратно пропорціональную этому послѣднему (§§ 5, 6) Такого рода зависимость выражается формулой $dy=b.\frac{dx}{x}$, гдѣ dy представляетъ собою выгоду какъ можно малаго приращенія (dx) къ имѣющемуся имуществу (x) (§ 10). Откуда вытекаетъ, что $y=b\lg x+C$; здѣсь b есть нѣкоторый коэффиціентъ, выводимый изъ опыта и постоянный для всѣхъ значеній x, а C есть постоянная, вводимая съ тою цѣлью, чтобы при $y=0$, x сохраняло свое первоначальное значеніе, и слѣдовательно величина ея опредѣляется уравненіемъ $0=b\lg x+C$, т. е. $C=-b\lg x$ [1]).

Открывъ законъ первостепенной важности, Bernoulli не заботился о строгомъ его доказательствѣ; онъ сравниваетъ цѣнность одинаковой прибавки къ имуществу у двухъ лицъ, не рѣшивъ вопроса, можно ли вообще сравнивать между собою оцѣнки двухъ лицъ, иначе говоря, существуетъ ли объективный масштабъ для сравненія цѣнности одного лица съ цѣнностью другого. Рѣшеніе этого вопроса сводится къ рѣшенію вопроса, можно ли найти общую единицу для сравненія чувствъ двухъ лицъ? Строго говоря, подобной единицы не можетъ быть, такъ какъ измѣреніе чувства основывается на собственномъ переживаніи чувствъ различной интенсивности и мое переживаніе, какъ состояніе моего я, не можетъ быть ни больше, ни меньше чужого чувства. Нѣкоторые полагаютъ, что есть блага, которыя всѣ должны цѣнить одинаково, напримѣръ, жизнь, и что цѣнность такихъ благъ могла бы служить общею мѣрою оцѣнки и другихъ благъ. Однако, такое рѣшеніе вопроса, во-первыхъ, теоретически невѣрно; если мы желаемъ доказать возможность существованія общей мѣры цѣнностей или чувствъ разныхъ лицъ, то мы не должны начинать съ того, что при-

[1]) Примѣч. переводчика, стр. 34—35.

нимаемъ существованіе такой мѣры въ томъ или другомъ случаѣ за данное, такъ какъ тогда нечего и доказывать. Во-вторыхъ, если бы мы и допустили *возможность* сравненія чувствъ разныхъ лицъ, то практически нѣтъ объекта, который цѣнился бы всѣми одинаково. Вовсе не очевидно, чтобы жизнь имѣла для всѣхъ одинаковое значеніе. Однимъ словомъ, теоретически сравненіе чувствъ разныхъ лицъ между собою невозможно. Практически однако мы его производимъ. При этомъ мы исходимъ изъ постулата о сходствѣ человѣческой природы. Мы разсуждаемъ слѣдующимъ образомъ: если я при данныхъ обстоятельствахъ испытываю извѣстное чувство по отношенію къ нѣкоторому объекту, то, въ силу сходства человѣческой природы, и другой при подобныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ бы испытывать такое же чувство; если же поведеніе его не оправдываетъ такого допущенія, то мы и говоримъ: другой цѣнитъ данный объектъ больше или меньше, чѣмъ я. Для практическихъ цѣлей сравненіе чувствъ и оцѣнокъ, основанное на такомъ умалчиваемомъ апріорномъ допущеніи, вполнѣ достаточно; поэтому мы говоримъ, что трусъ больше боится смерти, чѣмъ отважный, и скряга больше любитъ деньги, чѣмъ мотъ, нисколько не задаваясь вопросомъ, есть ли такой случай, по отношенію къ которому чувство страха тождественно и у храбраго и у трусливаго человѣка, или чувство любви одинаково какъ у скряги, такъ и у мота. Мы легко можемъ построить таблицу цѣнностей для одного лица и таблицу цѣнностей для другого лица, и найти, что одни и тѣже объекты расположены въ этихъ таблицахъ не въ одинаковомъ порядкѣ; на основаніи этого можно сказать, что скряга любитъ деньги больше, чѣмъ удовольствія, которыя могутъ быть куплены за деньги, а мотъ больше любитъ удовольствія, чѣмъ деньги; но, чтобы отъ этого утвержденія перейти къ утвержденію, что скряга любитъ деньги больше, чѣмъ мотъ, надо пройти черезъ положеніе, что въ какомъ-нибудь случаѣ одинаковыя чувства двухъ лицъ находятся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ два чувства одного и того же лица. На практикѣ мы такъ и поступаемъ, но теоретически подобное утвержденіе не можетъ быть обосновано.

Нѣкоторое затрудненіе въ этомъ вопросѣ встрѣтилъ и Bernoulli; находя, что оцѣнка денегъ зависитъ не только отъ

размѣровъ имущества, но и характера лицъ, онъ устраняетъ возраженія, которыя могутъ отсюда вытекать для его положенія, тѣмъ, что предполагаетъ разсматривать только одного и того же человѣка (§ 6) Такимъ образомъ, несмотря на неудовлетворительное обоснованіе своего положенія, онъ приходитъ къ правильному его примѣненію.

Положеніе Bernoulli заключаетъ въ себѣ однако, какъ уже сказано, то произвольное утвержденіе, что цѣнность возрастаетъ въ опредѣленномъ отношеніи къ количеству, а именно, какъ логарифмъ количества. Уже Laplace, повторяя взгляды Bernoulli, высказываетъ сомнѣніе въ безусловной правильности послѣдняго утвержденія [1]). Онъ различаетъ математическое ожиданіе (произведеніе ожидаемой суммы на вѣроятность ея полученія) отъ т. н. нравственнаго ожиданія. Послѣднее не совпадаетъ съ первымъ въ виду того, что нравственная выгода, доставляемая благомъ, не пропорціональна этому благу и зависитъ отъ множества обстоятельствъ, которыя часто очень трудно опредѣлить, но изъ которыхъ самое главное и наиболѣе общее — имущество. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что франкъ имѣетъ бо́льшее значеніе для того, у кого ихъ только 100, чѣмъ для милліонера. Поэтому въ ожидаемомъ благѣ должно различать абсолютную цѣнность отъ относительной; послѣдняя сообразуется съ мотивами, которые дѣлаютъ благо желательнымъ, первая не зависитъ отъ нихъ. Но—замѣчаетъ авторъ—нельзя дать общаго принципа для опредѣленія этой относительной цѣнности. Впрочемъ, существуетъ предложенное Daniel'емъ Bernoulli правило, которое можетъ служить во многихъ случаяхъ. Относительная цѣнность безконечно малой суммы равняется ея абсолютной цѣнности, дѣленной на всю величину имущества даннаго лица.

O. Kraus [2]) въ прекрасной монографіи, посвященной Bentham'у, доказываетъ, что этотъ писатель самостоятельно и независимо отъ Bernoulli (стр. 42, что, впрочемъ, мнѣ кажется сомнительнымъ, если принять во вниманіе сходство даже въ

---

[1]) *De Laplace*, Essai philosophique sur les probabilités, 6 ed., Paris, 1840, стр. 24—28.

[2]) *O. Kraus*. Zur Theorie des Wertes, Eine Bentham-Studie, Halle a. S. 1901, впрочемъ на Bentham'а ссылался еще Jevons.

подробностяхъ и способѣ изложенія, см. стр. 64), пришелъ къ совершенно сходному съ Bernoulli взгляду на постепенное уменьшеніе цѣнности послѣдовательныхъ частицъ одного и того же блага, съ тою только разницею, что онъ отвергалъ возможность математическаго выраженія этого убыванія цѣнности (стр 41), и въ обоснованіи своихъ взглядовъ исходилъ болѣе изъ психологическихъ понятій; онъ говоритъ о чувствѣ удовольствія, благополучія, объ усталости и пресыщеніи, какъ причинахъ указаннаго явленія.

Gossen дѣлаетъ законъ послѣдовательнаго уменьшенія цѣнности предметомъ особаго изслѣдованія и выводитъ изъ него объясненіе нѣкоторыхъ экономическихъ явленій и правила поведенія, которымъ онъ придаетъ необыкновенно важное значеніе. По мнѣнію Gossen'а [1]), величина одного и того же наслажденія, при непрерывномъ его продолженіи, постоянно уменьшается, до полнаго насыщенія (стр. 4—5); вслѣдствіе этого также измѣняется и цѣнность предметовъ: первая доля имѣетъ наибольшую цѣнность, а всякая слѣдующая доля той же величины — меньшую, пока, наконецъ, не наступитъ полное обезцѣненіе (стр. 33). Gossen не рѣшаетъ вопроса, какое количественное выраженіе имѣетъ законъ послѣдовательнаго уменьшенія наслажденія и цѣнности; для своихъ выводовъ онъ принимаетъ наиболѣе простое допущеніе обратно пропорціональной зависимости наслажденія и цѣнности отъ количества, вслѣдствіе чего площадь наслажденія ограничивается у него прямою линіей. Такое допущеніе, введенное для упрощенія вычисленій, не отвѣчаетъ однако, по его мнѣнію, дѣйствительности; законъ уменьшенія наслажденія требуетъ кривой, для различныхъ случаевъ наслажденій модифицированной такимъ же образомъ, какъ въ законѣ тяготѣнія пути небесныхъ тѣлъ, и весьма возможно, что всѣ эти линіи представляютъ собою кривыя второго порядка. Было бы преждевременно — говоритъ авторъ — уже теперь дѣлать какія-либо заключенія относительно этихъ модификацій. Это можно было бы сдѣлать съ успѣхомъ только въ томъ слу-

[1]) *H. H. Gossen*, Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, Neue Ausgabe, Berlin, 1889, (первое изданіе въ 1853 г.).

чаѣ, когда были бы на лицо выводы изъ достаточнаго числа наблюденій. Выводы эти можно было бы получить, наблюдая измѣненіе количества предметовъ, пріобрѣтаемыхъ при разныхъ цѣнахъ (стр. 123—124).

Столь же осторожныхъ мнѣній держатся и большинство послѣдующихъ экономистовъ по вопросу о математическомъ выраженіи указаннаго соотношенія. Jevons [1]) полагаетъ, что субъективныя условія полезности слишкомъ сложны, чтобы можно было ожидать получить для нея простой и точный законъ, подобный закону тяготѣнія, и считаетъ утвержденіе Bernoulli произвольнымъ (стр. 159, 173). Auspitz и Lieben [2]), находятъ, что, хотя кривая полезности представляется вогнутой по отношенію къ абсциссѣ и служитъ выраженіемъ общаго физіологическаго закона, состоящаго въ томъ, что прибавка малаго раздраженія дѣйствуетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе подобныхъ раздраженій предшествовало данному, однако условія потребленія каждаго слѣдующаго приращенія предметовъ слишкомъ сложны для того, чтобы законъ этотъ могъ найти чистое выраженіе въ кривой полезности.

Безусловнымъ сторонникомъ теоріи логариѳмическаго закона измѣненія полезности является Effertz [3]). Полагая, что законъ этотъ экономистамъ вовсе неизвѣстенъ, онъ ссылается только на Bernoulli и прослушанныя имъ лекціи физіологіи и отождествляетъ законъ цѣнности съ т. н. психофизическимъ закономъ Fechner'a. Подобно тому, какъ согласно послѣднему закону,

$$\text{Ощущеніе} = c \lg (\text{Раздраженія}) + C,$$

такъ, по мнѣнію Effertz'a, и цѣнность растетъ, какъ логариѳмъ количества предметовъ, или

$$w = c \lg m + C.$$

Иными словами, удовлетвореніе, доставляемое потребленіемъ благъ, должно разсматривать также, какъ ощущеніе, а количество ихъ, какъ раздраженіе.

---

[1]) *W. St. Jevons*, The Theory of Political Economy, London, 1879 (перв. изд. 1871).

[2]) *B. Auspitz und B. Lieben*, Untersuchungen über die Theorie des Preises, Leipzig, 1889, стр. 11, 480.

[3]) *O. Effertz*, Arbeit und Boden, 2 Aufl., Berlin, 1890, т. 1, стр. 138—145.

Однако принятіе логариѳмической формулы для измѣненія цѣнности является не только произвольнымъ, но и неправильнымъ. Что оно произвольно, это очевидно: у насъ нѣтъ никакихъ экспериментальныхъ или опытныхъ данныхъ для вывода математической формулы зависимости между оцѣнкой и количествомъ; извѣстенъ только фактъ пониженія цѣнности съ увеличеніемъ количества; но, разумѣется, этотъ фактъ, самъ по себѣ, ничего еще не говоритъ о количественномъ соотношеніи измѣненій. Единственнымъ основаніемъ для принятія логариѳмической функціи является предположеніе, что такого рода зависимость доказана въ психофизіологіи для ощущенія. Однако мы видѣли, что правильность математическаго выраженія, даннаго Fechner'омъ отношенію между раздраженіемъ и ощущеніемъ, сильно оспаривается; одни полагаютъ, что указанная зависимость можетъ или должна быть выражена въ нѣкоторыхъ другихъ формулахъ, другіе утверждаютъ, что формула Fechner'а примѣнима только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Если формула Fechner'а теряетъ характеръ безспорной даже для тѣхъ фактовъ, которые послужили основаніемъ къ ея выводу, то тѣмъ болѣе рисковано было бы примѣнять ее на вѣру въ другой области. Тѣмъ болѣе, что область эта отлична отъ той, для которой психо-физическій законъ установленъ; если бы мы и признали, что формула Fechner'а безспорна даже для всѣхъ ощущеній, то изъ этого нельзя еще выводить, что она дѣйствительна и въ области чувствъ. Напротивъ, правильность ея въ области ощущеній служила бы только доказательствомъ неприложимости къ чувствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что нѣкотораго рода предметы представляютъ раздраженіе, для котораго психо-физическій законъ совершенно вѣренъ; въ такомъ случаѣ ощущеніе, вызываемое потребленіемъ этихъ благъ будетъ расти пропорціонально логариѳмамъ ихъ количествъ. Для того, чтобы и чувство, сопровождающее ощущеніе, росло также пропорціонально количеству благъ и по той же формулѣ, необходимо, чтобы оно возрастало тождественно съ возрастаніемъ ощущенія. Между тѣмъ этого то какъ разъ и нѣтъ. Когда ощущеніе длится безъ измѣненія, сопровождающее его чувство удовольствія постепенно уменьшается, доходитъ до нуля и превращается въ отрицательную величину; когда же ощущеніе растетъ, чувство удовольствія также растетъ, но въ

пропорціи меньшей и притомъ только въ опредѣленныхъ предѣлахъ, за которыми оно весьма часто сразу исчезаетъ и замѣняется отрицательнымъ чувствомъ страданія. Что касается послѣдняго, то здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать равномѣрный ростъ чувства параллельно ощущенію; напротивъ, непрерывное ощущеніе можетъ сопровождаться возрастающимъ страданіемъ, а возрастающее ощущеніе можетъ, повидимому, весьма различно отражаться на сопровождающемъ его страданіи. Такого рода соотношеніе между чувствомъ и ощущеніемъ не только извѣстно изъ повседневнаго психологическаго опыта, но до извѣстной степени подтверждено точными наблюденіями и даже экспериментами. Lehmann [1]) формулируетъ свои изслѣдованія по данному вопросу слѣдующимъ образомъ: для того, чтобы данное представленіе вызвало опредѣленное чувственное состояніе, оно должно имѣть извѣстный минимумъ длительности или экстенсивный порогъ. Когда представленіе длится сверхъ этого времени, чувственный тонъ сначала усиливается до максимума, затѣмъ удерживается на немъ нѣкоторое время и, наконецъ, притупляется. Тоже происходитъ и при повторномъ появленіи представленій, сопровождаемыхъ чувственнымъ тономъ: чувственное состояніе притупляется при повтореніи такимъ же образомъ, какъ и при непрерывномъ продолженіи. Зависимость чувства отъ интенсивности представленій выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ (стр. 180—181). Для того, чтобы представленіе сопровождалось чувственнымъ тономъ, оно должно перейти порогъ интенсивности. При дальнѣйшемъ возрастаніи интенсивности представленія растетъ и интенсивность чувства, причемъ необходимо различать два случая, въ зависимости отъ того, сопровождалось ли представленіе сначала удовольствіемъ или страданіемъ. Всѣ сопровождающіяся страданіемъ представленія, сколько бы они ни усиливались, вызываютъ всегда возрастающія страданія, до наступленія потери сознанія; при представленіяхъ, которыя сначала сопровождаются удовольствіемъ, чувство удовольствія растетъ лишь до опредѣленнаго максимума, на которомъ оно можетъ, по-видимому, удерживаться даже при весьма значительныхъ измѣне-

[1]) *A. Lehmann.* Die Hauptgesetze etc. Leipzig, 1892, стр. 191, 194.

ніяхъ интенсивности представленія. Но когда этотъ максимумъ пройденъ, чувство начинаетъ понижаться и, наконецъ, переходитъ въ страданіе.

Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что если бы были какія-либо основанія распространять психофизическую формулу Fechner'a на чувство, то на мѣсто раздраженія въ этой формулѣ должно было бы быть поставлено ощущеніе или представленіе, или вѣрнѣе его два момента—продолжительность и интенсивность, а ощущеніе уже, въ свою очередь, находилось бы въ такой же зависимости отъ количества предметовъ, какъ своего раздраженія. Иначе говоря, чувство увеличивалось бы не какъ логариѳмъ количества, а какъ логариѳмъ логариѳма количества предметовъ. Само собою разумѣется, однако, что утверждать такого рода количественную зависимость у насъ нѣтъ никакихъ основаній.

Такимъ образомъ остается только тотъ фактъ, что всякая послѣдующая единица какихъ-либо предметовъ, присоединяющихся къ предъидущимъ, будучи потребляема, т. е. дѣйствуя въ качествѣ раздраженія, вызываетъ, сравнительно съ предъидущими, меньшее чувство удовольствія, если она первоначально вызывала удовольствіе, и, быть можетъ, сравнительно меньшее чувство страданія, если она первоначально вызывала страданіе; хотя послѣднее пока сомнительно. Вслѣдствіе этого, и цѣнность предметовъ, если она первоначально положительная, съ увеличеніемъ количества предметовъ, постепенно понижается для каждой послѣдующей единицы и можетъ стать равной нулю и даже перейти въ отрицательную цѣнность.

Цѣнность послѣдней мѣры какого-либо количества предметовъ назовемъ крайней цѣнностью. Когда количество предметовъ настолько велико, что, какъ говорятъ, удовлетворяетъ соотвѣтствующую потребность вполнѣ, т. е. настолько велико, что потребленіе ихъ низводитъ чувство удовольствія до нуля, то и крайняя цѣнность должна быть равна нулю. Въ такомъ благодатномъ положеніи могъ однако находиться развѣ праотецъ Адамъ въ раю. Но уже послѣ изгнанія изъ рая, количество многихъ предметовъ должно было оказаться ограниченнымъ, и крайняя цѣнность ихъ должна была стать выше нуля, причемъ крайняя цѣнность разныхъ предметовъ могла быть только раз-

личной, такъ какъ въ случайной и различной ограниченности благъ, и различныхъ скалахъ пониженія отдѣльныхъ чувствъ нѣтъ никакихъ основаній для равенства цѣнностей послѣднихъ единицъ разныхъ предметовъ. Однако крайняя цѣнность предметовъ одного и того же рода должна быть одинакова даже въ томъ случаѣ, если предметы служатъ цѣлямъ человѣка различнымъ техническимъ способомъ, т. е. различными техническими способами вызываютъ различные чувственные комплексы. Это явствуетъ изъ того очевиднаго соображенія, что сознательно-произвольная дѣятельность человѣка не можетъ быть направлена на такой способъ потребленія вещи, который причинялъ бы меньшее удовольствіе, сравнительно съ другимъ возможнымъ способомъ потребленія той же вещи. Крайнія цѣнности предметовъ одного и того же рода должны быть равны во всѣхъ видахъ потребленія этихъ предметовъ.

Въ этомъ условіи дана необходимость уравненія крайнихъ цѣнностей предметовъ одного и того же рода не только въ томъ случаѣ, когда предметы потребляются въ своемъ первоначальномъ видѣ, но и тогда, когда посредствомъ тѣхъ или другихъ техническихъ измѣненій, они могутъ быть превращены въ предметы другого техническаго вида. При наличности такой возможности, волевое дѣйствіе человѣка, выражающееся въ потребленіи, не можетъ быть опредѣляемо и направляемо чувствами, соотвѣтствующими меньшимъ крайнимъ цѣнностямъ, если извѣстно, что предметы, будучи технически превращены въ другой видъ, представляли бы большія крайнія цѣнности и вызвали бы лучшее чувственное состояніе. Результатомъ этого является техническое превращеніе предметовъ въ другой видъ, которое мы называемъ производствомъ, и которое приводитъ къ тому конечному результату, что послѣднія единицы предметовъ одного и того же первоначальнаго рода имѣютъ одинаковыя крайнія цѣнности, послѣ всевозможныхъ техническихъ превращеній.

Сознательно-произвольныя внѣшнія дѣйствія, которыя мы называемъ трудомъ, обладаютъ наибольшей способностью, вмѣстѣ съ другими объектами, воплощаться въ продукты самаго разнообразнаго техническаго вида. Согласно съ общимъ правиломъ, крайнія цѣнности единицъ труда во всѣхъ возможныхъ

техническихъ своихъ видахъ, должны представлять равныя крайнія цѣнности.

Такое же значеніе, какъ техническое превращеніе объекта въ другой видъ посредствомъ производства, имѣетъ экономическое превращеніе его въ другой предметъ посредствомъ обмѣна. И здѣсь, слѣдовательно, крайнія цѣнности затрачиваемыхъ единицъ одного и того же продукта должны быть равны въ видѣ всѣхъ возможныхъ предметовъ, какіе только получаются въ обмѣнъ за единицу даннаго. Наибольшею способностью къ обмѣну обладаютъ, какъ извѣстно, въ нашемъ хозяйственномъ строѣ деньги. Согласно съ общимъ правиломъ, единицы денегъ въ видѣ всѣхъ возможныхъ пріобрѣтаемыхъ за эти единицы вещей, должны представлять равныя крайнія цѣнности.

Сведеніе цѣнностей одного и того-же рода, допускающихъ различные способы потребленія, къ одинаковой крайней цѣнности происходитъ путемъ распредѣленія даннаго предмета въ надлежащихъ количествахъ между различными способами потребленія. Уравненіе крайней цѣнности единицы денегъ достигается такимъ распредѣленіемъ всего ихъ количества на части, предназначенныя для пріобрѣтенія различныхъ предметовъ, чтобы крайнія цѣнности предметовъ, пріобрѣтаемыхъ за послѣднія единицы денегъ, во всѣхъ случаяхъ были между собою равны. Уравненіе крайней цѣнности единицы труда достигается аналогичнымъ распредѣленіемъ труда между производствомъ различныхъ предметовъ, а именно, такимъ распредѣленіемъ, чтобы на послѣднія единицы труда, затраченнаго на производство каждаго продукта, упадали, въ формѣ продуктовъ, равныя крайнія цѣнности. Въ мѣновомъ хозяйствѣ тоже распредѣленіе осуществляется болѣе сложнымъ путемъ. Сперва изъ соотношенія субъективныхъ оцѣнокъ обмѣнивающихся лицъ устанавливаются мѣновыя отношенія между различными предметами, которыя должны удовлетворять тому условію, чтобы для каждаго лица тѣ количества предметовъ, которыя пріобрѣтаются за единицу его собственнаго, представляли бы одинаковыя крайнія цѣнности. Такимъ образомъ единица даннаго предмета является цѣной различныхъ количествъ единицъ другихъ предметовъ. Но эти различныя количества единицъ другихъ предметовъ, имѣющія одинаковую цѣну, въ видѣ одной единицы даннаго предмета, должны удовлетворять еще и другому усло-

вію: они должны быть воплощеніемъ такого количества единицъ труда, чтобы послѣ распредѣленія ихъ цѣны между факторами производства, по законамъ распредѣленія, на единицу труда въ каждомъ родѣ предметовъ упала одна и таже величина цѣны. Если это второе условіе не удовлетворено, трудъ переходитъ изъ производства однихъ предметовъ въ производство другихъ, крайнія цѣнности измѣняются, сообразно съ ними мѣняются мѣновыя отношенія, до тѣхъ поръ, пока въ одинаковой мѣрѣ не будутъ исполнены оба условія: пока крайнія цѣнности тѣхъ количествъ разныхъ предметовъ, которыя пріобрѣтены за одну и туже цѣну, станутъ равны, и въ тоже время количества разныхъ предметовъ, имѣющія одинаковую цѣну, при распредѣленіи ея между факторами производства, дадутъ во всѣхъ случаяхъ на долю одной единицы труда одну и туже цѣну.

Такимъ образомъ, оказывается, что возможность превращенія однихъ цѣнныхъ предметовъ въ другіе путемъ производства и обмѣна—и, главнымъ образомъ, возможность превращенія труда и денегъ—приводитъ къ урегулированію крайнихъ цѣнностей всѣхъ производимыхъ и покупаемыхъ предметовъ. Это урегулированіе выражается для производства въ томъ, что крайнія цѣнности производимыхъ послѣдними единицами труда продуктовъ должны быть таковы, чтобы, по законамъ распредѣленія, сообщать единицамъ труда равныя крайнія цѣнности; тоже правило для обмѣна выражается въ томъ, что различныя количества товаровъ, пріобрѣтаемыя за послѣднія единицы денегъ, должны представлять равныя крайнія цѣнности. Если мы назовемъ продукты, производимые послѣдними единицами труда, и товары, пріобрѣтаемые въ обмѣнъ за послѣднія единицы денегъ, послѣдними долями поступающихъ въ хозяйство предметовъ, то, предполагая, что дѣлимость предметовъ достаточно велика, а доли ихъ могутъ быть сдѣланы достаточно малыми, мы можемъ формулировать вышеуказанныя положенія слѣдующимъ образомъ: *послѣднія доли поступающихъ въ хозяйство предметовъ обладаютъ равными крайними цѣнностями* [1]).

[1]) Это, разумѣется, не значитъ, что «отношеніе предѣльныхъ полезностей (свободно) произведенныхъ продуктовъ и ихъ трудовыхъ стоимостей—равны»; формула г. Туганъ-Барановскаго была бы вѣрна, если бы не

Уравненіемъ крайнихъ цѣнностей производимыхъ и покупаемыхъ товаровъ не затрагиваются крайнія цѣнности всѣхъ остальныхъ экономическихъ объектовъ, которыя опредѣляются количествомъ этихъ объектовъ и въ одномъ случаѣ могутъ быть выше, въ другихъ—ниже общаго уровня предметовъ перваго рода. Съ развитіемъ однако производства и обмѣна, уравненіе крайнихъ цѣнностей захватываетъ все бо́льшій кругъ предметовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ естественно выдвигается нѣкоторая общая единица, съ которой сравниваются всѣ остальныя цѣнности. Въ каждомъ рядѣ цѣнностей имѣется уже одинаковой величины единица—крайняя цѣнность. Однако для измѣренія крайней цѣнностью, какъ единицей, цѣнности предшествующихъ объектовъ того же рода встрѣчается тоже самое препятствіе, какое и прежде было при измѣреніи двухъ произвольно взятыхъ цѣнностей. Мы знаемъ, что цѣнность каждой предшествующей единицы объектовъ даннаго рода больше, чѣмъ цѣнность крайней единицы, и что чувство, соотвѣтствующее предшествующимъ единицамъ, больше чувства крайней единицы; но мы не можемъ сказать, сколько разъ крайняя цѣнность заключается въ предшествующихъ бо́льшихъ цѣнностяхъ, или сколько разъ крайнее чувство заключается въ предшествующихъ бо́льшихъ чувственныхъ состояніяхъ. Однако мы дѣлаемъ въ этомъ направленіи значительный шагъ впередъ. Принимая крайнюю цѣнность за естественную единицу мѣры и измѣряя ею предшествующій рядъ цѣнностей, мы находимъ, что цѣнность, непосредственно предшествующая крайней, равняется крайней + нѣкоторый излишекъ, или, что тоже, цѣнность двухъ послѣднихъ единицъ равна двойной крайней цѣнности + нѣкоторый излишекъ; цѣнность трехъ послѣднихъ единицъ равна тройной крайней цѣнности + нѣкоторый другой бо́льшій излишекъ и т. д. Наконецъ, цѣнность всего количества (n) объектовъ равна n разъ взятой крайней цѣнности + нѣкоторый излишекъ. Въ

существовало прибыли на капиталъ, см. Міръ Божій 1901, 12 и *Н. Столяровъ*, Аналитическое доказательство etc., Кіевъ, 1902. Вопросъ о соотношеніи цѣнности и количества труда, какое приходится технически затрачивать на полученіе разныхъ продуктовъ, правильно ставитъ *A. Schor*, Kritik der Grenznutzentheorie, Jahrb. f. Nat. Oek. u. Stat., III F., 23 B., 2 H., 1902. стр. 227, но и онъ не принимаетъ въ расчетъ прибыли.

тѣхъ же единицахъ крайней цѣнности мы можемъ измѣрить всю цѣнность нѣкотораго другого количества (n′) иныхъ объектовъ и найти ее равной n′ разъ взятой крайней цѣнности + нѣкоторый излишекъ. Если бы мы могли освободиться отъ этихъ излишковъ, наше измѣреніе было бы вполнѣ точно. Во многихъ случаяхъ дѣйствительность даетъ намъ эту возможность

Для того, чтобы уяснить себѣ, когда и какимъ образомъ осуществляется подобная возможность, мы обратимся къ одному частному случаю, который можетъ имѣть вспомогательное значеніе для пониманія интересующаго насъ вопроса. Существуютъ, какъ извѣстно, такъ называемыя даровыя, свободныя или нехозяйственныя блага, какъ вода, песокъ, камни и т. п. вещи въ мѣстахъ, гдѣ ихъ много. Что крайняя цѣнность послѣдней единицы такихъ благъ равна нулю, это вполнѣ понятно; съ увеличеніемъ количества предметовъ цѣнность каждой послѣдующей единицы уменьшается и, наконецъ, становится равной нулю. Но замѣчательное свойство этого рода предметовъ состоитъ въ томъ, что и бо́льшія количества ихъ также представляютъ цѣнность, равную нулю. А между тѣмъ удовольствіе, доставляемое бо́льшимъ, чѣмъ предѣльная единица, количествомъ такихъ предметовъ (или страданіе при отсутствіи такого количества), должно было бы быть больше нуля. Обезцѣненіе конкретныхъ количествъ свободныхъ благъ происходитъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, такъ какъ потребленіе длится до тѣхъ поръ, пока удовольствіе не понизится до нуля и, при неограниченномъ количествѣ предметовъ, поддерживается въ такомъ положеніи постоянно, то вообще чувство удовольствія при потребленіи притупляется и не можетъ сообщить объектамъ никакой цѣнности. Цѣнность можетъ быть сообщена объектамъ лишь страданіемъ при отсутствіи потребленія. Въ такомъ случаѣ цѣнность должна проицироваться на тотъ объектъ, отсутствіе котораго обусловливаетъ необходимымъ образомъ страданіе. Но отсутствіе всякаго конкретнаго числа единицъ предметовъ не обусловливаетъ страданія, такъ какъ, при достаточно большомъ количествѣ предметовъ, всякое конкретное число ихъ можетъ быть замѣщено другимъ такимъ же. Только въ случаѣ отсутствія всего количества или превращенія его изъ достаточно большого въ ограниченное, наступила бы невозможность потребленія и чувство страданія; поэтому

послѣднее и проицируется только на все количество предметовъ въ общемъ, придавая имъ цѣнность всего потребленія. Отдѣльныя же единицы и нѣкоторыя конкретныя ихъ суммы, не вызывая удовольствія и не обусловливая страданія, не могутъ повыситься надъ нулевою цѣнностью. Во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда потребленіе предмета вызываетъ удовольствіе, субъектъ сознаетъ зависимость своего чувственнаго состоянія не отъ раздраженія, производимаго даннымъ количествомъ объектовъ, присутствіе или отсутствіе котораго не вызываетъ для него никакой перемѣны, а отъ раздраженія вообще, которое, при неограниченно достаточномъ количествѣ, имѣетъ мѣсто даже и въ случаѣ отсутствія этого или другого конкретнаго количества. Такъ, напримѣръ, при дыханіи мы приписываемъ состояніе удовлетворенія, если таковое испытывается, не тѣмъ частицамъ воздуха, которыя въ данное время находятся въ легкихъ, а воздуху вообще; при купаніи—не тому слою воды, который непосредственно прилегаетъ къ тѣлу, а всей водѣ вообще. Такимъ образомъ то или другое количество конкретнаго раздражителя безразлично, если вообще раздраженіе обеспечено въ той же мѣрѣ въ неограниченномъ размѣрѣ. А потому и цѣнность проицируется на все количество предметовъ, обеспечивающее раздраженіе, а не на то или другое конкретное его количество.

Тоже самое явленіе выступаетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, когда при крайней цѣнности послѣдней единицы предметовъ, равной нулю, количество ихъ непрерывно возстановляется, по мѣрѣ потребленія. Въ такомъ случаѣ зависимость чувственнаго состоянія отъ того или другого количества предметовъ совершенно исчезаетъ; чувство не имѣетъ достаточнаго основанія фиксироваться ни на одной конкретной единицѣ и неопредѣленно расплывается на безконечный рядъ постоянно пополняющихся объектовъ; каждая же отдѣльная единица этихъ объектовъ вступаетъ въ область интересовъ лица съ нулевою цѣнностью.

Теперь представимъ себѣ, что тоже самое происходитъ при сравнительно болѣе ограниченномъ количествѣ предметовъ. Въ такомъ случаѣ крайняя цѣнность послѣднихъ единицъ будетъ больше нуля, но все остальное останется безъ перемѣны. Подобно тому, какъ прежде непрерывное возобновленіе предметовъ удерживало цѣнность каждой ихъ единицы на степени

крайней цѣнности, такъ и теперь таже причина вызоветъ тоже слѣдствіе; постоянное возобновленіе предметовъ будетъ удерживать цѣнность всякой ихъ единицы на степени крайней цѣнности. Но только въ то время, какъ прежде эта крайняя степень равнялась нулю, теперь она будетъ больше нуля. Подобно тому, какъ прежде цѣнность нѣкотораго конкретнаго количества единицъ равнялась произведенію этого количества на крайнюю цѣнность, равную нулю, такъ и теперь цѣнность суммы единицъ предметовъ будетъ равняться произведенію ихъ числа на крайнюю цѣнность, въ данномъ случаѣ неравную нулю.

Въ дѣйствительности мы бо́льшей частью имѣемъ дѣло съ постоянно возобновляющимися, по мѣрѣ потребленія, количествами предметовъ. Основной техническій первоисточникъ всѣхъ другихъ цѣнныхъ предметовъ, трудоспособность, по мѣрѣ того, какъ тѣ или другія количества ея потребляются въ видѣ труда, возстановляется снова въ прежнемъ размѣрѣ. Деньги—главный видъ нашего богатства—мы расходуемъ съ такимъ расчетомъ, чтобы расходовалось не болѣе того, что за тоже время вновь поступаетъ въ наше распоряженіе. Бо́льшую часть предметовъ потребленія и производства мы пріобрѣтаемъ по мѣрѣ того и въ такомъ количествѣ, какъ они уничтожаются. Вообще въ огромномъ большинствѣ случаевъ запасъ цѣнныхъ предметовъ постоянно возобновляется, по мѣрѣ уничтоженія, всегда до одного извѣстнаго уровня. Если происходятъ ухудшенія или улучшенія въ нашемъ благосостояніи, то обыкновенно они выражаются въ томъ, что въ теченіе нѣкотораго промежутка времени мы переходимъ отъ одного уровня жизни къ другому; но и въ каждомъ новомъ положеніи мы стараемся сохранить тоже равновѣсіе по отношенію къ значительному количеству предметовъ.

Фактъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ оперированія нашего съ цѣнностями. Для предметовъ, запасъ которыхъ становится постоянно пополняющимся до одного и того же болѣе или менѣе уровня, цѣнность каждой единицы предметовъ становится равной крайней, а цѣнность суммы единицъ—равной произведенію ихъ числа на крайнюю цѣнность. Такимъ образомъ въ практической жизни мы имѣемъ дѣло, по-преимуществу, съ крайними цѣнностями, ихъ мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду при нашихъ повседневныхъ расчетахъ. Фактъ этотъ обращалъ на себя не разъ вниманіе экономистовъ,

но не всегда истолковывался вѣрно. Такъ, Wieser полагалъ, что всѣ вообще цѣнности подчиняются такому правилу и всегда безъ исключенія цѣнность запаса предметовъ равняется произведенію ихъ числа на предѣльную полезность [1]). Такое мнѣніе, очевидно, неправильно, такъ какъ для неизмѣннаго запаса существуетъ несомнѣнная разница между цѣнностью всего количества предметовъ и произведеніемъ ихъ числа на крайнюю цѣнность. Jevons [2]), разсматривая полезность всего запаса благъ, какъ сумму послѣдовательныхъ полезностей каждой единицы, для объясненія того, что эта total utility никогда не входитъ въ наши расчеты, прибѣгалъ къ предположенію, что на практикѣ мы всегда имѣемъ дѣло только съ послѣдними единицами благъ и никогда съ предъидущими. Для многихъ случаевъ это объясненіе вѣрно, но, разумѣется, бываютъ случаи, когда мы оцѣниваемъ и единицы благъ, предшествующія послѣдней, причемъ не всегда въ результатѣ получается total utility Jevons'а.

Указанный здѣсь фактъ даетъ возможность вполнѣ точнаго измѣренія экономическихъ цѣнностей. Общей единицей мѣры является здѣсь конечная цѣнность; она одинакова для весьма многихъ объектовъ разнаго рода и въ цѣнности нѣсколькихъ единицъ можетъ укладываться опредѣленное число разъ, подобно всякой другой мѣрѣ. Теперь остается лишь выразить конечную цѣнность въ какой-либо *внѣшней формѣ*. Практика сама указала такую форму: это деньги. Въ современной жизни за деньги пріобрѣтается множество всякихъ предметовъ. Благодаря этому каждый изъ пріобрѣтаемыхъ за деньги предметовъ можно разсматривать, какъ эквивалентный тому количеству денегъ, какое онъ стоитъ. Подставивъ эквивалентное количество денегъ вмѣсто цѣнныхъ предметовъ различнаго рода, мы можемъ представить себѣ, что удовольствія, обусловливаемыя этими предметами, обусловливаются деньгами; а такъ какъ конечная цѣнность послѣднихъ единицъ предметовъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги, и конечная цѣнность единицы денегъ всюду должна быть одна и таже, то деньги становятся общимъ выразителемъ конечной цѣнности и, въ качествѣ единицы мѣры, измѣряютъ

---

[1]) *Fr. Wieser*, Der Natürliche Werth, 1889, стр. 24.

[2]) *St. Jevons*, The Theory etc., стр. 53.

цѣнность всѣхъ другихъ объектовъ, а косвенно и величину соотвѣтствующихъ имъ чувственныхъ состояній—выводъ, который двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ былъ сдѣланъ Аристотелемъ. Всѣ предметы, училъ онъ, сравнимы между собою, потому что всѣ измѣряются чувствомъ потребности — χρεία — въ томъ числѣ и деньги; послѣднія становятся представителемъ опредѣленной мѣры потребности — ὑπάλλαγμα τῆς χρείας — и въ этомъ качествѣ измѣряютъ значеніе всѣхъ другихъ предметовъ [1]).

Первоначально деньги своей конечной цѣнностью должны были бы измѣрять только тѣ объекты, конечная цѣнность которыхъ равняется конечной цѣнности другихъ предметовъ и самихъ денегъ. Но однажды ставши мѣрой цѣнности, онѣ стали примѣняться въ этомъ значеніи всюду, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ измѣреніемъ цѣнностей. Удобство денегъ состоитъ въ томъ, что всякая единица ихъ имѣетъ одинаковую, для каждаго человѣка наилучше ему извѣстную цѣнность, а цѣнность суммы единицъ равняется произведенію числа единицъ на конечную цѣнность [2]). Набирая соотвѣтствующее число денежныхъ единицъ, мы всегда можемъ составить цѣнность, равную всякой другой подлежащей измѣренію. Благодаря этому, послѣдняя выразится въ единицахъ масштаба, цѣнность которыхъ одинакова и намъ извѣстна.

Что измѣримость посредствомъ денегъ является характерною особенностью экономическихъ цѣнностей и явленій, хорошо извѣстно на практикѣ; это вѣрный симптомъ того, что вещь по природѣ своей относится къ категоріи экономическихъ явленій, либо стала таковою въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ. Всѣ товары, всякое удовольствіе, всякій убытокъ, если ихъ можно точно оцѣнить на деньги, безспорно относятся всегда и всѣми къ экономическимъ объектамъ. Въ особенности характерно выступаетъ безошибочность этого критерія въ тѣхъ случаяхъ,

---

[1]) *Aristotelis*, Ethica Nicom., изд. Bekkeri, кн. V, гл. 8.

[2]) Ср. *W. Launhardt*, Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1885, стр. 54; *G. Cassel*, Grundriss einer elementaren Preislehre, Zeitschr. f. d. ges. Staatsw., 55 B., 3 H., 1899, стр. 397, идетъ дальше и считаетъ деньги общей единицей мѣры для оцѣнокъ разныхъ лицъ.

когда деньгами начинаютъ измѣрять цѣнность объектовъ, которые обыкновенно нельзя считать экономическими. Такъ случается, что продаютъ за деньги совѣсть, честь и очень часто любовь; какъ только подобная оцѣнка имѣетъ мѣсто, соотвѣтствующія блага теряютъ свой этическій характеръ и становятся экономическими товарами. Такимъ образомъ въ современныхъ условіяхъ жизни мы можемъ опредѣлить понятіе экономическаго явленія посредствомъ понятія экономической цѣнности, какъ цѣнности, подчиняющейся волѣ субъекта и точно измѣримой посредствомъ конечной цѣнности, матеріальнымъ выраженіемъ которой являются деньги.

Изложенный взглядъ на сущность экономическаго явленія находитъ себѣ подтвержденіе въ ученіяхъ одного изъ первыхъ теоретиковъ нашего времени, C. Menger'a, и выдающагося экономиста Marshall'я. По мнѣнію перваго, для понятія экономическаго блага genus proximum состоитъ въ понятіи блага, а differentia specifica — въ количественномъ отношеніи находящагося въ нашемъ распоряженіи блага къ размѣру потребности. Признакомъ блага является сознаніе причинной зависимости между потребленіемъ предмета и чувствомъ удовлетворенія и подчиняемость предмета волевому воздѣйствію. Спеціальнымъ основаніемъ экономическаго характера благъ является меньшее количество благъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое необходимо для полнаго удовлетворенія потребностей. Очевидно, послѣдній моментъ сводится къ тому, что экономическія цѣнности суть блага съ предѣльною полезностью больше нуля. Хотя этимъ исключаются изъ понятія экономической цѣнности безъ особаго основанія случай цѣнности съ предѣльной полезностью, равной нулю, но зато понятіями предѣльной полезности въ связи съ понятіемъ подчиняемости волевому воздѣйствію охватывается самая характерная группа экономическихъ явленій [1]). Единственно чего не достаетъ въ этомъ опредѣленіи—это яснаго указанія на специфическую измѣримость экономическихъ явленій. Правда, измѣримость цѣнности принимается какъ безспорный фактъ, но этого недостаточно, въ

[1]) Ср. *Fr. Neumann*, Die Begriffe. Gut, Werth etc., Schönberg's Handbuch, т. 1, стр. 142—143, 2 Aufl.

виду того, что и неэкономическія цѣнности въ извѣстной степени количественно сравнимы. На эту именно сторону экономическаго явленія обращаетъ вниманіе Marshall; экономическое, по его мнѣнію, опредѣляется точною измѣримостью мотивовъ, и въ нашемъ мірѣ эта точная измѣримость находитъ себѣ характерное и подходящее средство въ деньгахъ.

Намъ остается указать, какое значеніе представляетъ трудъ для понятія экономическаго явленія. Такъ какъ послѣднее опредѣляется двумя признаками: подчиняемостью волѣ и измѣримостью, изъ которыхъ ни одинъ логически не заключаетъ въ себѣ понятія труда, то опредѣленіе экономической цѣнности въ первой инстанціи независимо отъ труда. Дѣйствительно, намъ могутъ быть даны различные предметы, которые подчинены волевому воздѣйствію, т. е. мы можемъ ихъ взять и потреблять, и если цѣнность ихъ измѣрима, то они и будутъ представлять собою экономическія цѣнности. При этомъ, если количество предметовъ какими либо внѣшними и неустранимыми причинами ограничено, конечная цѣнность такихъ предметовъ можетъ быть выше нуля. Понятіе экономической цѣнности такимъ образомъ реально можетъ быть независимо отъ труда и логически составляетъ prius, благодаря которому и самъ трудъ становится экономической категоріей. Установивъ логическое опредѣленіе экономической цѣнности, мы находимъ, что и трудъ соотвѣтствуетъ ея признакамъ; онъ можетъ быть подчиненъ волевому воздѣйствію, т. е. можетъ быть дѣйствіемъ воли поставленъ въ такое отношеніе къ субъекту (прямо или въ видѣ своихъ продуктовъ), что вызываетъ чувственное состояніе, и послѣднее въ извѣстныхъслучаяхъ поддается точному количественному сравненію съ другими чувственными состояніями. Трудъ, въ качествѣ цѣнности, занимаетъ однако особое положеніе въ ряду другихъ цѣнностей; онъ въ одно и тоже время представляетъ самоцѣнность и притомъ отрицательную — посколько произвольно сознательныя дѣйствія, образующія трудъ, являются внутренними психо-физическими состояніями, сопровождаемыми чувствомъ, перешедшимъ черезъ стадіи удовольствія и безразличія въ страданіе—и вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ является внѣшней опосредствованной цѣнностью и притомъ положительной. Этотъ двойной характеръ труда производитъ тотъ результатъ, что положительная цѣнность труда получаетъ конечную цѣнность, больше нуля; если-

бы трудъ не былъ, за извѣстнымъ предѣломъ, обременителенъ, количество его легко могло бы стать такъ велико, что онъ превратился бы въ свободное, даровое благо, какъ въ немногихъ случаяхъ это имѣетъ мѣсто даже теперь. Вслѣдствіе обременительности, количество труда ограничивается тѣмъ условіемъ, что цѣнность послѣдней его единицы должна быть хотя едва замѣтно больше отрицательной самоцѣнности той же единицы.

Если логически трудъ такимъ образомъ не входитъ въ опредѣленіе экономической цѣнности, и реально экономическая цѣнность можетъ не находиться ни въ какомъ отношеніи къ труду въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ дѣйствительной жизни трудъ играетъ существенную роль въ образованіи того особаго состоянія экономическихъ цѣнностей, въ какомъ онѣ являются въ современномъ хозяйствѣ. Значеніе его проявляется въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, такъ какъ трудъ является однимъ изъ двухъ техническихъ первоисточниковъ для полученія множества другихъ предметовъ, представляющихъ цѣнность, то ограниченное количество его имѣетъ слѣдствіемъ ограниченное количество этихъ предметовъ, благодаря чему конечная цѣнность ихъ оказывается больше нуля. Во-вторыхъ, возможность передвиженія труда изъ одного производства въ другое имѣетъ слѣдствіемъ то, что конечныя цѣнности послѣднихъ поступающихъ въ хозяйство предметовъ для множества различныхъ предметовъ оказываются въ правильномъ другъ къ другу соотношеніи. А эти два условія—правильность соотношенія конечныхъ цѣнностей и положительная ихъ величина—являются рѣзкимъ характернымъ свойствомъ экономическихъ цѣнностей современнаго строя жизни.

IV. Общественный характеръ экономическихъ явленій.

Изложенный здѣсь взглядъ на сущность экономическаго явленія можетъ вызвать возраженія съ точки зрѣнія установившагося мнѣнія, что хозяйственныя явленія представляютъ собою явленія общественной жизни и потому не могутъ быть выводимы изъ субъективной психики. Возраженіе это можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: въ смыслѣ противоположности общественнаго изолированному и въ смыслѣ проти-

воположности общественнаго индивидуальному. Противъ возраженія въ первомъ смыслѣ, можно отвѣтить, что, во-первыхъ, какъ ни абстрактны воображаемые случаи Робинзоновъ, колонистовъ и т. п., они не представляютъ ничего ни логически, ни исторически невозможнаго, и нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что, если бы подобные случаи вполнѣ изолированной жизни гдѣ либо—въ воображеніи или дѣйствительности—имѣли мѣсто, они не представляли бы собою хозяйства, а нѣчто иное. Подобное утвержденіе сводилось бы въ концѣ концовъ къ спору о словахъ, такъ какъ одни и тѣже факты количественнаго соразмѣренія средствъ и силъ съ т. н. потребностями въ одномъ случаѣ мы называли бы экономическимъ явленіемъ, въ другомъ не называли бы таковымъ. Во-вторыхъ, если историческая дѣйствительность и не представляетъ случаевъ абсолютно изолированнаго состоянія индивида, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ курьезныхъ примѣровъ, то въ ней все-таки встрѣчаются случаи, гдѣ среди общественныхъ отношеній та или другая сторона жизни индивидовъ болѣе или менѣе приближается къ типу изолированнаго состоянія, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто по отношенію къ античному или средневѣковому хозяйству семьи. Поэтому не заключающее логическаго противорѣчія изученіе индивидуально-изолированнаго строя хозяйства во всякомъ случаѣ имѣетъ методологическое значеніе. Въ третьихъ, если кто либо утверждаетъ, что изолированный субъектъ есть фикція, и что въ дѣйствительности имѣются лишь соціальные субъекты, то тѣмъ самымъ онъ долженъ признать, что, взявши дѣйствительнаго индивида такъ, какъ онъ реально существуетъ, и подвергая его изученію, мы именно изучаемъ соціальнаго субъекта, а не что-либо иное. Вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, вѣрно или невѣрно изложена природа этого реальнаго, а слѣдовательно и соціальнаго субъекта, не привнесено ли въ изученіе его какихъ-либо произвольныхъ допущеній, или не упущено ли что-либо существенное, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, изучая реальнаго субъекта, мы именно находимся на почвѣ изученія общественныхъ явленій, такъ какъ среди реальныхъ индивидовъ никакихъ иныхъ, кромѣ соціальныхъ индивидовъ, не существуетъ.

Возраженія противъ психики во второмъ смыслѣ исходятъ изъ воззрѣній на общество, какъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ простая

сумма индивидовъ, къ чему, слѣдовательно, нельзя прійти, отправляясь отъ психики индивида, хотя бы и реальнаго, т. е. живущаго въ обществѣ. Упрекъ въ экономическомъ индивидуализмѣ до послѣдняго времени въ глазахъ многихъ, пріученныхъ къ экономическому догматизму, велъ къ безапелляціонному осужденію не только теоретическихъ взглядовъ, отмѣченныхъ этимъ ярлыкомъ, но и авторомъ такихъ взглядовъ. Для того, чтобы рѣшить, представляютъ ли собою экономическія явленія—явленія общественныя или индивидуальныя, и въ первомъ случаѣ—приводитъ ли субъективно-психологическій методъ къ ихъ объясненію или нѣтъ, необходимо установить, что мы понимаемъ подъ общественнымъ явленіемъ или обществомъ. Здѣсь мы приходимъ къ весьма спорному и трудно разрѣшимому вопросу.

Извѣстенъ атомистическій взглядъ на общество, господствовавшій во второй половинѣ 18-го столѣтія и нашедшій себѣ яркое выраженіе, между прочимъ, въ ученіи физіократовъ. Dupont de Nemours [1]) смотрѣлъ на общество такъ же, какъ мы смотримъ на физическій міръ. Подобно тому, какъ послѣдній состоитъ изъ атомовъ и тѣлъ, одаренныхъ тѣми или другими свойствами, и тѣла эти приходятъ въ то или другое взаимодѣйствіе, сообразно своей естественной природѣ, образуя нѣкоторую общую систему; такъ и отдѣльные индивиды одарены нѣкоторыми естественными правами и обязанностями, предшествующими всякому обществу и государству, и взаимодѣйствіемъ своимъ создаютъ общество. Такими правами являются: свобода заботиться о своемъ существованіи и благополучіи, право собственности на личность и продукты труда; обязанности же заключаются въ работѣ для удовлетворенія потребностей и уваженіи къ свободѣ и собственности другихъ. Снабженный правами и обязанностями индивидъ стремится къ своей цѣли по законамъ причинъ и слѣдствій, совокупность индивидовъ даетъ нѣкоторую естественную систему, и эта естественная система представляетъ собою то естественное общество, которое предшествуетъ всякому соглашенію. Затѣмъ люди

---

[1]) *Dupont de Nemours*, De l'origine et des progrès d'une science nouvelle, 1768, Physiocrates, par *E. Daire*, т. II, p. 1, 1846, стр. 335 и сл.

либо могутъ путемъ взаимнаго соглашенія признать это естественное общество, провозгласить дѣйствующіе въ немъ естественные законы (declarer les lois), либо по невѣдѣнію или невѣжеству уклониться отъ естественнаго порядка и установить законы, съ нимъ несогласные. Въ послѣднемъ случаѣ тѣже естественные законы караютъ людей; въ первомъ случаѣ управленіе, согласно съ естественными законами (физіократія) будетъ наилучшимъ и одинаковымъ для всѣхъ народовъ, странъ и климатовъ.

Въ этомъ ученіи нѣтъ мѣста для общества, какъ чего либо отличнаго отъ индивида. Такой взглядъ, отразившійся и въ послѣдующихъ ученіяхъ экономистовъ первой половины 19 столѣтія, встрѣтилъ критику со стороны Hildebrand'a [1]) и въ особенности Knies'a. Въ сочиненіи послѣдняго [2]) мы уже встрѣчаемъ ясное признаніе существованія общества, народа, какъ явленія реальнаго и особаго, не совпадающаго съ понятіемъ простой совокупности индивидовъ. Необходимо дѣлать различіе, говоритъ онъ, между простой суммой индивидовъ, которые, въ качествѣ отдѣльныхъ индивидовъ, будучи въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, находятся въ сношеніяхъ, отъ народа съ его государственнымъ сознаніемъ, территоріей, длящимся существованіемъ во времени, общимъ для всѣхъ правовымъ порядкомъ, территоріально ограниченнымъ управленіемъ, общей исторической судьбой и т. д. Индивидуалистическій взглядъ на народное хозяйство отрицаетъ въ сущности вообще существованіе народнаго хозяйства, говоритъ авторъ, какъ единаго цѣлаго, организованнаго общежитія, направленнаго на поддержаніе существованія народа и государства (стр. 491). Историческій народъ, народъ дѣйствительности, представляетъ собою не суммарный, внѣшнимъ образомъ отграниченный аггрегатъ вездѣ одинаковыхъ индивидовъ, но нѣкоторое цѣлое, объединенное го-

---

[1]) *Br. Hildebrand*, Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, Frankfurt a. M., 1848.

[2]) *K. Knies*, Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, Neue verm. Aufl., Braunschweig, 1883 (первое изд. 1853, съ нѣсколько инымъ заглавіемъ).

сударственнымъ образомъ и специфически опредѣленное національностью и исторически пережитыми событіями (стр. 157).

Если такимъ образомъ народъ или общество представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ простую сумму индивидовъ, и притомъ нѣчто единое, то что же представляетъ собою это единое? На это мы находимъ два весьма опредѣленныхъ отвѣта; одни говорятъ, что общество представляетъ собою духъ, другіе—что оно организмъ. Первая мысль нашла себѣ яркаго выразителя въ Lazarus'ѣ [1]). Этотъ авторъ признаетъ существованіе народнаго духа, какъ явленія реальнаго. Народный духъ, по его мнѣнію, состоитъ изъ духа отдѣльныхъ индивидовъ, точно такъ же, какъ индивидуальный духъ состоитъ изъ отдѣльныхъ представленій. Народный духъ не создается однимъ фактомъ сожительства и однаковыхъ впечатлѣній отъ общихъ внѣшнихъ естественныхъ факторовъ; онъ возникаетъ лишь тогда и проявляется постолько, посколько содержаніе духовной жизни отдѣльнаго индивида измѣняется подъ вліяніемъ другихъ индивидовъ и ихъ совокупности, такъ что отдѣльный индивидъ становится тѣмъ, что онъ есть, лишь благодаря тому, что онъ представляетъ часть цѣлаго. Такое взаимодѣйствіе осуществляется различными способами. Во-первыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дѣятельность каждаго въ отдѣльности по намѣреніямъ и цѣлямъ вообще индивидуальна; но изъ совокупности индивидуальныхъ дѣятельностей, по-мимо сознанія и воли, вытекаетъ единство, которое представляетъ собою не только субъективную точку зрѣнія, но и реальную связь; таковы языкъ, хозяйство, нравственная, религіозная жизнь и т. д.; во-вторыхъ, единство вытекаетъ и проявляется въ дѣятельности индивидовъ въ интересахъ общества; въ третьихъ, обратно, въ дѣятельности общества на пользу отдѣльныхъ лицъ, и, наконецъ, въ дѣятельности всей совокупности въ интересахъ всего же общежитія. Такое взаимодѣйствіе индивидуальной духовной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, живущихъ вмѣстѣ, производитъ объективное духовное содержаніе, которое, въ свою очередь, становится содержаніемъ, нормой и

---

[1]) *Lazarus*, Einige synthetische Gedanken zur Völkerpsychologie, въ Zeitschrift f. Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. III, 1865, стр. 1 и сл.; также въ 1-мъ томѣ.

органомъ дальнѣйшей индивидуальной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Этотъ объективный духъ проявляется въ массѣ, если мы представимъ себѣ всю совокупность идей, чувствъ и всѣхъ вообще психическихъ проявленій индивидовъ, отвлекшись отъ тѣлесной оболочки послѣднихъ; онъ проявляется въ упорядоченномъ систематическомъ видѣ въ кодексахъ, словаряхъ и т. п. Вообще же народный духъ осуществляется въ нематеріальныхъ и матеріальныхъ проявленіяхъ: въ идеяхъ, чувствахъ, стремленіяхъ; въ душевномъ складѣ, психо-физическомъ типѣ индивидовъ; въ искусствѣ, техническихъ пріемахъ; въ книгахъ, постройкахъ, памятникахъ, произведеніяхъ искусства, орудіяхъ, машинахъ, путяхъ сообщенія, оружіи, предметахъ домашняго обихода и т. д. Носителями объективнаго духа являются отдѣльные индивиды, но не всѣ и не во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ; вообще же носителемъ его является та средняя масса, которая получится, когда мы исключимъ все выдающееся какъ въ одну, такъ и въ другую сторону, какъ идіотовъ, такъ и геніевъ. Изученіе объективнаго духа и составляетъ, по мнѣнію Lazarus'a, задачу народной психологіи.

Всѣ подобныя разсужденія представляютъ собою болѣе или менѣе удачныя метафоры. Мы можемъ представить себѣ среднюю массу индивидовъ, исключивъ геніевъ и идіотовъ; мы можемъ отвлечься мысленно отъ тѣлесной оболочки индивидовъ и представить себѣ міръ идей, чувствъ, стремленій; мы можемъ привести эти идеи, чувства, стремленія въ рядъ системъ; но когда мы приписываемъ этимъ психическимъ состояніямъ въ ихъ безпорядочной массѣ или въ упорядоченномъ состояніи объективное существованіе, мы изъ области логическихъ абстракцій переходимъ въ область поэтическихъ метафоръ. Мысли не живутъ объективно, сами по себѣ, внѣ сознанія индивида, онѣ существуютъ лишь въ сознаніи индивидовъ. Но индивиды не имѣютъ двухъ душъ: одной индивидуальной и другой соціальной; современная психологія не желаетъ признать за ними право даже на одну, собственную, индивидуальную душу. Если же устранить гипостазированіе общественнаго духа, то останется лишь голый фактъ, что психическая дѣятельность индивидовъ въ своемъ нематеріальномъ проявленіи и въ овеществленной формѣ въ извѣстныхъ случаяхъ составляетъ нѣчто,

что мы называемъ обществомъ. Но, разумѣется, въ этомъ положеніи нѣтъ ни объясненія того, что такое общество, ни указанія на то, какія именно проявленія жизни и дѣятельности индивидовъ создаютъ нѣчто отличное отъ индивидуальнаго; нѣтъ точнаго разграниченія индивидуальнаго отъ неиндивидуальнаго, общественнаго; послѣднее поглощаетъ собою, повидимому, всю психику и жизнь индивида.

Ничего не прибавляетъ къ уясненію народной души и опредѣленіе Wundt'a, согласованное съ современными психологическими воззрѣніями. Если, говоритъ онъ, индивидуальная душа есть не что иное, какъ эмпирически данная совокупность переживаемыхъ психическихъ состояній безъ привнесенія трансцендентальной субстанціи, какъ носительницы этихъ состояній, то съ такимъ же правомъ мы можемъ говорить о душѣ собирательной группы индивидовъ, о душѣ народа; реальность народной души столь же первоначальна, какъ и реальность души индивидуальной [1]). Въ этомъ смыслѣ народная душа превращается въ простой терминъ, который не долженъ значить больше, чѣмъ въ немъ заключается, согласно опредѣленію. Однако въ то время, какъ для индивидуальной души терминъ этотъ вызывается реальной необходимостью, для народной души такой необходимости вовсе не существуетъ, либо она предполагается существующей, въ силу нѣкотораго молчаливо допускаемаго произвольнаго предположенія. Объединеніе индивидуальныхъ психическихъ состояній терминомъ души находитъ свое объективное оправданіе въ томъ, что и реально эти состоянія объединены индивидуальнымъ сознаніемъ, какъ относящіяся къ единому субъекту; еслибы не было этого субъективнаго реальнаго объединенія, если бы отдѣльныя психическія состоянія не были состояніями одного сознанія, то и понятія индивидуальной души не существовало бы. Слѣдовательно, когда мы говоримъ о народной душѣ, то либо мы ясно сознаемъ, что такого реальнаго объединенія въ чемъ либо, аналогичномъ единому сознанію, не существуетъ, и тогда терминъ теряетъ свое основаніе, либо мы

---

[1]) *W. Wundt*, Völkerpsychologie, т. 1, ч. 1, Leipzig, 1900, стр. 9; *его же*, über Ziele und Wege der Völkerpsychologie, въ Philos. Studien, т. 4, Leipzig, 1888, стр. 11.

неясно и молчаливо допускаемъ, что рядъ психическихъ состояній, объединяемыхъ терминомъ народная душа, относится къ чему-то реально единому, и тогда мы даемъ предвзятое и произвольное толкованіе представленію объ обществѣ.

Еще большую несообразность представляетъ опредѣленіе общества, какъ организма. Ненадежность этой исходной точки явствуетъ уже изъ того, что мы не имѣемъ точнаго понятія о томъ, что такое организмъ [1]). Правда, встрѣчая множество организмовъ довольно разнообразнаго вида, мы составили себѣ наглядное представленіе объ организмѣ. Поэтому сопоставленіе общества съ организмомъ придаетъ наглядность обществу, пока дѣло идетъ о сравненіи. Но наглядность представленія не есть еще точность понятія; поэтому когда отъ метафорическаго сравненія мы переходимъ къ точному опредѣленію, мы одинаково не въ состояніи опредѣлить ни общество, ни организмъ; и дѣло весьма мало выигрываетъ отъ того, что общество мы опредѣляемъ, какъ организмъ, а организмъ, какъ общество; мало того, отъ желанія объединить представленіе того и другого въ одно цѣлое и самое представленіе теряетъ наглядность. Тожество понятій организма и общества устанавливаютъ, по мнѣнію Spencer'a, слѣдующіе признаки [2]): ростъ, дифференціація частей, ихъ усложненіе, раздѣленіе функцій, взаимная зависимость однѣхъ функцій отъ другихъ и всего отъ отдѣльныхъ функцій, возможность жизни частей въ теченіе нѣкотораго времени послѣ прекращенія жизни цѣлаго и обратно—продолженіе существованія цѣлаго при прекращеніи жизни частей и замѣнѣ ихъ новыми [3]).

---

[1]) *R. Eucken*, Die Grundbegriffe der Gegenwart, Leipzig, стр. 161—171. *P. Barth*, Fragen der Geschichtswissenschaft: II. Unrecht und Recht der «organischen» Gesellschaftstheorie, въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, XXIV Jahrg. 1900, I H., стр. 69 и сл., съ указаніемъ новѣйшей литературы; *Th. Kistiakowski*, Gesellschaft und Einzelwesen, Berlin, 1899.

[2]) *H. Spencer*, Principles of Sociology, франц. пер. E. Gazelles и J. Gerschel, Paris, 1882, т. II, гл. II, и особенно § 223. См. критику этого ученія у *A. Hesse*, Der Begriff der Gesellschaft in Herbert Spencer's Soziologie, Jahrb. f. Nat. Oek. u. Stat., III F., 21 B., 6 H., 1901, стр. 737—781.

[3]) Barth, см. выше, стр. 78, сводитъ всѣ новѣйшія біологическія опредѣленія организма къ модификаціи понятія Selbsterhaltung,—признакъ вообще свойственный всѣмъ явленіямъ.

Прежде всего надо замѣтить, что не всякій организмъ обладаетъ всѣми перечисленными признаками. Съ другой стороны, ими не захватывается самая сущность того специфическаго явленія, которое мы называемъ организмомъ; послѣднее явствуетъ изъ того, что подъ совокупность перечисленныхъ признаковъ можетъ быть подведено множество явленій, помимо организмовъ въ прямомъ смыслѣ и обществъ. Всякая система частей, находящихся во взаимодѣйствіи, весь міръ подходитъ подъ приведенныя опредѣленія, почему Schäffle не прочь и весь міръ считать однимъ организмомъ [1]). Если соціологъ считаетъ организмомъ всю систему индивидовъ за разъ, то юристъ, государствовѣдъ, экономистъ, богословъ и т. д. выкраиваютъ изъ этой общей системы каждый свой особый организмъ. Для одного государство является организмомъ, для другого—право, для третьяго—народное хозяйство, для четвертаго—corpus mysticum Christi и т. д. И каждый столь же правъ, какъ и всякій другой. Такимъ образомъ получается несообразность, что одни и тѣже клѣтки или атомы—индивиды—являются одновременно частями многихъ и разныхъ организмовъ, проникающихъ другъ друга, чего уже въ мірѣ дѣйствительныхъ организмовъ не бываетъ; здѣсь однѣ и тѣже клѣтки не образуютъ въ одно и тоже время лошадь и собаку. Можно пойти и дальше. Почему бы не назвать организмомъ міръ животныхъ, міръ растеній, море, огородъ, лѣсъ и т. д.? Идя въ этомъ направленіи дальше, мы не должны уже удивляться и ясновидѣніямъ Swedenborg'a, для котораго все небо представлялось въ видѣ человѣческаго организма [2]). Дѣйствительно, нѣтъ

[1]) *A. Schäffle*, Bau und Leben des Socialen Körpers, 2 Aufl. т. 1, Tübingen, 1896, стр. 9—10.

[2]) См. курьезное сочиненіе этого небезъизвѣстнаго въ свое время ученаго натуралиста, прославившагося однако болѣе своимъ ясновидѣніемъ: Vom Himmel und von den Wunderbaren Dingen desselben, wie auch von der Geisterwelt und von dem Zustand des Menschen nach dem Tod; und von der Hölle; so wie es gehöret und gesehen worden von Emanuel Swedenborg, 1774; на стр. 56: Dass der Gesammte Himmel in einem Inbegriff einen einzigen Menschen darstelle, и далѣе, стр. 165: Weil der ganze Himmel einen einzigen Menschen vorstellet, und er auch der göttlich-geistliche Mensch in der grössten Gestalt ist, auch in der Abbildung, so wird dahero der Himmel in Glieder und Theile, als wie der Mensch, unterschieden... и т. д.

большой разницы между идеями этого писателя и взглядами наиболѣе послѣдовательныхъ приверженцевъ органической теоріи общества. По ученію Shäffle, простѣйшая соціальная единица—семья—представляетъ собою клѣтку соціальнаго организма; народное имущество—интерцеллюлярное и интрацеллюлярное вещество; родство, племенная, національная связь это—соединительная ткань; предпріятіе, т. е. соединеніе людей и благъ для цѣлей практическаго осуществленія, для созиданія, это—мускулы и т. д. Наконецъ,—особенно убѣдительная аналогія—установленія, исполняющія хозяйственныя функціи, представляютъ собою симпатическій нервъ общественнаго организма[1]).

Оставивъ въ сторонѣ многія другія опредѣленія общества, обратимся къ одному изъ нихъ, которое въ послѣднее время обратило на себя особое вниманіе и, повидимому, пользуется особенными симпатіями среди юристовъ. Я говорю объ опредѣленіи Stammler'a; хотя оно столь же неосновательно, какъ и другіе взгляды этого автора, изложенные въ сочиненіи «Wirtschaft und Recht», но обладаетъ тѣмъ достоинствомъ, что критика его дастъ возможность выяснить признакъ, который представляется существеннымъ для опредѣленія общества. Stammler ставитъ себѣ задачу опредѣлить, что такое общество, и что такое соціальное явленіе? Этотъ вопросъ, по его мнѣнію, разрѣшается не матеріальнымъ изученіемъ содержанія какого бы то ни было общества, а формально—указаніемъ того необходимаго и общаго признака, который создаетъ понятіе соціальной жизни, въ отличіе отъ всего другого и, въ частности, въ противоположность естественной жизни человѣка. Такой признакъ онъ видитъ въ исходящемъ отъ людей регулированіи ихъ взаимныхъ отношеній и совмѣстной жизни, и притомъ внѣшнемъ регулированіи. Подъ внѣшнимъ регулированіемъ въ этомъ опредѣленіи должно понимать не только нормы издаваемыхъ государствомъ законовъ, не только правовыя нормы, но и нормы обычая, этикета, и вообще всякія нормы, какія исходятъ отъ людей, въ намѣреніи регулировать ихъ поведеніе, независимо отъ

[1]) 18, 21—23 и pass. Послѣдній примѣръ свидѣтельствуетъ, что и эвристическое значеніе органической теоріи приводитъ лишь къ вылавливанію метафорическихъ сходствъ, совершенно безполезныхъ для уясненія дѣйствительныхъ функцій тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій.

индивидуальныхъ побужденій и естественныхъ влеченій. Всѣ нормы этого рода раздѣляются на два основныхъ класса: нормы правовыя, которыя желаютъ быть обязательными формально и по принужденію, и нормы условныя, которыя обязательны съ согласія подчиняющихся имъ, оставаясь однако при этомъ все-таки внѣшними, т. е. не требуя внутренняго одобренія, а лишь внѣшняго ихъ исполненія. Наличность внѣшнихъ нормъ создаетъ связь, отличную отъ той, которая вызвана только естественными влеченіями. Послѣдняя составляетъ достояніе естествознанія, первая образуетъ соціальную жизнь. Соціальная жизнь можетъ быть опредѣлена, какъ общежитіе людей, урегулированное внѣшне-обязательными нормами. Въ наше время главный видъ этихъ нормъ—правовыя, и поэтому наше общество есть общежитіе людей, урегулированное, по-преимуществу, правовыми нормами. Сообразно съ этимъ опредѣленіемъ, все, что не урегулировано нормами, въ частности правовыми, составляетъ предметъ естествознанія; предметомъ же общественныхъ наукъ является только то, что опредѣляется нормами; такъ, напримѣръ, политическая экономія должна заниматься лишь изложеніемъ явленій массоваго осуществленія юридическихъ нормъ въ дѣйствительной жизни. Послѣдній примѣръ долженъ былъ бы навести автора на мысль, что признакъ, съ которымъ онъ оперируетъ, требуетъ болѣе осторожнаго обращенія; въ самомъ дѣлѣ, первое же приложеніе его на дѣлѣ потребовало исключенія изъ наиболѣе разработанной соціальной науки $^{9}/_{10}$ ея содержанія и превращенія остающейся части изъ самостоятельнаго изслѣдованія своихъ особыхъ явленій въ статистическое перечисленіе юридическаго матеріала. Менѣе пострадала отъ опредѣленія Stammler'a другая область наукъ—науки о языкѣ, искусствѣ и т. д. Дисциплины эти не исключены изъ круга соціальныхъ наукъ; но такой результатъ достигнутъ лишь смѣшеніемъ трехъ совершенно различныхъ значеній понятія правилъ или нормъ. По мнѣнію автора, правила грамматики представляютъ собою такія же нормы для языка, какъ юридическія нормы для всякаго другого поведенія людей. Въ этомъ отожествленіи смѣшивается законъ юридическій съ закономъ естественнымъ, а то и другое вмѣстѣ—съ практическими правилами поведенія. Законъ, въ смыслѣ юридической нормы, представляетъ собою внѣшне-принудительное правило, требую-

щее извѣстнаго поведенія, независимо отъ того, имѣло ли бы мѣсто такое поведеніе само по себѣ, по своимъ собственнымъ законамъ или нѣтъ. Смыслъ и природа юридической нормы состоитъ въ томъ, чтобы требовать и принудительно создавать извѣстнаго рода поведеніе своимъ собственнымъ содержаніемъ. Юридическая норма можетъ требовать и принудительно создавать либо положительныя дѣйствія (напримѣръ, уплату налога), либо бездѣйствіе (несопротивленіе законномѣрной власти), либо форму дѣйствія (написаніе долгового обязательства опредѣленнымъ образомъ). Ясно, что самое существованіе юридической нормы предполагаетъ, что, при ея отсутствіи, требуемое содержаніемъ нормы поведеніе либо не происходило бы вовсе, либо происходило бы инымъ образомъ (налогъ не уплачивался бы, противодѣйствіе оказывалось бы, обязательства излагались бы въ иной формѣ). Отсюда слѣдуетъ, что поведеніе людей, независимо отъ юридическихъ нормъ, подчинено своимъ собственнымъ законамъ. Необходимо поэтому отличать законъ нормативный отъ закона явленій. Законъ въ послѣднемъ смыслѣ не требуетъ того или иного поведенія и не создаетъ его, подобно тому, какъ требуетъ или создаетъ поведеніе правовая норма; законъ явленія представляетъ собою только абстрактное выраженіе той правильности въ послѣдованіи и сосуществованіи явленій, какая существуетъ сама по себѣ. Выраженіе, что законъ управляетъ явленіями, имѣетъ, какъ само собою понятно, лишь переносное значеніе. Наконецъ, практическія правила поведенія, какъ правила грамматики, агрономіи, технологіи и т. д., не представляютъ собою ни внѣшне-обязательныхъ нормъ, создающихъ своимъ содержаніемъ извѣстное поведеніе, ни законовъ, по которымъ явленія происходятъ сами собою. Такого рода правила лишь указываютъ содержаніе обязательныхъ нормъ или сущность собственныхъ законовъ явленій съ тою цѣлью, чтобы на основаніи этого знанія выбрать и рекомендовать тотъ или другой наиболѣе цѣлесообразный способъ поведенія. Такимъ образомъ правила грамматики не создаютъ того поведенія, которое мы называемъ рѣчью, какъ это дѣлаютъ юридическія нормы по отношенію къ поведенію, соотвѣтствующему ихъ содержанію. Языкъ существуетъ, возникаетъ и развивается по своимъ собственнымъ законамъ, независимо отъ того, существуютъ ли учебники грамматики или нѣтъ. Правда, грамматическія правила оказываютъ вліяніе на поведеніе людей, но лишь тѣмъ,

что уясняютъ имъ существующія формы рѣчи и собственные законы языка. Разница между внѣшне-обязательными нормами и практическими правилами такова, какъ между желѣзно-дорожнымъ тарифомъ, устанавливающимъ дополнительную плату за скорость, и указаніемъ путеводителя, рекомендующимъ путешественнику принять это правило къ свѣдѣнію при составленіи маршрута.

Установивъ различіе между нормами внѣшне—обязательными, нормами практически-цѣлесообразнаго поведенія и нормами, въ смыслѣ законовъ явленій, не трудно замѣтить, что регулирующее значеніе для поведенія людей могутъ имѣть только нормы перваго и второго рода, т. е. нормы юридическія и практическія правила цѣлесообразнаго поведенія. Изъ нихъ послѣднія не устанавливаютъ какого-либо собственно имъ принадлежащаго поведенія; онѣ лишь руководятъ выборомъ поведенія, помогая сообразовать его съ свойствомъ нормъ и законовъ. Поэтому эти правила одинаково могутъ руководить всякимъ поведеніемъ, какъ тѣмъ, которое можетъ быть соціальнымъ, такъ и тѣмъ, которое не можетъ быть признано соціальнымъ. Такъ правила грамматики руководятъ человѣкомъ въ выборѣ способовъ и формъ рѣчи, правила агрономіи—въ выборѣ техническихъ пріемовъ обработки земли; одинокій поселенецъ могъ бы выработать правила приготовленія пищи изъ впервые открытаго имъ плода. Если въ первомъ случаѣ соціальный характеръ явленія, къ которому относятся правила, несомнѣненъ, во второмъ, быть можетъ, покажется спорнымъ, то въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, что о соціальномъ явленіи не можетъ быть рѣчи. Съ другой стороны, очевидно, что каждое изъ приведенныхъ явленій останется самимъ собою и въ случаѣ отсутствія соотвѣтствующихъ практическихъ правилъ поведенія. Отсюда слѣдуетъ, что ни наличность, ни отсутствіе такого рода правилъ не дѣлаютъ поведенія ни соціальнымъ, ни несоціальнымъ. Послѣдній вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи собственной природы соотвѣтствующаго явленія.

Такимъ образомъ изъ нормъ, имѣющихъ регулирующее значеніе для поведенія людей, остаются только нормы юридическія (въ самомъ широкомъ смыслѣ), и вопросъ о природѣ соціальнаго явленія сводится къ тому, ограничивается ли это понятіе только такимъ поведеніемъ людей, которое представляетъ собою осуществленіе

юридическихъ нормъ, или же сюда входятъ и явленія, не состоящія въ осуществленіи какихъ-бы то ни было внѣшне-принудительныхъ нормъ и совершающіяся по своимъ собственнымъ законамъ? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на вторую часть вопроса станетъ очевиднымъ, что признакъ принудительнаго регулированія окажется недостаточнымъ для опредѣленія соціальнаго явленія. Наличность такого явленія, какъ языкъ, въ соціальномъ характерѣ котораго никто не сомнѣвается, рѣшаетъ вопросъ безспорно. То поведеніе людей, которое выражается въ ихъ языкѣ, можно было бы считать урегулированнымъ внѣшне-принудительными нормами только въ томъ случаѣ, если думать, что рѣчь возникла путемъ взаимнаго соглашенія людей, установившихъ обязательныя правила и формы языка. Но такъ какъ никто этого не думаетъ, по крайней мѣрѣ, теперь, то говорить здѣсь о внѣшне-принудительномъ регулированіи можно только на почвѣ безсознательнаго смѣшенія нормъ внѣшне-принудительныхъ съ практическими правилами поведенія и собственными законами языка. На самомъ дѣлѣ языкъ возникаетъ, существуетъ и развивается не путемъ внѣшняго регулированія формъ и оборотовъ рѣчи, а путемъ возникновенія и укрѣпленія ихъ на почвѣ общей всѣмъ индивидамъ извѣстной группы психо-физической организаціи и однообразнаго поведенія, благодаря чему постоянство и однообразіе формъ и оборотовъ становится чѣмъ-то объективнымъ, что существуетъ какъ бы само по себѣ, независимо отъ отдѣльнаго конкретнаго индивида, и состоитъ изъ комплекса элементовъ, находящихся въ правильномъ и постоянномъ соотношеніи другъ съ другомъ, т. е. изъ комплекса элементовъ, связанныхъ между собою своими собственными законами.

Происхожденіе и объективація языка, сообщающая ему безспорный соціальный характеръ, наглядно проявляется въ языкѣ жестовъ, который въ генетическомъ развитіи можно считать исходной формой языка вообще [1]). Первоначально жесты

---

[1]) *W. Wundt*, Grundriss der Psychologie, 1896, стр. 358 и сл.; Grundzüge der Phys. Psych., 1887, т. 1, стр. 630, т. II, стр. 515 и сл.; Völkerpsychologie, т. 1, *Die Sprache*, Leipzig, ч. 1, 2, 1900; Ueber Ziele und Wege der Völkerpsychologie, Phil. Stud., т. IV, 1888, стр. 1—27. Нѣкоторыя поясненія и возраженія къ теоріи Wundt'a см. *Ѳ. Зелинскій*, Вильгельмъ Вундтъ

и вообще движенія, что-либо выражающія, исходятъ изъ аффектовъ и, хотя нерѣдко имѣютъ болѣе или менѣе очевидное отношеніе къ вызывающей ихъ причинѣ, но производятся не съ цѣлью что-либо выразить, а неудержимо проявляются сами собою. Однако такъ какъ подобнаго рода движенія съ самаго начала обладаютъ свойствомъ указывать на душевное состояніе, то оказывается возможнымъ и самъ собою совершается переходъ къ тому, что человѣкъ пользуется такими движеніями съ сознательною цѣлью сообщить другому о своихъ душевныхъ состояніяхъ, состоящихъ изъ аффектовъ съ сопровождающими ихъ представленіями, а потомъ и однихъ представленій.

На этой стадіи движенія—жесты, мимика—могутъ исполнять свое назначеніе—служить средствомъ сообщенія—только при условіи непосредственной понятности, что достигается, съ одной стороны, непосредственно понятнымъ отношеніемъ движенія къ возбуждающей его причинѣ, и, съ другой, одинаковой организаціей людей, благодаря чему жесты одного человѣка, являющіеся результатомъ его душевныхъ состояній, вызываютъ соотвѣтствующее чувство и представленіе въ другомъ человѣкѣ. Условіе непосредственной понятности осуществляется въ дѣйствительности для многихъ жестовъ, какъ это видно изъ сравненія языка жестовъ индійцевъ Дакота, Rocky mountains, цистерціанцевъ, современныхъ италіанцевъ, благодаря чему еще Квинтиліанъ называлъ жесты omnium hominum communis sermo. Таковы жесты указательные (я, ты, предметъ) и значительная часть описательныхъ, изъ которыхъ одни непосредственно изображаютъ предметъ (домъ: крыша и стѣны), другіе—какой-нибудь одинъ признакъ предмета (женщина: грудь; ребенокъ: укачиваніе на рукахъ), третьи состоятъ изъ символическихъ движеній (угроза, мольба).

Пока жесты исполняютъ свое назначеніе только благодаря непосредственной понятности, они не ведутъ никакого

и психологія языка, Вопр. филос. и психол., 1902, кн. 62 (II), стр. 654—666; *L. Gérard-Varet*, Le langage et la parole, leurs facteurs sociologiques, Revue philos., 1902, № 10, стр. 367—390; *A. Marty*, Ueber Sprachreflex, Nativismus und absichtliche Sprachbildung, рядъ статей въ Vierteljahrsschr. f. wiss. Philos., 1889, въ частности стр. 313 и сл.; *B. Delbrück*, Grundfragen der Sprachforschung, mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert, 1901.

самостоятельнаго существованія и не создаютъ, сами по себѣ, никакой самостоятельной среды. При всякомъ случаѣ сообщенія посредствомъ жестовъ тѣ или другіе знаки всякій разъ рождаются вновь, инстинктивно, рефлекторно, или сознательно цѣлесообразно, независимо или почти независимо отъ прежнихъ случаевъ ихъ появленія. Но благодаря постоянному и однообразному повторенію, жесты, съ соотвѣтствующими имъ значеніями, образуютъ нѣкоторую самостоятельную систему, представляющую нѣчто бо́льшее, чѣмъ каждый случай конкретнаго проявленія жестовъ въ отдѣльности. Эта самостоятельность общей системы усиливается по мѣрѣ того, какъ за каждымъ жестомъ, вслѣдствіе постояннаго повторенія, все болѣе и болѣе закрѣпляется его значеніе, вслѣдствіе чего между абстрактно-объективной системой знаковъ и случаями ихъ конкретнаго проявленія устанавливается новое и своеобразное отношеніе. Въ то время, какъ первоначально объективно взятая система знаковъ представляетъ собою не что иное, какъ сумму конкретно проявляющихся жестовъ, которые ее реально образуютъ; теперь система знаковъ представляетъ нѣкоторый комплексъ формъ, который, въ свою очередь, можетъ дать начало тому или иному конкретному проявленію жеста. Система знаковъ превращается въ запасъ готовыхъ формъ поведенія, которыя представляютъ собою абстракцію однообразнаго проявленія конкретныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ готовой формой, въ которую сознательно и безсознательно облекается каждый конкретный случай. Самостоятельная объективность системы знаковъ усиливается, далѣе, по мѣрѣ того, какъ путемъ ассоціаціи представленій, съ жестами соединяются новыя значенія, имѣющія все болѣе отдаленную и косвенную связь съ первоначальными представленіями и чувствами (правда и ложь—прямое движеніе указательнаго пальца и движеніе зигзагами).

Тоже самое представляетъ собою и развитіе рѣчи. Рѣчь есть ничто иное, какъ жесты такого рода, что они сопровождаются звуками. Первоначально эти звуковые жесты дополняли лишь мимическія и пантомимическія движенія, и необходимымъ условіемъ ихъ употребленія должна была быть ихъ непосредственная понятность. Эта непосредственная понятность осуществляется различнымъ образомъ. Звукъ можетъ служить средствомъ обратить вниманіе на сообщеніе, изображаемое жестами;

онъ можетъ непосредственно изображать душевное состояніе (напримѣръ, при сильныхъ аффектахъ) своей силой и тономъ; онъ можетъ сопровождать жесты звуками, непосредственно подражающими изображаемому явленію (крикъ животнаго и т. п.)— прямое звукоподражаніе; наконецъ, онъ можетъ перелагать въ звуки ощущенія другихъ органовъ чувствъ; такая возможность обусловливается тѣмъ, что различныя ощущенія ведутъ къ одинаковымъ чувствамъ и исходящимъ изъ нихъ представленіямъ, вслѣдствіе чего ощущенія однихъ органовъ могутъ быть выражаемы въ терминахъ другихъ: краски могутъ быть кричащими, звуки—густыми, сочными и т. д. Возможность переложенія другихъ ощущеній въ звуки даетъ начало косвенному звукоподражанію. Благодаря подвижности и богатству оттѣнковъ, звуковой жестъ особенно легко можетъ быть приноровленъ къ изображенію душевныхъ состояній, вслѣдствіе чего онъ начинаетъ играть все болѣе и болѣе важную роль среди сопутствующихъ ему прочихъ жестовъ, пока, наконецъ, не станетъ главнымъ средствомъ изображенія, а жесты мимическіе и пантомимическіе только вспомогательными средствами, дополняющими и поясняющими звуковое изображеніе. Подобно тому, какъ при превращеніи жестовъ въ языкъ жестовъ, такъ и здѣсь, при превращеніи звуковъ въ языкъ звуковъ, совершается постепенная объективація системы звуковъ отъ конкретныхъ случаевъ ихъ проявленія; первоначальныя безцѣльныя звуковыя движенія, связанныя съ извѣстными душевными состояніями и, слѣдовательно, непосредственно понятнымъ образомъ изображающія послѣднія, превращаются путемъ многократнаго однообразнаго повторенія въ систему звуковъ съ установившимся значеніемъ; съ прямымъ значеніемъ путемъ ассоціаціи связывается косвенное и переносное. Система звуковъ представляетъ собою совокупность конкретнаго осуществленія звуковъ и въ тоже время готовую форму, въ которую выливается дѣйствіе въ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ.

На этой послѣдней стадіи звуки, какъ прежде жесты, получаютъ самостоятельное, независимое отъ данныхъ конкретныхъ объясняющихся индивидовъ существованіе и для того, чтобы служить средствомъ сообщенія должны быть усвоены, какъ нѣчто внѣшнее и объективное. Будучи усвояемы индивидами, живущими одновременно и послѣдовательно, они образу-

ютъ связь между индивидами и этою связью объединяютъ ихъ въ одну общую по отношенію къ данному явленію группу. Эта объективно существующая и сверхиндивидуальная связь и представляетъ собою соціальное явленіе. Она составляетъ вмѣстѣ съ другими такими же явленіями соціальную среду, а, сама по себѣ,—часть этой среды. Соціальная среда находится въ такомъ отношеніи къ данному или даннымъ индивидамъ, что, съ одной стороны, она ихъ связываетъ однимъ своимъ существованіемъ, независимо отъ ихъ желанія и воли, и, съ другой, противопоставляется индивиду, какъ нѣчто отъ него не зависящее, на него воздѣйствующее. Отдѣльный индивидъ, вступая въ группу, объединенную даннымъ соціальнымъ явленіемъ, встрѣчаетъ уже готовую соціальную среду. Правда, путемъ соотвѣтствующихъ усилій, онъ можетъ, въ свою очередь, воздѣйствовать на эту среду, даже можетъ видоизмѣнить ее въ той или другой степени. Но эта самая возможность воздѣйствія и противодѣйствія средѣ доказываетъ ея самостоятельное, отличное отъ индивида, слѣдовательно, объективное въ данномъ случаѣ существованіе.

Однако это объективное между- и сверхиндивидуальное существованіе безполезно понимать въ мистическомъ или метафорическомъ смыслѣ. Нельзя приписывать его, какъ признакъ или дѣйствіе, нѣкоторому мистическому субъекту, напримѣръ, народу, народному духу, обществу, организму, субъекту, который велъ бы свое отдѣльное и самостоятельное существованіе, рядомъ съ группой лицъ, объединенныхъ тѣмъ или другимъ соціальнымъ явленіемъ, въ данномъ случаѣ, напримѣръ, языкомъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ индивидовъ и предположеніе существованія еще чего-либо, кромѣ и внѣ индивидовъ, представляетъ собою вымыселъ, фикцію. Подобная фикція практически удобна въ правѣ, гдѣ она, напримѣръ, допускаетъ существованіе воли тамъ, гдѣ нужны распоряженія, и нѣтъ физическаго лица, но никто не выдаетъ такого рода практически цѣлесообразный вымыселъ за нѣчто реально существующее. Фикція же въ научномъ изслѣдованіи, утверждающая реальность внѣ пространства и времени существующихъ субъектовъ, не можетъ, разумѣется, представлять ничего иного, какъ прикрытіе неизвѣстнаго измышленнымъ. Если же нѣтъ ничего, что вело бы самостоятельное существованіе внѣ

и рядомъ съ индивидами, то, слѣдовательно, то, что мы называемъ средой, можетъ существовать только въ отдѣльныхъ индивидахъ.

Ни одно соціальное явленіе, какъ явленіе духовной жизни, не можетъ происходить внѣ «духа» индивида. Всякое соціальное явленіе разлагается на психическіе процессы, происходящіе въ отдѣльныхъ индивидахъ. Процессы эти могутъ быть только такого рода, какъ это допускается законами природы индивида. Они не могутъ стать соціальными ни такимъ образомъ, чтобы выйти за предѣлы психики и дѣйствій индивидовъ, ни такимъ образомъ, чтобы стать въ противорѣчіе съ собственной природой реальнаго индивида [1]). Соціальныя явленія должны поэтому составлять часть психики и поведенія индивидовъ. Такимъ образомъ вмѣсто противоположенія реальнаго индивида обществу, какъ отличному и внѣ его находящемуся, мы можемъ только противополагать въ одномъ и томъ же и каждомъ реальномъ индивидѣ тѣ его состоянія и поведеніе, которыя составляютъ общественныя явленія, тѣмъ состояніямъ и дѣйствіямъ, которыя остаются индивидуальными.

Но если и соціальное и индивидуальное явленія представляютъ собою психическія состоянія и дѣйствія одного и того же реальнаго индивида, то въ чемъ должно искать разграничивающаго ихъ признака? Этотъ послѣдній заключается въ общепризнанной и указанной уже объективности, внѣ- и сверхиндивидуальности соціальнаго въ противоположность индивидуальному. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ, какія состоянія и дѣйствія реальнаго индивида и какимъ образомъ получаютъ характеръ объективности и внѣиндивидуальности?

Въ такой именно формѣ ставитъ вопросъ Grabski [2]). Отвѣтъ однако не столь удаченъ, какъ самая постановка вопроса. Индивидъ—говоритъ онъ—объективируетъ тѣ свои психическія состоянія, въ которыхъ онъ, благодаря предшествующему біологическому приспособленію, сознаетъ себя, какъ среднюю единицу общественной группы, а благо группы испытываетъ, какъ свое собственное (стр. 44, 81 и др.). Неудовлетворительность

---

[1]) Wundt, Völkerpsychologie, стр. 2.

[2]) *St. Grabski*, Zur Erkenntnisslehre der Volkswirtschaftlichen Erscheinungen, Leipzig, 1900; ср. выше, стр. 120—127.

этого критерія для опредѣленія соціальнаго явленія была выяснена уже раньше (см. стр. 120—127). Не говоря уже о томъ, что изображеніе соціальнаго индивида въ видѣ индивида, сознающаго себя, какъ среднюю единицу группы, крайне неудачно, такъ какъ ни одно реальное сознаніе не представляетъ себя въ видѣ ариѳметической средней [1]), было указано, что воспріятіе общаго блага, въ качествѣ своего собственнаго, вовсе не характеризуетъ всѣхъ общественныхъ явленій. Попытка Grabsk'аго интересна въ томъ отношеніи, что онъ, подобно Stammler'у, приходитъ къ разграниченію двухъ областей соціальнаго; для одной изъ этихъ областей указанные авторомъ критеріи могутъ быть примѣнены съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ; для другой они вовсе не годятся. Эта послѣдняя область состоитъ изъ тѣхъ явленій поведенія и отношеній людей, которыя не вытекаютъ изъ общихъ цѣлей или общаго блага, но, возникая изъ интересовъ отдѣльныхъ индивидовъ, тѣмъ не менѣе осуществляютъ извѣстныя соціальныя формы. Подобно тому, какъ Stammler старается подвести всякаго рода поведеніе людей, складывающееся въ извѣстныя общественныя формы, подъ осуществленіе якобы внѣшнихъ нормъ, для чего онъ прибѣгаетъ къ смѣшенію внѣшне-принудительныхъ нормъ съ однообразными объективирующимися формами поведенія и практическими правилами, такъ Grabski усматриваетъ въ осуществленіи тѣхъ же типично однообразныхъ формъ поведенія осуществленіе общаго блага группы, стараясь затереть насильственно разницу между осуществленіемъ общаго блага путемъ дѣйствій, къ этой именно цѣли направленныхъ, и общимъ благомъ, вытекающимъ въ видѣ результата изъ стремленій индивидовъ, преслѣдующихъ свои личные интересы, хотя только первая категорія поведенія отвѣчаетъ его критерію общественности.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи гораздо цѣлесообразнѣе «das gattungsmässige Wesen des Menschen», которое *W. Schuppe*, der Begriff des Subjectiven Rechts, Breslau, 1887, стр. 8, разсматриваетъ какъ источникъ общественнаго явленія—права. Въ томъ же направленіи неопредѣленно выражается Th. Kistiakowski, op. cit., стр. 197: Durch die Ausgleichung des Gefühlslebens bei den verschiedenen Personen in einer Socialen Gruppe erhält dieselbe ein bestimmtes einheitliches Gepräge»

Отсюда слѣдуетъ, что должно различать два рода соціальныхъ явленій; одни изъ нихъ образуются такимъ поведеніемъ людей, которое въ сознаніи дѣйствующаго индивида представляется уже имѣющимъ отношеніе къ обществу; таковы дѣйствія, состоящія въ осуществленіи внѣшне-принудительнымъ образомъ установленныхъ нормъ, или въ совмѣстномъ съ другими удовлетвореніи общихъ потребностей; другія соціальныя явленія создаются такимъ поведеніемъ людей, которое въ сознаніи дѣйствующаго индивида представляется вытекающимъ изъ личныхъ интересовъ и побужденій и, не будучи регулируемо никакими принудительными правилами, тѣмъ не менѣе осуществляетъ соціальныя формы поведенія [1]). Общій признакъ того и другого соціальнаго поведенія состоитъ въ томъ, что будучи поведеніемъ индивида, оно вмѣстѣ съ тѣмъ является осуществленіемъ внѣ и сверхъ индивида лежащихъ способовъ поведенія. Конкретно взятое дѣйствіе индивида всегда остается дѣйствіемъ индивида; но въ однихъ случаяхъ оно и не можетъ быть разсматриваемо никакъ иначе, какъ только въ видѣ дѣйствія индивида, и остается индивидуальнымъ; въ другомъ случаѣ оно въ тоже время является конкретнымъ осуществленіемъ болѣе чѣмъ индивидуальнаго поведенія, частнымъ случаемъ объективно существующаго способа поведенія. Въ свою очередь, этотъ объективный способъ поведенія можетъ состоять изъ формъ поведенія, принудительнымъ характеромъ не обладающихъ, и внѣшне-принудительныхъ нормъ. Такимъ образомъ соціальнымъ явленіемъ будетъ дѣйствіе индивида, осуществляющее собою объективно существующую форму или норму поведенія. Съ другой стороны, объективное существованіе формъ и нормъ поведенія ни въ чемъ иномъ не выражается, какъ только въ ихъ осуществленіи въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Признакъ общественности представляетъ собою, слѣдовательно, мысленное отношеніе даннаго дѣйствія къ общимъ формамъ и

---

[1]) По вопросу о существованіи соціальныхъ фактовъ и закономѣрности независимо отъ нормъ, ср. критику ученія Stammler'а у *O. Spann'а*, Die Stammler's Lehre vom sozialpsychologischen Standpunkte, Zeitschr. f. d. gesammte Staatsw., 58 Jarg., 1902, 4 H., стр. 699—719, въ частности, стр. 705, 712.

нормамъ поведенія, которыя, въ свою очередь, абстрагируются отъ отдѣльныхъ случаевъ поведенія. Процессъ объективаціи формъ и нормъ поведенія изъ отдѣльныхъ конкретныхъ дѣйствій и обратнаго подведенія конкретныхъ дѣйствій подъ общія формы и нормы, можетъ быть разсматриваемъ слѣдующимъ образомъ.

Первоисточникомъ всякаго поведенія, которое можетъ стать соціальнымъ, является сходство въ существенныхъ чертахъ цѣлесообразно-сознательной природы человѣка и окружающихъ его внѣшнихъ условій. Изъ этого сходства само собой вытекаетъ однообразіе дѣйствій индивидовъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Однообразныя дѣйствія, при ихъ многократномъ появленіи, возникаютъ однако всякій разъ совершенно самостоятельно и независимо одно отъ другого. Но однообразіе ихъ повторенія создаетъ типъ поведенія, который можетъ быть уловленъ при объективномъ наблюденіи дѣйствій индивидовъ. Для сторонняго наблюдателя однообразныя дѣйствія индивидовъ могутъ быть подведены подъ общую форму поведенія, для которой отдѣльныя дѣйствія являются только частными случаями ея конкретнаго проявленія. Подобная объективная типичность формъ поведенія составляетъ какъ бы преддверіе къ переходу индивидуальныхъ дѣйствій въ соціальное поведеніе. Дѣйствія остаются индивидуальными, потому что каждое дѣйствіе всякій разъ вновь рождается изъ производящихъ его условій, независимо отъ другихъ такихъ же дѣйствій; но въ тоже время объективно существуетъ уже типичная форма поведенія, для которой отдѣльные случаи являются лишь частными случаями ея проявленія. Объективная типичность поведенія доступна однако не только стороннему наблюдателю, но можетъ быть познана и самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Съ этого момента дѣйствіе индивида пріобрѣтаетъ новый характеръ: уже не только объективно, но и въ сознаніи субъекта его дѣйствіе, изъ какихъ бы источниковъ оно ни происходило, является конкретнымъ осуществленіемъ типичной формы поведенія, объективировавшейся изъ отдѣльныхъ случаевъ повторнаго появленія дѣйствій. Дѣйствіе индивида можетъ по прежнему проистекать изъ конкретно даннаго взаимодѣйствія сознательно-цѣлесообразной природы индивида и внѣшнихъ условій, точно также, какъ оно возникало и раньше въ подобныхъ обстоятельствахъ, при отсутствіи созна-

нія о существованіи типичной формы поведенія. Но теперь тоже дѣйствіе субъективно разсматривается, какъ частный случай проявленія объективированной формы поведенія. Такимъ образомъ знаніе о существованіи объективно-типичной формы поведенія нисколько пока не измѣняетъ объективнаго характера дѣйствія и производящихъ его причинъ или мотивовъ; оно придаетъ дѣйствію лишь иную субъективную окраску; изъ изолированнаго превращаетъ его въ частный случай общей формы поведенія. Въ такой формѣ дѣйствіе находится въ первой стадіи процесса своей соціализаціи. Первобытный человѣкъ какого-либо племени, увидѣвъ нужную ему вещь въ обладаніи другого лица, подъ вліяніемъ инстинкта или размышленія можетъ прійти къ тому результату, что отниметъ вещь у владѣльца силой. Подобныя дѣйствія могутъ быть совершены по своимъ собственнымъ побужденіямъ и всякимъ другимъ сильнымъ индивидомъ того же племени при сходныхъ условіяхъ. Но съ того момента, когда въ сознаніи дѣйствующаго возникло бы представленіе, что его дѣйствіе представляетъ собою не что иное, какъ то, что всегда происходитъ при подобныхъ обстоятельствахъ, мы имѣли бы случай перехода индивидуально-изолированнаго поступка въ первый фазисъ процесса его соціализаціи.

Однако процессъ соціализаціи можетъ и долженъ итти дальше. Сознаніе наличности извѣстной формы поведенія изъ области простого представленія, не вліяющаго на мотивы конкретнаго поступка, можетъ перейти въ область мотивації и оказать вліяніе на самый выборъ поведенія въ томъ или другомъ подходящемъ случаѣ. Не всѣ дѣйствія вытекаютъ съ необходимостью изъ инстинкта, или совершаются при условіяхъ, необходимо приводящихъ къ одному рѣшенію. Въ большинствѣ случаевъ представляется нѣсколько возможныхъ исходовъ, и въ этомъ случаѣ сознаваемая индивидомъ наличность типичной формы поведенія не можетъ не оказать бо́льшаго или меньшаго вліянія на выборъ. Пусть въ способѣ пріобрѣтенія вещи индивиду представляется выборъ: онъ можетъ силой отнять вещь у другого, или похитить ее тайно, или выманить у владѣльца просьбами, или соблазнить послѣдняго предложеніемъ своихъ благъ къ обмѣну. Извѣстный индивиду способъ поведенія въ подобныхъ случаяхъ можетъ повліять на рѣшеніе. Здѣсь моментъ соціализаціи проникаетъ въ самые мотивы дѣйствія:

дѣйствіе не только объективно отвѣчаетъ типичной формѣ поведенія, но форма поведенія является однимъ изъ условій, опредѣляющихъ дѣйствіе въ сознаніи субъекта. При этомъ значеніе ея въ этой роли можетъ быть различно. Быть можетъ, субъектъ и по своимъ собственнымъ мотивамъ и соображеніямъ, даже помимо знанія соотвѣтствующей формы поведенія, пришелъ бы къ тому же самому дѣйствію. Роль объективно-типичной формы поведенія сводится въ такомъ случаѣ только къ извѣстной экономіи и облегченію психическаго процесса выбора. На этой ступени соціальное дѣйствіе стоитъ весьма близко къ соціальному дѣйствію предшествующей стадіи. По мѣрѣ того, однако, какъ примѣръ и подражаніе получаютъ все бо́льшее значеніе, въ качествѣ момента, направляющаго поведеніе индивида, послѣднее получаетъ все болѣе и болѣе субъективно-соціальный характеръ. Сознаніе объективнаго соотвѣтствія даннаго поступка съ извѣстной формой поведенія замѣняется сознаніемъ, что данный поступокъ представляетъ собою вызванное личными мотивами осуществленіе извѣстной внѣшней, готовой формы поведенія.

Присутствіе въ сознаніи типичной формы поведенія въ числѣ мотивовъ, опредѣляющихъ дѣйствіе, привело Tarde'a къ идеѣ опредѣленія общества посредствомъ момента подражанія. По его мнѣнію, общество представляетъ собою собраніе индивидовъ, подражающихъ и готовыхъ подражать другъ другу, или, безъ активнаго подражанія, сходствующихъ между собою, представляющихъ копіи одной и той же модели; если матерія, говоритъ онъ, представляетъ собою просто организацію эластичности эфира, то общество—это организація подражательности [1]). Но, разумѣется, это опредѣленіе не обнимаетъ собою всѣхъ соціальныхъ явленій: съ одной стороны, простое сходство индивидуальной природы, а вслѣдствіе того и поведенія, не можетъ быть сведено къ подражанію; съ другой—поведеніе, опредѣляемое нормами, представляетъ собою болѣе, чѣмъ простое подражаніе. Въ дѣйствительности подражаніе является моментомъ ха-

[1]) *G. Tarde*, Les lois de l'imitation, Paris, 1895, 2 ed., стр. 73, 76; и «La société, c'est l'imitation, et l'imitation c'est une espèce de somnambulisme», стр. 95.

рактеризующимъ соціальное явленіе только отчасти и только на извѣстной ступени его соціализаціи.

Однажды объективировавшаяся отъ отдѣльныхъ случаевъ своего конкретнаго проявленія типичная форма поведенія, по мѣрѣ того, какъ она повторно осуществляется, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе устойчивый характеръ. Она навязывается индивидуальному сознанію съ возрастающей мотиваціонной способностью. Извѣстная форма поведенія становится формулой рѣшенія подходящихъ подъ нее конкретныхъ случаевъ; она многократно испробована, провѣрена и даетъ заранѣе извѣстные результаты. Это даетъ ей немаловажное преимущество передъ многими другими пока исключительно индивидуальными способами поведенія. Поэтому при равенствѣ другихъ условій, т. е. когда индивидуальная цѣль можетъ быть достигнута либо индивидуально найденнымъ способомъ поведенія, либо объективировавшейся формой, послѣдняя получаетъ характеръ направленія наименьшаго сопротивленія. Такой же характеръ сохраняетъ она и въ томъ случаѣ, когда конкретные интересы индивида не вполнѣ подходятъ или вовсе не подходятъ подъ то рѣшеніе, какое даетъ объективная формула, но когда всякій индивидуальный способъ рѣшенія сопровождался бы предвидимыми столкновеніями съ дѣйствіями и интересами другихъ индивидовъ. Въ этомъ случаѣ объективная форма получаетъ для индивида нормативный характеръ; она сознается, какъ обязательный способъ поведенія, слѣдовать коему должно въ интересахъ предотвращенія вредныхъ послѣдствій, связанныхъ съ несоблюденіемъ этого способа и осуществленіемъ всякаго другого. Съ этого момента форма поведенія превращается въ обязательную норму поведенія.

Такимъ образомъ въ историческомъ процессѣ образованія нормъ поведенія имъ должны предшествовать формы поведенія, которыя, въ свою очередь, объективируются изъ повторныхъ индивидуальныхъ дѣйствій. Что таковъ именно ходъ историческаго процесса, подтверждается исторіей возникновенія многихъ правовыхъ институтовъ. Правовыя нормы, говоритъ Post[1]),

[1]) *A. H. Post*, Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwickelungsgeschichte, Oldenburg, 1884.

служащія большими посылками для опредѣленныхъ правовыхъ случаевъ практики, представляютъ собою продуктъ далеко подвинувшагося развитія. Первобытное время не знаетъ ни права въ формѣ закона, ни права въ формѣ обычая, а лишь въ наилучшемъ случаѣ зачатки обычнаго поведенія; конкретный случай не можетъ быть подведенъ подъ общую правовую норму, такъ какъ общія правовыя нормы еще не формулированы (стр. 31—38). Онѣ возникаютъ лишь постепенно, путемъ абстрагированія изъ частныхъ случаевъ фактическаго индивидуальнаго поведенія.

Историческій процессъ происхожденія самыхъ разнообразныхъ юридическихъ нормъ подтверждаетъ справедливость этого положенія. Отношенія землепользованія и землевладѣнія въ ихъ историческомъ развитіи исходятъ изъ факта однообразныхъ поступковъ, переходятъ затѣмъ въ общественныя формы поведенія и превращаются въ нормы. Такимъ, именно, образомъ въ свое время захватное хозяйство приводило къ общему владѣнію и передѣламъ, сперва какъ къ факту, потомъ, какъ къ обычной формѣ, и, наконецъ, какъ къ юридической обычной или законодательной нормѣ общиннаго землевладѣнія. Въ свою очередь, на почвѣ общиннаго порядка возникаютъ сперва индивидуальныя дѣйствія, не представляющія собою ни осуществленія общиннаго порядка, ни воплощенія какой-либо иной формы еще не существующаго соціальнаго поведенія, а вызванныя просто фактическимъ стеченіемъ наличныхъ условій; съ теченіемъ времени эти фактическія дѣйствія, учащаясь, превращаются въ форму поведенія, отвергающую общинный порядокъ, и сами становятся источникомъ и осуществленіемъ новой нормы частной собственности на землю [1]). Этотъ послѣдній процессъ, закончившійся на Западѣ, совершается на нашихъ глазахъ во многихъ мѣстахъ Россіи. Фактическая неравномѣрность надѣловъ общинниковъ перестаетъ исправляться вслѣдствіе чисто фактическихъ обстоятельствъ: нѣкоторые члены общества продолжаютъ, напримѣръ, фактически обрабатывать свои прежніе участки, не смотря на постановленіе о передѣлѣ, другіе отстаиваютъ свои надѣлы силой, вступая въ драки; чѣмъ

[1]) См. *М. Ковалевскій*, Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства, т. 1, Москва, 1898; *его-же*, Развитіе народнаго хозяйства, С.-Петербургъ, 1899.

дольше продолжается фактъ владѣнія однимъ и тѣмъ же кускомъ земли, тѣмъ болѣе укрѣпляется сознаніе, что такая форма владѣнія представляетъ собою осуществленіе нѣкотораго внѣшняго порядка; безпередѣльное владѣніе становится обычной формой поведенія, отступленіе отъ которой требуетъ уже особенныхъ и добавочныхъ усилій, пріобрѣтаетъ нормативный характеръ и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ перейти въ юридическую норму [1]). Въ другихъ случаяхъ тотъ же процессъ распаденія общины начинается съ того, что отдѣльныя лица фактически свободно распоряжаются своими участками, сообразно съ своими личными расчетами, игнорируя существующій юридически общинный строй, въ то время, какъ другіе члены общины фактически же не имѣютъ интереса мѣшать имъ въ такихъ распоряженіяхъ; затѣмъ всѣ начинаютъ сознавать, какое значеніе имѣетъ подобный способъ поведенія для цѣлаго союза лицъ, и нерѣдко случается, что фактическое поведеніе становится общей формой поведенія и подвергается той или иной правовой регламентаціи. Этотъ процессъ возникновенія нормы изъ факта сводится, выражаясь словами цитируемаго автора, къ положенію: «я такъ дѣлаю, и потому это мое право» [2]). Но послѣ того, какъ норма уже объективировалась изъ отдѣльныхъ случаевъ поведенія, послѣдніе становятся ея осуществленіемъ: это—мое право, и потому я такъ дѣлаю. Такимъ образомъ всякое отношеніе къ землѣ и по поводу ея къ другимъ людямъ, прежде чѣмъ получить соціальный характеръ, является сначала фактическимъ и индивидуальнымъ; оно представляетъ собою способъ поведенія, возникающій у отдѣльныхъ индивидовъ самъ собою изъ ихъ интересовъ и того фактическаго положенія, въ которомъ они находятся. Однообразіе поведенія отдѣльныхъ лицъ является результатомъ однообразія условій, ставящихъ каждому индивиду одинаковыя задачи и дающихъ одинаковыя средства для ихъ разрѣшенія. Мало-по-малу объективное сходство поведенія переходитъ въ субъективно-сознаваемое однообразіе, которое въ сознаніи дѣйствующихъ индивидовъ проицируется во-внѣ, какъ соціальная форма поведенія; чѣмъ дальше осуществляется по-

[1]) *В. В.*, Крестьянская община, Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи, т. 1, Москва, 1892, стр. 106—111.

[2]) См. тамъ же, стр. 155, 157, 167—168.

слѣдняя, тѣмъ болѣе она становится обычной, принимаетъ нормативный характеръ и, при благопріятныхъ условіяхъ, превращается, наконецъ, въ настоящую юридическую норму, чтобы съ теченіемъ времени уступить свое мѣсто новой юридической нормѣ, въ свою очередь, выросшей изъ чисто фактическихъ условій.

Тотъ же процессъ историческаго перехода индивидуальнаго поведенія въ общественную форму, а затѣмъ норму поведенія наблюдается въ развитіи различныхъ видовъ брачнаго сожительства [1]). Какъ ни разнорѣчивы мнѣнія отдѣльныхъ изслѣдователей относительно исторической послѣдовательности различныхъ формъ брака, всѣ однако согласны въ томъ, что всякая форма получаетъ свое происхожденіе изъ такого поведенія индивидовъ, однообразіе котораго обусловливается не нормами и не обычаями, а простымъ сходствомъ фактическихъ условій жизни, приводящихъ каждаго отдѣльнаго индивида именно къ такому одинаковому съ другими способу удовлетворенія своей потребности; а уже изъ этого фактическаго однообразія вытекаетъ съ естественной необходимостью обычай и норма. Такъ, Westermarck, признающій парное сожительство первоначальной формой брака, выводитъ ее изъ инстинктивнаго поведенія индивидовъ, обусловленнаго біологическими законами естественнаго подбора (стр. 21—22, 51); къ тому же источнику онъ относитъ и нормы, запрещающія бракъ между родственниками (стр. 305, 339). Равнымъ образомъ и отступленія отъ парнаго брака, напримѣръ, полигамію (стр. 455, 457, 459), онъ сводитъ, по-преимуществу, къ внѣшнимъ условіямъ, создающимъ соотвѣтствующее поведеніе, какъ фактъ, прежде чѣмъ оно станетъ нормой или обычаемъ.

---

[1]) *A. H. Post*, Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwickelungsgeschichte, Oldenburg, 1884, стр. 185 и сл.; *H. Spencer*, Principes de sociologie, trad. par M. M. E. Gazalles et J. Gerschel, 1882, т. 2; *L. H. Morgan*, Die Urgesellschaft, 1891; *E. Westermarck*, Origine du mariage, traduit par H. de Varigny, 1895 (есть русскій переводъ); *J. R. Mucke*, Horde und Familie, 1895; *E. Grosse*, Die Formen der Familie, 1896; *E. V. Zenker*, Die Gesellschaft, 1899; *Ю. Липперть*, Исторія семьи, пер. съ нѣм., 1897; *К. Н. Старке*, Первобытная семья, перев., 1901; *Энгельсъ*, Происхожденіе семьи, частной собственности и государства, перев., 1899; *М. Ковалевскій*, Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, 1896.

«Die Gliederung der Horde—говоритъ Zenker—in streng geschiedene Altersgruppe, welche einerseits die primitivste Form der Arbeitstheilung repräsentiren, andererseits in geschlechtlicher Promiscuität leben... ist sonach nichts was irgend ein Zweck—Wollen und—Denken des Urmenschen voraussetzt; es ist etwas Naturgewordenes...» (стр. 49).

Старке (стр. 103—104, 131) и Grosse разсматриваютъ формы и нормы брака, какъ результатъ поведенія, вытекающаго изъ фактическихъ условій наличной формы хозяйства [1]). Mucke разсматриваетъ первобытную связь, которую другіе называютъ родственною, какъ своеобразную объективацію въ сознаніи пространственныхъ отношеній сожительства; стараясь показать, какъ семья развилась изъ фактическаго нарушенія этой первоначальной пространственной связи, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «... auf Handlungen bauen sich Sitten auf» (стр. 140) Но, хотя форма и норма брачнаго сожительства вытекаетъ либо изъ инстинкта, либо изъ цѣлесообразно-сознательнаго поведенія, предопредѣленнаго въ своемъ однообразіи сходствомъ обусловливающихъ его причинъ, однако одна наличность естественнаго или фактическаго сходства поведенія не дѣлаетъ его соціальнымъ. Для того, чтобы фактическое однообразіе поведенія превратилось въ соціальное явленіе необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы отдѣльные поступки проицировали изъ себя въ сознаніи типичную форму поведенія и стали кокретными случаями ея осуществленія. Это проицированіе возникаетъ по мѣрѣ того, какъ сознаніе улавливаетъ повтореніе и однообразіе дѣйствій и начинаетъ относиться къ нимъ, какъ частнымъ случаямъ общей формы поведенія. До момента возникновенія подобной проекціи, поведеніе остается либо естественно-индивидуальнымъ, либо находится въ стадіи объективной типичности, непосредственно предшествующей его соціализаціи. Примѣромъ по-

[1]) Союзъ родителей и дѣтей (Sonderfamilie) вытекаетъ изъ общихъ всѣмъ естественныхъ мотивовъ. Но форма отношеній находится подъ сильнымъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій. Полигамія, моногамія; рабское, свободное или даже господствующее положеніе женщины—все это опредѣляется формою хозяйства: «unter jeder Culturform diejenige Form der Familienorganisation herrscht, welche den wirtschaftlichen Verhältnissen und Bedürfnissen angemessen ist» (стр. 245).

добнаго рода проицированія и объективаціи первоначально чисто фактическаго и индивидуальнаго поведенія можетъ служить развитіе моногамическаго брака изъ полигаміи. При господствѣ полигаміи, какъ нормы, фактическое отношеніе мужчины къ разнымъ женамъ не могло быть, разумѣется, одинаково. Множество фактическихъ обстоятельствъ производило между женами дифференціацію въ томъ или другомъ направленіи. Особенно сварливая могла получить отдѣльную хижину (Старке, стр. 76, Westermarck, стр. 467—468); если всѣ жили въ отдѣльныхъ хижинахъ, первая жена могла получить наибольшій домъ; первая жена, являясь въ домъ первой хозяйкой, имѣла шансы, разъ завладѣвъ хозяйствомъ, удержать его за собою фактически, благодаря бо́льшей опытности и разъ заведенному порядку, даже съ появленіемъ другихъ женъ; если ей это не удавалось, первенствующая роль могла перейти къ той изъ женъ, которая пользовалась наибольшею благосклонностью мужа (Westermarck, стр. 419 и сл.), или была дочерью особенно могущественнаго отца (Grosse, стр. 131—132) и т. д. Если то или другое условіе часто повторялось, то вызываемое имъ поведеніе могло стать типичнымъ для данной группы индивидовъ, и, будучи сознано ими, въ качествѣ такового, должно было стать общественнымъ. Такимъ образомъ при господствѣ полигамическаго брака, мы встрѣчаемъ общественно-сознаваемую дифференціацію женъ, свидѣтельствующую о чисто фактическомъ источникѣ ея происхожденія; мы находимъ жену, занимающую домъ большой жены, тогда какъ двѣ другія занимаютъ домъ жены правой руки и лѣвой руки, а всѣ остальныя распредѣляются уже между этими тремя домами (Post, стр. 210); въ другихъ случаяхъ подобнымъ же образомъ выдѣляется первая жена (Westermarck, стр. 419—420, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ она и не бываетъ первой по времени, стр. 421 и сл.); жена юности; жена, поддерживающая священный огонь домашняго очага (Ковалевскій) и т. д. Само собою понятно, что при наличности подобной общественной дифференціаціи женъ, конкретное поведеніе индивида въ дѣйствительности не осуществляетъ уже прежней формы или нормы полигамическаго брака, и въ концѣ концовъ въ сознаніи должна проицироваться новая форма, а затѣмъ и норма поведенія, соотвѣтствующая содержанію конкретныхъ случаевъ поведенія. Когда это наступаетъ, мы получа-

емъ форму моногамическаго брака съ наложничествомъ. Путемъ дальнѣйшаго подобнаго же историческаго процесса эта форма видоизмѣняется: монагамическая часть ея получаетъ сильный современно-правовой нормативный характеръ, а наложничество остается общественной формой безъ нормативнаго характера.

Итакъ мы видимъ, что нормамъ правовымъ предшествуютъ обычаи, которые, по мѣрѣ того, какъ мы мысленно возвращаемся къ ихъ началу, все болѣе и болѣе теряютъ свой нормативный характеръ, наконецъ, представляются намъ въ видѣ просто типичныхъ формъ поведенія, которое, въ свою очередь, возникаетъ изъ индивидуальныхъ случаевъ. Тоже самое мы видимъ въ каждый данный періодъ времени; нормы и типичныя формы поведенія существуютъ одновременно. Рядомъ съ юридическимъ институтомъ купли-продажи существуетъ фактъ обмѣна, который представляетъ лишь извѣстную ставшую типичной форму поведенія. Никто и ничто не принуждаетъ внѣшнимъ образомъ людей вступать другъ съ другомъ въ обмѣнъ; для такого принужденія нѣтъ ни правовой, ни обычной нормы; тѣмъ не менѣе, всѣ вступаютъ другъ съ другомъ въ обмѣнъ, и, благодаря этому, обмѣнъ становится типичной формой общественнаго поведенія. Такая форма поведенія столь же характерно связываетъ индивидовъ въ одну группу и даже, пожалуй, болѣе характерно, чѣмъ юридическая норма купли-продажи. Связь выражается здѣсь въ томъ, что каждый индивидъ, прибѣгая къ обмѣну безъ всякаго принужденія, исключительно подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ и сознательно-цѣлесообразнаго усмотрѣнія, тѣмъ не менѣе сознаетъ себя осуществляющимъ внѣ его лежащую и общую ему съ другими форму поведенія. Нѣтъ поэтому ни малѣйшаго основанія признавать соціальною только ту связь, какая проявляется въ поведеніи людей, поскольку оно выражаетъ собою осуществленіе внѣшне-принудительныхъ нормъ. Равнымъ образомъ неосновательно было бы утверждать, что самыя формы поведенія только тогда получаютъ характеръ соціальныхъ явленій, когда осуществляются между индивидами, связанными уже нормами. Ибо, если бы признакомъ, дѣлающимъ формы поведенія соціальнымъ явленіемъ, было единственно то, что онѣ имѣютъ мѣсто въ группѣ, связанной нормами, то съ такимъ же правомъ мы должны были бы признать соціальнымъ и все прочее, что происходитъ въ

группѣ, связанной нормами, а слѣдовательно и физіологическія отправленія лицъ, совершающихъ купчую крѣпость также должны были бы оказаться явленіями соціальными. Общественность формъ поведенія коренится въ ихъ собственной природѣ, какъ и такое же свойство нормъ; она состоитъ въ объективномъ и сверхиндивидуальномъ ихъ характерѣ.

Изъ приведеннаго здѣсь опредѣленія общественныхъ явленій явствуетъ и методологическое значеніе субъективно-психологическаго способа изслѣдованія для изученія соціальныхъ явленій. Если соціальное явленіе представляетъ собою лишь проекцію индивидуальныхъ сознательно-произвольныхъ дѣйствій и послѣдующее подведеніе конкретнаго дѣйствія подъ эту проекцію, то, очевидно, что изученіе соціальнаго явленія сводится къ выясненію объективнаго типичнаго сходства въ индивидуальныхъ произвольныхъ психическихъ процессахъ, плюсъ указанію процесса проецированія и объективаціи индивидуальныхъ психическихъ процессовъ. Таковъ, именно, всегда былъ методъ изученія экономическихъ явленій, дававшій до сихъ поръ наилучшіе результаты. Среди явленій экономическихъ мы находимъ, прежде всего, явленія чисто индивидуальнаго характера, ибо безъ нихъ невозможно и возникновеніе явленій общественнаго порядка. Вопросъ можетъ заключаться не въ томъ, есть ли такія явленія въ экономической области, или нѣтъ, а лишь въ томъ, насколько заслуживаютъ они изученія. Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ исключительно отъ цѣли изслѣдованія. Если мы желаемъ изучить существующія въ то или иное время общіе и массовые способы экономическаго поведенія, то, само собою разумѣется, индивидуальные случаи разрѣшенія экономическихъ задачъ теряютъ для насъ значеніе. Но когда мы изучаемъ историческій процессъ возникновенія извѣстныхъ типичныхъ формъ поведенія, вниманіе наше привлекается каждымъ индивидуально различнымъ способомъ поведенія и среди различныхъ индивидуальныхъ случаевъ мы намѣчаемъ и тотъ, повтореніе котораго приводитъ къ объективаціи, дѣлающей данный случай явленіемъ общественнымъ. Преобладающая же масса экономическихъ дѣйствій каждой данной эпохи состоитъ изъ формъ поведенія, уже ставшихъ соціальными. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соціальный характеръ ихъ состоитъ въ осуществленіи объективно-однообразныхъ формъ

поведенія, мы стараемся установить типъ этой формы поведенія и ищемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ единообразія. Такимъ образомъ поступаемъ мы, изучая соціально-экономическое явленіе обмѣна, раздѣленія труда, соперничества крупнаго и мелкаго производства. Но и здѣсь изученіе типичныхъ условій индивидуальной психики составляетъ существенную часть задачи, такъ какъ самая внѣшняя форма поведенія представляетъ собою лишь проекцію индивидуальныхъ случаевъ. Такъ, изучая явленіе денегъ, мы ясно видимъ, что примѣненіе ихъ въ современномъ хозяйствѣ представляетъ собою лишь конкретное осуществленіе въ каждомъ данномъ случаѣ извѣстной общей формы поведенія: каждый отдѣльный индивидъ обмѣниваетъ свои товары и услуги на деньги, потому что всѣ такъ дѣлаютъ, и всѣ такъ дѣлаютъ потому, что каждый такъ поступаетъ. Поведеніе по отношенію къ деньгамъ имѣетъ ясно выраженный характеръ субъективно общественнаго явленія. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ объективное существованіе извѣстной формы и нормы поведенія по отношенію къ деньгамъ есть не что иное, какъ объективація и проекція индивидуальнаго поведенія, то, чтобы понять сущность этой объективной формы, мы должны обратиться къ тѣмъ именно однообразнымъ индивидуальнымъ психическимъ процессамъ, которые, объективируясь и проицируясь, образовали собою формы и нормы поведенія, выражающіяся въ соціальномъ явленіи денегъ. Такъ мы и поступаемъ на самомъ дѣлѣ. Выяснивъ эти общія условія соотвѣтствующихъ психическихъ процессовъ, мы прибавляемъ къ нимъ изученіе тѣхъ условій, которыя заставили данныя индивидуальныя дѣйствія и состоянія проицироваться и объективироваться, т. е. тѣ условія, которыя вызываютъ однообразное повтореніе индивидуальныхъ дѣйствій и процессъ превращенія послѣднихъ въ индивидуальномъ сознаніи въ повтореніе общей формы поведенія или осуществленіе принудительной нормы поведенія. Бо́льшая часть экономическихъ явленій состоитъ однако изъ типичныхъ формъ поведенія, не обладающихъ нормативнымъ характеромъ и вытекающихъ изъ однообразнаго фактическаго поведенія индивидовъ, руководствующихся своимъ личнымъ интересомъ. Въ свою очередь, это однообразіе фактическаго поведенія вытекаетъ изъ однообразія природы индивидовъ и условій, въ которыя они поставлены. Поэтому въ боль-

шинствѣ случаевъ уразумѣніе и объясненіе общественныхъ формъ экономическаго поведенія сводится къ тому, чтобы вывести эти формы изъ цѣлесообразно-сознательной природы индивида, поставленнаго въ тѣ или другія внѣшнія условія. Послѣдующее подведеніе конкретнаго случая подъ общую форму поведенія возникаетъ уже естественно само собою вслѣдствіе многократнаго однообразнаго повторенія сходныхъ случаевъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ изученія экономическихъ явленій мы не выходимъ за предѣлы психическихъ процессовъ субъекта, вытекающихъ изъ соотношенія его съ внѣшнимъ міромъ. Это соотношеніе приводитъ къ образованію цѣнностей, которыя, съ одной стороны, влекутъ человѣка къ цѣлямъ, съ другой—выражаютъ собою тѣ причины, которыя вызываютъ тѣ или другія его дѣйствія. Въ частности, экономическія цѣнности опредѣляютъ собою все экономическое поведеніе человѣка и общества.

СПИСОКЪ АВТОРОВЪ.

(Списокъ цитируемыхъ сочиненій не печатается, а вмѣсто того въ спискѣ авторовъ жирнымъ шрифтомъ указаны страницы, на которыхъ можно найти заглавіе каждаго сочиненія. Нѣсколько жирныхъ цыфръ, относящихся къ одному автору, указываютъ на различныя сочиненія).

Авенаріусъ Р. **58**, 62.
Антоновичъ А. **1**, 86, 104.
Аристотель 318.
Базаровъ Р. **56**.
Богдановъ **88**.
Булгаковъ С. **1**, 109, **150**.
В. В. **365**.
Вольтманнъ **111**.
Вреденъ Э. **1**, 64.
Гротъ Н. **138**, **259**, 272.
Джемсъ У. **173**, 180.
Жидъ Ш. **7**.
Згурскій Н. **259**.
Зелинскій Ѳ. **352**.
Исаевъ **36**, 67, 69.
Ковалевскій М. **364**.
Левитскій **87**.
Лопатинъ Л. **140**.
Милль Дж. Ст. **5**, 6, 7, 10, 15, 16, 70, 71, 81, **102**.
Петражицкій Л. **22**.
Рикардо 318.
Симоненко 28, **35**, 69, 120.
Скворцовъ А **88**, 89.
Смитъ А. 318.
Столяровъ Н. **331**.
Струве П. **150**.
Толстой Л. **146**.
Туганъ-Барановскій **330**.
Ходскій Л. **117**—119.
Челпановъ Г. **140**.
Чижъ В. **259**.
Чупровъ А. **30**, 35, 50, 51, 67, 82, 84, 90.

Aristoteles **336**.
Auspitz u. Lieben **324**.
Avenarius R. **62**.

Barth P. **346**.
Bastiat 17, **18**.
Berardi D. **1**, 28, 30, 53, 75.
Bernoulli D. **319**—320, 321, 323.
Boas F. **300**, 304.
Bourdan **272**.
Boss C. **240**.
Brahn M. **288**.

Bücher C. **78**.
Busse L. **140**.

Cairnes J. E. **7**.
Cassel G. **336**.
Cauwès **8**, 13—14, 15, 87.
Cesca G. **258**, 264, 267.
Cherbuliez A. E. **1**.
Clark **6**, 15.
Conrad J. **28**, 29.

Davanzati **319**.
Delbrück B. **353**.
Diehl K. **112**.
Dietzel **31**, 128.
Dilthey W. **144**.
Döring A. **199**.
Dühring **50**.
Dumas J. **259**.
Dumont L. **258**, 264, 265, 266, 272, 278, 280.
Dupont de Nemours **341**.

Effertz O. **324**.
Ehrenfels Chr. **174**, 189, **191**, 192, 199, 213 и сл.
Eisler R. **164**, 189—191, 218—220.
Elsas A. **297**, 298, 301.
Ely **7**, 10, 15, 32, 87.
Erdmann B. **236**.
Eucken R. **346**.

Fechner'a законъ **296**, 297, 300, 325, 327.
Flügel O. **186**, **259**, 261.
Fischer Irving **79**.

Gans-Ludassy **26**, 27, 28, 40, 47, 48, 58, 59, 128.
Garnier M. J. **1**.
Gérard-Varet L. **353**.
Goldscheider 263, **276**, 277.
Gossen H. H. **323**.
Grabski St. 80, **89**, 110, 120—127, 357, 358.

Herbart J. Fr. **260**, 265, 273.
Hermann Fr. **33**, 34, 68, 69.
Herrmann E. **60**.
Hesse A. **346**.
Heymans G. **2**.
Hildebrand Br. 82, **342**.
Höffding H. **140**, 186, 258.
Höfler A. **140**, 186, 258, 274, 275.
Horwicz A. **186**, 259.

Irving Fischer **79**.

James W. **180**.
Jevons W. St. **324**, 335.
Jodl Fr. **186**, 236, 258, 262.

Keynes J. N. **1**, 7, 32, 81.
Kistiakowski Th. **346**, 358.
Kleinpeter H. **139**.
Knies K. **1**, 85, 101, 102, 127, 170, 342.
Koerber F. **239**.
Kraepelin **297**.
Kraus A. **259**, 261.
Kraus O. **54**, **297**, 322.
Kreibig J. Cl. **142**, 199.
Kries J. **234**, **298**, 299, 304.
Kröner E. **259**, 286.
Külpe Osw. **186**, **186**, **258**, 262, 263, 266, 285.

Lampertico **35**.
Lange C. **180**, 181, 184.
Lange L. **306**.
Laplace **322**.
Lasswitz K. **259**.
Launhardt W. **75**, 336.
Lazarus **343**.
Lehmann A. **180**, 259, 264, 266, 275, 276, 280, 281, 284, 286, 290, 291, 326.
Leroy-Beaulieu P. **32**, 56, 67, 78, 81.

Lieben см. Auspitz.
Lipps Th. **186**, 249, 256, 258, **259**, 274, 285.
Ludassy см. Gans-Ludassy.

Mach E. **62**.
Macleod **17**, **18**.
Macvane **6**, 7, 11.
Mangoldt **31**, 82.
Marshall A. **8**, 9, 10, 11, 38, 74, 75, 76, 89, 337.
Marshall H. R. **258**, 262, 267, 280.
Marx K. **75**, 105, 106, 108.
Masaryk Th. G. **106**, 108.
Marty A. **353**.
Meinong Al. **191**, 192, 199 и сл., **209**, **233**, 239, 241.
Menger C. **128**, **337**.
Merkel J. **297**.
Molinari **13**.
Montanari **319**.
Montegazza P. **259**, **259**, 284.
Münsterberg H **135**, **142**, 144, 150—161, 177, 181—183, **259**, 268 и сл., 304, 305.

Nahlowski J. **259**, 260, 261.
Natorp P. **175**.
Neumann Fr. J. **1**, **2**, 337.
Newcomb **29**, 81.
Nicholson J. **7**.

Offner M. **276**.
Oppenheimer Z. **259**, 263, 276, 277.

Pantaleoni **8**, 60, 79.
Patten N. **174**.
Paulsen Fr. **140**.
Perry **16**, 17, 19, 24, 25, 81.
Petzold J. **58**, **140**.
Pfänder Al. **175**.
Philippovich **83**, 90.
Pokorny J. **259**, 260.
Posnett **14**.
Post A. H. **363**, 364.
Prinsgeihm **319**.

Rehmke J. **259**.
Resl G. L. W. **259**.
Ribot Th. **181**, 259, 264, 265, 278, 287, 288.
Rickert H. **140**.
Roscher W. (102), **127**, 170.
Rüdiger **94**.

Sax E. **50**.
Schäffle A. 33, **34**, 57, **68**, **68**, **89**—90, 110, 347, 348.
Scheel H. **83**.
Schmoller G. **84**, **90**, 127.
Schneider G. N. **259**, 270—272.
Schönberg G. **31**, 32, 83, 90.
Schor A. **331**.
Schröder **29**, 67, 90.
Schuppe W. **256**, **314**, 358.
Sergi G. **172**, 258, 262, 267, 289.
Sigwart **40**, **40**, 161, 176, 225.
Simmel G. **183**, 239.
Spann O. **359**.
Spencer H. **259**, **259**, 270, 346.
Stallo J. B. **139**.
Stammler R. **1**, 91, 92, 112, 114, 115, 128, 144—150, 348 и сл. 358.
Storch **120**.
Stumpf **298**.
Supino C. **1**, 31, 37, 67, 81, 83, 116.
Swedenborg **347**.

Tarde G. **54**, 75, **362**.
Turić G. **176**.

Wagner A. 4, **36**, 37, 58, 65, 67, 83.
Walras L. **7**.
Weber'a законъ **296**, 300.
Wieser Fr. **335**.
Windelbandt **40**.
Witasec St. **199**.
Woltmann **105**, 111.
Wundt W. **102**, **140**, **172**, **172**, **175**, 177, 258, 259, 261, 262, 266, 286, 287, **345**, **352**, 357.

Ziegler Th. **259**, 284.